K 99 02/26.

К99 26
К99 02 26

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ — ТОМ II

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА РСФСР

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке

СБОРНИК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Я. П. АЛЬКОРА и А. К. ДРЕЗЕНА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ С. Б. ОКУНЯ

1018/2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАД 1935

The Research Association of the Institute of the Peoples of the North
under the Central Executive Committee of USSR
TRANSACTIONS TO HISTORY — Vol. II

The Central Historycal Archive of RSFSR—The Leningrad Section

THE COLONIAL POLICY OF THE CZARISM AT THE KAMCHATKA AND CHUKCHEE PENINSULA IN THE XVIII CENTURY

ARCHIVE MATERIALS

Compiled and Prefaced by S. B. OKUN
Editors J. P. Alkor & A. K. Drezen

Leningrad 1935

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 12022
17 IV 1936

Ответствен. редактор Я. Кошкин
Техн. редактор Д. Кологриви
Сдана в производство 13.IX.1934. Подписана к печати 15.I.1935. Кол. тип. зн. в 1 л. 95.440. Стат.-ф. 72×110. Авт. л. 21¼. Бум. л. 7. Тираж 2000 экз. Ленгорлит № 2665. Зак. № 1746.
Типография „Коминтерн" и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1.

I

Дата появления русских на Камчатке одновременно является и датой введения государевой монополии на соболиную торговлю.

В начале 1697 г. шестьдесят служилых и „промышленных" людей во главе с пятидесятником Владимиром Атласовым отправились из Анадырска, а в июле месяце того же года они громили первые камчадальские „юрты" в низовьях реки Камчатки.

В том же 1697 г. и до того всячески стесняемая торговля соболями (уже в начале XVII в. в некоторых местах служилым и торговым людям воспрещалось покупать „лутчие и середние соболи") была окончательно монополизирована правительством.

Это были два следствия одной и той же причины.

Страна была охвачена кризисом, и правительство делало судорожные усилия для его ликвидации. Проводившийся вследствие этого усиленный выпуск серебряной монеты, помимо увеличения налогов внутри страны, заставлял в первую очередь максимально использовать все экспортные возможности и в особенности торговлю пушниной.

Сибирские меха были своеобразной золотой валютой. Они широко вывозились как на европейские, так и азиатские рынки, и первое место среди них занимали сибирские соболя, которые, как отмечает одна из торговых книг XVII в., „по всем землям в цене"[1].

В „Известиях о торгах сибирских" [2] особенно подчеркивается колоссальное значение для соболиной торговли с одной стороны китайских и турецких рынков, а с другой широкие возможности, которые имелись и на рынке внутреннем.

„Все соболи разделяются в сибирском торгу на две части. Одна отвозится в Россию, а именно самые хорошие паренные соболи (т. е. подобранные по паре—*С. О.*), или и непаренные высокой цены (т. е. такие, которые благодаря высоким качествам оказались без пары—*С. О.*). Другая часть есть для Китая, и содержит плохих соболей... В России знатные особы издавна к хорошим соболям привыкли. Они знают им цену и не жалеют за добрый товар платить большие деньги. Сверх того добрыми соболями отправляется прибыльный торг из России в турецкую землю, которой по большей части производится греками... недособоли отпускаются как в Китай, так и в Россию, турки и греки их весьма любят, также и соболей пупки в обе стороны охотно покупаются, а на хвосты больше поход есть в России" [3].

Но соболиной казне принадлежало видное место не только в экономической жизни страны. Даже при беглом просмотре распределения государственного прихода и расхода первых лет XVIII в. можно видеть, что

---

[1] Временник Моск. общ. ист. и древн. росс., 1850 г., т. VIII, стр. 5.
[2] Ежемесячные сочинения за 1756 г.
[3] Ежемесячные сочинения за 1756 г., март, стр. 200—201.

соболя одинаково хорошо служили как задачам колоссального обогащения, так и целям подкупа.

„В Польшу литовским войскам против шведа 155 980 р., им же соболей на 6 867", „Польскому королю соболей и камок 13 526", „Радзивиллу за его службу соболями 554", „Мазепе и старшинам за военный поход соболей 3000" и т. д. и т. п.

Но уже с XVI в. количество добываемых мехов благодаря хищническому уничтожению зверя начинает падать, а цены на мировом рынке одновременно с этим резко возрастают.

„Прежде,—пишет епископ Паоло Джовио (Павел Иовий Новокомский),— продавали их (русские меха—*С. О.*) гораздо дешевле, ибо жители отдаленного севера, незнакомые еще тогда с нашею утонченною образованностью и безмерною роскошью, по простоте своей нередко меняли их на самые и дешевые и маловажные вещи"[1].

Но те блаженные места, где, по свидетельству того же Джовио, еще совсем недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть в отверстие топора, куда влагается топорище, или, как сообщает Миллер, где медный или железный котел продавали лишь с условием доверху наполнить его соболями, оказались опустошенными.

„Меха до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоит не менее тысячи золотых монет"[2], и в ряде наказов, в частности в наказе Петра от 1 сентября 1697 г. ближнему боярину Черкасскому, направляемому в Тобольск, предписывается всячески форсировать открытие „новых землиц" и категорически воспрещается взамен „мяхкой рухляди" взимать ясак деньгами.

Так, кризис и то обстоятельство, что соболиная ясачная казна „учала перед прошлыми годами гораздо малится... а в то же время у торговых людей в покупке и в отвозе в русские города явились многие соболи", заставили „первого купца в своем государстве" окончательно монополизировать всю соболиную торговлю, и эта же причина заставила „проведать" тот край, где „соболей невероятное множество" и где коренное население „при покорении своем за ясак соболиный не только не спорили, но напротив того весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей" [3].

Именно под этим углом зрения Атласов в поданной им „скаске" и освещает свой камчатский поход. Пришли к Пенжинской губе, столкнулись с „пешими коряками", и первым делом Атласов отмечает: „а соболей де у них в устье реки Пенжины нет". Пришли к „люторским острогам"—и опять в первую очередь о соболях: „соболи де от них по горам недалече белые, а соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают". Наконец пришли на Камчатку реку, и здесь уже с удовлетворением может Атласов отметить, что „соболи де и лисицы у них в земле есть много" [4].

Описывая завоевание Камчатки, как дворянские, так и буржуазные историки в первую очередь резко противопоставляют частную колонизацию колонизации государственной. Выяснение того, кто из них и по каким причинам отдает предпочтение тому или иному виду колонизации, является задачей дальнейшего изложения, здесь же следует лишь отметить, что все они сходятся на том, что частная инициатива безусловно предшествует государственной и что камчатский поход Атласова есть результат его личной предприимчивости. „Мысль о камчатском походе принадлежала именно Атласову, — пишет Оглоблин. — Материальная сторона задуманной Атласовым

---

[1] П. И. Новокомский, „Посольство от Василия Ивановича, вел. кн. Московского, к папе Клименту VII". Библ. иностр. писателей о России, т. I, СПБ. 1836, стр. 40 — 41.

[2] Там же.

[3] Крашенинников, „Описание земли Камчатки", СПБ. 1755 г., т. I, стр. 215.

[4] „Две сказки Атласова", Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1891 г., кн. 3, стр. 6—7.

экспедиции главною своею тяжестью и риском легла также на его личную ответственность“ [1].

И все это, конечно, по мнению Оглоблина, делалось исключительно для государственного блага, без всякой личной корысти, с именем государевым на устах для того, чтобы под царскую высокодержавную руку привести инородцев в ясачный платеж.

Однако на ряду с этим уже и сам Оглоблин должен признать, что у участников похода „оружие... было государево“, что именно правительство „дало Атласову служилых людей“ [2].

Где же кончается частная инициатива, или, как ее называют буржуазные историки, „народная колонизация“, и где начинается колонизация государственная?

Одно без другого в данном случае было немыслимо, и в захвате Камчатки одинаково были заинтересованы как великорусский феодал, так и великорусский купец. Без служилых людей, без пищалей, без свинца, без пороха, т. е. без помощи государства, торговым людям справиться даже с камчадалами, конечно, было не под силу.

Здесь частная инициатива шла рука об руку с государственной, и за это кесарю воздавалось кесарево, а что свыше того, являлось „предпринимательской прибылью“. Как пишет Словцов, „толпы мужественных, хотя и необразованных соотчичей, случайно побеждаемых, но в душе непобедимых“, всегда шли вперед „с неизменным безотчетным словом“ „ясак царю“. О, это слово, жестокое в ушах иноплеменников, есть всемогущее слово духа сильного, обрекшегося на служение отечеству и престолу“ [3].

Да, ясак действительно шел царю [4], зато „сверхъясаком“ („чащинами“, „беляком“ и пр.) пользовались приказчики, торговые люди, пищики и др.

Отдаленность Камчатки и труднопроходимость дорог не давали возможности правительству сразу же сконцентрировать ее эксплоатацию полностью в своих руках. Это видно хотя бы из того, что в то время, как соболей в ясачную казну в 1713 г. было собрано 60 сороков и 14 соболей, в 1714 — 67 сороков и 22 соболя, в 1715 — 67 сороков и 19 соболей, у одного только приказчика Петриловского было собственных соболей „сороков с 20 и более“, а у Ивана Козыревского — 30 сороков и 20 соболей (следует иметь в виду, что ясак в этот период на Камчатке взимался преимущественно лишь с камчадалов).

Остановимся вкратце на путях сообщения с Камчаткой, и тогда станет вполне очевидным, что проблема окончательной ее колонизации упиралась в нахождение новых путей сообщения и в частности в вопрос замены длительного и трудного сухопутного пути путем водным.

В. Атласов, отправившийся в 1697 г. из Анадырска в глубь Камчатки, перевалил хребет и, идя по западному берегу полуострова, дошел до реки Озерной. Затем, вернувшись назад до реки Ичи, перевалил вновь хребет и спустился на реку Камчатку. Эта дорога по западному берегу полуострова была единственным путем, соединявшим отдаленную Камчатку со всей страной; кроме того, следует иметь в виду, что центром как административным, так и хозяйственным был не Анадырск, откуда шел Атласов, а Якутск, и, таким образом, дорога во много раз была еще труднее и продолжительнее.

От Якутска шли к северу по реке Яне приблизительно до нынешнего Верхоянска, затем по реке Индигирке на Колыму к Средне-Колымскому

---

[1] Н. Оглоблин, „Новые данные о Вл. Атласове“. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1888 г. кн. I, стр. 6 — 7.

[2] Там же.

[3] П. Словцов, „Историческое обозрение Сибири“, СПБ. 1886, стр. 87.

[4] По возвращении с первого камчатского похода Атласов вскоре с ясачной казной отправляется в Москву, где награждается Петром званием казачьего головы и деньгами.

зимовью. Отсюда на Нижне-Колымск, затем по рр. Анюю, Анадырю до Анадырского острога, а затем по западному берегу Камчатского полуострова. Таким образом, на проезд от Якутска до Анадырска требовалось около полугода, да столько же требовалось для проезда на Камчатку. Весь путь совершался в течение года, причем в большинстве случаев дорога шла по местности, населенной непокоренными народами.

Все это ставит особенно остро вопрос о нахождении морского пути на Камчатку. Первые подобные попытки были сделаны уже в 1712 г.

В 1714 г. последовал специальный указ Петра об отыскании морского пути. Датой же его открытия следует считать 1714—1716 гг., когда команда казаков переплыла Охотское море и прибыла к западному берегу Камчатки, к устью реки Тигиля. Затем вдоль берега она дошла до реки Крутогоровой и вошла в устье реки Колпаковой.

С этого же времени осваивается путь от Якутска до Охотска по течениям рек Лены, Алдана и Юдомы. В 1717 г. одна из партий обогнула полуостров, и таким образом Нижнекамчатск был связан более коротким и безопасным путем с Якутском.

Однако, несмотря на значительные доходы, выколачиваемые с Камчатки, она все же в общей цепи „расширения вширь“ российского торгового капитала на Дальнем Востоке была лишь небольшим полустанком.

Помыслы русской феодальной империи далеко опережали ее реальные захваты. С одной стороны „возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический строй, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная „эксплуатация инородцев“ [1], с другой же стороны эта политика военно-феодального грабежа колоний расширяла для торгового капитала размеры территории, находящейся в его монопольном обладании, и тем самым увеличивала его прибыль.

И на Камчатке дороги разветвлялись.

С одной стороны цепочка Курильских островов вела к Японии, с другой цепочка Алеутских — к Америке.

На эти два пункта и были устремлены в этот период все помыслы и действия российской империи на Востоке.

Уже в 1713 г., через каких-либо пятнадцать лет после появления русских на Камчатке, якутский воевода поручил Козыревскому проведать о Камчатском носе, о находящихся близ Камчатки островах и об Японии: „какими путями в сию землю проезд, какое там в употреблении оружие; могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири“ [2].

Две задачи, стоявшие перед российским торговым капиталом — проникновение в Японию и Америку, четко формулированы и в предложениях капитана Беринга, датированных апрелем 1730 г. „Не без пользы было б, — пишет Беринг, — чтобы охотской или камчатской водяные проходы до устья реки Амур и далее до Японских островов выведать: понеже надежду имеем, что тамо нарочитые места можно находить. И с теми некоторые торги установить, также ежели возможность допустит и с японцами торг завесть, чтоб не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться“ [3]. И дальше: „признаваю, что Америка или иные между оной лежащие земли не очень далеко от Камчатки... и буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи [4].

Как же однако русские использовали завоевание Камчатки?

---

[1] Ленин, Соч. т. XVIII, стр. 199.
[2] Г. С., „Монах И. Козыревский“, Сибирский Вестник, 1823, ч. II, стр. 29.
[3] „Первое морское путешествие россиян“. СПБ. 1823, стр. 106.
[4] Там же, стр. 105.

Во введении „К критике политической экономии“ Маркс подчеркивает, что „при всех завоеваниях возможен троякий исход. Народ завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (напр., англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии), или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (напр., турки и римляне), или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)“ [1].

Русские на Камчатке, во всяком случае в первый период своего пребывания там, не нарушая резко старого способа производства, ограничивались лишь сбором ясака, ибо и способ грабежа — как указывает Маркс — опять-таки определялся способом производства. Например, „нация с развитой биржевой спекуляцией не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ“ [2].

Камчатка, в этом отношении отличается от ряда колоний России, так как для большинства русских колоний характерен первый исход — насильственное навязывание колонизаторами своего способа производства.

Однако, когда мы говорим об исходе завоевания, то, естественно, что решающим моментом для его определения служит не только наличие взимания ясака. С ясаком до определенного момента мы сталкиваемся в восточных колониях России почти повсеместно. При анализе же следует исходить из „ведущего“ способа эксплоатации. Что касается Камчатки, то этот способ эксплоатации остается неизменным почти до середины XVIII века.

Торговых взаимоотношений на первом этапе колонизации между русскими пришельцами и коренным населением мы почти не наблюдаем, так как не было необходимости давать что-либо взамен того, что может быть получено посредством применения „непосредственной силы“, в чем, по Марксу, и заключается „существенный момент“ так называемого „первоначального накопления“.

„А ежели и впредь будут такие поборы изличина,— говорил в своей „скаске“ один из камчадальских тоенов Начика,— то нам притти будет в всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут парками и кукляпками и собольными собаками. И что у нас имеется, то все берут, вместо чащин“ [3].

На Камчатке, как и во всей Сибири, сразу же после прихода русских насаждается домашнее рабство. Откуда брались рабы? „730 году,— читаем мы в показаниях Федора Харчина, одного из руководителей восстания камчадалов,— комиссар Иван Новгородов посылал ко мне на Еловку за сбором ясашным брата своего Матвея, и брал он с меня за сродников моих двойной ясак да сверх оного ясаку себе брал по три голов с человека за чащину соболями или лисицами, а у кого взять нечего и лопотью, мужеским и женским полом“ [4].

Взятые в рабство „ясашные люди“ и захваченные пленники не только обращались в холопство здесь же на месте, но вывозились и продавались далеко за пределами Камчатки, в частности в Якутске, этом центре российской работорговли. „И у многих побрали жен и детей,— читаем мы в сенатском указе,— и так уже набрали много, что в Якуцку мало таких казаков есть, у кого б ясашных людей в холопях не было, и к тому же многое число продают разного чина людем, которые развозят по иным городам“ [5].

По переписи 1724 г. „за выключением действительно служащих разных чинов людей в подушном окладе“ в Верхнекамчатском остроге числи-

[1] Маркс, Соч. т. XII, ч. I, стр. 187.
[2] Маркс, Соч. т. XII, ч. I, стр. 188.
[3] Экспед. Беринга, д. № 3, л. 140.
[4] Экспед. Беринга, д. № 5, лл. 556—559.
[5] Именные указы за 1733 г., д. № 38, л. 296.

лось „разночинцев“ 27, а у них „холопов“ 101, в Большерецком — „разночинцев“ 34 и у них „холопов“ 108 и в Анадырском — „разночинцев“ 6 и „холопов“ у них 17 [1].

При изучении корней и размеров рабства в Сибири и на Камчатке мы сразу же сталкиваемся с необходимостью изучения вопроса о распространении христианства и политики самодержавия по отношению к крещению туземцев.

Это обстоятельство определяется существовавшим вначале „вне закона“, а затем и узаконенным положением, по которому всякий крещеный туземец, будь он пленным, захваченным в бою или „добровольно воспылавшим“ любовью к христианству, попадал в кабалу или к своему крестному отцу, если был окрещен лицом, никакого отношения к духовному званию не имевшим, или к миссии, если был окрещен представителем церкви. Именно крещение в этих отдаленных районах и являлось наилучшим видом „крепости“, дававшим колонизатору не только фактические, но и юридические права над личностью туземца.

Истинная подоплека ревностного отношения казаков и промышленников к крещению туземцев являлась столь очевидной, что ее даже не скрывали такие исследователи, которые по роду своей деятельности предпочитают о таких вещах особенно не распространяться.

В. Дегтярев, студент Петербургской духовной академии, в своей диссертации, написанной в 1904 г., открыто заявляет, что „заняться обращением инородцев казаки и промышленники могли бы только в том случае, если бы были в этом заинтересованы материально. И мы видим, что в Сибири, продолжает он, и потом на островах Великого океана они действительно, не редко крестили их по соображениям экономическим „в неволю“ (цитирую по рукописи, хранящейся в антирелигиозном отд. Госуд. публичной библиотеки).

Историков, занимавшихся изучением рабства в Сибири, обычно ставила в тупик неустойчивая, на первый взгляд, позиция, занимаемая в этом вопросе правительством. В цитированном выше наказе Петра от 1 сентября 1697 г. ближнему боярину Черкасскому предписывается: „а к себе им ближним боярину и воеводам и дьякам никаких ясачных людей иноземцев не имати и ни у кого не покупати и служилым и всяким людям крестить не велети“. В высочайшем указе Анны Иоанновны от 31 мая 1733 г. после сообщения о том, что „в отдаленных наших владениях в Якутском ведомстве и на Камчатке как от воевод, так и от ясашных сборщиков чинится ясачным подданным нашим от взяток многое разорение, наипаче же приметками своими жен и детей отнимают и развозя продают“, — предлагается: „которые из этих ясачных невольно побраны и распроданы, из тех, кои не приняли веры христианской и не крещены, отпускать на прежние места“.

Эти два указа, отделенные друг от друга тридцатью шестью годами, по существу вытекают один из другого. В первом запрещается насильственное крещение и торговля туземцами, во втором предписывается всех находящихся в рабстве и до сего времени не крещенных туземцев отпустить на свободу.

Но уже через четыре года та же Анна разрешает калмыков и других туземцев „покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, одною запискою в губернских и воеводских канцеляриях“ (указ от 16 ноября 1737 г.).

В 1757 г. мы имеем еще один указ, также резко противоположный двум приведенным выше. „Привозимых киргизами разных наций, — гласит указ от 9 января 1757 г., — всякого звания людям по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных людей иметь велено, покупать и на товары выменивать, а потом и крестить не только воспрещать не подлежит

[1] Канц. Синода 1730 г., д. № 188/504, л. 17—18.

но еще приохочивать к тому надобно, для того, дабы лучше старание было из магометан и идолопоклонников приводить в православный христианский закон". В 1764 г. татар и „других из азиатского народа", на которых имеются „для владения выписи", предлагается „оставить во владении за их владельцами попрежнему".

Что же это, резкий и решительный поворот правительственной политики в данном вопросе, поворот, впрочем, имевший свои прецеденты и раньше? (Еще уложение Алексея Михайловича в отмену указа 1624 г. разрешало „татар и татарченков в Астрахани и Сибири покупати всяким людям по-прежнему", — см. улож. XX, § 117).

С. Шашкова, одного из наиболее серьезных исследователей рабства в Сибири, такое „непостоянство" правительства по существу завело в тупик.

За исходный момент при анализе законодательства по вопросам рабства в Сибири Шашков берет следующее умозаключение: „если законодательная власть не имеет сил преодолеть враждебных элементов общественной жизни, то последние рано или поздно возьмут перевес над законодательством и заставят его плясать под свою дудку".

Первым шагом к законодательной санкции существовавшего рабства Шашков считает цитированный выше параграф уложения Алексея Михайловича. Далее наступает период борьбы правительства с введением рабства. Однако, хотя Петр и Анна и вооружались в XVIII в. против рабства, все же они не смогли противостоять давлению с мест, и та же Анна, которая издала указ 1733 г., в 1737 г. издает другой, резко противоположный предыдущему. А далее, побежденное „враждебными элементами" правительство в середине XVIII века полностью санкционировало рабство в Сибири.

Таков в общих чертах вывод, который напрашивается при изучении работы Шашкова „Рабство в Сибири". И хотя на ряду с этим Шашков подчеркивает, что рабство „вполне гармонировало с экономическими условиями и событиями тогдашней Сибири", эта мысль остается у него неразвернутой.

Однако дело здесь, конечно, не в борьбе Петра и Анны с рабством. И если мы будем при изучении этого вопроса исходить из цитированного выше Марксова положения о трех возможных исходах всякого завоевания, то вся „зигзагообразность" царского законодательства в вопросах рабства и крещения туземцев приобретет необычайную четкость и прямолинейность. Для большинства российских колоний характерен, как мы уже отмечали, первый исход — насильственное навязывание колонизаторами своего способа производства.

Что требовалось для феодально-крепостнической эксплоатации колоний? С одной стороны — наличие земельных фондов, с другой — наличие находящихся под внеэкономическим принуждением рабочих рук.

И в процессе подготовки необходимых предпосылок для феодально-крепостной эксплоатации церкви принадлежит почетное место.

В районах с кочевым населением насильственная христианизация помогала необходимому для феодальной эксплоатации осаждению населения. Процесс осаждания, в свою очередь, расширял возможности для земельной экспроприации. В районах с развитой туземной верхушкой христианизация давала возможность „освобождать" ее от закабаленных туземцев, ибо по закону „иноверец" не мог держать в зависимости своих крещеных сородичей. Наконец, крещение, как уже отмечалось выше, давало своеобразную гарантию того, что туземец останется юридически закрепленным за своим хозяином, которому до сего времени принадлежали права фактические, но не юридические.

Совсем по-иному обстояло дело в тех колониях, где самодержавие интересовало не аграрное завоевание, не вовлечение в сферу феодальной эксплоатации большего числа туземцев, а где оно в первую очередь интересовалось пушным богатством края и прямым ограблением населения.

В этом случае крещение и связанный с этим выход туземцев из ясачного положения по существу били по карману казны. Несмотря на то, что по выходе крещеного из ясачного „сословия“ полагающийся с него ясак должны были вносить „родовичи“, при существовавших размерах ясака, на практике это приводило лишь к все возраставшим недоимкам.

Крещение вело к тому, что ясачная казна „малилась“, и естественно, что правительство, когда речь шла о подобных колониях, должно было выступать против усиленной христианизации, что по отношению к Камчатке видно хотя бы из указа 1733 г. Анны Иоанновны.

Для иллюстрации того положения, что политикой Петра руководило не желание бороться с рабством и насильственным крещением, как это думает Шашков, и что указ 1697 г. имел в виду те колонии, где основой эксплоатации являлся ясак, а не аграрная экспроприация, можно привести и другие законодательные распоряжения Петра.

В 1714 г. этот принципиальный „противник насильственного крещения“ в указе сибирскому митрополиту Федору предписывает уничтожить кумиры и кумирницы у вогуличей, остяков и татар, „а их вогуличев, и остяков и татар и всех иноземцев божию помощию и своими труды приводить в христианскую веру“. А в 1720 г. этот принципиальный „противник рабства“ в инструкции астраханскому губернатору пишет: „а кто из тех народов (речь идет о калмыках и татарах — *С. О.*) похочет продавать людей добровольно и у тех покупать с запискою, позволять, а без записок отнюдь того не чинить“.

Указ 1733 г. Анны Иоанновны касается исключительно Камчатки, т. е. такого района, где важнейшей задачей самодержавия было выкачивание ясака.

Некрещеных предписывалось „отпустить в прежние места“, а крещеным давалось „свободное житье в городах и уездах между христианами собою и у кого хотят“. Кроме того, указ этот являлся вынужденным ответом правительства на восстание камчадалов 1731 г., охватившее всю центральную часть полуострова, а затем перебросившееся и к корякам.

Таким образом, мы видим, что все „отступления“, которые наблюдаются в правительственной политике по вопросам рабства и насильственного крещения, касаются исключительно колоний, где характерен второй „исход“ завоевания, т. е. тех колоний, где и рабство и насильственное крещение были менее всего применимы, ибо грабить выгоднее некрещеных, а крещеных выгоднее эксплоатировать.

Но уже во второй половине 40-х годов XVIII в. миссия Иосафа Хотунцевского в основном окрестила почти всех камчадалов. Это обстоятельство было обусловлено с одной стороны тем положением, что к этим годам камчатский ясак не имел уже большего значения, так как число ясачных уже было невелико, с другой же стороны крещение камчадалов совпадает с проектом того же Хотунцевского, предлагавшего построить при Нижнекамчатском остроге монастырь, перевести туда находившихся в Охотске тридцать семейств „пашенных мужиков“, приписать два острожка камчадалов, находившихся вблизи предполагаемого монастыря, и помимо этого приписать к монастырю всех камчадалов, переведенных в подушной оклад, т. е. окрещенных.

Именно поголовное насильственное крещение камчадалов, шедшее в разрез с указом 1733 г., имело своей основой стремление обеспечить рабочими руками предполагаемое к заведению монастырское хозяйство. Но проект этот проведен в жизнь не был.

Раб не имел производственного применения и употреблялся преимущественно для целей личного обслуживания и это вполне естественно, ибо,

как говорит Маркс, для применения рабского труда „должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства“ [1].

Результаты российской колонизации сказались весьма скоро. По подсчетам, приведенным в сказке Атласова, в конце XVII века „камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах, живет людей человек по 200 и по 150“ [2]. На основе этих данных Л. С. Берг [3] приходит к выводу, что камчадалов в низовьях Камчатки жило в это время около 25 000. С. Патканов [4] на основе данных Крашенинникова, для 1741 г. считает число камчадалов равным 12 — 13 тысячам душ. А в 1897 г. по официальным данным камчадалов насчитывалось лишь около 4 000 душ. Эти данные безусловно не вполне безукоризненны, но все же они показывают темп вымирания камчадалов, которым первым из народов Камчатки пришлось во всей широте познакомиться с благами „культуры“.

Достовернее можно проследить этот „темп“ на более коротком промежутке времени, отделяющем четвертую ревизию от третьей.

В течение двадцати лет, отделяющих одну ревизию от другой (третья — 1761 — 1767, четвертая — 1781 — 1787), число ясачных камчадалов в Нижнекамчатском округе уменьшилось от занесенной русскими эпидемии оспы больше чем в два раза.

По третьей переписи числилось ясачных 2219, а по четвертой—всего лишь 981.

Европейская „культура“ предстала перед камчадалами во всем ее блеске еще в период походов Атласова, а лазоревый бисер и сифилис были первыми ее благами.

Отправляясь во второй поход на Камчатку, Атласов взял с собою „на подарки камчатским инородцам пуд бисеру лозоревого“. А вместе с бисером прибыли и „французская“ болезнь, называемая на Камчатке „русской“, о которой „сказывают камчадалы, что она появилась у них по прибытии русских людей“ (Крашенинников).

В XIX в. правительство неоднократно поднимало вопрос о необходимости приобщить камчадалов к сонму „культурных народов“ и приучить их, взамен истребленных пушного и рыбного промыслов, к земледелию. Камчатский губернатор Завойко устраивал опытные поля и временами открывал хлебные магазины. Но количество населения беспрерывно уменьшалось.

„Казенные хлебные магазины,—писал исследователь Сибири Н. М. Ядринцев, — создали наживу для вахтеров, обогащавшихся продажею хлеба инородцам по произвольной цене; та же торговля в руках торговцев приносила неменьшие злоупотребления. В том и другом случае результаты явились плачевные“.

Это обстоятельство подтверждает и другой исследователь быта инородцев Сибири — С. С. Шашков. „Резче всего бросается в глаза тот факт,—пишет он,—что снабжение хлебом и казенным порохом инородцев не только не подняло их быта, но, создав новые привычки, в конце сделало их положение безысходным“.

II

Колонизация Камчатки русскими — это столетие ожесточеннейшей борьбы с коренным населением, это победа феодальной империи над первобытно-коммунистическими отношениями, это победа европейского ружья над первобытным луком.

[1] Маркс, Соч. т. XII, ч. I, стр. 188.
[2] „Две сказки Атласова“. Чтение Общ. ист. и древн. росс., 1891 г., кн. III, стр. 16.
[3] Л. С. Берг, „Открытие Камчатки и камчатские экспед. Беринга“. ГИЗ.М.—П. 1924, стр. 10.
[4] Патканов С. „О приросте инородческого населения Сибири“. СПБ. 1911, стр. 104.

„Опустошение и обезлюдение следовало за ними (колонизаторами — *С. О.*) везде, куда только ни ступала их нога" (Маркс). Что мы знаем о многочисленном прежде племени анаулов, встреченном у Анадыря Дежневым? От него не осталось никаких следов. За „непокорность" анаулы были истреблены вовсе. И такое истребление „немирных" народов — не единичный случай, это была система „утренней зари капиталистической эры производства".

„1742 года февраля 3 дня в заседании правительствующего сената докладывано... во искоренении ж оных немирных чюкч поступать по мнению объявленному в... доношении статского советника Ланга, а именно на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе" [1].

Это о чукчах. А несколько позже то же самое и о коряках.

„И посланным в Охоцкую канцелярию указом велено для представленных от той Охоцкой канцелярии резонов, призвав всемогущего бога на помощь, всех изменников коряк военною оружейною рукою побить и вовсе без всякого милосердия искоренить" [2].

И факт за фактом пред нами развертывается столь гениально запечатленная Марксом в главе о первоначальном накоплении система „предательств, подкупов, убийств и подлостей".

„А всех поголовно мужеска и женска полу, малых и больших... побито ста с два человек и больше и при том взято в плен малых мужеска полу пять, больших женок семь, итого двенадцать". Это из доношения начальника экспедиции 1751 г. против коряк капитана Шатилова в иркутскую канцелярию. Перечислив как свои заслуги, так и заслуги своих подчиненных, Шатилов в заключение пишет: „и того ради... покорнейше прошу и представляю, ежели за благо изволит принять за предъявленною и весьма радетельною мою в показанном походе службу представить в правительствующий сенат, чтоб меня наградить рангом" [3].

И так из года в год и в предыдущем походе так же, как и в последующем: „15 числа взял коряк три семьи да одну семью вызвал на выласку, итого четыре семьи, из которой де мужеской пол всех прикололи, токмо де из них одного человека удержали ради языку, при том де взято ими в плен из женска полу четыре бабы, да малолетних мужеска полу одиннадцать, итого пятнадцать человек".

Это уже о походе каптенармуса Байбородина в 1753 г. против тех же коряк. Не менее красочный факт из того же похода. Группа коряк, спасаясь бегством от русских, пристала на байдаре к одному утесу и, поднявшись на приготовленных заранее ремнях в имевшуюся в том утесе щель, убрала за собою ремни. Место для отсидки было весьма удобным, так как щель в утесе была на расстоянии десяти саженей от земли и сорока саженей от его вершины. Кроме того, вход был заложен приготовленным лесом.

Тогда Байбородин распорядился „утвердить сверху утеса ремни, и по тем де ремням от земли поднят был один казак и два человека из портовщиков коряк и подаваемы были им травяные снопы, обливая нерпичьим жиром, чтоб крепко от того жиру горели, и зажгли у той щели вход.... и убили де из тех изменников в той щели одного человека, а остальных всех сожгли, которых де воров трупы ради опознания вытаскивали" [4].

Эти факты, рисующие методы российской колонизации, одновременно говорят и о том решительном сопротивлении, которое встретили русские на Камчатке. Документальный материал развертывает бесконечную цепь

---

[1] Фонд Сената, 1 департ., д. № 71, л. 543.
[2] Фонд Сената, 1 департ., д. № 750, лл. 584 — 587.
[3] Фонд Сената, 1 департ., д. № 1552, лл. 345 — 352.
[4] Фонд Сената, 1 департ., д. № 750, лл. 633 — 638.

крупных и мелких восстаний среди камчадалов и коряков, ряд продолжительных и кратких походов против чукчей.

Камчадальские восстания 1707 и 1731 гг., корякские 1745 — 49, 1751 — 54 гг., походы 1744 — 1747 гг. против чукчей — все это превращало Камчатку в действующий вулкан, на котором русские долгое время не чувствовали себя спокойно.

Методами же физического уничтожения восставших русские пытались удержать в подчинении остальных. В этом коренится весь смысл русской карательной политики, ибо „от такого военного страху и другие ясашные и неясашные народы от бунту и измены иметь будут воздержание и от время до время верноподанными быть".

Иначе как войною, длившейся почти столетие, не может быть названа и та борьба с русскими, происходившая на Камчатке, которую после каждого восстания надо было завоевывать почти заново.

Сопротивление туземцев становилось упорнее, и ружье — преимущество русских — порою пасовало перед количественным превосходством и прекрасным знанием местности — преимуществами коренного населения. Туземцы быстро научались не только прекрасно владеть огнестрельным оружием, но и не плохо от него обороняться.

Это положение особенно рельефно можно проследить на чукчах, которые оказали русским наиболее сильное сопротивление.

В одном из первых открытых столкновений русских с чукчами, во время похода сотника Нижегородова в „чукотскую землицу", в 1731 г., из семисот человек чукчей убито было около четырехсот пятидесяти, в плен взято сто пятьдесят и лишь стам удалось спастись. Русских же в этом столкновении было убито лишь двое и легко ранено семьдесят человек [1].

А уже в 1747 г. у устья реки Орловой чукчи нанесли отряду майора Павлуцкого такое поражение, что из Сибирского приказа было велено произвести точное расследование происшедшего и все материалы приказано было отправить в Москву, так как местные власти подозревались в сокрытии истинных размеров поражения и обвинялись в том, что „о побитии означенными немирными чюкчами с реченным маэором Павлуцким может писано отсюда якобы необстоятельно, об уроне в людех с репортом партии сотника Ивана Отласова не сходственно" [2].

Узнав на собственном кровавом опыте свойство кремневого ружья, чукчи в этой битве, после первого залпа русских, не дав им перезарядить ружья, бросились на них в рукопашную, обратили их в бегство и нанесли тяжелый урон. Тогда же был убит и начальник партии майор Павлуцкий.

Захватывая огнестрельное оружие, туземцы быстро научались им владеть. В восстании 1731 г. засевшие в Нижнекамчатском остроге камчадалы, завидев приближающихся русских, „стали по них из острогу палить из пушек (?) и из мелкого оружия" [3].

Среди отнятых у коряков предметов, вроде лисиц красных и сиводушных, уж фигурирует еще совсем недавно столь страшное для них „огненное" оружие.

Видоизменяется и техника обороны — с приходом русских увеличивается число укрепленных острожков.

В промемориях Я. Генса в ясачную избу сообщается, что „изменник" Вахлыч „построил острог стамовой и землею в полдерева осыпан, а обретается де в том остроге изменников сот с пять бобровских и курильских, а оружья у них имеется пять пищалей, и что де на оных изменников в малолюдстве итти не подлежит" [4].

---

[1] Экспед. Беринга, д. № 77, л. 371.
[2] Фонд Сената, I департ., д. № 1552, л. 234.
[3] Экспед. Беринга, д. № 3, лл. 103 — 104.
[4] Экспед. Беринга, д. № 3, лл. 73—74.

Кроме того, применялись технически очень простые, прекрасно защищавшие укрепления из саней. „Поделаны у них неприятелей сильные крепости. Первое изнаставлены возовые санки в три яруса на мадапами в коих накладено каменья, так что ружья не пробирали“ [1].

Путь к таким „крепостям“ обычно преграждался ловко замаскированными канканами, ловушками и пр.

Результатом российской колонизации явились также неоформившиеся попытки объединения для совместной борьбы с русскими, которую можно проследить на Камчатке. Не только камчадалы, но и издавна враждовавшие между собою коряки и чукчи, из которых первые нередко добровольно или к русским для помощи в их борьбе с чукчами, угонявшими коряцкие стада, пытаются наладить какую-то связь для полнейшей ликвидации российского владычества.

Имеется очень любопытное показание „ясашного иноземца“ Петра Орликова, который в 1746 г. был отправлен для тайного выведывания местонахождения посланных для сбора ясака служилых, долго не возвращавшихся обратно [2].

Будучи на Озерной реке у камчадалов, Орликов узнал, что к ним „чукчи де, коряки и юкагири на погромление здешнего Нижняго Камчатского острога... в споможения притти хотят“. Кроме того, что „коряки ж де с чюкчами замирение возымели, объявляя: доколе де нам между собою иметь брань и от русских терпеть, мы де их, чтоб они на нашей земле не были, всех до единого искореним“.

План действий, по словам Орликова, намечался следующий: для помощи камчадалам при взятии Нижнекамчатского острога приходят чукчи, коряки и юкагиры. Часть из них будет ожидать очередного прихода русских судов из Охотска. Суда намечалось захватить обманным путем и во что бы то ни стало не дать уйти им обратно. Сюда же приходят и „две байдары олютров с женами и детьми“. „А другие де пойдут, совокупясь с тигильскими на погром в Большерецкий и Верхний остроги“. В осуществление этого плана, по словам Орликова, юкагиры и чукчи уже заперли колымскую дорогу.

И хотя такого объединения этих народов по существу не было, все же лето 1746 г. и весь 1747 г. ознаменовываются одновременными большими восстаниями и чукчей и коряков, причем корякам даже удалось уничтожить вовсе Акланский острог.

Но ни овладение захваченным в незначительном количестве огнестрельным оружием, ни постройка укрепленных острожков, так же как и попытки объединения, не могли, конечно, представить значительного препятствия для дальнейшего продвижения русских. К 40-м годам XVIII в. с камчадалами, а к 60-м годам с коряками борьба в основном была закончена. И если чукчи фактически остались до конца „недокоренными“ [3], то здесь дело не в том, что их покорение было не под силу русским, а в том, что борьба с ними велась недостаточно последовательно, с большими промежутками, что в свою очередь, как справедливо указывал В. Иохельсон, объяснялось тем, что у чукчей по существу не было предметов годных для ясака.

В 1740 г. сенат постановил прекратить походы против чукчей. Однако борьба с чукчами вскоре вновь возобновилась, достигнув наибольшего подъема в конце 40-х и начале 50-х годов. В данном случае на борьбу с чукчами толкали, во-первых, опасения объединения коряков с чукчами, а во-вторых, недостаток оленей. В своем рапорте Павлуцкий прямо говорит, что с ухо-

[1] Фонд Сената, 1 департ., д. № 1552, лл. 345—352.
[2] Фонд Сената, 1 департ., д. № 1552, лл. 80—81.
[3] Согласно устава 1822 г., чукчи находились в графе „об инородцах, несовершенно зависящих от правительства“, причем о них было сказано особо, что „чукчи платят дань по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве“.

дом из Анадырского острога ясачных коряков с оленями в крепости начался голод и пришлось пойти в поход на чукчей.

При изучении колонизации Камчатки, как и вообще всей российской колонизации, необходимо всегда иметь в виду два момента, имевших колоссальное значение в деле обеспечения ее победы. Это—использование в своих интересах начинающейся социальной дифференциации среди угнетенных народов и опора на религию, как на средство, обеспечивающее окончательное порабощение покоренных туземцев.

Положение М. Н. Покровского о том, что „на востоке царизм был настолько материально сильнее покоряемых, что ему не приходилось искать здесь политической опоры на местах", так как „голого насилия было достаточно", справедливое для периода первых военных столкновений русских с националами, не может быть, однако, распространяемо на период „мирного освоения" Камчатки, период, ознаменовавшийся многочисленными восстаниями.

Опорой российского самодержавия среди восставших племен являлись усиленно насаждаемые русскими тойоны, „лутчие иноземцы", награждаемые впоследствии за верность „престолу" кортиками и красными кафтанами.

С одной стороны, русские всячески стараются использовать родовых старейшин и ту власть и авторитет, которыми они обладают; с другой же стороны, русские искусственно насаждают новых тойонов, присваивая им всю полноту власти над своими родовичами.

Эту политику искусственного создания туземной верхушки и политику форсирования намечающейся социальной дифференциации можно проследить и на материалах Камчатки.

Степан Харчин, активный участник и руководитель восстания камчадалов 1731 г., проходившего под руководством его брата тойона Федора Харчина, бежит от восставших и передается на сторону русских, за что впоследствии вместо брата назначается тойоном в Камчатском острожке между озером Кайначем и Еловкою.

В одной из инструкций этого периода предписывается выяснить, „кто у тех народов князей и лутчих людей", переписать их и „иметь к ним ласку и привет и бережение, чтоб они великому государю служили верно и радетельно и улусных своих людей ото всякой шатости унимали, а иных немирных иноземцев под его, великого государя, высокодержавную руку призывали, и за такие их службы великого государя милостию обнадеживать, и кто из них такую службу покажет, о том писать в Якуцк, и тем людям за такие службы прислано будет великого государя милость, подарочное жалованье, смотря по их службе".

„Вся ясашные народы безгласны сами по себе, их старшины разных наименований составляли аристократию, выгодную для завоевателей" [1],— читаем мы в записке о Сибири генерал-майора Мусина-Пушкина. И недаром в ряде мест старшины и их семейства освобождались от ясака, который оплачивался вместо них остальным населением. И только во второй четверти XIX в., когда народы Камчатки и Сибири были окончательно и бесповоротно покорены и туземная верхушка могла лишь отнимать часть доходов у российского помещика, начинал дебатироваться вопрос о борьбе с тойонами и о замене наследственных тойонов тойонами выборными.

Ориентировка на туземную верхушку сочеталась с испытанным способом натравливания одной народности на другую. Коряки натравливались на чукчей, тунгусы на коряков и т. д. С тунгусов (ламутов) бывших вместе с русскими в походе против коряков в 1748 г., „на тот 748 год, до полу-

[1] Фонд Мин. внутр. дел, общ. дел. III отд., по 2 столу, 1836 г., д. № 45.

чения из сената указу, велено [ясаку] не взыскивать и взятых в плен коряк от них не отбирать"[1].

Вторым могущественным орудием, облегчившим закрепление победы русских, была церковь.

О значении церкви в деле насаждения рабства мы говорили выше, здесь же следует остановиться лишь на ее роли в деле закрепления русского владычества на Камчатке.

Миссионер обычно шел совместно со служилым и честно получал свою долю в общем грабеже населения.

Сразу же по привозе Атласовым первых сведений о Камчатке туда направляется архимандрит Мартиниан. Мартиниан, как и последующие камчатские миссионеры, представляет собою любопытный материал для характеристики тех „просветителей", которые приобщали туземцев к христианству.

Прибыв в 1705 г. на Камчатку, Мартиниан в 1711 г. принимает участие в бунте казаков, стремившихся присвоить ясак, и в убийстве трех камчатских приказчиков. При дележе имущества убитых Мартиниан получает: „шубу соболью лапчатую, да Петра Чирикова награбленных дворовых людей камчадальской породы некрещеных робят, иноземским названием Щочко да Чистяк, да Володимера Отласова дворовую ж девку крещеную Настасью".

Колоритной фигурой среди камчатских миссионеров является Игнатий Козыревский, также участник казачьего восстания 1711 г.

Первую половину своей деятельности Козыревский действовал на Камчатке, „попрося у бога милости оружейным боем", а вслед за этим, постригшись в монахи из-за опасения наказания за ряд совершенных преступлений, „озабочивался", дабы „камчадальская земля с тамошними народы, не знающими истинного бога, просияла б святым крещением".

Укрепленные остроги — Большерецкий, Нижнекамчатский с одной стороны и Успенская пустыня и Покровский монастырь с другой — вот две стороны деятельности Козыревского.

Ничем не отличался от предшествующих миссионеров и глава миссии „камчатский архимандрит" Хотунцевский, прибывший на полуостров в 1745 г.

В „Историческом очерке главнейших событий на Камчатке" А. Сгибнев, работавший во второй половине XIX в. над иркутскими архивами, пишет, что „в делах иркутского архива можно найти много фактов о бесчеловечных поступках Хотунцевского, который, впрочем, и сам не стеснялся доносить о своем усердии к распространению и упрочению в Камчатке веры христовой".

Далее Сгибнев рассказывает о том, как Хотунцевский наказывал туземцев плетьми.

По отъезде из Камчатки Хотунцевским была вывезена значительная партия мехов, что вызвало даже недовольство синода.

Но результаты деятельности отдельных миссионеров до приезда миссии Хотунцевского в общем были незначительны.

По словам Крашенинникова, до вступления на престол Анны Иоанновны в средней и нижней части Камчатского полуострова крещеных туземцев было не более ста.

С 1732 по 1741 г., по синодским сведениям, камчадалов обоего пола уже было окрещено 878 душ.

Массовое крещение, притом преимущественно камчадалов, имеет место лишь тогда, когда сопротивление русским делается совершенно невозможным.

---

[1] Фонд Сената, 1 департ., д. № 68.

Борьба с крещением в движении туземцев занимает выдающееся место. Алексей Лазуков, один из руководителей корякского восстания 1745—1746 гг., при допросе показал, что восставшие имели намерение убить архимандрита Хотунцевского „и христианскую веру истребить".

Это восстание, одно из наиболее сильных среди коряков, происходило в период активного крещения камчадалов и в числе вызвавших его причин была попытка миссии распространить крещение и на коряков.

Отдельные камчадальские роды пытались принять участие в этом восстании, но в целом после поражения восстания 1731 г. сопротивляемость камчадалов была сломлена.

Таким образом христианизация на Камчатке не предшествует, не подготовляет почву для русских завоеваний, а закрепляет уже достигнутые оружием результаты. Лишь во второй половине 40-х годов XVIII в. камчатский архимандрит заявляет, что ему среди камчадалов делать нечего, так как все они уже окрещены. И дата этого заявления сразу следует за прекращением восстаний среди камчадалов, после чего и началось массовое крещение.

Иначе дело обстоит с „недопокоренными" чукчами. Лишь через сто лет, в 40-х годах XIX в., в донесениях из камчатской епархии попадаются ликующие сообщения о принятии христианства одним или несколькими чукчами.

III

Методы камчатской, как и вообще российской колонизации в целом, не принадлежали к числу „популярных" тем отечественной историографии.

Однако, если присмотреться к тому незначительному материалу, который по данному вопросу все же имеется, то сразу бросится в глаза любопытная эволюция в его трактовке российскими историками.

Если Крашенинников, автор „Описания земли Камчатки", изданного в середине XVIII в., в период, когда „нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала" (Маркс), еще мог подробно рассказывать о том, как совсем недавно русские расправлялись с камчадалами, считая это совершенно естественными фактами, то уже Словцов в начале XIX в., а тем более современные нам буржуазные историки, вроде Фирсова и др., если и вынуждены приводить подобные факты, то оставить их без соответствующего „оправдания" не могут.

Для Крашенинникова „просвещенный век" начинается с Елизаветы, в царствование которой протекала его деятельность, все же то, что происходило несколько раньше, хотя бы при той же Анне, ни в какой идеализации не нуждалось. Только ныне, пишет он, „мир, покой и тишина в Камчатке, да и впред опасаться нечего, ибо по высокоматерному всемилостивейшия государыни нашей императрицы Елизаветы Петровны о подданных своих попечению сделаны такие учреждения, что тамошным жителям лучшего удовольствия желать невозможно. Сии же между славными и великими делами всепресветлейшия самодержицы нашея почитать должно, что зверский оной народ, из которого до времян счастливого владения ее ни ста человек крещеных не было, в краткое время познав истинну, оставил свое заблуждение так, что каждой ныне с сожалением и с смехом воспоминает прежнее житье свое"[1].

Таким образом, в противовес детальному изложению событий недавнего прошлого, мы имеем у Крашенинникова полное замалчивание текущего момента, замалчивание и того вооруженного истребления камчадалов, которое уже заканчивалось, и того вооруженного истребления коряков и чукчей, которое только начиналось.

---

[1] Крашенинников, „Описание земли Камчатки", т. II, стр. 234—235.

Но если для социальной среды, выразителем интересов которой являлся Крашенинников, понятия колонизация и цивилизация являлись синонимами только для их непосредственной современности, то „просвещенная“ буржуазия XIX столетия уже желает иметь не только „бескровное“ настоящее, но и „непорочное“ прошлое.

„Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство, — пишет Маркс, — обнаженно предстают перед нашим взором, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она ходит неприкрытой“ [1].

И буржуазная историография всеми силами старается натянуть пышные одежды на наиболее неприкрытые части „цивилизации“ и сокрыть заодно как прошлое, так и настоящее.

Идеализация прошлого идет двумя путями. С одной стороны—путем грубой фальсификации и неловкого подлога в изложении фактической стороны методов колонизации, с другой — путем подыскания „идеологического“ оправдания, выразившегося в утверждении определенной закономерности методов колонизации и неизбежно связанных с нею насилий.

Из попыток первого рода можно привести пример с жизнеописанием Владимира Атласова.

Казенные историографы неоднократно пытались горящим от жадности глазам первых русских конквистадоров, в частности тому же Атласову, придать мечтательное выражение великих мореходцев, одержимых лишь идеей прославления родины.

Наиболее полное исследование о деятельности этого „камчатского Ермака“ написано Оглоблиным.

День за днем воскрешает Оглоблин жизнь Атласова, подробно останавливаясь и на страданиях, перенесенных Атласовым при походе на Камчатку, и на той радости, чуть ли не ликовании, с какой инородцы платили ему ясак; останавливается и на поездке Атласова в Москву и, наконец, на его втором походе и трагической гибели от руки предателей — казаков, стремившихся ограбить царскую казну, верным охранителем которой был тот же Атласов.

Попутно ополчился Оглоблин и против „Сборника“ Спасского, где утверждалось, что Атласов в малых летах и по возрасте гулял по „низовым (ленским) городам“, т. е., иными словами, разбойничал. „Если это возможно допустить относительно его „малых лет“, — авторитетно заявляет Оглоблин, — то никак уже „по возрасте“ не мог он „гулять“, так как целых 28 лет провел на государевых „дальних заморских службах“.

Вещи, по мнению Оглоблина, несовместимые.

Однако, несмотря на столь подробное описание всей жизни Атласова и всех его высоконравственных качеств, Оглоблин предусмотрительно умолчал о том, как по дороге из Москвы на Камчатку одаренный царскими милостями Атласов занялся грабежами купеческих караванов. Оглоблин обошел эпизод на реке Тунгуске (по иным вариантам, на Лене), где Атласов разграбил досчаник с китайскими товарами гостя Логина Добрынина, после чего на шесть лет был засажен в тюрьму, где и просидел до 1707 г., до восстания камчадалов, когда он был выпущен и отправлен назад на Камчатку приказчиком.

Однако кряжистые предки плохо подавались модернизации. Более убедительно получалось при утверждении обусловленности и неизбежности всяких насилий при колонизации.

Да, грабили, да, истребляли, но не мы, дескать, первые и не мы единственные. Так было везде и так будет всегда. „Так было везде и во все времена при вступлении европейца в среду дикарей, которых он должен

---

[1] Маркс, Соч. т. IX, стр. 367.

был подчинить своей власти и вместе с тем положить между ними начало нового, лучшего порядка, если даже не всегда для личного благосостояния последних, то, по крайней мере, для пользы их потомства",—пишет апологет Российско-американской компании Тихменев.

Эта „теория" явилась находкой для российской историографии. Она одинаково приходилась по вкусу и историку-великодержавнику, и федералисту, и даже либеральствующему профессору, ссылающемуся на Маркса.

Останавливаясь на опустошениях, производимых русскими в Сибири, проф. Фирсов пишет: „Таково, повторяю, отношение вообще победителей к побежденным в отдельных странах, неизбежно опустошаемых и разоряемых. Факт, давно установленный в науке". При этом в подстрочном примечании Фирсов ссылается на Маркса: „См., напр., у Маркса в описании процесса так называемого первоначального накопления". И дальше: „конечным и роковым последствием этого факта, при малой физической и духовной выносливости побеждаемой расы, являлось вырождение и вымирание туземного населения. В части по отношению к крайнему востоку Сибири, Камчатке и камчадалам, об этом явлении выразительно свидетельствует,—пишет Фирсов,— „историческая записка" о Камчатке: „начальное покорение ее,—читаем мы здесь,—продолжающиеся внутренние возмущения камчадалов, происходившие притеснения от завоевателей, т. е. казаков, занесенные сими последними болезни, жителям тамошним до того неизвестные, а наипаче оспа и венерическая болезнь, истребили большую часть камчадалов" [1].

А в заключение все это приправляется чисто великодержавной установкой о „культурном прогрессе" метрополии, началах гуманности и пр. „Но подобная судьба, — пишет Фирсов, — постигла и некоторые другие народы Сибири и, разумеется, постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непереходящими политическими и общественными интересами и задачами России в Сибири".

Впервые эту теорию, столь ярко сформулированную Тихменевым, в отношении Сибири мы находим у Словцова. Именно он, в „Историческом обозрении Сибири", изданном в 1838 и в 1844 гг., недвусмысленно заявил, что „дань есть послепотопная законность всего мира" [2] и что „российские государи в опровержение оскорбительных предубеждений времени всегда по своей мудрости показывали, сколь они далеки от того, чтобы считать покоренные орды невольниками постоянного ясака, постигая, что всеблагое провидение постепенно ведет людей, племена и народы через цели частные, общественные и государственные к целям своего высшего порядка" [3].

Все находит свое оправдание, по мысли Словцова, в той великой миссии, которая выпала на Россию в деле обращения язычников на „лоно православной церкви". „Если бы дело обращения не свершилось, тщетно было бы завоевание края... тогда заразительные болезни, опустошавшие и опустошающие страну, были бы неоплатными бедствиями пред всевышним оком" [4].

Вообще надо сказать, что работа Словцова имела колоссальнейшее влияние на последующих историков Сибири вообще и Камчатки в частности, которые в основном строили свою концепцию на отдельных заимствованных у него положениях.

---

[1] Н. Н. Фирсов, „Чтения по истории Сибири", М. 1915, стр. 56—57.
[2] П. А. Словцов, „Историческое обозрение Сибири", стр. 7.
[3] Там же, стр. 89—90.
[4] Там же, стр. 90—91.

Друг Сперанского, сосланный впоследствии по обвинению в должностных преступлениях в Сибирь, Словцов приступил к написанию своей истории, почти уже окончательно сломленный Николаевской системой. „Обозрение Сибири“ писалось в период, когда предлагалось „ученость отпускать только по рецептам правительства“, и в работе Словцова прообразы будущего так называемого сибирского федерализма старательно компенсировались положениями, полностью, как мы уже видели, вошедшими в арсенал великодержавной историографии.

Эта двойственность Словцова резко бросается в глаза даже при сравнении некоторых положений первого и второго тома, положений, отделенных друг от друга всего лишь пятилетием, в течение которого Словцов был объектом ряда критических нападок.

В первом томе он пишет, что „правительство от времени до времени гремело прещениями против неправд и притеснений, но дела шли вдали своим чередом“; во втором правительство преподносится как „постоянно... заботившееся: первое — прекратить неправды местные, второе — распространить христианство. Вот две неопровержимые истины, — пишет Словцов, — сказывающиеся в делах первых периодов: правосудие и православие“.

Когда Словцов в первом томе пишет, что „Сибирь не пустыня безгласная, что есть в ней утесы, пустынными лесами отененные, от которых откликаются слова и дела, есть скромные летописи о правдах и неправдах. Нет мнения общественного, но растет история“, то под такой фразой с энтузиазмом подписался бы любой из сибирских областников.

Но когда во втором томе он же заявляет, что „история сибирская есть добавка к русской“, то под такой фразой с неменьшим энтузиазмом подпишется каждый великодержавник.

Однако то положение, что федералисты питались из того же источника, что и великодержавники, не противоречит и самой природе так называемого сибирского федерализма.

Являясь оборонительным движением местной буржуазии против правящего дворянства и буржуазии метрополии, сибирский федерализм или, точнее, областничество ни в какой мере не являлся движением национальным.

Не останавливаясь в данном случае подробнее на областничестве в целом, нам следует выяснить лишь взгляд областников на процесс сибирской колонизации. „Сибирь, — как пишет Головачев, один из наиболее активных областников „второго призыва“, — была, можно сказать, res nullius, которую нужно было только занимать и заселять и где для русских борьба с природой была гораздо труднее, чем с туземным населением“.

Туземное население одинаково не существовало как для историка-областника, так и для историка-великодержавника. Кто же, однако, по мнению областников, населял Сибирь? Еще в прокламации „к патриотам Сибири“ середины 60-х годов XIX в. Сибирь рисуется страной, „населенной потомками эмигрантов, изгнанников, непокорных стрельцов, опальных раскольников, помещичьих крестьян, жертвами самовластия царя и его сатрапов“, т. е. исключительно пришельцами-колонизаторами.

„Вопрос о заселении Сибири, — пишет Головачев, — конечно, должен быть краеугольным камнем при изучении исторической жизни этой окраины“. Совершенно естественно, что этот же вопрос в той же мере является „краеугольным камнем“ и для великодержавника.

И если, например, для украинских федералистов суть исторического процесса заключается в местных национальных движениях, которые были оппозицией московскому единодержавию, то для сибирского областника наиболее существенным является процесс так называемой народной колонизации, который противопоставляется ими колонизации государственной.

И первый период после прихода русских на Камчатку, период, вписанный в ее историю кровью и насилием, преподносится как период „свободного проявления духа северных великоруссов".

„Не только лица, занимавшие официальное положение, играли на самом деле незначительную и невлиятельную роль, но даже землеискатели, вожди казачьих дружин, как Хабаров, Поярков, Атласов, были лишь представителями, главами своих дружин, исполнителями их коллективной воли, общих планов, — читаем мы у того же Головачева. — В случае столкновения воли коллективной и воли личной побеждала обыкновенно первая. Не отдельные личности, а сами народные массы были двигателями сибирской исторической жизни, деятелями местной истории. Так продолжалось в течение всего XVII века и даже части XVIII, пока, наконец, петербургское правительство в интересах централизации, единообразия, внешнего благочиния не стало подрезать буйные всходы самобытной народной жизни в Сибири и налагать на нее однообразную мертвящую печать".

Таким образом, лишь в вопросе частной и государственной колонизации мы видим основное расхождение у великодержавников и областников, во всем остальном в данном вопросе их историческая схема ни в чем друг другу не противоречит.

Так перед лицом опасности подлинного национального движения историк-дворянин, буржуа-великодержавник и буржуа-федералист в тесном единении делали то же дело, всячески стараясь сокрыть подлинный характер „тюрьмы народов".

Только пролетарская революция смогла освободить эти народы от чудовищного гнета, только она смогла завоевать их сочувствие и поддержку. „Без этого невозможно было бы упрочить советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом советских социалистических республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве" (Сталин).

* * *

Публикуемые в настоящем сборнике материалы хранятся в архивах Внутренней политики и Военно-морском Ленинградского отделения Центрального Исторического архива и извлечены большею частью из фондов 1 департамента Сената и Второй камчатской экспедиции капитана Беринга.

Секретная экспедиция 1 департамента Сената, представлявшая собою „высшее наблюдение" в числе других учреждений за функциями Сибирского приказа и Иностранной коллегии в отношении „инородцев", сосредоточивает в себе ценнейшие материалы по истории народов Сибири. Особенно ценные материалы находятся в этом фонде за период царствований Анны и Елизаветы, период, ознаменовавшийся на Камчатке наиболее сильными восстаниями.

Вторая камчатская экспедиция Беринга во время пребывания своего на полуострове по существу сосредоточила у себя все управление краем и содержит в себе разнообразнейшие материалы как этнографического, так и исторического порядка: по истории народов и колонизации Камчатки в XVIII в. Кроме того, участники экспедиции принимали активное участие в подавлении восстаний.

Основная задача настоящего сборника — дать не только новые материалы по колониальной политике России на Камчатке и Чукотке, но и показать по мере возможности весь процесс колонизации этого края в XVIII в.— заставила составителя при отсутствии нового материала по тем или иным периодам прибегнуть к перепечатке известных материалов из „Памятников сибирской истории" и других старых публикаций.

Большинство документов печатается полностью и по подлинникам; особые случаи оговорены в подстрочных примечаниях и в легенде.

Все заголовки даны составителем, причем в кавычках даны оригинальные названия документов. В исключительных случаях, когда заголовок оригинала представляет собою значительный интерес, он приводится в подстрочном примечании.

Из орфографических принципов данной публикации необходимо оговорить следующее: без изменения оставлены все характерные местные слова и произношения: „солносход", „лехкой", „чюкчи" и пр.; все старинные окончания падежей — напр., дательный множественного числа: „людем", „оленем", „народом", „солдатом" (вместо „людям", „оленям", „народам", „солдатам"); окончания „тца", „тса", „тся" — в глаголах (вместо „тся", „ться").

Для удобства чтения допускается: современная расстановка знаков препинания и деление на красные строки, так как в подлинниках знаки отсутствуют, а красные строки употребляются редко; принят раздел слов — предлоги отдельно от слов; современное употребление „ь", так как в подлинниках он во многих случаях написан правильно и отсутствует там, где была надстрочная согласная; „ъ" оставлен в средине слова и опущен в конце слова; современное употребление безударного „о", так как в подлинниках в одном и том же документе встречается иногда и „о" и „а", напр.—„салдат" и „солдат", „камендант" и „комендант" и пр.; „і", „ѣ", „ѳ", заменяются „и", „е", „ф".

Явные описки исправляются в тексте с указанием в подстрочных примечаниях. Слова неразобранные или оборванные в документе указываются также в примечаниях. В прямые скобки заключены редакционные дополнения.

От дальнейшего унифицирования орфографии документов по какому-либо единому принципу редакция отказалась в виду того, что имеющееся различие орфографии (главным образом в окончаниях слов) в разных документах обусловлено, во-первых, разнородностью источников, использованных в сборнике, так как здесь имеются документы из самых разнообразных учреждений: центральных и местных, и разнородным составом авторов документов: канцелярских переписчиков, духовных лиц, солдат, служилых; во-вторых—тем большим периодом времени, за какой взяты документы: с конца XVII и почти за весь XVIII век.

Публикации, взятые из „Памятников сибирской истории" и „Чтений в Обществе истории и древностей российских", печатаются с сохранением их орфографии, за исключением правильного употребления „ь" и нескольких случаев исправления в именах, всякий раз оговоренных в примечаниях.

Следует отметить, что как публикации в „Памятниках", так в особенности публикации Оглоблина в „Чтениях" сделаны чрезвычайно небрежно. Помимо явных опечаток, у Оглоблина вставлены в текст собственные замечания и, кроме того, совершенно отсутствуют какие бы то ни было орфографические принципы публикации. Отсюда то явление, что в одном и том же документе одни и те же слова напечатаны различно.

В составленном мною настоящем сборнике большая работа по выявлению и сверке документального текста выполнена сотрудником Ленинградского отделения Центрального Исторического архива М. Ф. Князевой.

С. Б. Окунь

А. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАМЧАТКЕ В XVIII ВЕКЕ

I. РУССКИЕ НА КАМЧАТКЕ В КОНЦЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.

Поход пятидесятника Атласова на Камчатку в 1697 г.—Восстание камчадалов в 1707—1711 гг.—Восстание казаков в 1711 г. и сведения о собранном на Камчатке ясаке с 1707 по 1718 гг.

ПОХОД ПЯТИДЕСЯТНИКА АТЛАСОВА НА КАМЧАТКУ В 1697 г.

1. „Скаска" пятидесятника Владимира Атласова от 3 июня 1700 г.*

208** году, июня в 3 день, явился в Якутцком в приказной избе перед стольником и воеводою Дорофеем Афанасьевичем Траурнихтом да перед дьяком Максимом Романовым якутцкий пятидесятник казачей Володимер Отласов [1] и сказал.

В прошлом в 203*** году, по указу великого государя, посылан был он, Володимер, с служилыми людьми за Нос в Анандырское зимовье, для государева ясачного сбору. И собрав казну великого государя в Анандырском с ясачных юкагирей на 205**** год, выслал в Якуцкой город с служилыми людьми. И после ясачного платежу, в том же 205 году, по наказной памяти, пошел он, Володимер, из Анандырского на службу великого государя, для приписку новых землиц и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали. А служилых де и промышленных людей ходило с ним, Володимером, 60 человек, да для соболиного промыслу Анандырских ясачных юкагирей 60 человек.

И шли де они из Анандырского чрез великие горы на оленях полтретьи недели и наехали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменном и в Усть-Пенжинском острожках неясачных седячих пеших коряк человек ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государской участе учинились они неясашные коряки покорны.

А ружье де у них — луки и копье, и начального человека они над собою не знают, а слушают которой у них есть богатый мужик. А товары де надобны им — железо, ножи и топоры и палмы, потому что у них железо не родитца. А соболей де у них на устье Пенжины реки нет, а питаютца они рыбою, и аманатов не держатца.

---

* Вставленные впервые опубликовавшим эти „скаски" Н. Оглоблиным в текст собственные пояснения (взятые им в круглые скобки) опущены без соответствующих оговорок.

** В 1700 г.

*** В 1695 г.

**** На 1697 г.

И от тех де острогов поехал он, Володимер, с служилыми людьми в Камчатцкой нос, и ехал на оленях подле море 2 недели, и от того Камчатцкого носа, по скаскам иноземцов вожей, пошли они через высокую гору и пришед к люторским острогам, к иноземцом к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом и призвав их немногих людей и в ясак писал с них лисицы. А промышляют де они те лисицы себе на одежю близь юрт своих, а соболи де от них по горам недалече белые, и соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают. И русские люди у них преж ево, Володимерова, с товарищи приезду никто не бывали, для того они соболей не промышляли. И бою де у них с ними никакова не было, а ружье де у них луки и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново— ножей и палем и копей — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатца ж.

И от того острожка отпустил он, Володимер, 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторское море, для проведывания той земли и островов и для призыву под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежем. А сам де он, Володимер, с достальными служилыми людьми и юкагирями пошли подле Пенжинское море к Камчатки и к иным рекам.

И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласково их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де, Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил.

И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к родникам своим к Оме * с родниками юкагиря Позделя, и велел им их, Володимера с товарищи, побить, и отнюдь бы де их, Володимера с товарищи, не спущали, а он де, Почина, с родниками своими русским людем не спустит — побьет их всех. И после того пришед они к Анандырскому острогу, хотели взять и служилых людей побить. А пронеслась де та речь от них же юкагирей и по тому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него, Володимера, в сторону и пришед сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжный след. И он, Володимер, для подлинного проведыванья послал с ними служилых людей 4 человек, и он, Ома с родниками, отведя их казаков от него обманом, следу им не оказал и заночевались. И ночною порою 3 человек казаков убил до смерти, а родник де их Еремка Тугуланов на четвертого человека на Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они, юкагири, ево, Яшку, в 4-х местех изранили. И послал, он, Еремка, к ним, Володимеру с товарищи, родника своего со знаменем с наушками и велел ему про убийство сказать. И родник ево им про убийство не известил, и совестясь с родниками своими, с Омою с товарищи, послал их, что они их побили.

И они, Ома с родниками, на Полане реке великому государю изменили и за ним, Володимером, пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казаков убили, и его, Володимера, во шти местех ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек перераннли. И божею милостию и государевым счастием они, служилые, справились и их, иноземцов, от себя отбили и сели в осад, и послали к товарищем своим служилым людем с ведомостью юкагиря, и те служилые люди к ним пришли и из осады их выручили.

И услыша изменниковы родники от коряк весть, что родник их Почина с родниками товарищев ево служилых людей обманом побить не могли — многие учали быть покорны. И он де, Володимер, на Кыгыле реке дал им страсть, бил батоги. А изменники де Ома от них ушли.

---

* В оригинале ошибочно „Коме".

И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут. — И он де, Володимер, по челобитью их с Кыгыла реку, взяв вожев дву человек, пошел с служилыми людьми и осталыми ясачными юкагири, которые не в измене, подле моря, на оленях и дошел на Камчатку реку[2].

И наехали 4 острога, а около тех острогов юрт ста с четыре и боле, и подозвал их под царскую высокосамодержавную руку и ясак с них вновь имал, а с кого имяны — подаст книги.

А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту[3]. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастию руским людем они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они, камчадальские иноземцы, стали ему, Володимеру с товарищи, говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему, Володимеру, с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить, чтоб они жили в совете. И он де, Володимер, с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни, и на которые они остроги звали, доплыли и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачный платеж призывали. И они, камчадалы, великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де, Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли, для того чтоб было им встрех и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них розбежались.

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больше есть. И оттоле пошел он, Володимер, назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыли — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал, и ясаку просил, и они, камчадалы, ясаку ему не дали и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуды поплыли по Камчатке, и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтоб им, Володимеру с товарищи, великому государю служить было не на чем. И он де, Володимер, с служилыми людьми, увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и сугнав их у Пенжинского моря, поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь, и божей милостию и государевым счастием их коряков человек ста с полтора убили и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам.

И от того де места пошел он, Володимер, вперед подле Пенжинское море на Ичю реку. И услышал он, Володимер с товарищи, у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они, камчадалы, ево русаком. И он де, Володимер, велел ево привесть к себе, и камчадалы, боясь государской грозы, того полоненика привезли. И сказался тот полоненик ему, Володимеру, он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством. Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая ценинная посуда. И у них де на одной бусе дерево сломило и отнесло их в море и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их, 3 человек, курильского народа мужики, а достальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а где девались — того он

им не сказал. И товарищи де ево 2 человека, живучи у курилов, померли, потому что они к их корму не привычны: кормятца де они, курила, гнилою рыбою и кореньем. И тот де индеец им, Володимеру с товарищи, что они русково народа, обрадовался и сказал про себя, что он по своему грамоте умеет и был подъячим и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он, Володимер, в Якутцкой. И взяв ево он, Володимер, к себе и оставил на Иче реке у своего коша, с служилыми людьми[4].

А сам де он, Володимер, с служилыми людьми пошел подле Пенжинское море вперед. И послыша их приход, оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль, и он де за ними гнался 6 недель. И мимо идучи на Нане, и на Гиги, и на Ники, и на Сиунчю, и на Харюзове реках неясашных камчадалов под царскую высокосамодержавную руку призывал и ясак с них ласкою и приветом имал, а с кого имяны — тому подаст книги.

И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугпали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они, коряки, учинились непослушны и пошли от них на побег, и он, Володимер, с товарищи их постигли, и они, иноземцы, стали с ним битца, и божиею милостию и государевым счастием их, коряк, многих побили, и домы их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они курильских мужиков[5] 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де, Володимер с товарищи, из тех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда нейдут.

А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он, Володимер, за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он, Володимер, с служилыми людьми назад и пришел на Ичу реку. Божием изволением олени у них выпали, и итти им было вскоре в Анандырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он, Потап, писал к нему, Володимеру: камчадалы де все живут в совете, а в ясаке упрашиваютца до осени.

И на Иче реке служилые люди били челом великому государю и подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Ичи реки итти в Анандырской, потому что у них пороху и свинцу нет — служить не с чем. И по тому их челобитью он, Володимер, с служилыми людьми и с полоненником с той Ичи реки пошли в Анандырское зимовье.

И идучи дорогою оленной коряка Эвонто, которой убежал из Анандырского, и сказал ясашным юкагирям, что де Анандырской острог взят, служилые и промышленные люди побиты и аманаты выпущены и чюванского роду Омеля Тюляпсин с товарищи 30 человек изменили и дву человек — казака да промышленного — убили.

А в сборе у него, Володимера, ясачной казны — 8 сороков 10 соболей[6], 191 лисина красных, 10 лисиц сиводущатых, 10 бобров морских, парка соболья, 7 лоскутов бобровых, 4 выдры, да староплатежных юкагирей, которые ходили с ними в поход — 42 соболи, 26 лисиц красных. А у многих де соболей хвостов нет, для того что они, камчадалы, у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из них шьют наушки.

А из Анандырского ходу до Пенжины реки тихим путем 3 недели, а от Пенжины до люторских народов 2 недели, а от лютор до камчадаль-

ских первых рек 6 недель, а от Кыгыла реки до Камчатки переход на оленях 2 недели, а до Курил ходу от Кугула ж 5 месяцев.

И он де, Володимер, из Анандырского с служилыми людьми и с казною великово государя и с полонеником пошел в Якутцкой город.

И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей и итти было ему невмочь, и он де, Володимер, того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анандырской.

И после того, встретя на дороге прикащика Григорья Посникова, и в том ему говорил, чтоб он ево, не задержав, выслал в Якутцкой с служилыми людьми, и дал ему, Григорью, 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы.

А книги де он, Володимер, вышеписанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своею рукою вскоре. А дорогою де он, Володимер, тех книг не написал, потому что не было у них писчие бумаги.

И есть ли из Якуцкого на Камчатку служилым людям впредь будет посылка, и с ними надобно послать 2 пушечки небольшие, для страха иноземцом, потому что после их, Володимера с товарищи, тех вышеписанных родов иноземцы остроги свои от приходу руских людей почали крепить.

Чтения в Об-ве истории и древн. российских, 1891 г., кн. III, стр. 5—11.

2. „Сказка" пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г.

1701 году, февраля в 10 день явился в Сибирском приказе якуцкой казачей пятидесятник Володимер Огласов, а по допросу сказал.

Из Якуцкого де он, Володимер, пошел в 203 году, августа в последних числех, в Анандырское зимовье, для государева ясачного сбору, а с ним было якуцких служилых людей 13 человек. Из Якуцкого де переплыв он в лодках через Лену реку, взяв конные подводы, шли еланными и луговыми местами до Алдану реки дни с три. А ходу в день будет верст по 30-ти. А переехали через Алдан в лодках, а коней от Алдану наймовали, и через р. Алдан плавили повыше устья за день, против р. Токулана. А Алдан река величиною будет против Москвы реки вдвое. А против р. Токулана вверх по правой стороне шли коньми ж, по грязным и каменистым местам до самой вершины 11 дней. А зима захватила их на устье Токулана реки. А та Токулан река меньши Москвы реки. И перешед Токулан реку, пришли на вершину Яны реки, через камень 1 день, и шли по Яне реке вниз коньми недели с две до Верхоянского зимовья.

И в Верхоянском зимовье, наняв новых лошадей, шли на низ по Яне, а Яна река шире Москвы реки, и перешли на Тастак. А Тастак река меньше Москвы реки и мелка. А с Тастаку на Галяндину речку, а та Галянда рч. пала в Индигирку реку, под Индигирским острогом. И шли тою Галяндою речкою до Индигирского острожку на конех же. А всего ходу с простоем от Якуцкого до Индигирского острожку недель по шести и по семи.

А из Индигирского острожку на низ по Индигирке шли на наемных оленях дней с 5 или с 6, до Уяндинского зимовья. А та Уяндина река пала в Индигирку р. с левой стороны. А от Яндина шли небольшое место на низ по Индигирке и перешли через хребет до Алазейского зимовья, а ходу дней с 8 или с 10. А от Алазейского зимовья на оленях же через хребет шли до Колымы реки до урочища Ярмонги 2 дни. А с Ярмонги шли на низ по Колыме дней с 10 на тартах до Нижнего Колымского зимовья, а то зимовье близь самого устья.

А от Колымского зимовья пошли вверх по Анюю реке и через хребет до Яблонной реки, а по Яблонной вниз до Анандыря реки и по Анандырю вниз до Анандырского острогу, недели с 4, а налехке весною выходят недели с три. А в подводы коней и оленей наймуют они служилые люди собою у ясачных иноземцов.

А меж Колымы и Анандыря реки необходимой нос, который впал в море и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он, Володимер, не бывал. А тутошные инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острову зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он, Володимер, видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными.

И в Анандырском де зимовье собрал он, Володимер, служилых и промышленных людей человек с 60, а что с теми людьми он, Володимер, учинил и куды ходил и то де писано в допросе ево, [к]оторой прислан из Якуцкого, и в ево, Володимерове, челобитной *, что прислана из Якуцкого под отпискою.

А идучи в Камчадальскую землю и из Камчадальской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцов, и рыбою, которую они имали у иноземцов, а иную рыбу сами ловили сетьми, которые взяты были с ними из Анандырского зимовья.

А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют овечиною.

А иных рыб много — 7 родов розных, а на руские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, а зимою тех олений впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снеги бывают небольшие, а в курильских иноземцах снег бывает меньши. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго, против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц уток и чаек много, а по ржавцам лебедей много ж, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чает он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и в Курильской земле ягоды брусница, черемха, жимолость величиною меньши изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж ростут на траве от земли в четверь, а величиною та ягода немного меньши курячья яица, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие, что в малине. А на деревьях никаково овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною ростет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет — будет бела, и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка, что сахар.

---

* В публикации Н. Оглоблина напечатано „челобитной".

А деревья растут — кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственичнику, ельнику на камчадальской стороне много, а на пенжинской стороне по рекам березник да осинник.

А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья — шеманы, вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и рондужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летные на столбах вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадальцы сами, а иная посуда у них есть левкашеная и олифляная, а сказывают они, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только одни шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

И с теми камчадальцы всякую речь, о чем руским людем доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он, Володимер, по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадальцами вдаль живут курильские иноземцы — видом против камчадальцов чернее и бороды меньши. А в той Курильской земле против камчадальской теплее. А одежду носят такую ж, что и камчадальцы, только камчадальцов они скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много. А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людем на горе учинилось — не ведают.

А из под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три.

А вышеписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее — того больши и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцов никуды не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакова у них нет, только одни собаки, величиною против

здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревье стреляют.

А воюются те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют руских людей огненными людьми. А бои с русскими людьми у них были только до тех мест, как сойдутся с рускими и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадальцы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки на море лед бывает ли, не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он, Володимер, казака для проведыванья иноземцов, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцов от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в 2 юргах живет людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до руских людей острогов у них было меньши, а при руских людех острожков наставили больши для опасения, и из тех острожков бьются — бросают каменьем, пращами и из рук большим каменьем с острогу мечют и обвостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам руские люди приступают из за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им бегать, и в тех воротах многих их иноземцов — противников побивают. А где острожки сделаны земляные, и к тем руские люди приступают и разрывают землю копьем, а иноземцам на острог взойтить — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи[ны] реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лодке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов курильским иноземцем проходит цениная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в камчадальской стороне повыше Камчатке к Каланской[7] Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцов нерпичей и каланской жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — и каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги деревяные крепкие.

А Амур река далеко ль—про то он не ведает.

А у пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, а поперег сажени $1^1/_2$, и в средине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах

человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а далеко ль на море в тех байдарах выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное по руски, для того что жил он с ним, Володимером, 2 годы, а иное говорил через толмач по корятцкому языку, для того что у иноземцов жил он до него, Володимера, два ж годы. А сказывался индейцом и золота де у них родится много, палаты цениные, а у царя де индейского палаты сребряные и вызолочены.

А у курильских иноземцов взял он, Володимер, сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним, Володимером, на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел и затем поворотил ево назад в Анандырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якутцкой выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же, Володимер, вез с собой камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил по руску, и в Кайгородцком уезде воспою умер.

А у сибирских иноземцов у всех учливости никакой нет — люди худые, чистоты никакой не имеют.

Чтения в Об-ве истории и древн. российских, 1891 г., кн. III, стр. 11 — 18.

ВОССТАНИЕ КАМЧАДАЛОВ В 1707—1711 гг.

3. „Челобитная" служилых людей Анциферова, Козыревского и других Петру I от 26 сентября 1711 г.

Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем 711 году, в Верхнем и в Нижнем в Камчадальских острогах, прежде бывшие прикащики от нас, рабов твоих, побиты*, а за что они, прикащики, побиты, и в той своей** страдничьей вине подали тебе, великому государю, за руками две челобитные в Верхнем Камчадальском остроге прикащику служилому человеку Алексею Александровых, апреля в 12 день. И за такую свою страдничью вину пошли мы, раби твои, вышеписанного месяца из камчадальских острогов служить тебе, великому государю, на Большую реку, умирять изменников, которые в прошлом 707 и 710 годех тебе, великому государю, изменяли и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли, а твою, великого государя, сборную ясачную казну разграбили, и прикащика со служи-

* См. ниже, документ № 4.

** В „Памятниках сибирской истории" ошибочно напечатано „твоей".

лыми людьми побили, и с того вышеписанного 707 году по нынешней 711 год повсягодно многих служилых людей побивали ж, а твою, великого государя, сборную ясачную казну, порох, и свинец, и пищали побитых служилых людей отбили ж. И будучи мы, раби твои, на Большой реке, апреля 23 числа, лутчего иноземца Кушугу с родниками ласкою и приветом под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежем из острогу его вызывали и вызвать не могли. И ныне от нас, рабов твоих, тот его Кушугин острог крепким приступом взят; и на том приступе нас, рабов твоих, многих на смерть испереранили, а иных каменем увечили, трех человек служилых убили, а его лутчего иноземца Кушугу из за бою в аманаты взяли, и ныне из за того аманата с родников его ясак тебе, великому государю, сбирается. И на том их месте мы, раби твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог земленой построили, а в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили[8]; а прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарыщи под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом, службою своею и радением мы, раби твои, к ясачному зимовью с ясачным платежем 8 человек призвали и ясак с них тебе, великому государю, взяли, а их в аманаты изсажали. И нынешнего ж 711 году, мая в 21 день, вор и заводчик, лутчей иноземец Большия реки Канач, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами, и подозвав к себе с иных многих посторонних рек иноземцов, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу с приступом приходили, хотя он, Канач, по прежнему своему лукавому умыслу и понадеяся на свое великое многолюдство, ясачное зимовье и острог взять, а нас, рабов твоих, побить, а из казенки аманатов выручить. И мы, раби твои, Большой реки острог и ясачное зимовье от таких неприятельских немирных иноземцов и от великого их многолюдства своим малолюдством отстояли, и казну твою, великого государя, и аманатов оберегли, и к ним на вылазку из острогу своего с ратным боем выходили и от острогу своего вспять их прогнали, и на побеге его пущаго вора заводчика Канача со изменники побили; а осталые иноземцы в крепкие остроги засели; и мы, раби твои, под острогом Тавачевым, маия с 21 числа июля по 8 число, стояли тайно, себе великой голод принимали и многими крепкими приступы приступали; а на приступех нас, рабов твоих, под тем Тавачевым острогом многих на смерть испереранили. И видя они, иноземцы, наши крепкие к себе приступы, отсидется в остроге не могли и из острогу своего выбежали; а иные осталые иноземцы тебе, великому государю, вину принесли. И ныне тот их Тавачев острог взят и разорен, а из 4-х острогов тутошних иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежем привели и умирили. А в прошлом, государь, в 706 году, будучи в Камчадальских острогах, прикащик Василей Колесов посылал в поход служилых людей в Курильскую землю для умирительства на немирных иноземцов. И будучи служилые люди в Курильской земле, от Курильского острогу видели за переливами землю по Пенжинскому морю, на той земле не были, и какие люди тамо пребывают и какую битву имеют и какими они промыслы промышляют, про то они в достаток, служилые люди, сказать не знали. А в нынешнем, государь, в 711 году, мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту Курильскую землю край Камчадальского Носу ходили; а где прежде сего служилые люди у Курильского острогу были, и от того их места до самого краю Камчадальского Носу 2 дни ходу, и с того Носу мы, раби твои, в мелких судах и байдаром за переливами на море на островах были, и до той земли доходили, где велено нам, рабом твоим, по твоему, великого государя, указу, проведать и дать той земле особой чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым переливом на первом острову, на усть Кудтугана реки, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой. И к бою ратному тамошние куриль-

ские мужики досужи, и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анандырского по Камчатскому Носу. И божиею помощию, у них, курильских мужиков, 10 человек побили, а иных многих испереранили, и 3 карбаса морских у них отбили. А на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу, а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьяго перья. А за другим переливом, на другом острову, на Ясовилке реке, живут иноземцы езовитяне, и собралось их многое число, а бою с нами они не дали, а чрез толмач под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом призывали. И они, иноземцы, нам, рабам твоим, сказали, что де мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде де сего с нас ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего; а впредь ясак тебе, великому государю, платить хотят ли, про то нам, рабом твоим, не сказали. И стояли против нас своим великим войском изоружены, на битву с нами были готовы. И мы, раби твои, стояли на той их земле двои сутки, а дать бою с ними, за своим малолюдством и за скудостию пороховою, не посмели и себя от них опасли. И с той их земли мы, раби твои, в новопостроенной земленой острог на Большую реку пришли сентября в 18 числе, и тому, государь, учинили за руками чертеж. И ныне мы, раби твои, против твоего, великого государя, указу, каков был дан указ прежде бывшим прикащиком о проведании в Курильской земле против Камчадальского Носу на море за переливами землю проведали. А которых прошлого 710 году мы, раби твои, Апонского государства жителей у немирных иноземцов на Жупановской реке по бобровскому берегу отбили[9], и они сказывают, что де от вышепомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море близь де Матмайского города и Апонского государства, и об том Матмайском и Апонском государстве радетельное свое тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальную видимую землю проведать впредь обещаемся.

Всемилостивейший государь, просим вашего величества, вели, великий государь, сию нашу челобитную в Верхнем Камчадальском остроге прикащику Василью Севастьянову принять и в Якуцк под отпискою челобитную и чертеж послать.

Вашего величества нижайшии раби служилые люди: Данило Яковлев сын Анцифоров, Иван Петров сын Козыревской, Алексей Посников, Матвей Дюков, Дмитрей Торской, Андрей Кутын, Алексей Меледин, Гаврило, Келтяка, Василей Барашков, Лука Савинский, Алексей Михалев с товарыщи, нынешняго 711 году, сентября в 26 день.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. I, стр. 459—464.

ВОССТАНИЕ КАЗАКОВ В 1711 г. И СВЕДЕНИЯ О СОБРАННОМ НА КАМЧАТКЕ ЯСАКЕ С 1707 ПО 1717 гг.

4. „Отписка“ якутских воевод Петру I от 14 марта 1712 г.

Великому государю (полное) холопи твои Яков Елчин, Иван Татаринов челом бьют. В прошлом, государь, 706 году, по твоему, великого государя, указу и по грамоте из Сибирского приказу, за приписью дьяка Ивана Чепелева, прибытии в Якуцку стольников и воевод Юрья да Михайла Шишкиных

послан на твою, великого государя, службу в камчадальские остроги для сбору твоей, великого государя, ясачной казны, якуцких казаков голова Володимер Атласов с новоприборными разных городов и с якуцкими служилыми людьми; и о той его, Володимеровой, с служилыми людьми посылке к тебе, великому государю, к Москве в Сибирской приказ писано. Да в прошлом же, государь, 707 году, маия в 28 день, в твоей, великого государя (полное), грамоте из Сибирского приказу, за приписью дьяка Ивана Чепелева, в Якуцк писано, велено послать из Якуцка в камчадальские ж остроги охотников и в неволю и холостых казаков и казачьих детей и промышленных людей добрых и ко всякому делу искусных 100 человек, да к тем в прибавку из Енисейска, из Тобольска, и из Брацкаго, и из Илимска, и из казачьих же детей 70 человек; а которые казаки или казачьи дети похотят вместо себя в ту службу нанимать из охочих и из гулящих, и им в ту службу нанимать и дать им в Якуцку твое, великого государя, денежное и хлебное и соляное жалованье против якуцких холостых казаков на 2 года, да по пищале человеку. Да в ту ж посылку дать 4 пушки малых да пороху мелкого винтовального 10 пуд, свинцу то ж число, да с Москвы твоего, великого государя, жалованья служилым людем денег 2000 рублев, да из Якуцка из таможенного и кабацкого сбору из иных доходов отпустить 3000 рублев, всего 5000 рублев, да товаров на иноземскую руку на 100 рублев, и призывать их иноземцов, всячески домогаючись, или службою, как возможно, под твою, великого государя высокосамодержавную руку в ясачный платеж немалое число. А которые люди на Камчатку реку пойдут, и в чем учнут быть противны, или непослушны, и станут играть зернью и каким воровством промышлять, и начальным людем, которые с ними посланы будут, тех служилых людей от воровства их унимать и за ослушание и воровство чинить им наказание, смотря по винам, бить кнутом и батоги; а которые и смертной казни будут достойны, и таких, за дальным разстоянием, казнить велено, не описываясь к тебе, великому государю, к Москве и в Якуцкой.

И по тому великого государя указу посланы из Якуцка на твою службу в камчадальские остроги прикащики и с ними якуцкие и новоприборные разных городов служилые люди: в 707 году сын боярской Петр Чириков, в 708 году сын боярской Иван Панютин, в 709 году пятидесятник Осип Липин, 710 году Василий Севастьянов, в 711 году дворянин Василей Колесов, а сколько служилых людей и на жалование им твоей, великого государя, денежной и подарочной казны и пороху и свинцу и пушек и ружья послано, и что им для той камчадальской службы твоего, великого государя, денежного и хлебного и соляного жалованья в Якуцку дано, о том к тебе, великому государю, к Москве в Сибирской приказ якуцкой прежней воевода стольник Дорофей Траурнихт и я, холоп твой Иван Татаринов, писали имянно в прошлом же 711 году, октября в 6 день, с якуцким сыном боярским Григорьем Ждановым с товарыщи. И в нынешнем, государь, 712 году, генваря в 30 день, в описке наказного прикащика казака Алексея Пещера из Верхнего Камчадальского острогу к прежнему воеводе Дорофею Траурнихту и ко мне, холопу твоему Ивану Татаринову, в Якуцк написано. Посланной же из Якуцка прикащик казачей пятидесятник Осип Липин, на перемену к прежнему прикащику сыну боярскому Петру Чирикову с служилыми людьми в камчадальские остроги пришел Пенжинским морем августа в 22 день 710 году, и в наличной твоей, великого государя, денежной и пороховой и свинцовой и оружейной и в подарочной казне и по спискам в служилых и промышленых людех и в аманатах, опричь сборной прошлых годов твоей, великого государя, ясачной соболиной и лисичной и бобровой казны с ним Петром росписался, а сборную твою, великого государя, соболиную и лисичную и бобровую казну Петр Чириков с служилыми людьми, которые наряжены были с тою казною в провожатых до Якуцка, из Верхняго

Камчадальского острога осенним временем сплавил по Камчатке реке, в батах, в Нижней Камчадальской острог, и убрана ясачная соболиная и лисичная и бобровая казна в анбарах. А Осип де Липин, в бытность свою в Верхнем Камчадальском остроге на приказе, декабря с 1 числа, собрав твоей, великого государя, казны 31 соболь и 3 лисицы красных, и декабря с 6 числа того ж 711 году поехал он, Осип, из того острогу в Нижней острог для розряду и о высылке кормов на другое море, на Кигиль, служилых людей, которые наряжены итти с твоею, великого государя, казною в Якуцкой город с Петром Чириковым по Пенжинскому морю, и ему де, Алексею, по заручной своей памяти, велел он, Осип, быть в Верхнем Камчадальском остроге закащиком, и для осторожности у твоей, великого государя, казны и у ясачного сбору и у служилых людей и у аманатов до его, Осипова, приезду; и управя де он, Осип, в том Нижнем остроге о твоей, великого государя, казне и о служилых людех, поехал в Верхней Камчадальской острог с прежним прикащиком Петром Чириковым. И генваря де в 29 день, прежних посылок у служилых людей Данила Анцифоровых с товарищи учинилась злая мысль: не допустя де до острогу из тех служилых 3 человека, по его, Данилову, с товарищи веленью, Харитон Березин, Григорей Шибанов, Степан Большаков ножем его, Осипа, зарезали до смерти. И пришед де они, Данило с товарищи, 20 человек, в ясачное зимовье, про то убийство сказали, а по дорогам де от нижнего зимовья поставили они заставы, чтоб о том в Нижней острог ведомости не пропустить. И учали де они, Данило с товарищи, призывать к своему зломыслию иных волских чинов людей и говорили: естли де кто с ними хочет служить на Большей реке и смирять неприятельских неясачных людей, тот бы к ним выступался. И по тому де их призыву пристали к нему, Данилу, с товарищи казаков 11 чел., а осталые де служилые люди в Верхнем Камчадальском остроге про тот их, Данилов с товарищи, злой совет не ведали. И собралось де у него, Данила, в Верхнем Камчадальском остроге служилых и промышленных людей 31 человек.

И генваря де в 30 день 711 году, они, Данило с товарищи, из Верхнего острогу собрався, пошли в Нижний острог, а для какова вымыслу пошли, того де они, Алексей и служилые люди, которые остались в Верхнем Камчадальском остроге, не знали ж. А смирить де и перехватать тех убойцев в то время было не с кем, потому что служилые люди разосланы в посылки по разным сторонним рекам для сбору твоей, великого государя, ясачной казны, а за теми де посылками осталось у него, Алексея, в том остроге служилых и промышленных людей, которые твоему, великого государя, указу были непослушны, малолюдство. И живет де он, Алексей, с ними, осталыми людьми, у твоей, великого государя, казны с великим опасением, боясь его, Данила, потому что он, Данило, собрався многолюдством, заводят круги, и называют его, Данило, атаманом, а Ивана Козыревского ясаулом, и учинены у них меж собою десятники, и вынесши де знамя, в ту злую мысль призывают и иных служилых и промышленных людей в неволю, кто итти не похочет, и тех убьют каршами. А после де убийства Осипа Липина, он, Алексей, своею посылкою собрав твоей, великого государя, ясачной соболиной и лисичной и бобровой казны в Верхнем Камчадальском остроге и с прежних ясашных изменников Пенжинского и Бобровского моря на 711 и на прошлые годы, всего и с Осиповым сбором 18 сороков 27 соболей, 153 лисиц красных, 5 лисиц сиводущатых, 28 бобров морских, и та сборная твоя, великого государя, ясачная казна ныне в Верхнем Камчадальском остроге положена в казенной анбар. Да в том же де казенном анбаре твоей, великого государя, казны после Осипа Липина, за всякими росходы, явилось в остатке на лицо денег по счету 2 р. 23 ал. 4 деньги, да воинских припасов 1 пуд 23 фунта пороху пушечного, 1 пуд 2 фунта пороху ручного в двух флягах, 2 пуда 11 фунтов свинцу,

268 ядер пушечных, знамя тафтяное ветхое, 3 пушки в станках, 8 пищалей гладких, 2 дротика, да товаров на иноземческую руку 26 фунтов меди в котлах, 25 фунтов олова в блюдах и прутового, 10 фунтов одекую, да бумаги пищей 50 дестей, 2 нопарьи, в том числе 1 ломаная, безмен весчей, гиря и оправа медные; да пожитков Якова Ярославцова, которые доправлены на нем и взяты в твою, великого государя, казну, 6 сороков 23 соболя за деньги, что даны ему были в Якуцку из твоей, великого государя, казны 500 рублев в посылку в камчадальские остроги служилым людем на жалованье; и тех де денег он, Яков, в камчадальском остроге на лицо не отдал; да в том анбаре 2 лисицы бурые без хвостов, драные и прелые, которые принесли в ясашную избу вышеписанные Данило Анцифоровых с товарищи, а взяли де они те лисицы у прежняго казачья головы Володимера Атласова. Да они ж, Данило Анцифоров с товарищи, принесли Верхнего острога в ясачное зимовье и отдали ему, Алексею, твои, великого государя, всякие дела, и окладные денежные приходные и расходные и ясашные книги, и указные памяти, и прикащичьи росписные списки и всякие записки; а которых годов и по имяном прикащиков приходные и расходные книги и дела и записки и указные памяти, того имянно в той его, Алексеевой, отписке не написано. Да в том же де анбаре объявилось твоей, великого государя, десятинные казны сбору бывшего прикащика Осипа Липина, что он собрал с промышленных людей 17 соболей, да денег 8 р. 10 ал. И марта де в 20 день того ж 711 году, вышеписанные воры Данило Анцифоров с товарищи, приехав в Верхней Камчадальской острог, вызвав к себе на постоялый двор прежнего прикащика сын боярского Петра Чирикова, которому идти было с твоею, великого государя, ясачною казною в Якуцкой, и связав ему руки назад, и наложа на ноги кандалы, бросили его в воду и в воде кольями убили до смерти. И апреля де в 17 день, после убийства прикащиков Осипа Липина и Петра Чирикова те убийцы, Данило Анцифоров с товарищи, с 75 человеки, ему, Алексею, в Верхнем остроге в ясачной избе подали за своими руками три повинные челобитные о убийстве казачья головы Володимера Атласова и прикащиков Осипа Липина и Петра Чирикова, каковы челобитные он, Алексей, под отпискою своею прислал в Якуцк. А в тех их повинных заручных челобитных 75 человек, в том числе в первой и второй написано: Осипа де Липина и Петра Чирикова убили за то: будто они, Осип и Петр, твоею, великого государя, казною воровали и в камчадальских острогах своею упрямкою тое казну остановили, и ясачных иноземцов своими обиды и налоги в шатость привели, и денежное де жалованье у них, казаков, отъимали, и непомерные к ним великие обиды и налоги чинили; а челобитчиков де их до Якуцка они, прикащики, ведая на себя многие улики и воровство, не допустили б и в том де их прикащичьем убийстве тебе, великому государю, они, Данило с товарищи, вину свою приносят [10]. А против де челобитья их, Данилова с товарищи, в Нижнем Камчадальском остроге прикащик Козьма Марманской для умирения на Большей реке изменников из твоей, великого государя, казны пороху и свинцу им не дал за скудостью де порохов и свинцов купить им нечем. И они де, Данило с товарищи, после побитых прикащиков пожитки свои у них взяли, которые нападками своими они, прикащики, с них, казаков, брали, в том числе у Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 30 бобров морских и на те де взятые соболи и лисицы купили пороху, нарты с собаками, куклянки и парки, и пошли де они, Данило, служить тебе, великому государю, на Большую реку. Да в прошлом де 710 году, по Камчатскому Бобровскому морю в Калигирскую губу Апонского государства жителей на бусе принесло 10 человек, и ту их бусу в Калигирской губе к земле морем розбило, и подсмотря их неприятельские иноземцы боем на них напущали и 4 человек убили, 6 человек к себе в полон взяли, и они, служилые люди, тех иноземцов 4 человек боем отбили.

И в прошлом 711 году Апонского государства вышеписанные из тех 4 человек двое, живучи в камчадальских острогах, по руски говорить надозналися малое число, а сказывают де государство свое Эдо, а около того их государства стоят 7 городов не по дальному разстоянию, но поблизку город от города. А стоит де их государство против Камчацкого Носу на Пенжинском море на острову; а сказывают, в своем государстве и в городех золото и серебро родитца, камки и китайки и дабы делают; а про иные свои товары и которые руские им удобны сказать в достаток не знают, для того что они рускому всему разговору вскоре не навыкли. В третьей челобитной написано. В прошлом де 711 году ведомо им, Данилу с товарищи, учинилось: казачей голова Володимер Атласов держит у себя в доме доброго зверя лисицу чернобурую, и они де приехав в Нижней Камчадальской острог небольшими людьми и хотели его, Володимера, связать и про такого доброго зверя спросить, и он с служилыми людьми стал дратся, и служилые де люди Алексей Посников, Григорей Шибанов, Андрей Петровых, боронясь от себя и опасаясь от него, Володимера, к себе убойства, с их казачья совету, в такой случай убили его, Володимера, до смерти, а после де того нашли они в доме у жены его, Володимеровой, 2 лисицы бурые, которые отдали они в Верхнем остроге в твою, великого государя, казну, а про третью де добрую чернобурую лисицу жена его, Володимерова, в Нижнем остроге в ясачной избе им сказала: муж де ее, Володимер, в 707 году на оборе тое лисицу бросил в огонь.

Да Верхнего ж и Нижняго Камчадальских острогов осталых служилых и промышленных людей Алексея Александровых, Федора Ярыгина, Семена Ламаева*, с товарищи, 91 человека, которые в злую мысль и в совет к Данилу Анцифорову с товарищи не пристали, в дву их известных челобитных, каковы под отпискою прислал Алексей же Пещора, написано. Камчадальские де казаки, вор Данило Анцифоров с товарищи, забыв страх божий и преступя крестное целованье, вышепомянутых казачья голову и прикащиков Осипа Липина, Петра Чирикова побили до смерти и пожитки их по себе разделили, и чтоб те их изветные челобитные на таких воров и крестопреступников ему, Алексею, для оправдания их, в Камчадальских острогах принять и под отпискою послать в Якуцк, чтоб им впредь напрасно от них, Данила с товарищи, воровства не погинуть и не раззорится. Да вышеписанные ж Данило Анцифоров с товарищи били челом тебе, великому государю, а в Верхнем Камчадальском остроге тому ж Алексею Пещере подали за руками своими челобитную, а в челобитной их написано. Идут де они, Данило с товарищи, служить тебе, великому государю, на Большую реку, для умирения неприятельских людей и приводить под твою, великого государя, царскую самодержавную руку и в вечной ясачной платеж призывать, и чтоб им из твоей, великого государя, казны выдать пороху и свинцу и подарочной казны. И он, Алексей, против челобитья их, выдал им 20 фунтов пороху пушечного крупного, 10 фунтов ручного, 12 фунтов свинцу, да подарочной 5 фунтов одекую, котел зеленой меди, весом 5 фунтов, а из Верхняго Камчадальского острогу с ним, Данилом, служилых и промышленных людей всех собралось 44 ч., а с ним де, Алексеем, осталось в Верхнем остроге служилых людей только 45 человек, в том числе иные престарелые и хворые. Да генваря вышепомянутого 30 числа ныняшняго 712 году, из Нижняго Камчадальского острогу в отписке закащика казак Козьмы Марманского в Якуцк к прежнему воеводе Дорофею Траурнихту и ко мне, холопу твоему Ивану Татаринову, написано. Прикащик де Осип Липин пришел в Камчадальские остроги августа в 22 день 710 году и прежнего прикащика Петра Чирикова в Нижнем Камчадальском остроге заехал, и во всем он, Осип, с ним, Петром, расписался, опричь сборной твоей,

* В „Памятниках сибирской истории“ ошибочно напечатано „Лалаев“.

великого государя, ясачной казны. А росписався де он, Осип, пошел из Нижнего в Верхней Камчадальской острог, а его, Козьму, оставил в том остроге закащиком для сбору твоей, великого государя, ясачныя казны, а зимовье и служилых людей и аманатов у Петра Чирикова принял с роспискою. А росписався де он, Осип, его, Петра, и служилых людей, которые наряжены были со сборною твоею, великого государя, ясачною казною в провожатых в Якуцк из Верхнего Камчадальского острогу в Нижней острог, по осени водяным путем на поромах отпустил всяких сборов прошлых годов 155 сороков 15 соболей, две лисицы бурые, лоскут лисицы бурой 14 лисиц сиводущатых, 1794 лисицы красных, 172 бобра морских да на 711 год собрал он, Козьма, со служилыми людьми в Нижнем Камчадальском остроге ясачные казны 24 сорока 16 соболей, 2 лисицы сиводущатых, 442 лисицы красных. Да в твоей, великого государя, казне прежнего прикащика Петра Чирикова пожитков 20 сороков соболей, шуба пластинчатая, лисица, за его, Петровою, печатью 50 лисиц красных, служивого человека Семена Ламаева 15 сороков соболей, промышленного Ивана Орехова 8 сороков соболей да таможного десятинного сбору 191 лисица красных, 15 бобров морских, 6 лисиц сиводущатых, да годового оброку с промышленных людей 7 соболей, 3 лисицы сиводущатых, 90 лисиц красных. Всего в камчадальских острогах твоей, великого государя, соболиной казны и таможенного сбору и прикащичьих пожитков 248 сороков 25 соболей, шуба пластинчатая, 3 лисицы бурых, лоскут лисицы бурой, 30 лисиц сиводущатых, 2648 лисиц красных, 215 бобров морских, и та сборная твоя, великого государя, окладная и неокладная казна в Нижнем положена в казенной амбар. И будучи де он, Осип, в Верхнем декабря по 6 число, и с того числа поехал он, Осип, в Нижней Камчадальской острог, для отпуску в Якуцкой с твоею, великого государя, казною и для наряду служилых людей. И приехал де он, Осип, в Нижней декабря в 13 день, и с твоею, великого государя, казною нарядил он, Осип, служилых людей в Якуцкой Пенжинским морем из Нижняго за волок на другое море на Кигиль с кормами, и управя де он, Осип, в Нижнем об отпуске твоей, великого государя, казны, поехал в Верхней острог с Петром же Чириковых генваря в 13 день. И февраля де 1 день 711 году, Верхняго Камчадальского острогу служилые люди Данило Анцифоров, Иван Козыревской, в четырех человеках, приехав в Нижней острог в самое оплошное время, повечеру, и приезд де его, Данилов, в Нижней острог никто служилые люди не ведали. И подослал де он, Данило, к голове казачью Володимеру Атласову в дом с ложною составною грамоткою 3 человек служилых людей; Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых и велел зарезать его, Володимера, до смерти, в кое время он, Володимер, приняв грамоту, учнет прочитать. И они де, Алексей Посников с товарищи, пришед, застали его, Володимера, в доме соннова и в верхней горнице зарезали ножами до смерти. И то ж де время послал он, Данило, по товарищей своих, а товарищи де его, Даниловы, были оставлены в прикрытом месте в лесу, от острогу разстоянием в полуверсте, и объявилось с ним, Данилом, казаков из Верхнего острогу 31 человек, и стали де они, Данило, десятками своими на 3 двора, с нарядным делом, с оружьем и с копьями и учали де статки и животы прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина делить по себе и служилых людей к себе в думу призывать. И подозвал де он, Данилов, в том Нижнем остроге к себе в злую думу и в шатость служилых и бездомовных 31 же человека, и собралось де у него, Данила, в той злой думе многолюдство.

А из Нижнего де острогу служилые люди многие были в тех числах разосланы для ясачного твоего, великого государя, сбору в разные иноземские остроги и по рекам; а за теми де розсылками оставалось в том остроге всякого служилого люду малое число, и ныне де в Нижнем остроге после его, Данила Анцифорова, осталось на лицо только 78 человек, и из них

многие стары и дряхлы и твоей, великого государя, службы служить не могут, а в злой де совет те служилые люди к Данилу Анцифорову не пошли. И он де, Козьма, с теми осталыми вышеписанными служилыми людьми живет у всей твоей, великого государя, казны с великим опасением и бережью, боясь от злых худых многолюдства людей такова ж убийства, потому что де он, Данило, с товарищи заводили круги и знамена выносили, и под знаменем друг друга каршами били, и называли его, Данила, атаманом, и меж собою ясаулами и десятниками росписывались. Да в том же де Нижнем остроге были за караулом 4 человека полонеников Апонского государства, которых взял в походе прежней прикащик Петр Чириков на Бобровском море бусою розбитых морем, изготовлены были в отпуск в Якуцкой, из того де числа Данило Анцифоров с товарищи взяли сильно 2 человек и увезли с собою, а ныне де осталось в Нижнем остроге тех полоненников 2 человека. Да в тех же числах он, Данило, товарищей своих, 8 человек, на Пенжинском море на Кигиль реку посылал по пожитки Володимера Отласова. И те его, Даниловы, посыльщики ездя на Кигиле реке, пожитки Володимера Отласова взяли и кормовые запасы служилых людей, у которых были перевезены в отпуск в Якуцкой за волок, все побрали и твои, великого государя, судовые припасы, паруса и шеймы, которые оставлены были от прикащика Осипа Липина, и те де парусы драли и судовые припасы резали и по себе делили. И от того де их, Данилова, убийства и грабежу, тем Пенжинским морем в Якуцкой отпуск учинилась твоей, великого государя, казне остановка. И он де, Козьма, с служилыми людьми, с тою твоею, великого государя, вышеписанною сборною всякою наличною казною и осталыми двумя человеки посланниками намеряет итти Олюторским морем и строить по Камчатке реке под твою, великого государя казну суды мелкие, скудости ради и недостатков снастей и парусов. А по Пенжинскому морю, при бытности своей, бывшей прикащик Осип Липин хотел итти с одною твоею, великого государя, соболиною казною, а лисичную же и бобровую оставить в Нижнем остроге для того: им де тем Пенжинским морем со всею казною поднятца не на чем; и на Кигиле де реке служилые люди судового лесу на строение судов не обискали; а Осип де Липин пришел на 6 судех мелких, и всю твою, великого государя, казну теми мелкими судами поднять было ему не в мочь же. И по вышепомянутым, государь, камчадальских прикащиков Алексея Пещеры и Козьмы Марманского отпискам, февраля в 2 день нынешняго ж 712 году, прежней воевода стольник Дорофей Траурнихт и я, холоп твой Иван Татаринов, велели ту камчацкую сборную 707 и 708 и 709 и 710 и 711 годов твою, великого государя, казну и всякую мягкую рухлядь посланному нынешняго 712 году прикащику, дворянину Василью Колесову, с прежним прикащиком с Васильем Севастьяновым, или с кем надлежит, выслать в Якуцкой без всякого одержания, и до Акланского и Анандырского велети твою, великого государя, казну везти с великим опасением, чтоб до Анандырей ту казну проводить от немирных иноземцов и довезти в целости.

А вышеписанных воров и бунтовщиков, пущих к злому умыслу заводчиков и смертных убийцов, Данила Анцифорова, Харитона Березина, Степана Большакова, Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых в смертном убийстве камчадальских прикащиков казачья головы Володимера Атласова, Осипа Липина, Петра Чирикова, по их, Даниловым, с товарищи повинным челобитным, и пущих заводчиков всех, которых у тех челобитен руки есть, сыскав роспросить, и в том злом умысле и в смертных убивствах пытать накрепко, кто из них к такому злому умыслу и к смертному убийству, сверх Данила Анцифорова с товарищи, еще пущие заводчики. А по роспросам и пыточным речем, по твоему, великого государя, указу и по соборному уложенью и по градским законам, и по новым статьям

177* и по статьям же 192** и по наказным статьям 205***, и по 3 твоим, великого государя, грамотам 707 годов, и их повинных челобитен, тех вышепомянутых воров и смертных убийцов, Данила Анцифорова с товарищи, 6 человек, буде они с пыток в том убийстве против своих повинных челобитен повинятся, при многих руских людех и иноземцах, велели казнить смертию для того, что они в повинных своих челобитных написали: убили де они вышепомянутых прикащиков Володимера Атласова за то, будто он с казаками стал драться, а Петра Чирикова и Осипа Липина будто за изгони и налоги их и за отерь у них денежного жалованья. Да и для того их воров велели казнить смертию, чтоб в такой дальней стране впредь иные также воровать не помышляли и к такому злу не приставали и прикащиков побивать до смерти не дерзали; а достальным всем, которые в том злом совете и умысле были, велели учинить жестокое наказанье, бить кнутьем, и сказать им твой, великого государя, указ с подкреплением, что им за такое их злое дело учинена легкая казнь, чтоб они вины свои тебе, великому государю заслужили и впредь бы так не делали. И о том к камчадальскому прикащику к дворянину Василью Колесову послана в путь в нагонь, наскоро, указная память с нарочными посыльщики, с якуцкими казаками с Тимофеем Воробьевым, с Григорьем Кожевиным, а под тою указною памятью, для подтвержения, из твоего, великого государя, указу, из соборного уложенья и из статей и из грамот послана к нему, Василью, выписка И в Камчадальском остроге со всего посланного твоего, великого государя, к Василью Колесову указу списав списки, велено оставить в ясачных избах впредь для ведения и страху таким ворам. А животы убитых прикащиков и каженных воров пожитки, что их явитца, и 4 человек полонеников отискав, велено прислать в Якуцк с твоею, великого государя, сборною казною вместе. А служилым людем, Алексею Пещере, Семену Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманскому, Ивану Харитонову, Петру Иконникову с товарищи, которые к тому злому умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всем народе твое, великого государя, милостивое слово. А что по тому делу учинено и как та твоя, великого государя, казна в Якуцкой в присылке будет, о том к тебе, великому государю, мы, холопи твои, станем писать впредь с нарочными посыльщики не замотчав. А сию отписку к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России, послали мы, холопи твои, через почту до Илимска с посыльщики, с казаком с Иваном Орефиным с товарищем, марта в 14 день нынешняго 712 году, и велели подать в Сибирском приказе губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину с товарищи.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. I, стр. 472—486.

5. „Отписка" прикащика камчатских острогов Колесова якутскому воеводе Траурнихту от 25 июня 1713 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, стольнику и воеводе Дорофею Афонасьевичю да дьяку Ивану Сергеевичю камчадальских острогов прикащик Василей колесов с товарыщем челом бьют. В нынешнем 1713 году, июня по 25 число, собрали мы в камчадальских острогах и на Большей реке с ясачных иноземцов и с новоприписных в казну великого государя ясаку окладных и за лисицы сиводущатые и за красные 60 сороков 14 собо-

* В 1669 году.
** В 1684 году.
*** В 1697 году.

лей [11], в том числе убьенного от иноземцов Данила Анцыферова[13] и вершеных Большей реки прежних убойцов казаков 14 соболей, 380 лисиц красных, в том числе 4 лисицы сиводущатых. Да в том же числе 4 лисицы красных, которые взяты вышеписанного убьенного Данила Анцыферова и у вершеных казаков, да 95 бобров морских, в том числе и кошлоки. А с достальных ясачных иноземцов великого государя ясак мы добираем с великою нуждею, а многие ясачные иноземцы в Камчадальских острогах в нынешнем 713 году примерли, а иные розбрелись в отъемные места и по речкам, а иные от разбойника Констентина Кыргызова[13] с товарыщи от налог его и от обид тако ж разбежались и жилиц своих отстали. А с тою сборною вышеписанною великого государя ясачною казною в нынешнем 713 году из камчадальских острогов мы идти в Якуцкой, за малолюдством, не посмели, потому что Ивана Козыревского в пятидесять в пяти человеках из камчадальских острогов для проведыванья Апонского государства и морских островов за переливы мы отпустили[14]; да и для того, чтоб идучи дорогою в пути, от немирных иноземцов путь вельми тесен и прискорбен и выход тяжел, чтоб они, иноземцы, скопом своим, дорогою, видячи наше малолюдство, казны бы великого государя не отбили и нас бы со служилыми людьми не прибили. А с тою его, великого государя, с ясачною со сборною казною хотим мы итти из камчадальских острогов в Якуцкой город в предьбудущем 714 году, летним временем, Олюторским морем, на новопостроенных судах, которым путем шел из камчадальских острогов прежней прикащик Василей Савастьянов. И об том пути, что хотим мы впредь будущей год итти из камчадальских острогов со сборною ясачною великого государя казною в Якуцкой город Олюторским морем, в нынешнем 713 году вышеписанного числа писали мы из камчадальских острогов в Анадырской острог к прикащику к сыну боярскому Ефиму Петрову, чтоб он, Ефим, из Анадырского прислал бы на Олюторскую реку анадырских жителей, служилых и промышленных людей, и ясачных юкагирей, к выходу нашему с ясачною великого государя казною, чтоб нам с теми анадырскими служилыми и с промышленными людьми и с юкагирми та б камчадальская ясачная сборная великого государя казна оберечь и себя опасти, и чтоб они, иноземцы, за неприсылкою прикащика Ефима Петрова в помочь нам людей, ту б его, великого государя, казну ратным боем не отбили и нас бы и служилых людей не прибили. А в прошлом 712 году на Большей реке построен новой земляной острог, а на ту Большую реку в нынешнем 713 году апреля в 20 день отпустил я от себя прикащиком служилого человека Петра Неворотова. Да в нынешнем же 713 году, июня в 20 день Нижнего Камчадальского острогу нартеной откупщик служилой человек Иван Прибылой подал мне за своею рукою челобитную, и ту челобитную послал я с сею отпискою в Якуцк. А с сею отпискою послал я в Якуцкой город и с иными делами из камчадальских острогов нарочных посыльщиков и велел тем посыльщиком, промышленному Петру Тугуеву да новокрещеному Степану Беляеву явитца в приказной полате тебе стольнику и воеводе Дорофею Афонасьевичю да дьяку Ивану Сергеевичю.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. I, стр. 5 2—511.

6. „Отписка" прикащика Анадырского острога Татаринова якутскому воеводе Немтинову, вторая половина августа 1716 г.

Господину Петру Афанасьевичю, дьяку Ивану Сергеевичю Петр Татаринов челом бьет. В нынешнем 716 году, маия в 16 день, писал из камчадальских острогов прикащик, пятидесятник казачей Алексей Петриловской, которой послан был от меня из Анандарского в камчадальские остроги

в прошлом 714 году, а в отписке ево написано. В прошлом де 715 году, июня в 7 день, пошел он, Алексей, из Алюторского новопостроенного острога с оставшими служилыми людьми и с олюторскими аманаты, сидя в осаде от изменников коряк, оленных и сидячих, и за нуждою кормов, и пришел Алюторским морем на Камчатку, на судах, июля в 9 день того 715 году. И принял он, Алексей, у тамошнего прикащика у Ивана Козыревского, которого оставил по отъезде своем на Камчатке прикащик дворянин Иван Енисейвской, камчадальские Верхней и Нижней и на Большой реке остроги, и служилых людей и аманатов и казну великого государя пороховую всю, что было на лицо, да ясачные казны и всякого доходу сбору 715 году 67 сороков, 19 соболей, 68 бобров, 969 лисиц красных, в том числе 4 лисицы недошлых, да 11 лисиц сиводущатых, лисица чернобурая недошлая, да лисица бурая, 3 лисицы буренские, 7 лисиц с буренки, 3 лисенки буренки, в том числе 1 голой, да в том же числе у другова черево прело, да лисица буренкая, шерсть голубая; да явленных и положеных в казну великого государя выпеписанного камчадальского прежнего прикащика Ивана Козыревского имения 30 сороков 20 соболей, 100 лисиц красных, лисица с буренка да казака Федора Балдакова явленой загривок лисицы буренкой, да лисица буренкая без загривка. Да в нынешнем 716 году, апреля по 4 число, собрал де он, Алексей, великого государя ясачные казны в камчадальских острогах 48 сороков 14 соболей, 787 лисицы красных, в том числе 8 лисиц сиводущатых, да 53 бобра. Да в нынешнем же 716 году, августа с 11 числа, ходил я из Анандарского острогу при мне будущими с дворянином Степаном Трифоновым и со служилыми людьми, во 120 человеках, пешие, в ношах, на Пенжину к корякам, в оленные коряки ж, для умирения и призыву их, коряк, царского величества под высокую руку в ясачной платеж по прежнему и для прииску и призыву вновь таких же ясачных народов.

И августа в 16 день нынешняго 716 году ходил от Анандарского хребта наперед от нас на Пенжину реку дворянин Степан Трифонов в 16 человеках, для подсмотру коряк; и подсмотрели Акланского острогу сидячаго коряка, Тулпуя юрту на рыбном промыслу. И тот коряка, увидя наших неколиких людей, сам убежал, а юрту свою и жену и детей оставил; а на разговор тот коряка наших служилых людей не дался и к нам не пошол. Да того ж августа в 23 день нашли в Пенжине реке они, Степан Трифонов, коряк акланских же на дву поромах 6 человек с женами и с детьми и учали их разговаривать всячески, чтобы они склонились по прежнему царского величества под высокую руку в ясачной платеж. И на разговор те коряки им, Степану с товарищи, не дались и учали с ними дратся. И те коряки от наших Степана Трифопова с товарищи побиты, а дети их в полон взяты; и позаде тех дву поромов шли по той же реке на пороме коряки же, и послыша тот бой, на том нижнем пороме те коряки уплыли вниз назад по Пенжине реке и корякам всем весть подали.

И после того пришел я со служилыми людьми на тое Пенжину реку, оголодовав, и на той реке корму добыть рыбного и никакого не могли и плыть в даль по той реке в немирные люди голодные не посмели, а за превеликим голодом возвратились в Анандарской острог с великою трудностью. А ныне в Анандарску в казне великого государя пороху самое малое число, и о присылке из Якутцка, впредь для обережи от изменников юкагирей и коряк и военного случая, пороху доброго мелкого учинить по указу великого государя.

На подлинном пишет тако. Капитан Татаринов.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. II, стр. 120—122.

7. Донесение приказчика Нижнекамчатского острога Уваровского якутскому воеводе Ельчину от 17 сентября 1719 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, в Охоцкой острог, или где ни будет, полковнику Якову Агеевичю, Камчадальского Нижнего острогу прикащик, сотник казачей Иван Уваровской челом бьет. В прошлом 718 году послан я, по указу великого государя, в Камчадальской Нижней острог, и я на Камчатку в Нижней острог пришел того же 1718 году октября в последних числех и Камчадальской Нижней острог принял у прикащика служилого человека Григорья Суровцова и служилых людей. А он, Григорей, пришел на Камчатку того ж 718 году в июне месяце из Анадырска от капитана Петра Татаринова, а с ним Григорьем пришло служилых людей 65 человек. А ныне в Камчадальском Нижнем остроге всех служилых и промышленных людей 120 человек.

А казну великого государя всякую и пожитки бывшаго прикащика Алексея Петриловскаго принял я у бывших прикащиков у Козьмы Вежливцова да у Алексея Колычева; а той казны коего году, и сколько чего, и каким зверем, и чьих пожитков, и то все имянно писано. 715 году сбору Ивана Козыревского 68 сороков 19 соболей, да 1090 лисиц красных, в том числе 16 лисиц сиводушек, да лисица бурая, лисица чернобурая недошлая, 3 лисицы буренких, 7 лисиц с буренка без загривков, 3 лисицы буренких плелых, лисица с буренка голубая, да 67 бобров, в том числе 4 кошлока; да поклонные Ивана Козыревского 31 сорок 20 соболей, да лоскут, по передним лапам лисицы буренкие, да 100 лисиц красных, в том числе 15 недолисей, да 13 бобров, в том числе 1 кошлок; да поклонных же служилого человека Федора Балдакова лисица крестовка, да загривок, по передним лапам лисицы буренкой. Да 716 году сбору Алексея Петриловского и с привозом олюторским 58 сороков 31 соболь да 1116 лисиц красных, в том числе 21 лисица сиводущатая, лисица да лоскут буренкие, да лоскут же олюторской; да поклонные Алексея Петриловского недолись буренкая, да 3 лисицы сиводущатых; да сборные же ясачные 73 бобра, в том числе 6 кошлоков, в том числе 3 бобра с откупщиков картеных взято. Да поклажи промышленного человека Аники Батюшкова лисица бурая да 2 сорока соболей да 9 бобров, в том числе два кошлока, в том же числе у двух бобров по лоскуту вырезано. И в той поклаже он, Аника, подал великому государю челобитную, что в той поклаже его бити челом и исцом стоять казаку Ивану Шамаеву, и та челобитная под сею отпискою выслана к тебе ж, полковнику Якову Агеевичю. Да 717 году сбору Козьмы Вежливцова да Алексея Колычева 22 сорока 1 соболь, да 262 лисицы красных, в том числе 13 лисиц сиводущатых, да в вышепомянутом же числе 12 пластин собольих без лап и без хвостов, да 2 лисицы буренких, да 54 бобра, в том числе 6 кошлоков, да 20 парок собольих больших и малых, в них же вшито 7 пластин лисьих, да 2 лоскута собольих в шивках, в них же 6 чемеров собольих, да 5 малахаев собольих, да 6 хвостов собольих, да 3 парки лисиц красных, да парка же сваленая в лоскутах, да парка же в ней 3 пластины собольи, да лоскутья красные. Да 718 году сбору Козьмы же Вежливцова да Алексея Колычева 56 сороков 10 соболей, и в том числе 3 соболя по пупкам пороты, и те 3 соболя не высланы, да 2 лисицы буренкие, 1034 лисицы красных, в том числе 12 лисиц сиводущатых, 63 бобра, в том числе 5 кошлоков. А вышеписанная казна которого году или чьих пожитков соболи и лисицы бурые, или какого приходу, и те соболи и лисицы за ярлыками и за печатью моею имянно. Да оборных пожитков Алексея Петриловского 140 сороков с однем сороком 29 соболей, в том числе 154 соболя без хвостов, да в том же числе 3 пластины, 1542 лисицы красные, в том числе и недолиси есть, да 161 лисица сиво-

дущатая, в том числе 16 хребтин, да 169 выдер, в том числе 19 черев выдерых, да 207 бобров, в том числе 97 кошлоков, шуба соболья пластинная под камкою вишневою, пушена хвостами, шуба соболья пластинная под камкою же вишневою васильковою, шуба соболья пупчетая под камкою рудожелтою, 5 мехов собольих пластинных и с рукавами, санаяк соболей, оплечье лисиц сиводущатых, парка соболья, оплечье бобровое, санаяк лисиц красных, оплечье лисиц сиводущатых, 2 санаяка бобровых, оплечье сиводущатое, санаяк выдряной, оплечье бобровое, шуба лисиц красных под камкою лимонной, 2 шубы лисиц красных под китайками, ветхие, мех сиводущатой хребтовой, мех черевей сиводущатой, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровой, 4 полы собольи загривчатые да лоскут шитой мех дущатой соболей, да 5 лоскутов лбовых, 2 полы да хребет лапчетые лисиц сиводущатых, три полы да два хребта да рукав лапчетые собольи, шуба лапчетая лисиц красных, ветхая, под отласом лазоревым, одеяло бобровое, куклянка соболья, парка соболья пупчетая, мех лапчетой лисиц красных без рукавов, два меха да парка бобровые, треух соболей хвостовой без верху, 100 хвостов лисьих, 250 пупков собольих, 4 шапки собольи и с вершками 3 подскора собольих, двои рукавицы собольи под сукном, 2 малахая собольих, 485 хвостов собольих, пояс с ножем и с пожнями, оправа серебряная, чарка да ложка серебряные, 7 блюд да 7 торелей оловянных, 3 чети табаку да 3 аскурги бисерные, 2 игры карт да подскор дущатой лисиц сиводущатых да 5 писем неистовых и те письма за печатью высланы же под сею отпискою. А из вышеписанных его, Алексеевых, пожитков, против челобитной его, выдано ему, Алексею, на подъем 200 лисиц красных да 27 бобров и кошлоков, да санаяк бобровой, 2 шубы под китайками старые, да шуба лапчетая лисиц красных под отласом, 2 меха да парки бобровые, малахай соболей, 7 блюд да 7 торелей оловянных, а 2 игры карт здесь в Камчадальском остроге оставлено. А той великого государя сборной казне тех годов следуют книги, и те книги, против указу великого государя, для счету высланы к тебе, полковнику Якову Агеевичю, а с теми книгами посланы прежние прикащики Козьма Вежлицов да Алексей Колычев, да выслан же и Алексей Петриловской для отчету той казны, да поклажи сына боярского Назара Колесова лисица крестовая. А ту великого государя вышеписанную казну выслал на Большую реку с сыном боярским Семеном Жинбицким, против указу великого государя, для отправления судном через море. А в Камчадальском Нижнем остроге и к тому в присутствующих уездах казна великого государя с ясачных иноземцов, ради их скудости на 719 год марта по 21 число в полусборе и ту сборную казну, для недобору. и ради скудости подводной, на Большую реку не выслал, а высланы ж будут в скорости. А достальной недоборной ясак с ясачных иноземцов сбираю в казну великого государя с великою нуждою. А Большия реки прикащик Василей Качанов пишет о присылке служилых людей, кои пришли из Анадырска, и тех служилых людей к нему послать, без указу великого государя, не смею, а коих, против указу великого государя, для построения городоваго 10 человек к нему выслал. Да промышленные люди подали мне челобитную о приверстке в службу, или о сбавке податей и оброков ради их равныя с рядовыми службы, и та челобитная послана под сей же отпискою. И об том ты, полковник Яков Агеевич, что укажешь. А с сею отпискою посланы служилые люди Иван Шамаев, Козьма Харитонов, Егор Бобякин. Да по повелению твоему, Яков Агеевич, послан же Петр Литвинцов.

719, сентября в 17 день, подал Ларион Бобякин.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. II, стр. 252—256.

II. ВОССТАНИЕ КАМЧАДАЛОВ В 1731—1732 гг.

Экономическое положение камчадалов и „курильских иноземцев“ накануне восстания 1731 г.—Начало восстания и первые о нем сведения.—Взятие русскими Нижнекамчатского острога и уход восставших на реку Еловку.—Поход солдата Змиева с командой бота „Гавриил“ на реку Еловку для борьбы с восставшими камчадалами.—Причины, цели и ход восстания по показаниям пленных камчадалов.—Поход солдата Змиева и других для усмирения восставших камчадалов на рр. Озерную, Харюзову и Авачу в 1732 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАМЧАДАЛОВ И „КУРИЛЬСКИХ ИНОЗЕМЦЕВ“ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1731 г.

8. Приказ капитана Беринга комиссарам и управителям камчатских острогов от 11 июля 1728 г.

Нижняго Камчадальскаго острогу и протчих острогов камисаром, а в небытность их — управителем, объявляется.

Сего 728 году марта в разных числех Уки реки, также и по реке Камчатке лутчие иноземцы доносили мне словесно чрез толмачей, а многие и сами росийским языком об своих обидах доносили, что сверх ясаку и аманацкого корму сбирают с них сладкую траву, ягоды и сарану, от чего им не малая тягость и терпят голод. Также, когда сбирают ясак сборщики, то для своей бездельной корысти берут от них сильно куклянки, сети и баты, от чего чинитца не малой недобор в ясашной сборной казне.

Ныне подтверждаю сие письменно, чтоб отнюдь камисаром и управителем для своей бездельной корысти сами, также и позволения служилым людем не давали таких сборов сбирать с иноземцов и обид им никаких не чинить, кроме что от Якуцкой канцелярии указом повелено будет. А ежели кто такие непотребные сборы и обиды чинить будет, такие наказаны будут, как указы ея императорского величества повелевают [15].

Экспедиция Беринга, д. № 110, л. 60; печатается по отпуску.

9. „Репорт“ солдата Змиева штурману Генсу от 15 апреля 1731 г.

В посланную партию в Большерецкой острог господину штурману Якову Яковлевичу Генсу из Курильския землицы от партии солдат Александр Змиев челом бью, репортую вашему почтенству нижеписанное.

Сего 731 году апреля 12 дня, как прибыли к нам курильские ясачные иноземцы с байдарами, и я прослышал от лутчего князца курильского Ломчи жалобу на служилого человека Лариона Волынкина, которой был послан от ясашного сборщика Матвея Новограбленного, для приуготовления кормов и байдар, что де он, Волынкин, чинил им многие обиды, о чем де по прибытии на свое жилище буду предъявлять письменно. И я велел толмачу своему Алексею Еремееву сказать означенному князцу и всем ясачным иноземцам, ежели кому были какие обиды, не токмо от Волынкина, но хотя б и от сборщика или от других от кого, то б приносили жалобу на письме, которое обидимое им возвращено будет. И он, толмач Еремеев,

по приказу моему те слова иноземцам говорил, а означенного Волынкина он, Матвей Новограбленной, отпустил домой тайно, знатно, что не без мирвольства.

Апреля 13 дня прибыли мы байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег, и означенной сборщик Новограбленной, схватав копье, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева копьем и обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, ростая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцов про мои обиды, якобы он про его императорского величества указ не известен и чинит такую противность, понеже в указе блаженныя и вечно достойной памяти его императорского величества написано: велено посланной партии в отдаленных от Якуцка краех о обидах и разорениях ясачным иноземцом следовать, а по исследствии, ежели кому от прикащиков, подъячих, толмачей и служилых людей были какие обиды, то обидимым обидимое возвращать, а кто обидил, тем чинить наказание. А означенной Новограбленной знатно, что, ведая над собою некакие неисправы пред иноземцами, кажет вид, яко бы он над собою большинства и суда не имеет, бьет толмача нашего, чтоб иноземцы, то видя, что он никого не боится, не смели бы на него доносить.

Однако ж я в ясачных иноземцах никакого междуусобства не чиню, чтобы не было посмешества или от таких его, Новограбленного, непорядков, между иноземцами не учинилась какая шатость.

Да он же, Новограбленной, похвалялся, что я де вам байдары не дам, а к нам байдару привел означенной князец Ломча, которая байдара в прошлом 730 году отдана в партию по письменному требованию письменно ж, и оную байдару я взял и ему, Новограбленному, не отдам, а ежели впредь он, Новограбленной, будет чинить к нам какие противности, то ему я ни в чем не буду уступать. Да он же, Новограбленной, говорил мореходу Ивану Бутину: я де тебя и толмача вашего на острова не возьму, а им от партии по данной мне инструкции велено быть при мне, и для того я их не оставлю, чтоб ея императорского величества ясак не утратился.

А означенной князец Ломча и с родниками прибыл и весьма к нам благосклонен. Тако ж хочет с нами итти на острова и обещается приложить старание с нами обще о призыву на островах неясачных иноземцов под ея императорского величества высокосамодержавную руку в ясачной платеж, за что я его обнадеживаю ея императорского величества милостивым словом и награжденем, за что и поистине его надлежит награждать.

А сей репорт послан до вашего почтенства с ясачным иноземцом Ондрюшкою, и велено ему явитца в Большерецку в посланную партию и сей репорт подать тебе, господину штурману Якову Яковлевичу, и от вас к нам повелительной принять ордер и возвратитца в скорости ко вступлению на море на Курильские острова.

И о вышеписанном, что соблаговолишь.

Солдат Александр Змиев руку приложил.

Апреля 15 дня 1731 году.

Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 644—645.

10. „Скаска" камчадальского тоена Начика от 27 сентября 1731 г.

1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от заказщиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосные поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за

бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурынин с товарыщи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет прожить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы изличища, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеетца, то все берут вместо чащин[16]. У вышеписанной скаски речи толмачил от партии служилой человек Иван Щигин да брат его Начикин Чистяк Машурин

Знамя ∅ Начикино

На подлинной подписал его велением Федор Тибалов

Знамя ∅ Чистякова *

На подлинной подписал его велением Спиридон Черепанов

В сей скаске вместо толмача Ивана Щигина его велением Макар Новосельцев руку приложил на подлинной.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 140; печатается по копии.

11. Из „доношения“ сената Анне Иоанновне от 9 мая 1733 г.

...** Писарев[17] представлял, что в якуцкие де остроги и зимовья посылаются ежегодные ясашные сборщики в каждой острог и зимовье и волость (которых есть 19) камисар, пищик, толмач, целовальник да казаков от 5 до 30-ти человек, а такое де многолюдство воеводы посылают для своих пожитков, ибо от всякого человека берут немалыя взятки, а с казаков не токмо воеводы, но и головы казачьи берут же по 2, по 3 и по 10 рубл[ей]. А те де сборщики так ясашных людей разорили и перевели, что уже мало и остается и оставших ныне разоряют, не взяв ясаку, берут себе великие взятки, а имянно: в Жиганском зимовье берут сборщики с одного ясашного человека, которой платит ясаку одну красную лисицу ценою в рубль, камисары по 2, по 3, по 5-ти и до 10-ти лисиц и больши; пищики по лисице, толмачи по лисице, целовальники по 5-ти горностаев; с них же себе в жалованье без указу с невода по 200 максунов рыбы по жиганской цене на 2 рубля да нелем, таменей, стерлядей сколько кто в заморозы промыслит и на сабак корм ***. А ясаку с тех, которые неводами ловят рыбу линными лисицами не берут, а берут вместо лисицы или рубли денег, по 4 пуда рыбьева жиру и по 4 пуда порции, по 4 связки юколы по жиганской цене на 3 р., а кладут в ясак вместо того свои лисицы ценою в рубль. Того ж Жиганского зимовья с ясашных людей, которые живут

* Знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы.

** В опущенной части дана сводка мероприятий правительства по устройству Камчатки. Эти сведения приведены в соответствующем месте и по подлинным документам.

*** В оригинале „крот“.

у моря и промышляют песцы, берут взятку ж по их званию беляку с одного ж ясашника зимнее закащики по 5-ти песцов, выбойщики по 5-ти песцов, камисары с самых бедных по 10-ти, а с иных по 20-ти и до 50-ти песцов и к тому лисицами, белками, волками, медведными черными и белыми. разсамаками, горностаями, костью слоновою, сколько кто чево промыслит, все без остатку; пищики по 3 и по 5-ти песцов, толмачи по тому ж, целовальники в полы в артель, казаки тож, и за ясак за лисицу или за рубль по 10-ти ж песцов по якуцкой цене на 5 р. На реке де Аленке по тому ж числу берут беляку[18] оленьими кожами, которыя в Якуцку продаютца по той же цене, как песцы. К тому ж берут в жалованье закащики по 10-ти языков оленьих, по 1-му пузырю жиру оленья, по 5-ти, а с иных и по 10-ти роддугов и так разоряют, что по отъезде сборщиков ничего у ясашных людей не остаетца. А которые самые бедные и никакова пропитания не имеют, тех камисары за ясак отдают в зимнюю работу казакам, а за беляк в летнюю, а меньши рубля и с последнева камисар беляку не возьмет. И у многих побрали жен и детей, и так уже набрали много, что в Якуцку мало таких казаков есть, у кого б ясашных людей в холопех не было, к тому ж многое число продают разного чина людем, которые развозят по иным городам. Да и в других острогах и зимовьях тож чинят, только де он сам в тех острогах и зимовьях не бывал, и о тех взятках уже ныне и делом показано Жиганского зимовья на камисара Ивана Шамаева, на которого и якуты бьют челом, что он с 12-ти человек взял беляку деньгами, собольими лисицами, лошадьми и скотиною по цене на 409 р. 50 коп., а ясашных людей будет с 3000 человек, и со всех оных беляк брал и с самых бедных по 1 руб; о чем ныне в Якуцку присланной из Ыркуцка порутчик Шкадер следует. И ежели те их сборщиков лихоимственные взятки пересечены не будут, то все ясашные люди со временем переведутца, как и в других сибирских городех перевелися. А то де их лихоимство пересечь можно лехким образом, что когда детей боярских и казаков в Якуцку положить в подушной оклад и сбирать ясак солдатами гарнизонными или из тех же казаков бедных человек 300 и учинить к ним офицеров, хотя по примеру лант-милиц и теми сбирать ясак, то жалованье казацкое и подушные деньги останутца в казне, а ясаку можно безо всякой тягости собрать вдвое, а ясашные люди будут размножатца, а которых казаков повелено поселить в Охоцку 300 человек и теми мочно ясак сбирать с Охотскаго, Удского *, Камчатских, Анадырскаго, Зашиверского острогов и с Колымских зимовьев без нужды. А иным де образом тех взятков от сборщиков ясашных зело трудно пересечь, и так приобыкли, что никаких страхов не боятся и имеют потачку от воевод за посулы, и ни в котором городе так много воеводы не наживают, как в Якуцку, что в два года тысяч по 15-ти и больше наживают. А у нынешняго воеводы Жадовского высланных на Каранду пожитков денег и протчего описано тысяч на 7-м, кроме того что с человеком своим послал несколько сороков соболей и кроме того, что ныне при себе имеет.

Сенат, 1 департ., XVIII в., д. № 576, лл. 541—542; печатается по копии.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ И ПЕРВЫЕ О НЕМ СВЕДЕНИЯ.

12. „Ведение“ закащика Крыкова штурману Генсу от 20 июля 1731 г.

Посланной партии господину штурману Якову Генсу ведение.

Сего 1731 году июля 20 дня пришед де из острогу на коргу служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Красовцов объявили ска-

* В оригинале „Утского“.

скою. Нижне де Камчадальской острог пришед иноземцы, а какие иноземцы и с которую сторону острог раззорили и зажигали, служилых людей побили, Андрея Попова, Алексея Чюрина, Ивана Буторина, Ивана Обуховского, а про других де знать им подлинно не можно, понеже де они, Обросим, видя себе смерть, едва спаслися и бежали в батах. Того ради уведомляем сим ведением. А Нижнего Камчадальского острогу обывателей служилых людей малое число и из оных имеютца и безоружейны и о умирении оных иноземцов вспоможение Нижнего острогу служилым людем и о выдаче им, служилым людем, свинцу и пороху посланная партия что соблаговолит [19]. Вместо заказщика Ивана Крыкова велением его пермонах Иосиф руку приложил.

1731 году июля 20 дня.

Экспедиция Беринга, д. № 4, л. 451.

13. Письмо подмастерья Спешнева штурману Генсу от 22 июля 1731 г.

Господин Яков Яковлевич, здравствуй!

Извествую вас, сего числа получили известие об остроге чрез служилого человека Алексея Воробьева, которой имелся при раззорении острога и укрылся от воров и лежал тайно при остроге день, высматривал у воров, а что нам показал, о том оной служилой покажет сам. До того ж часу получили известие тако ж от казачьих жен, что оные изменники засели в остроге в крепости, а дворы круг острогу в близости обожгли, а кормы казачьи прибирают себе в острог и ту[т] знатно хотят сидеть в крепости. Того ради прошу вас, чтоб прислать к нам в самой скорости по оным вестям две пушки большия да на оныя пушки ядер и пороху что надлежит, да две мортирцы с чиненными ядрами и вспоможение служилых людей, сколько возможно, да по прежде посланному от нас письму на служилых людей пороху и свинцу и походную маленькую пушку прислать же. А ежели оного по требованию моему всего в самой скорости прислано не будет, и что над нами учинится, то взыскано будет за неотправление ваше все на вас, и в том, пожалуй, постарайся, чтоб прислано было в самой скорости. Да к нам же прислать топоров.

В протчем остаюся подмастерья Иван Спешнев.

Июля 22 дня 1731.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 36.

ВЗЯТИЕ РУССКИМИ НИЖНЕКАМЧАТСКОГО ОСТРОГА И УХОД ВОССТАВШИХ НА РЕКУ ЕЛОВКУ.

14. „Доношение“ подмастерья Спешнева штурману Генсу от 26 июля 1731 г.

Господину штурману Якову Генсу чрез сие извествуется.

Сего 731 году июля 25 дня пришли в Нижнекамчадальской разоренной острог по утру на солносходе и пристали выше острогу чрез всещедрого владыку все благополучно. А изменники в то время сидели в остроге, а вкруг старого острогу оные изменники поставили вновь острог. А другие отправлены служилые люди от нас несколько человек были горою с ясаулом Федором Соболевым, и оные пришли под острог в то ж время, как и мы прибыли к берегу. А изменники увидели оных служилых людей, что

* Одно слово в оригинале не разобрано.

идут к острогу и стали по них из острогу палить из пушек и из мелкого оружья, а служилые против стреляли из оружья. Мы в то ж время прибежали к церкве и тут сошлися со всеми служилыми людьми, помощию божиею, благополучно и стоим ныне все вкруг острогу и переговаривали с оными изменниками чрез толмача и по руски разговаривали с Федором Харчиным, чтобы острог сдали без бою, и они добровольно не сдаются, и я, видя оное, велел несколько палить для страсти из нескольких фузей, а оные изменники стреляют безпрестанно из острогу к нам. Того для прислать* бы вам к нам по прежним моим письмам пороху, свинцу, две пушки больших и на то ядер, и пороху со удовольствием и одну моргирцу и к ней чиненых ядер и пороху в самой скорости, чтоб нам за неприсылкою твоею оных изменников не отпустить. А ежели ты нерадением своим оного всего в самой скорости не пришлешь и от оного что над нами учинится, то** взыщется все оное на тебе, и причтен будешь чему и сам ведаешь, а провстраннее ныне об всем подлинно писать за скоростию не успел.

Подмастерья Иван Спешнев.

1731 году июля 25 дня.

Экспедиция Беринга, д. № 3, лл. 103 — 104.

15. „Доезд" полевого закащика Чюдинова штурману Генсу от 31 июля 1731 г.

Сего де 731 году июля*** дня по указу ея императорского величества посылан де был он, Чюдинов, посланной партии с подмастерьем Иваном Спешневым и со служилыми людьми до Нижнего Камчадальского острогу против изменников иноземцов, которые ея императорскому величеству изменили и служилых людей побили и Нижнекамчадальской острог взяли. И велено де ему, Чюдинову, пришед в оной острог помянутых изменников уговаривать ласкою и приветом. А ежели де оные изменники не смирятца и будут противица, то б поступать на них изменников, прося у бога милости, оружейным боем.

И пришед де он, Чюдинов, посланной партии с подмастерьем Иваном Спешневым и со служилыми людьми в оной острог и уговаривали оных изменников двои сутки ласкою и приветом и всяким разговором, дабы оные изменники смирились и вину свою ея императорскому величеству принесли, а ясак бы платили с родниками своими весь сполна по прежнему. И они, изменники, на разговор не дались и стреляли по нас из оружья и из луков безпрестанно, и видя их, изменников, противность и несклонение, что на сговор они не даютца, но токмо из оружья по нас и из луков стреляют, и мы де, нижеименованные, прося у бога милости, поступали на них, изменников, и палили по острогу из пушек и из мелкого оружья, а они, изменники, тако ж по нас стреляли из оружья и из луков неотложно и на оном бою побили они, изменники, служилых людей четырех человек, а иных многих ранили. И помощию божиею, мы де, нижеименованные, острог испробили, испроломили, и они, изменники, засели при ясачной в башне и в казенных анбарах. А изменник Фетька Харчин и при нем другие изменники, видя, что им в оном остроге не отсидетца, из острогу бежали и на бегу поймали из оных изменников Ханею и Урина, а изменника Фетьку Харчина поймать не могли, а иных изменников на имке на бегу побили, и отбили у них, изменников, в остроге оставшего от капитана Беринга пороху в семи боченках да служилых людей ношебного платья малое число, а у измен-

* В оригинале „пристать"
** В оригинале „ты"
*** В оригинале число не указано.

ники Ханей и Урина обыскали две лисицы чернобурых да в ношебном казачье платье обыскали лисицу буренькую. А как * изменник Фетька Харчин из острогу бежал и в оное время оставшие при остроге в ясачной и в казенных анбарах изменники зажгли порохом острог и ясачную избу и казенные анбары и имеющуюся всякую ея императорского величества наличную казну, коробьи и ящики, книги и указы и всякие дела и все, что имелось, сожгли и сами сожглись [20], а вышеписанного изменника Ханею и Урина и две лисицы чернобурые и лисицу буренькую взял под караул свой посланной партии подмастерье Иван Спешнев, а где ныне оные изменники и лисицы и под каким караулом содержатца, того де мне знать не можно.

О сем уведомляет полевой закащик Гаврила Чюдинов 1731 году июля 31 дня. К сей копии вместо закащика сына боярского Ивана Крыкова его прошением Иван Шангин руку приложил.

Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 536 — 537; печатается по копии.

ПОХОД СОЛДАТА ЗМИЕВА С КОМАНДОЮ БОТА „ГАВРИИЛ“ НА РЕКУ ЕЛОВКУ ДЛЯ БОРЬБЫ С ВОССТАВШИМИ КАМЧАДАЛАМИ.

16. Указ солдату Змиеву от 4 августа 1731 г.

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской от посланной партии солдату Александру Змиеву. Сего 731 году августа 4 дня Нижно Камчадальского острогу обыватели закащик сын боярской Иван Кырков со служилыми людьми подали за руками своими доношение, в котором их доношении написано. Сего де 731 году июля 20 дня Нижного Камчадальского острогу ясачные иноземцы ея императорскому величеству изменили и служилых людей, которые имелись на карауле при остроге, побили и дворы у служилых сожгли и летние их жилища и кормовые промыслища прижгли и кормы пограбили, а сами изменники иноземцы в остроге засели. И для того требовали от посланной партии для выручки Нижного Камчадальского острогу на споможение служилых людей, понеже де в Нижном Камчадальском остроге служилых людей малое число, и по вышеписанному их требованию посланная партия против оных изменников ходили и ласкою их призывали, токмо они противность казали и по войску нашему из оружья палили, за что оные изменники зле и погибли и, божиею помощию, на бою из оных изменников многих побили, а иные из острогу бежали, и оных на побеге и на имке побили. А поймали изменников трех человек, а де остальные изменники, сидя в остроге, острог и ясачную избу зажгли порохом и сами сожглись. А слышно де через оных изменников, что де и других приписных рек и острожков ясачные иноземцы изменяют, а Верхней де Камчадальской и Большерецкой остроги и служилые люди в сохранени ль имеюца, про то де и знать не можно.

А по ея императорского величества указу и по определению посланной партии штурмана Якова Генса велено к тебе, Змиеву, написать ея императорского величества указ, в котором написать, чтоб тебе, Змиеву, с данными с тобою служилыми людьми итти с устья Камчатки реки вверх по Камчатке и по Капиче и по Еловке и по Козыревской и другим присутствующим рекам и до Верхнего Камчадальского острогу и во оном пути изыскивать и проведывать со всяким прилежанием камчадальских острогов ясачных иноземцов изменников, которые ея императорскому величеству изменили, а ежели в которых местах изыщешь, то тебе поступать против данной тебе инструкции, как

* В оригинале „актъ“.

повелено. А как прибудешь в Верхне Камчадальской острог и ежели над оным острогом от изменников учинено что и над Нижним, то тебе со служилыми людьми на оных изменников поступать военною рукою, как тебе повелевает инструкция. А ежели острог и служилые люди имеюца в сохранении, то тебе во всенародное известие сей ея императорского величества указ прочесть, чтоб служилые люди тамо жили с крепкою осторожностию и охраняли б острог и ея императорского величества казну и крепили б аманатов. А в Большерецкой острог для проповеди и известия послать служилых людей сколько пристойно, а ежели слух происходит, что Большерецкой острог в сохранности, то тебе из Верхнего команды своей служилых людей возвратить на бот „Гаврил“, сколько пристойно, а Верхнего Камчадальского острогу ясачных иноземцов спросить писменно за их знаменами о обидах, а ежели на кого — камисаров, закащиков, подъячих, толмачей и служилых людей покажут в обидах и раззорениях, а они явятца в лицах, то тебе их, взяв под караул, привесть в посланную партию и объявить господину штурману Якову Генсу без всякого мирвольства.

Августа 17 дня 1731 году таков белой указ Александр Змиев принял и расписался.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 94; печатается по отпуску.

17. Инструкция солдату Змиеву от 4 августа 1731 г.

Инструкция от посланной партии солдату Александру Змиеву, данная для того:

1

Сего 731 году июля 20 дня в ведении Нижного Камчадальского острогу от закащика Ивана Кыркова написано. Сего де вышеписанного числа пришед де из острогу на коргу служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Красавцов объявили скаскою. Нижней де Камчадальской острог пришед иноземцы разорили и зажигали и служилых людей побили, а Нижного де Камчадальского острогу обывателей служилых людей малое число и о умирении оных иноземцов требовали от партии споможения.

2

А по ея императорского величества указу определена посланная партия для примирения новых землиц и немирных иноземцов.

3

И для того тебе, Змиеву, итти с боту „Гаврила“ и вверх по Камчатке реке со служилыми людьми и таких иноземцов изменников сыскивать и проведывать со всяким прилежанием по Капиче и Еловке и Козыревской рекам и до Верхнего Камчадальского острогу.

4

А ежели ты таких иноземцов изменников где сыщешь, то тебе их прежде примирять ласковым разговором, и ежели явятца такие изменники и на ласковый разговор придут, то тебе взять с них крепких двойных аманатов,[21] а однакож тебе иметь крепкую осторожность, и на ласковые их слова не сдаваца, дабы было без потеряния люцкого.

5

А ежели ты, Змиев, таких изменников где улучишь и на ласковой ваш призыв они не пойдут и начнут чиница ея императорскому величеству противны, то тебе, прося у всемогущаго бога помощи, поступать на них регулярно военною рукою, елико всещедрый бог помощи подаст.

6

А в которых местах с означенными иноземцами учинитца у вас баталия, в котором месяце и числе и коликое число таких изменников в плен взято будет, тако ж и побито и которого роду, о том тебе в партию репортовать обстоятельно с ясною опискою.

7

И будучи тебе во оном тракте как вперед, так и назад возвратно ясачным иноземцом обид и налог не чинить и служилых людей до того не допущать и ведать служилых людей судом и расправою, и чтоб зернью и карты не играть, а ежели служилые учнут зернью и карты играть или ясачным иноземцам обиды чинить или меж собою свары или драки чинить, то тебе их унимать, смотря по винам, бить батоги.,

8

А как ты, Змиев, прибудешь в Верхней Камчадальской острог и ежели оной острог разорен от изменников, то тебе промышлять с крепким прилежанием о [взятии]* онного острогу возвратно под ея императорского величества высокосамодержавную руку по прежнему, о чем тебе поступать регулярно в военных порядках по присяжной своей должности, не щадя свого лица противу неприятелей.

9

А ежели Верхней Камчадальской острог стоит в сохранности, то тебе объявя во всенародное известие данной тебе от посланной партии ея императорского величества указ и определить обще острожным закащикам служилых людей, сколько пристойно для проповеди и известия в Большерецкой острог, а самому тебе [о]жидать ответствия в Верхнем.

10

А ежели ты, Змиев, в пути получишь известие, что и Большерецкой острог в разорении, то тебе по тамошним вестям вступить в путь к Большерецкому острогу и во всем поступать, как показано выше сего в осьмом пункте о Верхнем остроге.

11

Да тебе ж, Змиеву, будучи во оном пути по присутствующим камчадальских острогов рекам для содержания посланной партии служилых людей, сбирать с ясачных иноземцов кормовые припасы по разсмотрению препорции кормов не в тягость, а что каких кормов собрано будет, описать имянно и прислать в посланную партию на устье Камчатки реки на бот „Гаврил“ с нарочно посланными.

12

А как ты, Змиев, против вышеписанного все исправишь, то тебе и с командою возвратица на устье Камчатки реки и явица в посланной партии и о действии своем подать господину штурману Якову Генсу за рукою своею доезд неукоснительно.

Августа 17 дня 1731 году такову белую инструкцию Александр Змиев принял и расписался.

Экспедиция Беринга, д. № 4, лл. 304—305; печатается по отпуску.

* В оригинале край листа оборван.

18. „Известие“ солдата Змиева штурману Генсу от 24 августа 1731 г.

Господину штурману Якову Генсу известие.

Сего 731 году августа 23 дня посланы от нас до вашей чести изменники Никитка Родихин да Антошка новокрещенный, которыя изменники сысканы в вершине речки Аратуги служилыми от нас Веретнова с товарыщи, казачья жена Офимья Родиха. И оная Родиха в измене и в убийстве мужа своего Василья Чюпрова винилась и за оное была наказана, бита плетми и от такого наказания скончалась. Да еще изменник послан Тонала. И оныя вышеозначенныя изменники в измене своей в допросах винились, токмо в убийстве служилого Матвея Салаурова не винились, и посланы до вашей чести со служилым Федотом Спиридоновым. А ежели кто похощет из жителей на Шантальское озеро и на Аратугу ради промыслу рыбных кормов и для ягод, то б шли без опасения, понеже изменников всех сыскали, иныя прибиты, а иныя посыланы до вас к морю. Да получили известие чрез служилого Ильи Багуя, что Фетька Харчин и Лехтарь, выжегши церковь и двор государев и другия дворы и погребы с кормами, разломали и опустошили и собаками стравили и ушли на Еловку во шти батах.

А иного ныне писать не имеем, токмо что будет вопредки чинится, тоде вашей чести писать будем. Причем ныне все благополучны и вашу честь поздравляем.

С Аратуги речки 731 году августа 24 дня.

Солдат Александр Змиев.

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 478.

19. „Известие“ солдата Змиева штурману Генсу от 30 августа 1731 г.

Господину штурману Якову Генсу известие. Сего 1731 году августа 28 дня шли мы в пути по Камчатке, и не дошед Нижнего Камчадальского острогу, посланные от нас в ястауле солдат Клим Полежаев с товарыщи в двух батах, входя в Ключи, усмотрили бат да пором, на котором пороме изменник Фетька Харчин с протчими иноземцами погребли от наших прочь и стали лук тянуть, и наши служивые стали из фузей палить, и мы, послыша пальбу, в скорости погребли в близость и, вышед на берег, призвав толмача, призывали их ласковым призывом, обещая им от ея императорского величества за вины их прощение, и посылали к ним на переговоры тоена Колыча, чтобы их призывал с повинною и дали бы аманатов, имеющееся у них огненное ружьеце к нам принесли. И стояли за таким разговором день весь до вечера, а они, изменники, собравшися на сопку многолюдственно, например человек шестьдесят или больше, и в таком разговоре просили строку до утра, и в вечеру приказал я бить зорю и выпалить из пушки пыжом, а не картечи для страстки по вечеру и поутру.

Августа 29 дня по выстрелу из пушки стал Харчина с изменники паки призывать, и видя означенной Харчин себе от нас конечную осаду, пришел к нам с братом своим Степаном Харчиным, да Тенивина острогу тоен Нефед Тенивин, а достальные изменники Голгоч * с товарищи остались на той сопке, аманатов и оружья не дали и просили они к себе у нас аманатов служилых людей двух или одного. И за такую их противность велел я по них картечами из двух пушек выпалить, и оные

* В оригинале „Колкоч“.

изменники с тое сопки разбежались, а баты и поромы мы у них отбили и пошли за ними на Еловку реку в погоню. А означенной у нас Фетька Харчин держитца в колотки и смыках и повезли их с собою для языку [22]. А мы по сие писание все в добром здравии.

Александр Змиев.

Августа 30 дня 1731 году.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 52.

20. Из „ведения" штурмана Генса капитану Павлуцкому от 11 ноября 1731 г.

Господину капитану Дмитрию Ивановичу Павлуцкому, ведение.

Сего 731 году по присланному ордеру за рукою вашего благородия мне, штурману Якову Генсу, велено итти со служилыми людьми в показанной тракт на „Гав[рии]л" боте, и возымел я путь на море из Большерецкого острогу июня 23 дня и в Нижне-Камчадальской острог прибыл на усть Камчатку реку июля 9 дня и промышляли кормовые, рыбные припасы, чем бы нам пропитатца на море до показанного тракту и за починкой шверцов и приуготовились итти на море июля с 20 числа. Того ж числа Камчадальского острогу закащик Иван Кырков ведением мне объявил. Сего де вышеозначенного числа пришед де из острогу на коргу, служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Красавцов объявили де ему Кыркову скаскою: Нижней де Камчадальской острог пришед иноземцы разорили и зажигали и служилых людей побили, а Нижнего де Камчадальского острогу обывателей и служилых людей малое число, и о умирении оных требовали от партии споможение.

Того ж июля 21 дня отправил я из партии в поход на оных изменников служилых 52 человека, и пожелал итти с ними командиром полевым подмастерья Иван Спешнев. И дал я ему, Спешневу, за рукою своею инструкцию, по которой ему велел означенных изменников сыскивать и приглашать ласковым приветом, а ежели они на ласковый привет не пойдут и будут ея императорскому величеству противны, и то поступать на них регулярною военною рукою, елико всещедрый бог помощи подаст. И по отбытии своем со служилыми людьми в поход, оной подмастерья с дороги июля 22 дня прислал ко мне требовательное письмо, в котором написал, что де он, Спешнев, через других известен, оные изменники засели в остроге в крепости, а дворы круг острогу в близости обожгли, а кормы де казачьи прибирают себе в острог, и то де знатно хотят де сидеть в крепости, и требовал 2 пушки больших, ядер, пороху и свинцу, что надлежит, две мартеры с ядрами чиненными, в споможение служилых людей — сколько возможно. И по оному его, Спешнева, требованию отправил солдата Александра Змиева в 25 человеках с означенными припасы и дал ему инструкцию, что быть ему Змиеву в походе с ним, Спешневым, опше у примирении немирных иноземцев. И прибыв на коргу из походу он, подмастерья Иван Спешнев, подал мне за рукою своею известие, 3-х человек притом изменников, от которых почала быть измена, с допросы, и как по данной своей инструкции поступил и коликое число на приступе под острогом побито служилых людей, и то показано имянно, и с оного известия послана до вашего благородия при сем ведении копия. И унамерен был я итти в показанной тракт, и августа 4 дня Нижнего Камчадальского острогу обыватели закащик сын боярской Иван Кырков со служилыми людьми за руками своими подали в партию мне доношение... *

---

* Повторение „ведения", поданного 4 августа от закащика Ив. Кыркова об измене камчадалов в Нижне-Камчатском остроге, полностью приведенного в указе солдату Змиеву (см. документ № 16).

И по вышеписанному тому де требованию от посланной партии с подмастерьем Иваном Спешневым ходили де против оных изменников и призывали де их под ея императорского величества высокосамодержавную руку ласкою и приветом и разговором, дабы жили оные изменники с рускими людьми мирно и ясак бы платили в казну сполна по окладом попрежнему и острог бы сдали, и они на разговор не сдались, токмо из оружья из острогу по них де палили, а стояли де они под острогом и разговаривали их двои сутки и разговорить их не могли. И они изменники неотложно из острогу по них из оружья палили, из луков стреляли и побили де служилых людей 4 человек, иных многих де из них ранили, и они де опше с посланною партиею поступали, прося у бога милости, и палили из оружья по острогу. А они де, изменники, из острогу тож де по них из оружья палили, из луков стреляли. И божиею помощию они де на бою из оных изменников побили, а иные из острогу бежали, а из оных де на побеге и на имке побили, а поймали де они изменников 3 человек, а другие их братья изменники, сидя в остроге, острог и ясашную избу зажгли порохом и сами де сожглись.

А известно * де им через оных же изменников, что де и других приписных рек и острожков присутствия Камчатки реки ясачные иноземцы изменяют, и в том де они имеют великое опасение, дабы де им от оных изменников в конец не разоритца, и казна б ея величества не утерялась. А Верхней де Камчадальской и Большерецкой остроги и служилые люди в сохранении ль имеютца, про то де им знать не можно. И того де ради от посланной партии просят, ежели де возможно, на морском судне боте Анадырской путь отставить для де всеконечной их нужды и умирения изменников и для взятья с них аманатов и для строения острогу споможения им, дабы ясашная казна впредь не утерялась, и камчадальские остроги не запустели. А ежели де Анадырской путь на боте „Гавриле“ отставить не можно, дабы де повелено было от посланной партии оставить для обережи шестьдесят человек людей добрых и оружейных к нам в споможение и выдать им пороху, взятого с бою у изменников, да свинцу, что надлежит, а без посланной партии их де служилых за малолюдством от изменников пробыть не можно, и о всем де учинить посланной партии, как указы ея императорского величества повелевают. И того ради слушав я сего доношения, что Камчадальской Нижной острог означенные изменники в конец разорили, острог и дворы все выжгли ** и служилых людей многих прибили, и того ради не хотя оное место пусто покинуть, и возымел пристань на усть Камчатки реки и поставил судно в пристойном месте под крепким караулом, где и преж сего зимовало, опасаясь вышеписанного, чтоб указом ея величества впредь на мне не спросилось и близ онного судна на острову от партии служа часовню построил, ясашную избу и двор ея величества, анбар казенной. И послыша многие ясашные иноземцы, что партия возымела пристань, и приходили многие иноземцы ясашные в думе и не в думе с изменники с покорной головою, которыя и давали в платеже ясаку, аманатов и тако ж и другие. И собрано с них аманатов 13 *** человек, и содержатца в ясашной за караулом.

Да августа 17 дня от пристани морскаго судна, отправил я в поход солдата Александра Змиева невскольки человеках для зыскания изменников и проведывания Верхнего Камчадальского и Большерецкого острогов в добром ли состоянии. И августа 25 оной Змиев ко мне репортовал. Прибыл де он на Ключи, где имелса быть острог, и пострегал изменника Фетьку Харчина **** со многими изменники в немалом собрании, которой де, видя к себе конечную обсаду, пришел де к ним на ласковой призыв и

---

* В оригинале: „а весно“.
** В оригинале „вывыжгли“
*** В оригинале вначале написано „31“, а затем зачеркнуто и написано „13“.
**** В оригинале здесь и ниже „Каржина“.

показал де, что он в собрании своем поплыл к морю с боем на служилых людей. Да он же де, Фетька Харчин, вывел от изменников брата своего родного Степана да Тавача Тенивина. А оной Степан показал, что де служилых людей Дмитрия Бологова, Григорья Попова побили, а сборная де казна, что де сбирал Дмитрей Бологов да Григорей Попов, и оная де имеетца у него, Степана Харчина, на Еловке реке на жилище их. И для того он де, Фетька, с братом своим взят был на Еловку реку до жилища их, и обыскали у них суму за печатью да лисье одеяло, и оное мы спровадили де до таборов своих до разоренного острогу и паки де пошли вверх по Еловке для зыскания изменников и на жилище де изменника тоена Тигиля, которой де упрямством своим не пошел на ласковой вызов и засел в 5 человеках в барабалке [23] и стрелял по казакам из винтовки, из луков до последнего их, да и жен и детей своих прикололи оне сами. А Степан Харчин бран де был для взыскания изменников, и оной де Степан из под караулу бежал, а брат де его Фетька Харчин в допросе де показал, что де сборная ясашная казна была привезена Дмитрием Бологовым с Уки реки, и оную казну взял де брат его, Степан Харчин, а что де было сборной ясашной казны, тому де явствует сборную ясашную книги. А по справке де оных книгах имелось де в сборе 39 лис крас[ных], да пять соболей, и тое де казну брат его, Степан, дарил брата Фетьку десять лис крас[ных], из них де шил он, Фетька, одеяло, 2 соб[оля] и тех соболей шил де он малахай. А он же де, Степан, дарил дядю своего родного Голгоча 5 лис крас[ных], да два соболя, да ещо дарил Налача 5 лис крас[ных], да тоену ключевскому Даднею 2 лис крас[ных] да соболя, да Урилу 2 лис крас[ных], да Илту 2 лис крас[ных]. Из означенных соболей Голгоч и Дадня сшили де себе малахаи. А достольную де казну куды употребил, про то де он, Фетька, не известен. Да у него ж, Степана, в пожитках его 14 лис красных и оные лисицы и одеяло да соболь, да кожами, да ящик с указом и с книгами положено в суме за его, Змиева, печатью. Да сыскана де против острогу брошенная от изменников большая чугунная пушка, и оная де послана с Олексеем Поливановым, а означенная казна послана де служилым Иваном Карамзиным за его де печатью. А оной Федька Харчин послан де в смыку и в колотке. Да Тенивина острогу с тоена Тавача взяты двойные аманаты, брат его родной да сын Клим, да три ... * с такими посланы де к нам, а означенной тоен Тавач оставлен на своем жилище для собрания родников своих и для ясашного промыслу. А служилых де людей в провожатых за казною ея величества и за аманатами и за изменником при Иване Карамзине 18 человек, и осталось де у него 16 человек и с оными де вступил в показанной тракт Верхнему Камчадальскому острогу.

И означенная казна и аманаты в приеме у нас в партии и изменник Харчин под крепким караулом в крепе в ясашной, и о измене его допрашиван, а в допросе своем, что показал, о том значит при сем ведении с допросных его речей копия. А другие изменники, морской Чегита, новокрещен Микитка Роди[хи]н, Онтон Агеча Каменного острогу, Лвуч Товол острога, и Путел еловской, Уески да новокрещен Дмитрей, и содержатца под караулом в ясашной избе, и побито от них изменников служилых людей Камчадальского острогу жителей в остроге и по разным местам, о том значит при сем ведении реестр. Да в поданном ко мне известии от подмастерья Ивана Спешнева написано: изменников Ханею и Урина с товарыши содержать под наикрепким караулом и кормить, чтоб он не утратился, и положить де поклонные в козну ея величества две лисицы буренькие за печатью его в казенной анбар, а таких от него, Спешнева, лисиц ко мне в приносе не бывало и я у него не бирывал. А показанные изменники содержатца под охранением в ясашной.

---

* В оригинале слово не разобрано.

Да сего ж июля 31 дня от закашика Ивана Кыркова с подлинного доезду прислана ко мне копия, которым доездом объявил ему, Кыркову, служилой человек Гаврила Чюдинов. Был де он, Чюдинов, посылан от него, Кыркова, в нескольки человеках в походе на изменников с подмастерьем Иваном Спешневым опше, а когда де разбили изменников они острог, и вынес из острогу ключевской тоен Ханея и Урин 2 лисицы чернобурые да лисицу буренькую и взял под караул свой подмастерья Иван Спешнев, а где де ныне оные изменники и лисицы и под каким караулом содержатца, того де ему, Чюдинову, и знать не можно. А по справке в партии означенных лисиц от него, Спешнева, в приносе в казну ея величества не было.

Известуем вашему благородию. Живем мы, где возымели пристань, кормовых рыбных припасов у себя не имеем, для того у жителей кормовые припасы все изменники пограбили, а от партии служилые имелись быть в ходах, а другие на карауле и на вышепоказанной работе у строенья, и против прежняго и рыбы из моря не идет. И с нынешней поры почти голодуют, а впредь как бог поможет чем пропитатца, а что каких припасов у меня на „Гавриле“ боте имеетца, и за ускореньем посылки о приходе и расходе провианту и другого принадлежашего репортовать не ускорил и обо всем буду вашему благородию репортовать. А за расходом в остатке имеетца на боте свинцу один пуд, а больше того не имеетца, а пороху будет с удовольством. А ныне на Камчатке жителей имеетца 28 человек и с того числа токмо 15 человек в службу годных, и того ради доношу вашему благородию, когда возымеетца путь в показанной тракт, коликое число надлежит, в остатке на Камчатке реке служилых людей от партии.

И того ради послал я сие ведение с мореходом Прокопьем Нагибиным и велел ему, Прокопью, явитца в Онадырском остроге и подать сие ведение посланной партии тебе, господину капитану Дмитрею Ивановичу Павлуцкому, и о вышеписанном ваша благородия что соблаговолишь учинить. 1731 году ноября дня... *

Да сего ноября 7 дня отправленной от нас в поход солдат Александр Змиев прибыл из походу из показанного тракту и доездом мне объявил.

Сего де 731 году августа 17 дня получил де он инструкцию за рукою нашею, и по которой де инструкции повелено де ему со служилыми людьми итти с боту „Гаврила“ вверх по Камчатке реке, по Хапиче и по Еловке рекам и до Верхнего Камчадальского острогу. И во оном де пути таких иноземцов изменников сыскивать и проведывать со всяким прилежанием, и ежели де где улучат, то де повелено ему приглашать ласкою и приветом, а ежели на ласковой призыв не пойдут, то де повелено поступать на них военною рукою. Да ему ж де повелено было по прибытии в Верхней Камчадальской острог, ежели в сохранении, данной де ему ея императорского величества указ от посланной партии во всенародное известие объявить, а Верхнего Камчадальского острогу ясашных иноземцов спросить письменно за их знаменами о обидах и разорениях, а ежели де на кого покажут, а они явятца в лицах, то повелено их взять в партию под крепким караулом. Да присутствуюших камчадальских острогов и рекам ясачных иноземцов для содержания в посланной партии служилых людей и аманатов повелено де ему собрать кормовых припасов по разсмотрению препорцыи кормов не в тягость. В Большерецкой острог для проповеди известия послать, а из Верхнего ответствие ждать в Верхнем **. И против де вышеписанной инструкции и вышеозначенного числа с Шантальского озера и с Аратуги, на Ключах де и на Еловке которые де изменники переиманы и при письменных де известиях с Шантальского озера Урилова острогу Хобин да

* Число не проставлено. Далее идет список убитых „служилых“ и „промышленных“ людей во время восстания камчадалов, в количестве 40 человек.

** Так в оригинале.

Тавача да Хана с служилым Федором де Сосулиным, с Аратуги речки Никитка Родихин, Онтошка да Тонола с служилым Федотом Спиридоновым, главной изменник Фетька Харчин, да Еловской реки Тенивина острогу взятые с Тавача аманаты Иван да Клим со служилым Иваном Карамзиным с товарыши посланы де к нам. Да с ними же де отысканная ея императорского величества ясачная казна в суме за его де, Змиева, печатью да пушка, отысканная в воде привозу капитана господина Бе[ри]нга, и другое, о чем де явствует в отписке.

Да сентября де 25 дня получа де он известие от шантальского тоена Июры, что Верхней Камчадальской острог в сохранении, и тогда де отпустил артилерные припасы со служилым Алексеем Икорниковым с товарыши, а именно одна пушка большая, другая малая, 35 ядер большей пушки, 60 ядер малой пушки, две бочки с порохом за его де Змиева печатью и кожа красная, 18 фунтов свинцу, 8 топоров и другое де, о чем явствует в оном письме с ним, Икорниковым. А из вышепоказанного числа пушечного де пороху издержано, когда стояли на Ключах против изменников, шесть выстрелов картечами фузейного, из приему де его дано солдату Климу Полежаеву 12 патронов да Ивану Калашникову 4 патрона.

Да сентября де 27 дня прибыл де он в Машурин острог присутствия Верхнего Камчадальского острогу, и тут де лутчей тоен Начика Машурин и с родниками живут благосклонно, токмо во многих де обидах и раззорениях Верхнего Камчадальского острогу на закашиков и служилых людей за своею рукою скаскою объявил, а имянно на Василья Новограбленного, на Андрея Рюмина, на Никиту Дурынина, которая де скаска при сем доезде.

И октября де 3 дня прибыл де он, Змиев, в Верхней Камчадальской острог и данной де ему ея императорского величества указ в ясашной избе объявил, октября де 3 дня послал де он Камчадальского Верхнего острогу в ясашную избу закашику Василью Пашкову промеморию о требовании кормовых припасов, тако ж о присылке против показания Начика Машурина служилых Новограбленого с товарыши, которую промеморию он принял, а в черной росписался.

Да октября де 4 дня означенной де Пашков письменно промемориею от кормового сбору и касаюшихся по делам служилых де людей не отдал и во всем отказал, знатно де, что ведая и за собою некакие неисправы, и в том учинил ея императорского величества указу противность, а ясашных де иноземцов приводит не в малое сумнение, в такой де силе хотя им чинитца несносные обиды, а суда де и обороны и сыскать не могут, которая де промемория и с вышепомянутыми изменническими допросами у него объявляетца в доезде.

Да октября де 7 дня в означенную в ясашную избу послал де он вторишную промеморию о присылке касаюшихся по делам Новограбленого с товарыши, которую промеморию принял, а в черной не росписались, о чем пришед солдат Клим Полежаев скаскою де предъявил, будто де в черной не росписался за несходствием с белою. И в та де поры служилой человек Гаврила Юрлов говорил де подъячему Василью Новограбленых, не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства, а закашику де говорил, чтобы де за такого плута не стоял, а я де в посланную партию покажу письменно. И за то де его, Юрлова, закашик Пашков сковал в железа и посадил де в казенку. Знатно, что и он приличен тому ж плутовству, что его, Юрлова, в партию показать письменно не допустил, а может быть, что он, Юрлов, знает на них и некоторые важности. И для де того он оставил в Верхнем Камчадальском остроге служилых людей Ефима Пермякова, Степана Карандашева, Макара Новосельцова и дал де им ордер, чтоб де они его, Юрлова, хранили и безвременно мучить без указу не давали, а может де быть, что он, Пашков, с подъячим Новограбленым, признав некакие притчины, его, Юрлова, и смертна замучет. Да им же де, Пермякову с товарыши,

велел де весть перенять о Большерецком остроге и явитца в посланную партию в неукоснительном времяни.

И октября 8 дня, видя де он, что закашик Пашков против де требования его ничего не отправляет и всегда пьянствует и [в] путь де поздает, потребовал для пропитания де в путь служилым людем и каюрам десять вязок юколы да для бережи от изменников 3 фунта пороху, 2 фунта свинцу, понеже де он порох и свинец отослал весь к морю, против кото[ро]го требования принял де он пороху 3 фунта, свинцу 2 фунта и юколы 8 вязок и оного ж де числа из Верхнего Камчадальского острогу де он отбыл батами. И октября де 11 дня, проплыв де Шипину реку, захватила де их великая шуга, и плыли во льду с великою де нуждею, скрос лед пробивались. А октября де 14 дня приплыли де к разореному Нижнему Камчадальскому острогу, и едва де они добились до берегу и, взяв де оружье, пошли лесом на Ключи к иноземческому изменническому острогу и, не дошед до их острогу, в лесу поймали ключевского изменника Хобина, которой на Ключах на сопке опше с Фетькой Харчиным и противо нас на бой выходил, в чем он, Хобин, в допросе своем винился.

Да сего де октября 21 дня по известию де через ясашного иноземца Шолоча, что де на Кареуне речке изменники, оставя свои прежние жилище, ушли де в вершины, и он де со служилыми людьми на означенную речку пошел того ж де числа, и прибыв на место старого камчадальского острогу, поймали де изменника Налача, и отослал де его при письме на таборы под караул служилому человеку Федору Тиболову. И оной изменник Налач, согласясь де он с вышеписанным изменником Хобиным, в небытность де его из под караулу от него де, Тиболова, бежал и унесли казенной топор.

И октября де 24 дня, прибыл де он в вершину Кареуны речки и тут де поймал Лехтарева брата Баргача во шти человеках и взял с них аманата Лехтарева, сына Харутача, а означенного им Баргача с товарыши оставил на своем жилище для ясашного промыслу.

Да сего де ноября 1 дня получили де они известие от ясашного иноземца Леку, что де пришли изменники с верх Камчатки Голгочевы товарыши многолюдно; и он де со служилыми людьми, возымея надежду на бога, того ж числа вступил де он за оными изменниками в погоню, и ноября де 3 дня и божиею помошью постигли де они изменников на Чоргане под каменем Шевеличем ключевского ясаула Урила в двадцати человеках и оных изменников перехватали и, за вины их наказав, оставил де при письме Тенивина острогу тоену новокрещену Нефеду Тенивину, с которого взяты два аманата и отосланы де со служилым Иваном Карамзиным, и велел де ему, Нефеду, означенных изменников принуждать к ясачному соболиному и лисишному промыслу. И того же числа в ночи приплыли де тут изменники ж Фетьки Харчина брат Стефан Харчин да с ним Лехтарев племянник Чромаш, да новокрещеной Фетька Жировиков и оных де они изменников перехватали ж и вышеозначенной де Урил да Стефан Харчин да Орликов кресник Никитка при сем де его доезде, а Чремаша и новокрешен Фетька да Хару[та]ч отпущены де с наказанием на свои жилища для ясачного промыслу.

А в приеме де у него, Змиева, было провиянту муки ржаной пять сум, да круп яшных пуд, которой де у него провиянт с вышеозначенного августа с 17 числа в бытность де его в походе октября по 31 число употребил де он в роздачу служилым людем на пропитание, а которые де у него и были изменники в пойманье и они де наказаны и отданы де ясачным иноземцом на поруки к ясачному промыслу, а коликое их число и кто де имяны и у кого на поруках, и значит де при сем доезде реестр. Того де ради просил, дабы повелено было указом ея императорского величества оной де его доезд в посланной партии, изменнические допросы и означенную промеморию, скаску Начика Машурина и аманата Харутача

принять и с вышеозначенных допросов и промемории дать де ему копию, а в аманате Харутаче расписатся. Да пр[и] [с]ем же де доезде объявил он, Змиев, отдал изменников на поруки с наказанием ясашным иноземцом для промыслу ясаку: Комколу — Чагача, Ликоча, Тегича, Налача, Тенива, Хобина; Баргачу — Лехтареву брату — Огика, Валача, Шолу, Конохалога, Улеку, Тадея; Начику — Намаглу, и Кашу, Тавача, Кашаю; Тавачу Тенивину — Наласканача, Начика Чавакеева, брата его Урила, Налахача; Шочку — Налача и Локаткана, Шамак, Хару[та]ча; Каналу — Камак, Шамахана, Хобина, Харуча, Никитку Орликова, Чромаша, Лектарева племянника, Фетьку Жировикова. Изменники Стефан Харчин да ключевской тоен Урил объявлены при доезде.

И вышеозначенного числа в посланной партии у него, Змиева, доезд, изменнические допросы и промемория и скаска Начики Машурина, аманата Хару[та]ча я принял, тако ж изменника Харчина с товарышем велел содержать в ясашной избе под караулом, которые допросы и промемория посланы при сем ведении.

А из имеющихся служилых людей в партии, об которых репортовал к вашему благородию, из оного числа побито на приступе Камчадальского Нижнего острогу 3 человека: Сава Чигин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин. Да сего ж 1731 году в разных числе[х] волею божиею померли гранадер Стефан Силиванов, матроз Петр Таранкин, служнлые Дмитрей Осколков, Михайло Чернеговской, Иван Маслецов, а с другими служилыми живем на Камчатке у пристани морского судна и содержим партиею Камчадальского Нижнего острогу присутствия ясачных иноземцов, которых партией походами умирили и взяли с них аманатов, и из за оных аманатов хотим сбирать ясак в казну ея величества и об оном из посланной партии просим указу: будушим из Якуцка за ясачным сбором коми[са] рам ясашной сбор сдать ли. А я без повелительного указу из посланной партии отдать ясачной сбор не смею, а буду сбирать партией. И о вышеписанном что соблаговолишь учинить, а о приходе и расходе репорты посланы при сем же ведении.

1731 году ноября 11 дня. Таковые белые дела в яшчике за печатью Прокопей Нагибин принял, его велением Федор Тибалов расписался.

Экспедиция Беринга, д. № 3, лл. 156—165; печатается по отпуску.

ПРИЧИНЫ, ЦЕЛИ И ХОД ВОССТАНИЯ ПО ПОКАЗАНИЯМ ПЛЕННЫХ КАМЧАДАЛОВ.

21. Из „доношения“ о допросах камчадалов Федора Харчина, Тенивина и других, август—октябрь 1731 г.

... * Августа 27 дня прибыли на Ключи к жилишу изменника Дадей и Урила с родниками и посланные от нас служилые люди наперед в легких батах для присмотру и опасности усмотрели изменников в великом собрании и учинилась у них пальба, и мы на ту пальбу пошли в скорости и пришед во близость на остров и стали с ними переговариватца, чтоб они принесли ея императорскому величеству повинну, и посылали к ним ради призыву Пеучеву острогу тоена Колыча и после служилых людей посылали, Алексея Воробьева да Костентина Веретнова. Однако они с повинной не пришли, и стали мы по 28 число августа до полудни.

* В опущенных кратких допросах „бунтовщицы“ Офимьи, жены Никитки Родихина, Хобина и Никитки Родихина содержатся сведения, имеющиеся и в последующих допросах.

И видя себе в конечной осаде, изменник Фетька Харчин пришел к нам с братом своим Степаном да Тенивина острогу тоен Нефед, а другие изменники ушли на высокую гору и аманатов не дали, и оружья огненного не вынесли, а просили у нас служило[го] человека к себе в аманаты. А вышеписанных разговоров речи толмачили служилые люди Алексей Поливанов да Иван Шигин да казачей сын Василей Курдюмской, новокрещеной Федор Мешков. И видя их такое непостоянство, велел служилым людем, вооружась из двух пушек, по них выпалить с кортечами, и они, изменники, все разбежались в лес.

Августа 30 дня прибыл на Еловку реку на жилища Фетьки Харчина изменника и брата его Степана Харчина. И он, Фетька, допрашиван, а в допросе ска[зал], что была де у нас дума о [и]змене сего 731 году весною в мае месяце, а в замыслу де той думы был я, Фетька Харчин, да дядя мой Голгоч, да вверх по Камчатке от Крестов Игул, Тавач да подострожной Хаврат, Кана, еловской тоен Тигил с братом да еловской же Валагала да Лалот, Чарамаш Лехтарев племянник, да ключевские Тадея и Урин, да брат его Ханея да брат его сродно[й] Урил с братом, Налач да Налачев брат Илту, да новокрещен Алексей Чюдинов да Чюгеч, да Каменного острогу тоен Колыч с братом Гыжуром. И согласясь де мы, вышеписанные, хотели острог взять, а казаков прибить. В начале вверх по Камчатке в собрании нашем у Крестов убили Нижнего Камчадальского острогу толмача Андрея Орлика да служи[лы]х Ананью Тюхова, Степана Ларионова да Елесея Долгополова, да казачью жену Алексея Чурина, да казачью жену с детьми Обросима Сорокоумова с двумя сыновьями, да посадских людей Захара Третьякова, Ивана Татаринова с сыном и с женой. Да на устье Еловки реки убили служилых Петра Саранчина, да двух казачьих детей Колычевых, да но[во]крещенного якута Данила. И прибыв под острог ношным временем июля 20 дня, иермонаха Иосифа двор зажгли таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять, и выбежал его ермонахов сын Андрей Лазарев бить в набат в колок[ол], и тут де его подстрелили и почали казаков бить и убили Алексея Чурина [с]сыном, Ивана Обуховского с пасынком, Дмитрея Новогородова с женою и двух сынов и две дочери, Ивана Буторина с тремя сыновьями, Александра Русанова да новокрещена Якова [с]сыном. И в острог мы зашли, а дворы казачьи сожгли, а острог мы хотели переносить на сопочку пониже острогу, а монастыри повыше над рекою, а церковь и двор государев хотели перевесть и сжечь на дрова. А как де пришли под острог от партии служилые люди и вызывали де нас к себе из острогу, чтоб сдатся и вытти без бою, и я было хотел выттить, чтоб сдатся, да вышеозначенной дядя мой Голгоч да Июра ключевской и другие старики разговорили, а возьмем де мы в остроге и отсидимся, и для того де я и не вышел. И как де учали приступать, и тогда де мы, видя, что в остроге не отсидется, согласясь с означенным дядей Голгочем, да Налач, да Урин, да Илту, из острогу убежали, а которые после в остроге зажглись, и про то де он Фетька не знает.

А после того пришел де к нам Тадея и Урин сын, и пошли де мы на Еловку реку для собрания людей. И пришел де я в Тавачев острог, и тут де я нашел брата своего Стефана, которой был посылан со служилыми людьми Дмитреем Бологовым, Григорьем Поповым на Уку для сбору ясашного толмачем. Он де мне сказал, что де вышеозначенные Бологов с товарышем да служилые ж, которые были на рыбных промыслах: Данило Комаров, Семен Островской, Евсей Чирышев, Гаврила Бубенной, Андрей Багуев, Евдоким Ворыпаев, казачей сын Иван Кузнецов да посатцкого сын Макар Обухов, да промышленной Василей Жировиков, да промыш[ленной Михайло Жировиков, а у служилых Дмитрея Бологова, Григорья Попова руки обрублены и на колье втыканы да служилых людей Ивана Смирнова жена с двумя дочерьми убиты, Андрея Багуева жена за ноги повешена.

А которая де была сборная ясашная казна, привезенная Дмитрием Бологовым с Уки реки, и оную казну взял де брат его Степан, а сколько де было сборной ясашной казны, тому де явствуют книги. И из оной де казны брат де мой Степан подарил мне десять лисиц красных, одного соболя, одну лисицу сиводущатую. Да он же де, Степан, дарил дядю нашего Голгоча пять лисиц красных да два соболя, да еще дарил Налача пять лисиц красных, да Тадее ключевскому лисицу красную да соболя, да Урилу две лисицы красных, да Илту две лисицы красных же. А из тех де я, Фетька, десяти лисиц сшил себе одеяло, а из соболей малахай, а сиводушка в целости. А Голгоч и Тадея из означенных соболей шили ж малахаи. А достальную де казну куды он, Степан, употребил, про то де я не известен.

И тут де я, Фетька, собрав иноземцов Тенивина острогу тоена новокрещеного Нефеда с братом и с родниками, да тоена Тигиля с родниками, и поплыли вниз по Еловке и по Камчатке к морю в поход на казаков и умышляли, приплыв к морю с конца бараборы зажечь и на том пожаре служилых людей побивать. И приплыв на Ключи, стояли на сопке для караулу, а как прибыли от партии служилые люди в легких батах наперед, и увидя мы их поехали навстречу на одном пороме да в бату с оружьем огнянным и с луками и хотели их побить, чаяли, что только их идет не во многих людях. И пострегав те лехкие баты и с ними бой имели и из оружья стреля[ли] и в такой стрельбе усмотрели де мы, что идут де служилые люди во многих батах, и мы де собрались на означенную сопку, и как де пришли служилые люди и обсадили нас на сопке и стали нас призывать к миру, чтоб нам дать ... * аманатов и жить по прежнему нам смирно, и на такой де мы призыв вышед с братом своим Стефаном, а других де изменников—вышеозначенного дядю своего Голгоча с товарыщи призывал и аманатов привести им велел и оружье огненное принести велел, токмо де они меня не послушали, а аманатов не дали и оружья не при[несли] и засели на той сопке и просили к себе двух или одного служилого человека на промену в аманаты, и по такой же их противности от служилых людей из двух пушек по нас выпалили, и оные изменники с той сопки все разбежались.

А вышеозначенная де наша измена учинилась от несносных обид, а имянно с бытности камисаров Ивана Новогородова, Михаила Шехурдина с 1730 и с 1731 годов и подъячих их Екима Мухоплюева да Ивана Свешникова. Брали де с нас на один год по два ясака и по три, а кроме ясака с нас берут себе за каждый ясак чащин по три и по четыре лисицы или соболей лисишных, а ежели де у кого чащин кунного нет, то берут себе у нас за чащины жен и детей под заклад, а строки пишут на малое время, что нам на такие строки выкупить нечем, и то охолопливают их себе вовсе. А еще де летнею порою посылают к нам закащики за юкольным сбором, сбирают с нас с каждого человека вязки по три и по четыре юколы, а у кого юколы нет, то берут у нас за юколу за вязку по лисице, а ежели и лисицы нет, то последние с нас парки и куклянки. Да еще берут с нас траву сладкую с человека по полтора пуда, а травы у кого нет, то также берут, у кого что увидят. Тако же кипрей, сарану берут повсягодно. Да еще сбирают с нас гуси, утки, а уток по пятидесят [с] человека. А зимою прикашики посылают сбирать с нас рыбу, гольцы и ушканы и всяким с нас берут неокладными и необстоятельными поборы.

А такие поборы собрав и отвозим в острог Нижнекамчадальской мы сами на нашем копте, летом в батах и каюры нашими, а зимой на собаках и на санках наши же. Да еще летом закашики посылают нас в кормовую пору по дрова себе и нас всегда продержат в каюрах. И за иными

* В оригинале слово не разобрано.

своими прихотьми, летом не дадут нам в удобное время промыслить к зиме рыбного корму, а зимой не дадут нам и промыслить зверя за своими излишными прихотьми и за необстоятельными с нас поборами.

А за вышеозначенными поборы посылают от прикашиков и закашиков служилые люди и берут с нас себе хоженного со всякого человека по лисице, и за свои они прикашики и закашики и сборшики чащины и другие иные поборы бьют нас батоги и на правеже на смерть, а иные не стерпя такого мучения давились.

И от таких де несносных тягостей и от великих разорениев и обид в такую измену вступили, и в том де я, Фетька Харчин, повинен, а за вину де мою что ея императорского величества укажет. А вышеписанный допрос ответствовал он, Фетька Харчин, сам, понеже он руской язык сам знает. К подлинному допросу вместо Федора Харчина его велением Макар Новосельцов руку приложил.

1731 году сентября 6 дня Тенивина острогу изменник новокрещен Нефед, иноземческое название Тавач, допрашиван, а в допросу сказал, что де как думал о измене Фетька Харчин, того де я не знаю, а как де он, Фетька, с товарыщи Нижнекамчадальской острог взял, а казаков прибил, тогда де он послал к нам на Еловку ведомость, чтоб которые имеются на Еловке служилые люди ради рыбных промыслов, всех прибить. И пришли Пеучева острогу Гижур да еловские Итатель, Тигилев брат Тонач, а Тигиль сверху приплыл, а при нем Валагала, також Кана, Лалот, Чамора и все верховые еловские иноземцы, и мне де сказывали, что вверху служилых людей Дмитрия Бологова, Григорья Попова, Евсея Чирышева, Евдокима Ворыпаева, Андрея Багуева побили, а сборная де казна с Уки реки, привезенная Дмитрием Бологовым, была у толмача и изменника Степана Харчина в целости ли де или нет, про то де я не известен. И почали де оне служилых людей Семена Островского, Данила Комарова, Гаврила Бубенного, Михаила Жировикова побивать, а убойцы были Лалот, Гыжур, Карымча, Канахач да брат де мой Иван, а иноземческое звание Итатель. И после того прибыл де к нему в острог изменник Фетька Харчин с ключевскими и со своими сродниками, и почали де меня звать с собою, а ежели де ты с нами не пойдешь, то де и тебя убьем, и тогда де я с ними, Харчиным с товарыши, и поплыл на низ к морю в поход на казаков, а как де нас постречали от партии служивыя люди, и когда де мы увидели служилых людей в батах, и тогда Фетька Харчин с братом своим Степаном и с другими изменники поехали к нам настречу, чтоб их побить, и стреляли по служилых людех из огненного оружья, и когда де нас служилыя люди обсадили на сопке и стали нас вызывать, и я де, видя нам конечную осаду, и пришел к служилым людям с покорностию и в том я во всем повинен, а за вину мою что ея императорское величество укажет, а вышеписанной допрос ответствовал он, Нефед, а по иноземски Тавач, сам, понеже он руской язык сам знает. К подленному допросу вместо новокрещеннова Нефеда Тенивина его велением служилой человек Леонтей Амосов руку приложил.

Того ж числа Тенивина ж острогу новокрещен Иван, а иноземское звание Итатель, допрашиван, а в допросе сказал, что де как сперва о измене и с кем думал Фетька Харчин, того не знаю, а как пришла ведомость от Фетьки Харчина, что острог он с изменники взял и казаков прибил, и послал на Еловку он, Харчин, Итателя да Тигилева брата Тонача, Гижуру, чтоб на Еловке казаков побить, и тогда де я пристал к ним своею волею и которые де были служилыя люди на Еловке ради рыбных промыслов и с теми изменники Итателем с товарыщи служилых людей побивали обще, и которые служилыя люди Дмитрей Бологов да Григорей Попов пришли с казной с Уки реки и оных побивали же вместе, а сборную де казну взял к себе изменник Степан Харчин, а как де прибыл брат его изменник Фетька Харчин, и оную де казну делили по себе. И собравшись де мы с ним, Харчи-

ным, поплыли к морю в поход, чтобы служилых людей побить, и постречавшись мы со служилыми людьми на Ключах, он, Фетька Харчин, и с другими изменники навстречу выехал на бой и по служилых людях из оружья палил. И тут служилыя люди обсадили нас на сопочке и ласкою нас вызывали по два дни. И оныя де изменники и я де с ними обще на ласковой призыв не похотели итти и хотели бой иметь. И как де служилыя люди почали палить из пушек, и мы де с той сопки все разбежались.

И в той де измене я, Иван, иноземчески Итатель, повин[ен], а в вине де моей что ея императорское величество укажет. При вышеписанном допросе ответствовал он, Итатель Тенивин, сам, понеже он руской язык сам знает. К подлинному допросу вме[сто] но[во]крещенова Ивана, а иноземским звание[м] Итателя Тенивина, его велением Федор Тибалов руку приложил.

Сентября 6 дня Тенивина острогу взяты двойныя аманаты с новокрещена Нефеда, названием Тавача, сын его Клим да брат его Иван, иноземчески Итатель.

1731 году ноября 3 дня Ключевского острогу изменник Урил ясаул пойман на Коргане речке, в посланной партии допрашиван, а в допросе своем сказал. Сего де 731 году весною в мае месяце в замыслу о измене с Фетькой Харчиным и с дядею его Голгочем, да вверх по Камчатке от Крестов Игул, Тавач да подострожной Хаврот, Кана, еловской тоен Тигиль с братом, да еловский же Валагола да Лалот Чарома, Чаромаш Лехтарев племянник, да ключевские Тадея и Урин, да его Ханея, да брат мой сродной Налач, да Налачев брат Итту, да новокрещен Алексей Чюдинов, да Чегоч, да Каменного острогу тоен Ливуч с родниками, да Пеучева острогу тоен Колыч с братом Гыжуром, и согласясь мы все с вышеозначенными изменниками стали казаков бить и в остроге зажгли дворы и казаков, которые в остроге были, всех прибили, а вышеозначенной Пеучева острогу тоен Колыч у убивства не был, а я с вышеозначенными изменниками во взятом казачье[м] остроге засел, а как пришли от партии служивыя люди для взятья и стали из пушек палить, и я, видя, что в остроге не отсидется, и стали мы с Фетькой Харчиным и Голгочем согласшатся, как бы убежать, и, изождав время, убежали. И убежав собрались на Ключах в свой иноземческой Ключевской острог и оттуда пошли на Еловку собирать иноземцов. И собрав иноземцов, приплыли тут же на Ключи в иноземческой острог и тут удумали, что плыть к морю и там казаков всех прибить, а назад идучи, всех от моря иноземцов ясашных жилища выжечь, и усмотрели мы по Камчатке реке, что идут два бата от моря, и для того мы стали на паром, пошли мы навстречу, ежели служивы[е] люди, чтоб их побить. И как съехались со служивыми людьми, и они стали по нас палить, и мы от них побежали и собрались на вышеозначенную сопку для переговору со служилыми людьми и на ласковое слово мы для того не пошли, что нас не пустили Голгоч да Таноч, Кана да Тигиль, да Лалот Чарома для того, что они у нас были главны[е]. А с означенной де сопки пошли мы с помянутыми Голгочем с товарыщи вверх по Камчатке для собрания к себе иноземцов по Козыревской и по Шапино[й] и Машуринских, чтоб в Верхнем Камчадальском остроге служивых людей побить и, служивых людей побив, острог взять. И подшед де мы под Машурин острог, усмотрели, что тут живут служивыя люди на опасном карауле, и оттуда я, Урил, взяв с собою десять человек, и поплыл батами вниз по Камчатке реке, а означенной Голгоч пошел на Козыревской острог. И вышеозначенного Голгочу, пришли из Верхнего камчадальские казаки, побили и с другими изменниками, а кого имяны и сколько человек, того де я сказать не знаю, понеже я с ними на том бою не был, а слышал я от брата своего Налача. А в вышеозначенной моей измене

и в вине волен я ея императорского величества. А в вышеозначенную измену вступили от несносных обид... *

Да еще вышепоказанному допросу в пополнении изменника Фетьки Харчина, брат его Степан Харчин подарил меня на Еловке двумя лисицами красными, а какие оные лисицы, казенные ли или его, Степана, собственные, про то я сказать не знаю, а оные лисицы я отдал изменнику Фетьке Харчину в гостинцы. У вышеописанного допросу речи толмачил Тавачева острогу тоен новокрещенной Стефан Кузнецов. У подлинного допросу знамя Урилова подписал велением его чрез толмача Стефана Кузнецова Федор Тибалов. К подлинному допросу вместо толмача Стефана Кузнецова его велением Василей Нижногородов руку приложил.

1731 году октября 15 дня приплив из Верхнего Камчадальского острогу до разоренного Нижного острогу, за невозможностию пути за великою шугой стали и, не дошед иноземческого Ключевского острогу, в лесу поймали изменника Хобина, которой Хобин в допросе своем показал. А когда Нижней острог изменники взяли, и я в остроге не был и был на Шантальском озере с изменником же Чремашем Лехтаревым племянником, и убили мы на озере казачья сына Филиппа Красильникова, сына его, а как зовут, имя его не знаю, да казачью девку новокрещенную Варвару слепую и казачьи жилиша на озере разорили. С означенным Чремашем пошли на Ключи, где живут жили ** изменники, и товарыш мой Чремаш ушел с Ключей на другое море, и я де остался тут на Ключах, и прибыли на Ключи изменник Фетька Харчин с дядей своим Голгочем во многом собрании, и ко оным изменникам и я пристал. А когда пришли служилыя с войским и нас с войским вызывали ласкою и просили у нас ружье, мы ружья не дали, и за ту противность стали по нас палить, и мы от той пальбы разбежались. И ушел я по сухой речке и к горелой сопке и сделал себе юрту и хотел ясак промышлять и, промысля ясак, хотел с платежем вытти, для того что видя себе гибель, что никуда не попасти. А что де явился у меня парусной лоскут, и тот лоскут нашла девка моя в лесу, а боле де того я, Хобин, сказать не знаю.

У вышеписанного письма речи толмачил Егор Иконников. У подлинного знамя Хобина подписал его велением чрез толмача Егора Иконникова Федор Тибалов. К подлинному допросу вместо толмача Егора Иконникова его велением Василей Нижногородов руку приложил.

Того ж числа изменник Степан Харчин допрашиван, а в допросе своем сказал. Про измену брата своего не знал, в думе с братом своим Фетькой и с дядей Голгочем и с протчими не был. А был я посылан в то время со служилыми людьми с Дмитрием Бологовым на Уке для ея императорского величества ясаку и у ясачного сбору толмачем. И собрав ясачную казну, пришел я со служилыми людьми на Еловку реку Валагале, и тут изменники Тигиль с товарыши в сборе, и убили они ясашных сборщиков Дмитрея Бологова с товарыши. А сборной казны де было тридцать девять лисиц красных, пять соболей окладных, и оную казну взял де я и спрятал в лес от означенных изменников и держал оную казну в лесу три недели. И прибыли к нам на Еловку брат мой Фетька Харчин да дядя Голгоч, Тадея и Урин, да Налач да Урил, да Итту и с другими изменниками, взяли меня в не[во]лю и стали у меня просить казну из за пристрастия. И я, убояся смерти, означенную казну принес, и оные изменники, взяв тое казну, розбили и делили по себе, а я де означенною казною никого не дарил. Только я из своих пожитков подарил брата своего Фетьку Харчина четыре лисицы красных, да два соболя, а дядю своего Голгочу пода-

* Повторение показаний Федора Харчина о всевозможных обидах и поборах, чинившихся в бытность комиссара Новгородова.

** Так в оригинале.

рил двумя лисицами красными, да Налачу Ключевсково подарил двумя лисицами красными, Тадее и Урину лисицу да соболя, Урилу две лисицы красных, Итту две лисицы же. А дарил де я своими пожитками для того, чтоб они, изменники, казны не разграбили. А оные изменники, не смотря на мои подарки, и оную казну разграбили и меня с собою взяли и поплыли наниз по Еловке и по Камчатке и прибыли на Ключи в иноземческой острог. И тут брат мой Фетька Харчин и дядя Голгоч с другими означенными изменниками умышляли плыть к морю в поход, служивых людей побить. И прибыли от партии служивые люди на нас, изменников, в поход, и мы собрались все на высокую сопку для переговору, и как де нас стали ласкою призывать, и я с братом Фетькой да Тенивина острогу новокрещеной Нефед к служивым людям вышел, а дядя мой Голгоч с протчими изменниками на той сопке остались и на ласковой призыв не пошли и с той сопки бежали, а куда, о том неизвестен. И пошли служивые люди на Еловку реку для взыскания изменников и пограбленной казны. И как прибыли на Еловку в Тигилев острог и стали искать по лесам, и в та поры Костянтин Веретнов, Нижнего Камчадальского острогу служивой человек, угрожал меня, ежели я Тигиля и пожитков его не найду, то тебя будем огнем жечь, и я, тех угроз боясь, убежал, и вышеозначенной моей вине что ея императорского величества укажет. При вышеписанном допросе он, Степан, ответствовал сам собою, понеже он, Степан, руской язык довольно знает. К подлинному допросу вместо Степана Харчина его велением Василей Нижногородов руку приложил.

От партии солдат Александр Змиев руку приложил *.

Экспедиция Беринга, д № 3, л. 122 об. — 127; печатается по копии.

22. Допрос камчадала Федора Харчина от 2 ноября 1731 г.

1731 году ноября 2 дня от посланной партии от штурмана Якова Генса выписано на допрос еловскому ясашному новокрешену Федору Харчину ** о измене его, а о чем, значит ниже сего пункты.

Вопрос	Ответ
1 Ты, Федор, и с протчими своею братиею о измене согласия было в которых годех, что Нижне Камчадальский острог выжечь, а казаков прибить.	О измене мы согласие имели, что острог выжечь, а казаков прибить мая девятого дня сего ж 1731 году.
2 А с тобою ко оному зломыслию в согласии были тоены кто имяны и которых острогов, и протчая ваша братья иноземцы, коликое вас число имелось быть.	О согласии тоены с нами были от Крестов Ивол, Тавач да Дурига, да Ханея и Хомычев, да ключевские Ханея да Дадея и Урин да подострожной Хавроткин да Колыч, еловской Волага и Купин да Игил да Лалот, Голгоч, ключевской Налач, Каменного острогу Ливуч, еловской Чаромаш, Колычева брат Гижур и вышеозначенные тоены все с родниками.

* Листы документа скреплены: „К сей копии от партии солдат Александр Змиев руку приложил".

** В оригинале „Коржину".

3

И на оную злую мысль за что соглащались, что острог выжечь и казаков прибить и их казачьи дворы выжечь, и в том согласии и в зломыслии кто главным имели быть.

В первых в начале и зломыслии были ключевские Ханея да Дадея и Урин с родниками да Хавроткин и протчие тоены. Учинили мы за несносную от сборщиков обиду и служилых людей, которые ездят за сбором к нам. А именно в 730 году камисар Иван Новгородов посылал ко мне на Еловку за сбором ясашным брата своего Матвея и брал он с меня за родников моих двойной ясак, да сверх оного ясаку себе брал по пяти голов с человека за чашину соболями и лисицами, а у ково взять нечево, и лопотью, мужеским и женским полом. Да при нем же, Новгородове, был пишик Еким Мухоплев, буди за сбором изнасиловал блудным грехом жену мою венчальную. Да сего же 31 году от камисара Михайла Шехурдина была ко мне и родникам моим обида несносная, брал с нас по три ясака на год да по пяти мест с человека чашин соболями и лисицами, а у кого нет, лопотью и сладкою травою, из которой вино сидят, тако ж с меня просил за умершего дяди моего Ухира из за пристрастия ясак и взял сменя тридцать лисиц, в то число и соболями. Да при нем, Шехурдине, был пишик Иван Свешников, взял с меня пять куклянок недоростинных, пять лисиц за чашину.

Тако ж от камисаров оставляют закашики и сбирают с нас всякие неподобные сборы: траву сладкую, кипрей, сарану, утки, гуси и рыба. А у кого нет, то берут ушканами.

А такие их сборы сбирают неоднократно, и чинятца нам от них немалое раззорение. Да за таким же сбором от оного Новгородова ездил преж ясачного платежу служилой Алексей Пыжик, преж ясаку брал себе с нас за траву соболи и лисицы, у кого нет, лопотью, куклянками, да у лутчево тоена Лехтаря взял котел медной, от чего в зломыслии пошел и нетерпя оных обид почали быть в зломыслии.

4

А ежели вам такие несносные обиды служилые чинили, то в Нижнем Камчадальском остроге камисару доносили ли.

Камисарам в таких несносных обидах на оного Пыжика доносил закашикам Григорью Попову с товарыши, которые были от означенного Шехурдина, и по тому решение не учинено, тако ж и на других, от кого бывает обида, нас же садят под караул.

5

А как ты, Федор, с товарыши до прибытия в острог по Камчатке и по Еловке в начале из русских служилых людей кто побит и коликое число их побито.

А побили де мы по Камчатке 2 человек: Ивана Татаринова да на усть Еловки Осипа Колычева.

6

И прибыв с показанного места своего, острог зажгли в начале чей двор и зажгли в какую силу и прибили из руских людей кого имяны и коликое число.

А приплыв де мы с Еловки в острог, зажгли в остроге вначале попов двор для того, как де зажжем, и на оной пожар кто будет, то де будем колоть и бить, и убили церковного дьячка Андрея Лазарева и служилых людей прибито при пожаре Дмитрея Новгородов, Иван Обуховской, Алексей Чюрин с сыном, Иван Плехандая, с двумя сыновьями [24], Алексея Русанова да казачьих жен с детьми, а других взяли в полон и держали моя братья вместо жен.

7

И в прибытии от посланной партии по Нижней Камчадальской острог служилые люди, а вы в опсаде были и переговор от партии со служилыми людьми имели, чтоб сдатца хотели и не сдались, кем от ваших одержано было, чтоб не сдаватца.

А как де мы вошли и засели в остроге и переговаривали от нас со служилыми людьми сперва Чегеч, а во вторыя я, Федор, и многая наша братья в переговоре были, чтоб выйдтить из острогу с покорной голо[во]ю миритца, токмо де которые были в переговоре, те и содержали Голгоч, Чегич, Дадея, чтоб не выходить из острогу.

8

А когда приступ был посланной партии служилыми людьми и полисады в острогу начали рубить, и ты, Федор, в скольки человеках убежал и кто были с тобою в побеге товарыши в какой силе бежал.

А как де приступ был от посланной партии к острогу и стали палить по острогу из пушки, и я бежал из острогу с Голгочем да Урилом, Налачем, И[т]ту Налачев брат, Дадея, Тавач, Лович, и пошли по Еловке на старые свои жилища.

9

А вы ж, Федор с товарыши, из острогу выпускали после переговору девок казачьих крещеных и некрещеных и своих жен и ясырей с пожитками соболями и лисицами и с протчем под каким видом.

А как де выпускали из острогу после переговору девок казачьих крещеных и некрещеных и своих жен и ясырей с пожитками и для какого вымыслу — про то я сказать не знаю, для того что из острогу убежал и в согласии с ними не был.

10

А когда ты, Федор, громил с товарыши руских людей, и в пожитках их какие имелись лисицы добрые.

А в пожитках служилого человека Петра Гуторова взята одна лисица бурая, да другую принес из Спаского монастыря Тавач, монастырской дворовой, и были де у меня в при[е]му, для того у погромных пожитков было мне от своей братьи поверено, а когда я бежал из острогу и оставил их жене своей...* вперед хотел

* Слово не разобрано.

поклонитца в казну ея величества. И ныне имеетца в казне положены Ханеею и Уриным, а других лисиц, кроме вышеписанных не имелось. Токмо слышал я укинского тоена Корыча, поклонился де он, Корыч, камисару Михайлу Шехурдину лисицой буроі, а ту лисицу упромышлял ясачной же иноземец Нингвит, оного Корыча племянник.

11

Ты, Федор, с товарыши твоими острог зажечь з согласии с другими был ли.

Что острог зажечь я с другими в согласии не был и жечь кроме дворов не велел и в бытность мою в остроге согласия их не слыхал.

12

А которой в остроге снаряд, пушки и мелкое оружье было и оной снаряд вами где пушки и мелкое оружье где подевано.

В остроге нами взято две пушки медные да две чугунные и оные пушки в Камчатку реку брошены, а мелкое оружья коликое число было взято, о том не известен.

13

А огненного оружья, фузей и винтовок у служилых людей в остроге побрано коликое число.

А огненного оружья нами взято у служилых людей фузей и винтовок десятка с два, из которых мы и бой имели из острогу с казаками.

14

А когда бы вы острог тако ж и дворы выжег, то б собрание аше где имелось быть и жить.

А как де мы острог и дворы хотели выжечь, а вновь построить унамерены были близь монастыря подле реку Камчатку на сопочке, а церковь и двор государев и осталые дворы из острогу старого перевозить и жечь на дрова.

По взятии вами острогу имелись ли в ясашной избе аманаты.

По взятии нами острогу имелса один аманат еловской Кнуп, а других аманатов не было, да при карауле два человека служилых. А как побили караульных, и аманат пристал в наш злой совет.

16

А о достальных служилых людех Камчадальского острогу, которые к морю живут по разным местам, и о тех служилых какая мысль была—побить или в каком намерении были.

Служилых людей Нижнего Камчадальского острогу, которые жили к морю по разным местам, побить хотели, изладили бат, на чем плыть к морю, и послыша весть от девки Алексея Холмогорова служиша Паранки о судне боте, что на море, не ушло со служилыми от посланной партии, и приопаслись, не поплыли и стали крепить старый острог.

17

А при баталии в остроге ваших что побито тоенов и их сродственников и протчих коликое число.

При мне побито в остроге из тоенов один человек да девять человек тоенских родников, а после меня коликое число побито, про то сказать не знает.

18

Собрание твое было на Ключах со многими изменники, где преж имелса быть острог, для чего и какое твое намерение было.

Собрание наше было со многими изменники, хотели плыть к морю и прибить имеющихся у моря служилых людей и возратитца на свои жилише на Еловку.

19

Ты, Федор, брата своего Степана научал ли убить сборщиков Григорья Попова да Дмитрея Варжу и сборную ясашную казну по себе дуванить.

Брата своего Степана не научал, что сборщиков побить, а казну дуванить, а убили их мужики еловской Валагала да Чегора.

20

А брат твой Степан сказывал ли, что служилые, которые имелись быть за сбором, побиты и сборная казна у него имеетца на Еловке.

Брат мой Степан сказывал: сборщики Григорей Попов да Дмитрей Варжа нами побиты, а сборная казна имеетца у него, Степана, на Еловке реке на своих жилишах.

21

А ты, Федор, у брата своего Степана в подарки сборной казны соболями и лисицами колико число принял, тако ж и другим кому имяны давал подарки.

Принял у брата своего Степана в подарки сборной ясашной казны десять лис красн[ых], два соболя да лис[у] сиводу[щатую], а из тех лис шил себе одеяло, из соболя шапку. Да он же дарил дядю своего Голгоча, дал пять лисиц красных, два соболя, да Налача дарил, дал пять лис крас[ных], Дадне ключевскому две лисицы красных да соболя, из которого он себе шил шапку. Да Урилу дал три лис красн[ых], Итту дал две лис крас[ных], а достальную казну где он, Степан, давал, про то сказать не знаю.

А ежели я, Федор Харчин, по вышеписанным пунктам сказал что ложно или утаил, и за то указали бы ея императорское величество учинить смертную казнь -5*.

Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 556—559.

23. Допрос камчадала Степана Харчина от 18 ноября 1731 г.

1731 году ноября 18 дня от посланной партии выписано на допрос об измене новокрешена Степана Харчина, а о чем, значит ниже сего пункты.

Допрос

Ответ

1

Ты, Степан Харчин, про измену брата своево Фетьки Харчина ведал ли, тако ж и дяди своево Голгоча и с ними в думе был ли, а буде был, для чего.

Про измену брата своево Фетьки, тако ж и дяди своево Голгоча не знал и в думе с ними и с протчими не был, а был я посылан от закащика Кыркова со служилыми Дмитрием Бологовым, Гри-

* Листы документа скреплены: „К сему ответу вместо новокрещенного Федора Харчина его велением служилой человек Иван Шишкин руку приложил".

горьем Поповым на Уку для ясачного сбору в казну ея величества и у оного сбору был толмачем, а собрав ясак, пришли мы на усть Еловку реку Валаголе, и тут изменники Тигиль с товарыши и убили они ясачных сборщиков Дмитрея Бологова с товарищем.

2

А как сборщиков побили, и ты, Степан, сборную казну где подел и коликое число имеетца на лицо.

А как сборщиков побили, и я сборную ясашную казну тритцать девять лисиц красных, пять соболей окладных и оную казну взял де я и спрятал в лес, чтоб изменники не погромили, и держал у себя под охранением в лесу три недели. И пришел ко мне брат мой Фетька с изменники с дядей Голгочем да Тадею и Уриным, Налачем да Урилом с Иттом и с протчими изменники и взяли у меня сборную казну из за пристрастия, и бояся смерти, я им означенную казну принес и отдал.

3

А буде оную у тебя сборную ясачную казну взяли из за пристрастия и куды они ее употребили и кто имяны главным были.

Главным были изменники Фетька Харчин, дядя мой Голгоч да Дадея и Урин, Налач да Урил да Итту и протчие и разбили суму за печатью и делили по себе.

4

А ты, Степан, из означенной сборной ясачной казны себе повытку взял ли против своей братьи и не дарил ли сборной казною свою братью, а буде дарил, кого имяны.

Из сборной ясачной казны я себе повытку не бирал против своей братьи, и казною ясачною никого не дарил, только из своих пожитков дарил брата своего Фетьку четыре лисицы красных да два соболя, дядю своего Голгоча двумя лисицами красными да Налачу ключевскому дарил две лисицы красных, Тадее лисицу красную да соболя, Урилу да Итту по две лис красн[ых].

5

А ты де, Степан, дарил брата своего Фетьку и его братью изменников из своих пожитков в какую силу и для чего.

А дарил я в такую силу для того, чтоб они, изменники, казны не разграбили, и мне бы сохранить казну в целости для отдачи будушим к нам сборщикам, и не смотря на мои к ним подарки, казну разграбили, а меня взяли с собою в неволю к изменному злому своему умышлению.

6

А как тебя взял брат твой Фетька с товарыши в неволю к зломыслию, и куды ваше намерение было итти с протчими товарыши.

Брат мой Фетька и дядя мой Голгоч с товарыши, взяв меня в неволю, умышляли плыть к морю в поход на служилых людей, побить, ежели не имеетца морское судно у моря с партиею.

7

А ежели не имелось бы судно у моря с партией, то какое у

А морское судно ежели бы не имелось у пристани у моря, то наш совет был,

вас намерение было: итти ли в поход на служилых или нет.

что итти к морю на служилых в поход и их прибить.

8

А такой у вас совет был, что к морю плыть в поход на служилых и побить, в котором месте собрание было.

А такой у нас совет был, что к морю плыть и служилых побить на Еловке реке, и приплыли на Ключи пониже разоренного острогу.

9

А как вы прибыли на Ключи для означенного совету и кем удержены, что не итти вам в поход на служилых.

А как мы прибыли на Ключи для оного злого совету моей братьи и затем удержаны, что не итти нам в поход, пришли от партии на нас в поход солдат Александр Змиев со служилыми людьми, и мы собрались на сопку и ждали от них к себе переговору.

10

А как вас стали служилые на ласковой призыв звать, и коликое вас число на сопке было людей, и кто имены от вас переговаривал.

А как стали служилые призывать лаской и я к ним пришел и ходил к ним, изменником, на сопку и уговаривал и привел брата своего Фетьку да новокрещена Нефета Тенивина острогу к служилым людем, а дядя мой Голгоч и с протчими изменники на той сопке остался и на ласковой призыв не пошли и с той сопки бежали, а куда, о том не известен, а взят я оттуль полявым прикашиком Александром Змиевым на Еловку для взыскания пограбленной сборной ясачной казны в Тигилев острог и для взыскания изменников.

11

А ты, Степан, бран был на Еловку для взыскания пограбленной казны, тако ж изменников, чего ради с дороги бежал и не для ли какого скупу тебя служилые отпустили, а буде для какой корысти и скупу отпустили, и кто имяны или своя братья тебя подговорили.

Бран был я для взыскания пограбленной сборной ясачной казны, тако ж изменников, и стали искать по лесам, и в та поры Нижнего Камчадальского острогу служилой человек Константин Веретнов угрожал меня, ежели я Тигиля пожитков его не найду, то тебя будем огнем жечь, и я о тех угроз боясь убежал, и никому в походе служилым скупу не давал, чтоб меня отпустили, токмо от вышеписанного угрозу бежал, и об оном означенном моем побеге ея императорское величество укажет.

А ежели я, Степан Харчин, по вышеписанным пунктом сказал что ложно или утаил, и за то указала б ея императорское величество мне, Степану, учинить смертную казнь [26] *.

Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 623—624.

---

* Листы документа скреплены: „К сему ответу вместо Степана Харчина его прошением Иван Шангин руку приложил".

ПОХОД СОЛДАТА ЗМИЕВА И ДРУГИХ ДЛЯ УСМИРЕНИЯ ВОССТАВШИХ КАМЧАДАЛОВ НА РР. ОЗЕРНУЮ, ХАРЮЗОВУ И АВАЧУ В 1732 г.

24. „Доношение" ясачных „иноземцов" в „ясачную избу" от 31 января 1732 г.

Ея императорского величества в новопостроенную в ясачную избу доношение.

1

Сего 732 году генваря 28 дня по ея императорского величества указу, а по определению посланной партии, прибыл к нам на Озерную реку для сбору в казну ея императорского величества с нас ясачных иноземцов на сей 732 год ясаку сборщиком солдат Александр Змиев со служилыми людьми.

2

А ныне по присланным письмам и по копиям с ордеров от тигильского сборщика матроза Леонтия Петрова, имеет он, сборщик Змиев, со служилыми людьми остановку.

3

А мы, нижеименованныя, желаем в казну ея императорского величества в посланную партию ясак с Озерной реки и с родниками нашими платить попрежнему.

4

Того ради просим посланную партию, дабы повелено было указом ея императорского величества сие наше доношение в ясачной избе принять, а у нас на Озерной реке за ясачным сбором быть от посланной партии служилым людем, а не жителям Нижнего Камчадальского острогу служилым же людем, понеже нам чинятца от них, жителей, несносные обиды, от которых обид пришли в всеконечное раззорение и нищету.

О сем доносят Озерной реки лутчия ясачныя иноземцы Котомначика Чарожев сын, Канач Кожомчин сын, Керуга Шиман сын. При вышеписанном доношении речи толмачил служилой человек Алексей Поливанов. Генваря 31 дня 1732 году.

Знамя ∅ Керугино Знамя ∅ Котом-Начикова Знамя ∅ Канычева. *.
Подписал их велением через толмача Алексея Поливанова Леонтей Амосов.
Вместо Алексея Поливанова его велением Федор Тибалов руку приложил.

Экспедиция Беринга, д. № 4, л. 238.

25. „Промемория" штурмана Генса управителю „ясачной избы" Борисову от 11 февраля 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса в ясачную избу управителю Михайлу Борисову промемория.

Сего февраля 6 дня в промемории от вас к нам в партию написано. Сего де февраля означенного числа в присланном де ея императорского величества указе от камисара Ивана Эверстова к тебе писано. Генваря де 15 дня получена де отписка от походных прикашиков Андрея Штинникова с товарищем, а в оной отписке их написано. Пришли де они большерецкого присутствия на озеро и поймали де от изменников иноземца и чрез оного уведомились, изменник де Вахлыч с товарыши построил острог

* Знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы.

стамовой и землею в полдерева осыпан, а обретаетца де в том остроге изменников сот с пять бобровских и курильских, а оружья у них имеетца пять пищалей, и что де на оных изменников в малолюдстве итти не подлежит. И против де вышеозначенного указу и против присланного ея императорского величества с указу копии повелено тебе требовать на оных изменников от посланной партии у меня добрых служилых людей со оружьем, тако ж и пушкаря с пушками и ядрами, а именно к камчадальским служилым в добавок 40 человек и отпустить их чрез Бобровое море на Авачу. Такожде послать де тебе в Верхней Камчадальской острог из казны десять фузей, одну пушку. А ежели де в казне не имеетца, то де требовать тебе от посланной партии. Того де ради просишь нас, чтоб против присланного ея императорского величества указу и копии служилых людей против вышеписанного, тако ж пушек и пороху, свинцу, ядер и мортир и умеющих людей прислать для отсылки в показанное место. Токожде за неимением в казне для отсылки в Верхней Камчадальской острог десять фузей, одну или две пушки и провожатых за оную муницею служилых людей, сколько пристойно.

И против означенного твоего требования отправляютца от нас из партии служилые Лаврентей Поляков с товарыши в 40 человеках на показанное место в поход на означенных изменников, и сего февраля 11 дня в посланную партию и в доношении их написано. Наряжены они в поход в показанной тракт для умирения изменников тамошных и других их соопшников нынешним зимним временем, а кормовых де припасов у себя не имеют и купить де им негде и питаютца де они с великою нуждою.

И того де ради просят нас от посланной партии, чтоб повелено было им выдать из казны провианту для означенного походу по два пуда на человека муки ржаной да рыбного корму по две вязки юколы, чем бы им без нужды в пути пропитатца и не принять голодной смерти, по 4 собаки на человека с санками и с собачьим кормом и с принадлежашим заводом, 40 человек каюр с кормами ж, людей добрых с собаками, с санками. А по справке в партии провианту малое число, в дачу им не достанет, а рыбных кормовых припасов не имеетца и для отсылки в Верхней Камчадальской острог в партии фузей лишних не имеетца, а которые и есть и ломаны, и для починки и кузни пуль требована от вас на уголья ветхое судно, а когда будет на уголья отправлено, тогда фузеи к тебе в отдачу будут в готовности, а пушку с ядрами принять, а из пушки, из мортиры стрелять таких умеюших в партии людей не обретаетца, а порох требовать тебе от подмастерья Ивана Спешнева, понеже по взятии острогу имелся у него в семи боченках оставшей господина капитана Беринга, а свинцу не имеетца, о чем показано выше сего. А послать в Верхней Камчадальской острог за муницею, сколько пристойно, из здешних жителей и февраля 5 дня против присланной твоей промемории будем иметь при ясачной от партии караул опше.

И по получении сей промемории тебе управителю, Михайлу Борисову, по требованию посылаюшихся служилых, собрав с кого надлежит, в поход прислать в партию кормовых рыбных припасов восемьдесят вязок юколы да по 4 собаки на человека с санками и с собачьим кормом и к тому принадлежащим заводом 40 каюр, людей добрых с приналежащим против вышеписанного, кончая сего февраля к 20 числу, чтоб за не присла[нием] вышеписанного в поход останов[ки] не было.

Таково белое промеморие за рукою штурмана Якова Генса подано в ясачную избу 1732 году февраля 11 дня. Такову промеморию Михайло Борисов принял и росписался.

Экспедиция Беринга, д. № 3, лл. 73-74; печатается по отпуску.

26. „Репорт“ штурмана Генса капитану Павлуцкому, март 1732 г.

В посланную партию в Анадырской острог почтенному господину, господину капитану Дмитрию Ивановичю с Камчатки от пристани бота „Гаврила“ штурман Яков Генс челом бью, репортую до вашего почтенства нижеписанное.

1

Сего 732 году февраля месяца слышно нам учинилась чрез иноземцов, что из Анадырского шли на Камчатку служилые люди и прошли на Тигиль, а к нам на Камчатку не бывали, а знатно, что они от изменников побиты, понеже камчадальские ясачные иноземцы Пенжинского и Бобровского моря и курильские от ясачного платежа отложились и ея и[мператорскому] в[еличеству] изменили.

2

И для примирения оных изменников отправлен в поход со служилыми людьми от партии солдат Александр Змиев на Пенжинское море, на Харюзову реку к судну „Фартуне“ [27], а оттуду велено ему итти на Авачю.

3

А в камчадальские остроги прибыл камисаром Иван Эверстов и прислал от себя к нам на пристань управителем Михайла Борисова, которой запретил всем ясачным иноземцом, чтоб нам в партию ясак не платили и [к]ормовых припасов не давали б, а нам аманатов и колодников прокормить нечем. И для того я ясачную избу, и аманатов, и колодников, и ясачной сбор отдал в камисарское ведомство, понеже у них книги имеютца и сбирать ему до позволительного от вашего почтенства указу.

4

А до прибытия камисарского был за ясачным сбором отправлен на Уку реку солдат Александр Змиев, и собрал ясаку два сорока, а я взял ясаку девять мест, которая казна содержитца ныне в партии.

5

А на Авачю и в Курила для умирения изменников имею намерение итти ботом „Гаврилом“, понеже на Курильских островах имеетца ясачной сбор от партии, а на Аваче изменников крепятца пятьсот человек и построили острог стамо[во]й и осыпали землею, а у нас в партии свинцу уже не имеетца, и велел я ковать пули железные. А на Камчатке ныне кормами всеконечная скудость, купить вязки юколы ни на пять рублев негде, и служилые голодуют, а провиант уже весь в росходе.

6

А которые служилые имеютца в отдаче у геодезиста Михаила Гвоздева, и оных он в поход кумандровать не дает.

7

А обо всем ныне в досконал ясно репортовать не успели, понеже о посылке в Анадырск мы были не известны, а управитель Борисов нам не сказал, уже уведомились последнего часу. А сия отписка послана со служилым Федором Сосулиным и велено ему явитца в Анадырску и сию отписку подать тебе господину капитану Дмитрию Ивановичю. И о вышеписанном что укажешь. Марта дня 1732 году. Таковую белую отписку Федор Сосулин принял, его велением Иван Коринцов росписался.

К сему доношению велением Лаврентья Полякова и за себя Иван Шишкин руку приложил.

Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 678—679; печатается по отпуску.

27. Инструкция штурмана Генса солдату Змиеву, март 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса, данная солдату Александру Змиеву, по которой поступать по нижеписанным пунктам.

1

Минувшего февраля 26 дня сего 732 году Нижнего Камчадальского острогу от управителя Михаила Борисова из ясачной избы в партию объявлено. По присланному де ея императорского величества указу из Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова к нему, Борисову, велено для походу на изменников на Харюзову для споможения сборшику Леонтию Черных требовать из партии служилых людей, для того что де харюзовские ясачные иноземцы изменили и от ясачного платежа отложились, а служилых людей побили. Да оного ж де февраля 23 дня харюзовский де ясачной иноземец Леглек, пришед в ясачную избу скаскою объявил, означенные де харюзовские ясачные иноземцы Максимка да Шербак с товарыши собрався во стех человеках и пошли по Пенжинскому морю до морского судна „Фартуны“ в поход.

2

Итого ради ехать тебе, Змиеву, со служилыми людьми по данной сей инструкции с усть Камчатки реки от пристани морскаго судна, вверх по Камчатке реке и на Харюзову реку и до Пенжинского моря, куды способнея, без потеряния люцкова и до судна „Фартуны“ и сыскивать означенных изменников и прилежным старанием по присяжной должности.

3

А ежели оные изменники вами сысканы будут, то призывать их под ея императороского величества высокосамодержавную руку ласкою и приветом и розговором, чтоб они платили ясак в казну ея и[мператорского] в[еличества] попрежнему.

4

А ежели на ласковой ваш призыв не сдадутца и ясак в казну ея императорского величества платить не станут, и прося вам у всещедрого бога помоши, поступать на них военною рукою легулярно, елико всещедрый бог помоши подаст.

5

А буде с военной руки сдадутца, то взять с них, изменников, аманатов и их спросить, отчего они, ясачные иноземцы, изменили, и не было ли к ним от ясачных сборшиков служилых людей обид и разорения, а буде были какие несносные к ним обиды и от того они изменили, то сбирать с них ясак в казну ея императорского величества на сей 732 год, а сборную казну и аманатов отсылать в партию, тако ж и главных изменников под крепким караулом.

6

А ежели с баталии на погроме явятца у них изменников в пожитках их лисицы добрые черные и чернобурые и соболи добрые, то присылать в партию в казну ея величества против вышеписанного.

7

А которые имеютца от партии служилые люди в Верхнем и в Большерецком острогах, и принять к себе в команду и об отправлении оных служилых, что будет востребно Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова, а в Большерецку от закащика требовать.

8

А ездить тебе, Змиеву, в показанном тракте со служилыми людьми с великим опасением, чтоб караул иметь неусыпно, чтоб от неприятельских людей от изменников служилым, тако ж и алтилерной и другой казне траты не учинилось.

9

А в показанном тракте по дорогам, как тебе, так и служилым, ясачным иноземцам обид и разорения не чинить, излишних каюр не брать, и в том им тягости не чинить, а ежели ты, Змиев, учинишь не противо данной тебе инструкции и про то будет кем донесено, и за такую твою противность учинено будет вам наказание со взятием немалого штрафу.

10

Тебе ж, Змиеву, над посланными с тобою служилыми людьми смотреть, чтоб как тебе, так и служилым людем никакой зернью не играть, дабы от такой зерни в карауле помешательства не было, а от неприятельских людей шкоты не учинилось, и тако ж и ссоры бы у них, служилых, меж собой не было, а что будут чинить противно, и тебе, Змиеву, по вине смотря наказывать, бить батоги.

11

А как помощию всещедрого бога в показанных местех изменники удут все под ея императорского величества высокосамодержавную руку одведены, станут ясак платить попрежнему [и тебе, Змиеву, брать с них сак против вышеписанного и обо всем в посланную партию ответствовать обстоятельно].

[12]

[А по окончании означенного походу] * и то тебе, Змиеву, итти со служилыми людьми в поход на Авачю по тамошным вестем с моря, куды способнее Верхнего и Большерецкого острогов служилым на помочь, которые имеютца в походе на Аваче, и поступить по силе данной тебе от партии инструкции, применяясь вышеписанным пунктом.

13

А ежели у оных изменников острогу их взять будет не в мочь, то писать тебе в партию в неукоснительном времени, и отправлены будут вам от партии на боте „Гавриле“ служилые люди с алтилерными припасы.

14

А ездить ** тебе, Змиеву, в показанном походе с великим радением и в партию поспешать, а по прибытии своем со служилыми людьми в партию во всем подать за своею рукою доезд от посланной партии господину штурману Якову Генсу, а кто имяны с тобою служилые люди, при сем предлагаетца реестр. Марта дня 1732 году.

Таков белую инструкцию Александр Змиев принял и росписался.

* Заключенные в скобки конец 11 и начало 12 пунктов в оригинале зачеркнуты.
** В оригинале „аздить“

Реестр

За канонера матрос Агафон Назаров
Солдат Клим Полежаев
Лаврентей Поляков
Федор Жернаков
Семен Раздобреев
Дмитрей Жилин
Федор Щеглов
Моисей Добрынин
Леонтей Амосов
Иван Световой
Иван Шигин
Андрей Березкин
Иван Исаков
Иван Заливин
Для толмачества Алексей Поливанов

Пищик Иван Коринцов
Григорей Хорошев
Емельян Нагаев
Илья Скурихин
Семен Гобов
Мирон Санинков
Максим Теребяков
Андрей Верхотуров
Павел Попов
Тимофей Чешкин
Никифор Клестов
Степан Костров
Иван Портягин.
Алексей Наумов

Экспедиция Беринга, д. № 5, лл. 588—590.

III. ВОССТАНИЕ КАМЧАДАЛОВ В 1741 г.

Восстание в 1741 г. и походы прапорщика Левашова и „командира“ Борисова против восставших камчадалов.—Правительственные меры для предупреждения восстаний камчадалов.

ВОССТАНИЕ В 1741 г. И ПОХОДЫ ПРАПОРЩИКА ЛЕВАШОВА И „КОМАНДИРА“ БОРИСОВА ПРОТИВ ВОССТАВШИХ КАМЧАДАЛОВ.

28. „Донощение“ Сибирского приказа в Сенат от 8 февраля 1742 г.

Декабря 24 дня 1741 году в репорте в Сибирской приказ от охотцкого командира Антона Дивиэра написано. Во Оходкую де канцелярию от капитана-командора Беринга в промемории, писаной при Авачинской губе маия от 28 дня того ж 741 году, объявлено, что поданныя ея императорского величества ясашныя камчадалы, живущия на реках, впадающих в Пенжинское море, Утколоки да Подкагирной забунтовали и двенадцать человек убили до смерти, и в других де острогах изменяют же, тако ж и на Тигиле руские люди сидят в осаде, а утколоцкия де бунтовщики жен своих и детей и холопей отослали от себя к морю на устье Утколоки реки на имеющееся там крепкое место по край моря Отпрядыш камень и по тем де известиям обще он, капитан-командор, с капитаном же Чириковым и с протчими экспедичными обер-офицерами определили и послали для взятья тех бунтовщиков и убийц в Утколоцкой острог экспедичной команды прапорщика Левашева с командою да для вспоможения отправлены с ним парти[и] командир Петр Борисов со служилыми людьми вооруженными [28], из которых оной прапорщик Левашев апреля 5 дня того ж году на Авачю прибыл и о всем своем в том походе следствии объявил репортом, по которому показано, что с такими изменниками и бунтовщиками поступал и военною рукою и привез на Авачю к команде экспедичной двадцать пять человек.

А того ж апреля 13 числа присланы с Тиг[и]ли от командира Петра Борисова два человека камчадалы бунтовщики ж и убицы и оными

де камчадалами при экспедиции он, капитан-командор, с капитаном Чириковым и протчими офицерами следовали, а некоторых и разыскивали, а по следствию де из оных освобожено осмнадцать человек да два человека, на [А]вач̃е сидя под караулом, сами утопились, а достальные де семь человек с Авачи разосланы в Нижней Камчацкой и в Большерецкой остроги в приказные избы и велено их содержать под крепким караулом до указу.

А хотя де по тому ж делу и показаны оговорныя в убевстве ж матроза с товарыши и в хождении в Харюзово для убивства ж, тако ж и прежней бунтовщик и убица показан, токмо де их оговорных сыскивать и еще следовать и то следствие порядочно во окончании привесть им, за нужными экспедичными делами и отправлениями к вояжу, неможно было, также де и помянутых колодников семь человек до того содержать тамо под караулом неким, и для совершенных показанных резонов их оттуда розослали и то следствие оставили. А которыя де показаны оговорныя, тех велено сыскивать накрепко вышепомянутому Петру Борисову и, поймав, разослать их по острогам же и отдать в приказные избы и содержать под крепким же караулом до указу ж. И помянутое подлинное следственное розыскное дело для окончания по нем следствия ж и надлежащего разсмотрения и решения и при том деле с дву их определеней при той промемории сообщены точныя копии, а в правительствующий де Сенат о вышеписанном же для известия от него капитана-командора Беринга послано доношение. А вышеписанной командир Петр Борисов в канцелярию Охоцкого порта репортовал же, по которому явно, что и он был принужден с изменниками поступать и военною рукою. И с вышепомянутого следственного розыскного присланного от капитана-командора Беринга подлинного дела и с их определений с копии точныя копии при оном репорте присланы в Сибирской приказ, и что по тому чинить, требовано указу. А таковы ж де посланы и в Ыркуцкую провинцыальную канцелярию и требовано ж указу, ежели повелено будет вышеписанное изменническое дело совершенно исследовать и во окончание привесть по силе указов, то б для оного послан был ко исполнению того от Ыркуцкой провинцыальной канцелярии или откуда заблагоразсуждено будет, а из Охоцка к тому делу достойного послать некого, ибо и на Камчатку командиром ко определению, на кого в том положитца можно, не находится.

И генваря 22 дня сего 742 году по определению Сибирского приказу в Ыркуцкую провинцыальную канцелярию послан указ с крепким подтверждением: велено на Камчатку командиром, так же и по присланному от капитана-командора Беринга к охоцкому командиру Дивиэру изменническому делу, с которого от него, Дивиэра, в Ыркуцкую канцелярию послана копия для подлинного исследования, по указом определить оной Ыркуцкой канцелярии по разсмотрению вице-губернатора Ланга достойных в немедленном времяни и об оном исследовать в самой скорости, а кто на Камчатку командиром и для означенного следствия определены будет, и что по следствию явитца, в Сибирской приказ репортовать немедленно, а о имении от бунтовщиков предосторожности, чтоб подданных ея императорского величества ни до каких обид и раззорения не допущать, так же и верноподданным камчадалом никому никаких ко озлоблению обид и налог не чинить, оной Ыркуцкой канцелярии ко охоцкому командиру Дивиэру и к кому надлежит подтверждать непрестанными и крепкими указами.

Того ради правительствующему Сенату Сибирской приказ о вышеписанном сим доносит.

Николай Салтыков. Илья Полабин. Михайла Сушкин. Александр Коротаев.

Февраля 8 дня 1742 году.

Сенат, 1 департ. д. № 66, лл. 70—72.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВОССТАНИЙ КАМЧАДАЛОВ.

29. Указ Сената капитану-командору Берингу от 27 января 1743 г.

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из правительствующего Сената обретающемуся в камчатской экспедиции господину капитану-командору Берингу.

По указу ея императорского величества правительствующий Сенат по доношению от флота капитана Шпанберха мая от 10 дня 1742 года, при котором сообщены экстракты из следственного дела о злом намерении камчатских острогов жителей от тоепов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина, которому злому умыслу и намерению в самом деле явились ичинской ясаул и тоены Сопочного и Харюзовского острогов жители и содержатся под караулом, и требовал он, Шпанберх, чтоб для спокойнаго тамошняго места установления и учреждения прислать нарочного обер-офицера с командою: и буде * не токмо обретающихся во всех тамошних острогах служилых и протчих людей от их замерзелых и непотребных поступков, тако ж камчадалов от непостоянства утвердить и привесть в доброе состояние и порядок ему неможно, но большая умножается от камчадалов к злодейству опасность, приказал. Для безопасности и установления тамошняго места и находящихся в камчатских острогах служилых и протчих людей от их показанных непотребных поступок, а камчадалов от непостоянства и от злодейства, отправить сибирскому губернатору, по сношению с иркуцким вице-губернатором, в немедленном времяни обер-офицера добраго и к тому достойнаго с пристойною командою по разсмотрению, сколько той команды содержать тамо денежным и хлебным жалованьем будет можно. А для недопущения до таких же их замерзелых впредь поступок и пресечения в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей, перемешав, перевесть из острога в острог по общему разсмотрению капитана Шпанберха, или кто тамо команду имеет и того обер-офицера, дабы они к злым замыслам согласия иметь не могли.

А каким образом тому обер-офицеру, будучи тамо, поступать, о том дать инструкцию с полным наставлением иркуцкому вице-губернатору, а о показанных в том доношении содержащихся людей в непотребных их поступках велеть разсмотреть и надлежащее определение учинить и обретающемуся в камчатской экспедиции господину капитану-командору Берингу учинить о том по сему ея императорского величества указу, а в военную и адмиралтейскую колегии, в Иркуцкую провинцию, в Сибирской приказ и в Сибирскую губернию об оном указы из Сената посланы.

Генваря 27 дня 1743 году.

На подлинном пишет тако.
Обер-секретарь Дмитрей Невежин.
Секретарь Андрей Суровцов.
Подканцелярист Василей Ипполитов.
Флота капитан Чириков.

С подлинным читал писарь Иван Редин.

Экспедиция Беринга, д. № 53, л. 918; печатается по копии.

* В оригинале „боде".

30. „Доношение“ капитана Чирикова капитану Шпанбергу от 8 июня 1743 г.

Благородный господин флота капитан. Каков ея императорского величества указ из правительствующаго Сената на имя бывшаго господина капитана-командора Беринга писанной генваря 27 дня сего 743 году под номером 346, которым по доношению вашего благородия, при котором сообщены экстракт из следственного дела о злом намерении камчацких острогов жителей от тоенов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина, и что при том требовали, чтоб для спокойнаго тамошняго места установления и учреждения прислать нарочного обер-офицера с командою, велено для безопасности и установления тамошняго места и находящихся в камчацких острогах служилых и протчих людей от их показанных непотребных поступок, а камчадалов от непостоянства, отправить сибирскому губернатору по сношению с ыркуцким вице-губернатором в немедленном времяни обер-офицера доброго и к тому достойнаго с пристойною командою по разсмотрению.

А для недопущения до таких же их замерзелых впредь поступок и пресечения, в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог по общему разсмотрению вашему, или кто тамо команду имеет, и того обер-офицера, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли, и о протчем сего июня 7 дня мною получен.

С того ея императорского величества указу сообщаю вашему благородию точную копию при сем; а понеже оным ея императорского величества указом велено по разсмотрению вашему, или кто там команду имеет, и того обер-офицера (которой туда определен будет), казаков и протчих служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог, дабы де онн к злым замыслам согласия иметь не могли, но понеже хотя и не безызвестно, что от тамошних казаков и от протчих служилых людей камчадалом бывают обиды, точию чтоб они, казаки, и протчие служилые люди, согласны были с камчадалами к бунту и к разорению тамошних камчацких острогов, того в нашу там бытность никогда не видно было, но все тамошния остроги и ясашныя камчадалы под державою ея императорского величества содержатца ими.

Того ради, по нашему мнению, от перемешки и переводу казаков служилых и протчих руских людей тамошних жителей из острога в острог удержания камчадалом от злого намерения, тако ж и им, казакам и протчим руским людем, от непотребных их поступок, удержания ж не может воспоследствовать, но токмо им, казакам, служилым и протчим руским людем, от того переводу крайнее будет разорение, для того что многие живут в острогах, кто где поселился издавна, домами, и всякой на своем месте по тамошнему обыкновению рыбными и протчими к пропитанию своему домовными заводами уже обзаводились; и ежли их переводить с места на место — а острог от острога, как уже известно, разстоянием отстоят далеко, и пути трудныя,—то им, кроме того что домы свои оставят, но и в переездах их со всеми домашними своими и с протчим немалое отягощение и убыток будет.

Тако ж и домы у иных по тамошнему месту нарочиты, а у протчих не таковы, и принуждено будет им хорошие свои домы менять на худые тем, кои на их места переведутца. К тому ж не произошло б от перевода из острога в острог руских людей, к ним казакам и служилым людем привалок, какие привалки в здешних отдаленных сторонах для собственных неправедных прибытков, от бесовесных людей, чаю, и бывают, и ежли бы, по несчастию их, какой лакомой человек возимел власть переводить на Кам-

чатке руских людей из острога в острог, то б подлинно ко всем мог добратца и, обрав их, привесть в убожество и в конечное разорение, не учиня никакой пользы. А из них казаков и служилых те, которые худова состояния, хотя их перевесть и в другия остроги, токмо без доброго их содержания, камчадалом такие ж обиды чинить могут, как и в прежних своих острогах. А ежли из них, казаков, и из протчих служилых паче чаяния явитца кто в злом согласии с камчадалами против подданных ея императорского величества руских людей, то таковыя подлежать будут не токмо переводу из острога в острог, но и тяжчайшаго наказания больше камчадалов или и смертной казни.

А понеже оную переводку казаков и протчих служилых людей, как выше упомянуто, велено учинить по разсмотрению вашему или кто там команду имеет, тако ж и обер-офицера, того ради мы обще с господином флота капитаном Лаптевым шхипором Белого, прапорщиком Чоглоковым запотребно разсудили, мнение свое объявить вашему благородию, чтоб тое переводку тамошних жителей руских людей из острога в острог за вышепоказанными резонами отставить, а ко отвращению их от непотребных поступок, тако ж и ко удержанию от злых замыслов камчадалов, употребить иные удобнейшия к тому способы, из которых бы невинным не происходило напрасного отягощения, а во первых наикрепчайшее учинить запрещение, чтоб казаки и служилые и протчия тамошния жители руские люди из острогов своих к камчадалом в острожки без дела ея императорского величества и без самых крайних нужд за своими бездельными корыстьми (как они издавна повадились) отнюдь не отлучались, но жили б в острогах своих все вместе и всегда б имели от камчадалов крайную предосторожность, о чем от меня еще в 742-м году маия 15 числа к вашему благородию в сообщение уже писано было. А о получении вышеобъявленного указу и о послании с него к вам копии, тако ж и о сем предложенном вашему благородию мнении нашем в правительствующий Сенат от нас донесено будет.

Что же мы о вышеписанном предложили вашему благородию, не отписався прежде в правительствующий Сенат, и то для того, что ежели о том ныне в правительствующий Сенат отписыватца и требовать резолюции, то оная присылкою сюда за великою дальностию весьма продолжитца, а до того вышеобъявленной ея императорского величества указ останетца без действа, а оным указом положено на ваше разсуждение и для того о том ныне к вашему благородию и предложено.

Флота капитан Алексей Чириков.

Якуцк в 8 день июня
1743 году.

Экспедиция Беринга, д. № 53, лл. 914-915.

31. Приказ капитана Шпанберга от 7 сентября 1743 г.

По указу ея императорского величества флота капитан господин Шпанберх, слушав сообщенной с указу ея императорского величества из правительствующаго Сената на имя капитана-командора Беринга, писанного генваря от 27 дня сего 1743 году при предложении флота ж от капитана Чирикова точной копии, которым ея императорского величества указом велено по доношению ево господина капитана Шпанберха маия от 10 дня 742 году, при котором сообшен экстракт из следственного дела о злом намерении камчацких острогов жителей от тоенов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина, к которому злому умыслу и намерению

в самом деле явились ичинской ясаул и тоены Сопочного и Харюзовского острогов жители и содержатца под караулом, и о присылке для спокойного тамошняго места установления и учреждения нарочного обер-офицера с командою и протчее, велено для безопасности и установления тамошняго места и находящихся в камчацких острогах служилых и протчих людей от их показанных непотребных поступок, а камчадалов от непостоянства и от злодейства, отправить сибирскому губернатору по сношению с иркуцким вице-губернатором в немедленном времяни обер-офицера доброго и к тому достойного с пристойною командою по разсмотрению, сколько той команды содержать тамо денежным и хлебным жалованьем будет можно. А для недопущения до таких же их замерзелых впредь поступок и пресечения в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей перемешав перевесть из острога в острог по общему разсмотрению ево, господина-капитана Шпанберха, или кто тамо команду имеет, и того обер-офицера, дабы они к злым замыслам согласия иметь не могли, а каким образом, тому обер-офицеру будучи тамо поступать, о том дать инструкцию с полным наставлением иркуцкому вице-губернатору, а о показанных в том доношении содержащихся людях в непотребных их поступках разсмотреть и надлежащее определение учинить, о чем из оного высокоправительствующаго Сената в государственные военную и адмиралтейскую коллегии, в иркуцкую провинцию, в Сибирской приказ и в Сибирскую губернию указы ж посланы, приказал.

Следуя вышеписанному ея императорского величества указу в Охоцкую канцелярию и в камчацкие остроги писать ныне заблаговремянно и требовать о учинении во упоминаемых камчацких острогах наикрепчайшаго запрещения, чтоб казаки и служилыя и прочия тамошния жители руские люди из острогов к камчадалам в острожки без дел ея императорского величества и без самых крайних нужд за бездельными своими корыстьми (как они издавна обыкли) отнюдь не отлучались. Притом же и купецкие и прочие приезжие разные чинов люди, для купечества и прочих своих партикулярных дел, во означенные ж камчадальские острожки да и на Курильские острова ездить отнюдь же допущаемы не были, а ежели кому из купецких людей принадлежать будет для своего купечества переехать из острога в острог, а имянно из Большерецка в Верхней и из Верхняго в Нижней и на Авачю, где жительствуют руские люди, те б к тому пути своему употребляли надлежащей тракт, а не посторонними камчадальским жилишем дорогами для излишней своей прибыли ездили, ибо и по указом ея императорского величества купецким и прочим людям с иноверцами торговать и у них мяхкой рухляди на свои товары выменивать не велено. Что же принадлежат по вышеписанному ея императорского величества указу ко исполнению ему господину-капитану обще с будущим в тех камчацких острогах по определению высокоправительствующаго Сената обер-офицерам оное исполнить, как оной обер-офицер и он, господин капитан, в тех камчацких острогах будут, а о получении оного ея императорского величества указу и о вышеписанном определении во оный высокоправительствующий Сенат репортовать, при котором из предложения флота от капитана Чирикова учиненного им, Чириковым, и на упоминаемой ея императорского величества из правительствующего Сената указ послать точную копию, а о чем надлежит по тому представлению и к нему Чирикову писать.

Флота капитан M. Spanberg.

Сентября 7 дня 1743 году.

Экспедиция Беринга, д. № 53, лл. 919—92[illegible].

IV. ВОССТАНИЕ КОРЯКОВ В 1745—1749 гг. И УЧАСТИЕ В НЕМ КАМЧАДАЛОВ.

Начало восстания коряков в 1745 г., методы борьбы и принимаемые меры для их усмирения.—Попытка совместного восстания коряков, камчадалов и чукчей и участие камчадалов в восстании коряков. — Поход поручика Кекерова против восставших коряков в 1749 г.—Расправа с руководителями восстания 1745—1749 гг.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ КОРЯКОВ В 1745 г., МЕТОДЫ БОРЬБЫ И ПРИНИМАЕМЫЕ МЕРЫ ДЛЯ ИХ УСМИРЕНИЯ.

32. Допрос служилого Потапова от 21 июня 1751 г.

Понеже с прошлого 1746 году с начатия бунту и измене живущими вкруг Пензинского моря оленными и пешими коряками в каком состоянии Акланской острог находится и кем и от чего оной и каким случаем разорен, о том и поныне в канцелярии Охоцкого порта достоверно и подлинного известия, хотя Охоцкая канцелярия от присланных из Ямского острогу изменников коряк и домогалась, токмо оного за пресечением изменниками пути в подлинно получено не было. А сего 1751 году июня 21 дня в капцелярии Охоцкого порта прибывшей сего июня 11 числа из Якуцка на почте с указами ея императорского величества команды Охоцкого порта служилой, которой был в Акланском остроге Иван Потапов допрашиван, а в допросе показал.

Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в небытность сержанта Ивана Енисейского, которой тогда был в Охоцке, прибыли из Анадырского острогу в Акланск партии сержант Алексей Мокрошубов да служилый Иван ... бикин * для встречи едущаго из Охоцка в Анадырск иеромонаха Флавиана [29] со свитою да дв ...** Анадырского платежа оленных коряк в Анадырской острог с оленными табунами, князца Косинского с родниками, граналер Иван Мамруков, служилые Козьма Ерганьин, Афанасей Решетков, Лев Баигачев, Василей Онофриев, да за ясашным сбором Анадырского платежа из коряк Антипа Кармалин, Алексей Юрганин, Иван Проидошин, Афанасей Кожевин, всего одиннадцать человек, и быв во оном Акланском остроге дни с четыре, того ж ноября 19 числа поехали означенные Мокрошубов с товарыщи к имеющимся по реке Аклане у моря пешим корякам, которые жили разстоянием от Акланского острогу например верстах в шестидесяти в двух юртах всего мужеска полу человек семь. А он де, Потапов, да служилой Степан Беляев того ж ноября 20 числа поехали за онымы ж Мокрошубовым с товарыщи для взятья упромышленной ими в лете рыбных кормов, то де недоехав до вышеупоминаемых пеших коряк от юрты их в виду разстоянием менее десятины, увидели убитого на самой дороге из вышеупоминаемых команды гранадера Мамрукова, служилого Льва Баигачева, которой лежит наг в одних штанах, а оных Мокрошубова с товарыщи побили, приехав к вышеозначенным пешим корякам, вышеупоминаемой Косинской с родниками и прибывшие из протчих близь того места из иноземческих острожков, из Ягачинского и из Каменного, из Жирового, из Косухинского живущие в тех острожках пешие коряки, то де он, Потапов, и товарыш ево Беляев, поворотя собак своих от юрты, и поехали обратно по дороге, а изменники де коряки, вышед

* Слово оборвано.
** Слово оборвано.

из юрты, стали их звать к себе, токмо оне к ним не пошли, то де отъехав от юрты например верст с пять за худобою собак своих он, Потапов, от товарыща и остался и, отшед с дороги, стал под утес, то де миновав с час изменники коряки на оленях погнали вслед их, и не видав ево за темностию ношною и за тогдашнею пургою и паки обратно миновав с час же, поехали в юрты, а он, Потапов, пролежал под утесом. И разговаривали между собой по коряцки, что де нам их несустичь, понеже де осенью у руских собаки жирны. И пропустя де тех изменников, он, Потапов, и поехал в Акланской острог и, шед всю ночь, приехал уж днем под вечер.

И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарбыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарыщи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарыщи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием на острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили.

И между де тем времянем в декабре месяце приехал к ним в Акланск из Анадырского острогу за сбором с живущих около Акланского острогу Анадырского ведомства с коряк ясака якуцкой служилой Михаило Сорокоумов всего в трех человеках, а того де дни, которого он, Сорокоумов, к ним приехал, изменники, стояв под острогом, ввечеру отступили. И приехав, оной Сорокоумов засел с ними в остроге в осад[у], и сидели в осаде ноября с 26 числа 745 по 746 год до марта месяца, а пропитание имели самое нужное: ели сети сученые из китовых жил, и ремни нерпичьи, и подошвы от торбосов и едва де все с гладу не примерли.

А вышеозначенного де марта месяца 746 году, услышав о той измене и убивстве, в Анадырском остроге бывший маэор Павлуцкой прислал к ним в Акланск на выручку за прапорщика Петра Трошина с командою всего во сте пятидесяти человеках, а изменники де до прибытия к ним означенного Трошина отступили от них недели за три. И прибыв оной Трошин в Акланск, ночевав одну ночь, и поехал со всею командою на устье реки Аклана, где побили вышеупоминаемых Мокрошубова с товарыщи, токмо де изменников никого в том месте не нашли, а убежали на реку Ягачю и, собрав убиенных показанного Мокрошубова с товарыщи тела, привезли в Акланской острог и похоронили в том остроге. А опой де за прапорщика Трошина с командою пошед ко оным изменникам на реку Ягачю и, не учиня к ним никакого приступу, токмо взяв от тех изменников одного аманата, которые изменники якобы сказали ему, что оне будут ясак платить в третей год, а тогда де у них от убивства руских людей руки кровавы, и якобы затем и ясаку им платить нельзя. И приехал он, Трошин, от них обратно в Акланск и, оставя в Акланском остроге для обережи острогу партии капрала Ефима Пермякова с командою в двадцати пяти человеках, и уехал обратно в Анадырск.

И жили они, Потапов с товарыщи, в Акланском остроге до июня месяца, а того де месяца июня 746 году приехав из Анадырска, сотник

Алексей Котковской и увез с собою в Анадырск означенного Пермякова в трех человеках, а у них оставил при команде солдата Ивана Сокуева, которой Сокуев в том Акланском остроге определен был закащиком и жил июля до 8 числа и пошел с командою из Акланского острогу по реке Аклаиу вниз и в разстоянии от их острогу версты с четыре промышлять рыбу, а в остроге де рыбных промыслов не бывает, токмо промышляют в самую осень. И взяли с собою и взятого от изменников с Ягачи вышеупоминаемого аманата, да другова аманата Акланского острогу, для того де что их в остроге пропитать было тогда нечим, а для обережи острогу оставил ево, Потапова, да служилых Козьму Короткова, Бориса, а чьих прозванием сказать не упомнит, Никифора Солд[ат]ова, Алексея Тарабыкина, и вышеозначенной де взятой от изменников ягачинских аманат от помянутого Сокуева убежал, то де оной Сокуев, оставя у промыслу четырех человек: Прокопья Шемаева, Андрея Старкова, Афанасья Змиева, да Гилева, а как зовут именем сказать не упомнит, с достальною командою пошел в лодках искать оного аманата вниз по реке Аклану к морю и, отшед де например верст с сорок, встречал на реке Аклане идущих к Акланскому острогу в байдарах ветхих, то есть лодки малые, походом изменников многое число, которые изменники означенного Сокуева с командою, не допустя до берегу, и покололи на воде копьями, токмо де с того побоитца убежали Акланского острогу служилые Степан Беляев, Иван Черной, Трифон Крымской, да партовщики Федор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров, да еще три человека, а как их зовут, сказать не упомнит, и из оных де служилых пришед в Акланской острог Трифон Крымской о том убивстве ему, Потапову с товарыщи, росказал.

То де они и за неимением у них никакого пропитания, и что им в том остроге шести человекам спастись никак невозможно, пороховую казну в двух малых флягах, например весом в обоих один пуд, закопали в остроге в одном углу от жилья далее, да одну пушку малую и оружье закопали в онбаре под мост, а денежной де казны в том Акланском остроге не было, а присланные жалованные дачи деньги все употреблены были еще в бытности сержанта Енисейского в дачю служилым, взяв [с] собою образ Николая чюдотворца на цке шестеришной да псалтырь следованную старую и, выступя из острогу, пошли тундрою в Анадырск и, отшед от Акланска ден десять, вышли на реку Черную и за обдержащим их гладом далее итти уже мочи не возымели и зимовали на той реке Черной, а пропитание имели промышлением связанною из пестрединнои рубахи сетью рыбою кетою, да зимою промышляли крупашек. И из них вышеозначенной Короткой да Борис, а чьих прозванием не знает, с той реки Черной по выпаду первого снегу пошли в Анадырской острог, а он де, Потапов, да Крымской, Колесов и Солдатов на той реке Черной, как выше показано, и зимовал и в марте месяце 747 году с той реки Черной пошли они, Потапов с товарыщи, в Анадырской острог и того ж де марта месяца вышли в Анадырск. То де из ушедших от них прежде Короткой вышел в Анадырск, а товарищ его Борис, не дошед до Анадырска, помер голодом, а ушедших де с побоища Сокуева в 746 году прибыли до них в Анадырск охоцкой команды Степан Беляев да партовщиков Гилев, Соболев, Зеленовской, ...*, Зуев, а Прокопей Шамаев да Иван Черной утерялись без вести.

То де он, Потапов, прибыв в Анадырской острог, жил до октября месяца 747 году, а в октябре из Анадырска поехали в Олюторской острог, которой еще тогда был не в измене, за сбором ясака сборщик Михайло Сорокоумов с командою, то де и он, Потапов, для осмотру Акланского острогу, в каком состоянии оной находится, попутно и поехал, и едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовщиками Ефремом Котельниковым,

* Слово оборвано.

с Петром Куклиным, да с Егором, а чьих прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь разорен и сожжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками, а у кого оная пороховая казна и пушка и оружие имеютца, того он, Потапов, не знает, токмо де нашли одну фузею, покинута в отдаль от острогу, которую взяв, и отвезли в Анадырск. И отдал он, Потапов, закащику якуцкому служилому Екиму Новогородову да свою данную в Охоцке от бывшего командира господина Дивиэра фузею ж с ледункою без патронов и образ Николая чюдотворца и псалтырь, в чем имеет за рукою ево росписку, которую объявляет при сем допросе.

И осмотрев де тот Акланской острог, и уехали обратно в Анадырск, и прибыли уже в марте месяце в 748 году, и жил во оном Анадырском остроге до 749 году до марта месяца, и того ж де марта, дав ему, Потапову, да товарищам ево Ивану Ослоповскому, Козьме Андрееву из Анадырской партии полкового двора за рукою командующаго тогда над партиею прапорщика Ковалева пашпорт, отпущен в Якуцк и велено явитца в Якуцкой или в Охоцкой канцелярии, а прибыл де он, Потапов, в Якуцк в 750-м году в декабре месяце, а сего 751 году апреля 1 дня послан он из Якуцкой воеводской канцелярии в Охоцк на почте с указами ея императорского величества.

А товарыщи ево Ослоповской прибыл в Якуцк прежде ево, Потапова, и услан минувшего 750 году из Якуцка в Ыркуцк за колодниками, а товарыщ ево Козьма Андреев остался в Нижнем Колымском зимовье, затем что поднятца оттудова ему не на чем, понеже ехали из Анадырска до Якуцка на своем коште

А Акланской де острог построен был на острову между рекой Пензинской и Акланской в самой стрелке, ибо де Аклан река пала в Пензину реку, и место де болотное и понимает летом водою, и рыба де приходит к Акланскому острогу августа в первых чисел, и всегда бывает голод. А в устье де реки Пензины с моря морскими судам можно ль входить, того он, Потапов, не знает, понеже де на устье у моря не бывал, ибо состоит от Акланского острогу до самого устья более ста верст. А от Акланска до Анадырского острогу езду налехке на оленях санками десять ден, а летною де порою ходят от Акланска по реке Пензине в лотках больших вверх бечевой ден восемь до устья Черной реки, которая пала в Пензину, а с устья Черной пешком до Анадырска тундрою ден шесть.

Во всем вышеписанном показал он, Потапов, самую сущую правду, а ежели сказал ложно или что утаил, и за то б учинено ему было по силе ея императорского величества указов, чем будет достоин без упущения.

К подлинному допросу вместо служилого Ивана Потапова Степан Петров руку приложил *.

Сенат, 1 департ. д. № 1552, лл. 312 — 318; печатается по копии.

33. Секретное „доношение“ Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 21 июля 1746 г. **

Июня 14 числа сего года в присланных сюда из Анадырского острогу от маэора Павлуцкого репортах написано.

В первом. По присланным де команды ево от служилых, тако ж из Акланского острогу от закашика репортам показано: ясашные де акланские и

* Листы документа скреплены: „С копиею читал актуарий Афанасей Михайлов“.

** В оригинале данный документ озаглавлен следующим образом: „Доношение о требовании указа, каким образом с убийцами и бунтовщиками в поимке их и при следствиях и розысках поступать и какие экзекуции им чинить и о протчем“.

каменныя коряки учинили измену и убили едущих из Охоцка священника и бывших при нем пять человек, да Акланского острогу семь казаков, да от него, Павлуцкого, посланных за разными делами двух сержантов, одного пятидесятника, десять человек казаков, а ноября де 27 числа 1745 году те коряки приезжали к Акланскому острогу и стояли тут двои сутки и паки убили того Акланского острогу одного казака. И по оным де репортам командировал он, Павлуцкой, в Акланской острог команды ево одного каптенармуса Петра Трошина и с ним солдат и казаков сто двадцать одного человека, и велено де тому каптенармусу по данной от него, Павлуцкого, инструкции, как возможно, домагатся и изменников бунтовщиков переловить и привесть в Анадырской острог, и требовал он, Павлуцкой, отсель указа, чтобы против тех изменников повелено было ему поступить военною рукою и по поимке учинить им в силе указов казнь при их братьях, от чего де в казне ясашному сбору убытку быть не может, да и в прежде имеют быть утверждены и надежны.

Во втором. Имеющейся де в предъявленном Акланском остроге за ундерофицера казак Иван Енисейской (которой тот Акланской острог отстроил) [30] еще до вышеписанной коряцкой измены в 745-м году из Акланского острогу ушел, а куда—не известно; а те де коряки весьма были к нему, Енисейскому, склонны и во всем ево слушали, и того де для в защищение оного Акланского острога имелась великая на того Енисейского надежда, а как де оной Енисейской бежал, то де и коряки, сбунтовав, вышеобъявленную измену учинили, и сумнительно де, что оной Енисейской не был ли о той измене сведом. А по справке в Иркуцкой провинциальной канцелярии в воеводком 204* года наказе между протчим в пунктах написано: в 22-м, в которых новых землицах люди учнут чинится непослушны и впредь от них чаять будет какова дурна, и тех людей посланными служилыми смирить как можно и привесть в платеж ясака; в 46-м и в 47-м, ежели какие иноземцы будут подходить под городы и остроги войною и чинить раззорение, и таких иноземцов как возможно ратными людьми смирить и привесть в послушание против прежняго; да в указе ея императорского величества из правительствующего Сената сюда написано. В первом июля от 6 1740, чтоб иркуцкому вице-губернатору, собрав из ближних к Якуцку городов и жилиш тако ж из якуцких и Анадырского острога служилых людей и обывателей, сколько потребно, и определя к ним достойных командиров из гарнизонных офицеров, с принадлежащим оружием, и велеть оным итти на немирных чюкч военною рукою и всеми силами старатся не только верноподанных ея императорского величества коряк обидимое возвратить и отомстить, но их чюкч самих в конец раззорить и в подданство ея императорскому величеству привесть. Во втором: февраля от 18 1742, чтоб во искоренении вышеобъявленных немирных чюкч поступать военною оружейною рукою и искоренить их вовсе; точию которыя из них пойдут в подданство ея императорскому величеству, оных, так же жен их и детей взяв в плен, и из их жилиш вывесть и впредь для безопасности распределить в якуцком ведомстве по разным острогам и местам между живущих верноподданных, где пристойно.

В третьем. Маия от 17 чисел 1744 годов, дабы о осужденных к смертной казни и политической смерти колодниках присылать изо всех мест в правительствующий Сенат выписки с прописанием приличных к тому указов и со мнениями и до получения б на то указа винным экзекуцый не чинить.

И на оное по определению Иркуцкой провинциальной канцелярии в Анадырск к маэору Павлуцкому посланным ея императорского величества указ и велено, ежели вышеозначенным посланным от него, Павлуцкого, каптенармусом Трошиным и командированным с ним помянутыя убийцы

* В 1696 г.

и изменники ясашные коряки поныне не переловлены, то оных, как возможно сыскав, изловить, употребя к тому всевозможные способы по тамошним обращением без потеряния высокого ея императорского величества интереса. И буде они добровольно по уговорам давatся не станут и учнут противится, то, призвав всемогущего бога в помощь, поступить с ними оружейною рукою в силе указов с пристойным к предосторожности образом и без потеряния ж высокого интереса и привесть паки в подданство под высокодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, а убийцами и протчими к тому злому умышлению согласниками следовать и розыскивать, и ежели кем дойдет до пытки, то из подлинной правды пытать указными пытки и доискиватся самыя истинны, от чего оные иноверцы такое убивство и бунт учинили и кто с ними единомышленники и на кого покажут, и тех людей, буде оные не сысканы, по тому ж сыскать и следовать против вышеписанного ж. И по окончанию всего оного следствия учинить обстоятельскую выписку и краткой экстракт с прописанием к тому приличных указов и своего мнения прислать оные для конфермации в Иркуцкую провинциальную канцелярию при доношении в крайней скорости. А до получения на то указа винным экзекуции не чинить и содержать их весьма под крепким и осторожным караулом, и впредь о таких от тамошних иноверцев непостоянствах и бунтах разведывать под рукою и до того не допущать и отвращать; что же он, Павлуцкой, представлял, имеющейся де в вышеписанном Акланском остроге казак Енисейской (к которому коряки весьма были склонны и во всем ево слушали), из того Акланского острогу ушел, а куда—не известно, и того для о сыску ево, Енисейского, велено Якуцкой воеводской и Охоцкой канцеляриям, тако ж и ему, маэору Павлуцкому, в Якуцком и Охоцком ведомствах и в камчадальских острогах публиковать строгими ея императорского величества указами и в поимке ево употребить всевозможные способы, и где оной в сыску явится, то, не держав ни часа, отослать ево в Анадырск к маэору Павлуцкому, а ему, Павлуцкому, им, Енисейским, о самовольном ево из Анадырского острогу уходе и о том, что не был ли он, Енисейской, о упоминаемой коряцкой измене сведом и с ними обще к той измене в согласии и для чего из того острогу ушел и где по уходе жительство имел и под каким укрывательством, исследовать же накрепко и по исследствии по тому ж учинить из того краткой экстракт, с прописанием приличных к тому указов и своего мнения прислать оной сюда при доношении немедленно ж.

А до получения на то указа, экзекуции не чинить же.

Того ради правительствующему Сенату Иркуцкая провинциальная канцелярия сим покорнейше представляет, с таковыми убийцами и бунтовщиками что повелено будет чинить и в поимке их и при следствиях и розысках каким образом поступать и по окончании дел убийцам и бунтовщикам, в страх другим и для избежания впредь таких злых поступок, какие экзекуции чинить, о том бы Иркуцкую провинциальную канцелярию снабдить ея императорского величества указом.

Лоренц Ланг

Июля 21 дня 1746 году

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 54 — 56.

34. Секретное „доношение“ Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 3 июля 1747 г.

Минувшаго июня 30 дня присланным в Иркуцкую провинциальную канцелярию из Охоцка тамошней командир пример маэор Зыбин доношением на посланной к нему отсель сентября от 17 числа 1746 году указ доносил. Хотя де по тому указу живущия около Пензенского моря бунтовщики и

изменники коряки военною оружейною рукою усмирены и паки под самодержавную ея императорского величества руку и в платеж ясака приведены и будут, токмо по всегдашнему их застарелому азиадскому обычаю и непостоянствам без опасения твердой надежды никак на них иметь не можно. А по мнению де ево, маэора Зыбина, для предосторожности и пресечения того бунту и измены надлежит от Ямского острогу берегом вкруг Пензенского моря до Камчатки, где живут те бунтовщики и изменики, построить редуты или крепости и оставливать в них жить пристойное число людей. И для строения б тех редутов или крепостей и ради поселения в них людей присылать в Охоцк изо всех мест осужденных за вины в сылку и определено б было тем присыльным выдавать какое ни есть жалованье, и ежели паче чаяния те ссыльные отбывая работы, будут произносить тамо какие затейные доносы, и оным бы не верить, ибо от того в провозе их из таких самоотдаленных мест воспоследует интересу ея императорского величества напрасная трата и строение тех крепостей в ничто обратится. А в Охоцке де за малолюдством солдат и казаков показанных редутов или крепостей строить и в них для обережи оставить жить некого. А по справке в Иркуцкой провинциальной канцелярии по силе присланного сюда ея императорского величества из правительствующаго Сената от 29 числа сентября 1744 году о умножении нерегулярного войска указу имеется ныне в Иркуцке и Иркуцкой провинции в городех набранных из казачьих детей и из разночинцов, неположенных в подушной оклад, и определено в казаки сверх состоящаго указного комплета до четырех сот человек, того ради правительствующему Сенату Иркуцкая провинциальная канцелярия сим покорнейше представляет, что, по мнению здешней канцелярии, всемерно, для пресечения от коряк бунту и измены и содержания тех коряк по близости их жилья в добром порядке и для свободного от Охоцка до Камчатки проезду, к постройке вышеявленных крепостей и к безопасному содержанию оных на первой случай поселить из предъявленных набранных и определенных сверх комплета казаков до трехсот человек и для пропитания определить им давать жалованье против охоцких казаков денежного по семи рублев, хлебного по двадцати по восьми пуд по десяти фунтов на год. И для предосторожности от тамошних иноверцов в случае неприятельского нападения дать ружья, пороху и свинцу по усмотрению Охоцкой канцелярии, сколько потребно, и определить к ним от оной же канцелярии достойных командиров. И изо всей Сибирской губернии осужденных за вины в сылки посылать в Охоцк для определения в вышеписанныя ж крепости и жалование определить им против вышеписанного ж, или как правительствующий Сенат за благо рассудить изволит.

И ежели, паче чаяния, те ссыльныя будут показывать тамо вымышленно, отбывая ссылки и работы, важныя и другия какия дела, и оным бы не верить или повелеть по показаниям их по близости следовать и о всем подлинно розыскивать, и ежели кто дойдет до пытки, то и пытать, не присылая их за великою дальностью в Иркуцк Охоцкой канцелярии, ибо во оной имеется присудствующей пример маэор, да и в провозе таковых показателей и оговорных по их показаниям людей из таких весьма отдаленных мест до Иркуцка воспоследует ея императорского величества интересу великая напрасная трата, а строение и содержание крепостей в действительной порядок привесть никак не будет возможно, и что об оном о всем повелено будет чинить, Иркуцкая провинциальная канцелярия будет ожидать в резолюцию ея императорского величества указ. А в Охоцк к пример маэору Зыбинутак ж и ко обретающемуся в Анадырском остроге маэору же Павлуцкому посланы указы, велено им во искоренении бунтовщиков и изменников поступать, как по посланным к ним из Иркуцкой провинциальной канцелярии при указах марта от 13 числа сего года правительствующаго Сената

указом повелено во всем непременно и все тамошния остроги и живущих в них верноподданых ея императорского величества народов охранять и ни до малейшаго раззорения не допускать и в потребном случае друг другу, яко в самонужнейшем ея императорского величества интересе чинить скоровозможное споможение без отрицания, и что происходить будет, в Иркуцкую провинциальную канцелярию почасту со обстоятельством репортовать.

Лоренц Ланг

11 июля 3 дня 1747 году

Сенат, 1 департ., д. № 1852, л. 114.

35. Секретное „доношение" Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 27 октября 1748 г.

Прошлого 1747 году майя от 22 дня правительствующему Сенату из Иркуцкой провинциальной канцелярии доношением по протчем покорнейше донесено, что на присланныя из Анадырского острогу от покойного мазора Павлуцкого репорты посланным к тому Павлуцкому ея императорского величичества указом велено, ежели кроме показанного во объявленных от него, Павлуцкого, репортах пойманного изменника коряку Умыи Аукевина, другие изменники коряки не переловлены и состоят попрежнему в противности, то оных посланным за ними приказать уговаривать сперва ласкою, чтобы они склонились добровольно паки в подданство ея императорского величества и в платеж ясака. Буде же они по тому уговору добровольно в подданство не склонятся, то поступить с ними военною оружейною рукою, как о том из правительствующаго Сената генваря от 15 числа 1747 году указом повелено, и по поимке тех неприятелей из оных убийцами и их согласниками и пущими к измене заводчиками, тако ж и вышеписанным Умыею Аукевиным наикрепчайше исследовать, и ежели кто дойдет до пытки, то из подлинной правды пытать и по окончании того следствия, учиня краткой экстракт с подписанием приличных указов и с приложением своего мнения, прислать в Иркуцкую провинциальную канцелярию для отсылки на разсмотрение и конфирмацию в правительствующий Сенат и до получения на оное указу тех убийц и изменников держать под крепким караулом. А сего октября 5 в репорте из Анадырска от обретающегося в партии Якуцкого полку прапорщика Петра Ковалева написано. Изменники де коряки Эвоикто Косинков и сын ево Эвехкута Эвоиков, Эвехкукахта Гуланов да Тыкыетог нарочно посланными к Акланскому острогу толмачем Никитою Куркиным да казаком Алексеем Шипуновым призываны были попрежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясачной платеж с таким обнадеживанием, что ежели они склонятся попрежнему в подданство доброхотно и в том дадут по себе аманатов, таковым за измену их вина имеет быть упущена.

И по тому обнадеживанию Эвоикто Косинков с сыном Эвехкутом склонились попрежнему в подданство, и дал тот Эвоикто в аманаты сестру свою родную Тунневу, коя и взята в Анадырской острог. И при том же де оной Эвоикто сказал, что к измене и к подбитию руских людей он, Эвоикто, был зачинщиком и в Анадырск де итти не смеет, дабы ево за ту измену не повесили, и просил, чтобы в будущую осень приехать к нему не во многом числе людей, а для чего не сказал, а другия де коряки Эвехкукахта и Тыкыетог в Анадырск не ноплы же. Также и Каменного острогу изменники коряки ж (кои в 747-м году осенью раззорили Акланской острог и сожгли оной весь, а казачьих жен и детей, ружье и протчую казну взяли всю без остатку в плен) потому же призываны были в подданство ея императорского величества и в ясашной платеж и взятое им из Акланского острогу в плен прошено у них обратно, точию де они ничего того не

отдают и за взятых в плен казачьих жен и детей требуют выкупу, котлов и табаку, а ружья де и на выкуп не отдают. Да они ж де, коряки, говорят, что едущаго с Камчатки в 745 году купца Александра Соснина и с ним двух казаков побили Жирового острогу изменники ж сидячие коряки. А вышеписанной де поиманной оленной коряка Умья Аукевин с ними в той измене не был и про измену не слыхал, чего де ради оной Умья в Анадырску со взятьем с него аманата и порук из под караулу до указу свобожден, ибо под караулом за всекопечною кормовою скудостию пропитать его, Умью, нечем, и что о вышеписанном чинить—требовал указу.

А по справке в Иркуцкой правинциальной канцелярии прошедшаго ж 1747 году августа 22 дня доношением Охоцкая канцелярия по протчем сюда представляла, что хотя изменники коряки попрежнему в подданство ея императорского величества и в ясашной платеж приведены и будут, точию дабы они так состояли уже всегда неотменными, в том по азиадцкому их непостоянству твердой надежды никак иметь не можно, ибо де они лукавством своим, объявя себя ласкою умышленно якобы верноподданными и дав аманатов, а потом оставя сожеление о своих аманатах и изождав настоящих верноподданных в какой либо малой неосторожности, побивают и всеми мерами тщатся злодействовать, и тако де по платежу от них разными зверьми ясаку не столько приносится прибыли, сколько высокому ея императорского величества интересу убытку и людям раззорения. И посланным в Охоцкую канцелярию указом велено для представленных от той Охоцкой канцелярии резонов, призвав всемогущаго бога в помощь, всех изменников коряк военною оружейною рукою побить и вовсе безо всякого милосердия искоренить, ибо из того уповаемо может последовать в тамошних местах верноподданным безопасное житие, и от такого военного страху и другие ясашныя и неясашныя народы от бунту и измены иметь будут воздержание и от время до время верноподданными быть.

А в правительствующий Сенат того ж 747 году сентября 3 дня писано доношением и при нем с доношения Охоцкой канцелярии, ради наилутчего о изменнических злодейственных поступках усмотрения, сообщена точная копия.

А понеже во упоминаемом же 747 году сентября 2 дня отправлен из Иркуцка в Анадырской острог в партию вместо покойного маэора Павлуцкого главным командиром Якуцкого полку поручик Семен Кекеров, и предписанному прапорщику Ковалеву велено быть у того поручика в команде, и того ради ныне в Анадырской острог ко объявленному поручику Кекерову послан отсюда с нарочным ундер-офицером с выдачею из казны на одну подводу прогонных денег ея императорского величества указ, в коем написано. Хотя изменник Эвоикто Косинков с сыном Эвехкутом якобы и склонился попрежнему в подданство и дал в аманаты сестру свою родную Тунневу, токмо как он Эвоикто, так и сын ево Эвехкут и другия изменники коряки ж Эвехкукахта и Тыкыетог сами в Анадырск не пошли и из них Эвоикто говорил, дабы к нему будущею осенью приехать не во многолюдстве, а чего для—того не объявил, и потому признавается, что он, Эвоикто, склонение бутто бы попрежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку оказал по их азиадцкому непостоянству вымышленно, дабы к нему притти осенью не во многолюдстве того ради, дабы тех посланных способнее можно побить, как о тех их изменников злых умыслах и непостоянствах выше в доношении Охоцкой канцелярии показано. И того ради оной не во многолюдстве посылки отнюдь ему поручику Кекерову чинить не велено, а поступать в том с великою предосторожностию.

И буде по тамошнему усмотрению во искоренении тех злодеев без потеряния ея императорского величества высочайшаго интереса и упущения времени потребно будет что к споможению от Охоцкой канцелярии

и оного требовать, а той канцелярии учинить скоровозможное вспоможение и, призвав всемогущаго бога в помощь, с изменниками коряками, а особливо с теми, кои Акланской острог в конец раззорили и взятых в плен казачьих жен и детей без выкупу, а ружья и на выкуп не отдают, поступить яко с злодеями оружейною военною рукою и всеми силами старатся, как они верноподданных ея императорского величества народов побивали и раззоряли, такими ж мерами самих их потому ж всех безо всякого милосердия побить и вовсе искоренить и взятых ими из Акланского острогу в плен казачьих жен и детей, тако ж ружье и всю казну от них отобрать и жен и детей роздать тем, чьи они были, а ружье и протчую казну содержать в Анадырску под охранением, и сколько чьих жен и детей и ружья, также какой имянно казны будет отобранно, о том в Иркуцкую провинциальную канцелярию за известие репортовать.

И Акланской острог по сношению с Охоцкою канцеляриею обще паки для предосторожности от неприятелей и наилутчей из Анадырска к Охоцку камуникации возобновить и привесть в прежнее состояние и содержать оной, как от Анадырского острогу, так и от Охоцкой канцелярии от неприятельского нападения во всякой предосторожности и охранении. А изменником корякою Умьею Аукевиным (не взирая на то, что Каменного острогу изменники же коряки объявляют, бутто он Умья в измене с ними не был и про измену не слыхал), по прежде посланному отсюда маия от 9 числа к покойному маэору Павлуцкому указу о измене наикрепчайше ему, порутчику Кекерову, исследовать, и ежели дойдет до пытки, то из подлинной правды пытать и доискиватся самые истины. И буде с пыток окажется, что он, Умья, с изменниками в согласии подлинно не был и про измену их не знает, тогда ево из под караулу свободить со взятием ближних ево роду аманатов и впредь, ежели по усмотрению надлежит его роду аманатов, брать с переменою повсягодно и содержать оных в добром присмотре и никакого напрасного озлобления не чинить. Буде же он, Умья, в согласии с изменниками был или про измену их ведал, то что ему, Умье, надлежит, за то по силе государственных прав учинить, о том в Иркутцкую провинциалную канцелярию со мнением писать и до получения на то указу содержать ево, Умью, под крепким караулом и об оном же и в Охоцкую канцелярию послать указ же.

Октября 27 дня 1748 году.

Лоренц Ланг.

Сенат, 1 департ., д. № 750, лл. 584—587.

ПОПЫТКА СОВМЕСТНОГО ВОССТАНИЯ КОРЯКОВ, КАМЧАДАЛОВ И ЧУКЧЕЙ И УЧАСТИЕ КАМЧАДАЛОВ В ВОССТАНИИ КОРЯКОВ.

36. „Скаска ясачного иноземца“ Орликова от 13 апреля 1746 г.

1746 года апреля 13 дня Ламахаручевского острога новокрещеной ясашной иноземец Петр Орликов, при присудствии заседающих господ высокопреподобнейшего отца архимандрита Иоасафа Хотунцевского и ревизий мужеска полу душ благородного господина капитана Завьялова, Якуцкого полку капрала Алексея Лебедева и прикащика Осипа Росторгуева, сею скаскою объявил.

Апреля де 3 дня сего 1746 года отправлен он был по ордеру от приказной избы чрез Столбы до Озерной реки для наведывания тайным образом таковой вести, не убили ли посланных для ясашного сбора служилых Степана Шапкина с товарищи, до которой реки он и доежал. А того ж апреля 7 дня приехал он на Озерную реку к тоену Отомначике, в оном остроге первую нощь ночевал и о побитии ясашных сборщиков у тоена спрашивал,

токмо оной тоен с родником своим Керугой, а по крещении Семеном Минюхиным сказали: ясашныя де сборщики за сбором ясашным ушли на остров и затем де их долго нет, что знатно лед разбило и нельзя им обратно попасть. А того ж апреля 8 дня услышал он, Орликов, от тоена Хотомначики и с родника ево Керуги, что оныя сборщики конечно имеются на острове. Того ради оной Орликов объявляющего ему о том иноземца Керугу для вероятного к команде объявления звал в Нижней острог, которой напротив того говорил: „пойдем де мы в юрту". И будучи он, Орликов, с ним Керугой в юрте, между протчим оной Керуга ему объявил, что де сборщиков поголовно всех на Юмгиной реке у Умьевушки четверо олюторов, Карагинской тоен и Алексей с братом Лазуковым убили, и при том говорил в бытность де ево, Керуги, у Умьевушки олюторы и Алексей с братом Лазуковым говорили: ежели де увидишь Орликова, скажи ему, чтобы он с нами ж был в одном согласии, а чюкчи де, коряки и юкагири на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога к нам в споможение притти хотят, и нас де людей много, руским людям не поддадимся и приедем де все с женами и с детьми в здешней Нижней Камчатской острог и, которые де там имеются хорошие дворы, в тех де будет жить Лазуков с командою и будет де ожидать с моря судов. При чем оной Керуга ему, Орликову, приказывал: вы де с Ламахаручем знаете, когда с моря суда приходят, смотрите, чтоб де они, прибыв к берегу, назад на море не ушли, а возьмем де мы их обманом. А на лето де две байдары олюторов с женами и с детьми, а имянно тоен с братом, которого имени он, Орликов, сказать не знает, уже совсем на поселение в Нижней острог приттить намерены, а на Авачу де будет Умьевушкин зять Канач с табуном и будет де ожидать судов, которыя из Охоцка прибудут. А другия де пойдут, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и в Верхней остроги. И при том оной Керуга ему, Орликову, сказывал, что де в Большерецке людей немного, и хотя де этих наших руские люди и прибьют, то де на лето будут чюкчи, которых де руские люди убить никак не возмогут, а юкагиры де и чюкчи колымскую дорогу уже заперли, коряки же де с чюкчами замирение возымели, объявляя: доколе де нам между собою иметь брань и от руских терпеть, мы де их, чтоб они на нашей земле не были, всех до единого искореним [81]. А оленныя де коряки изобрав близ здешняго острога моховое оленное кормовище, будут на оном, переселяся оттуду, жительство иметь, а наши де камчадалы будут жить в самом остроге и иметь командира Алексея Лазукова камчюга. А хотели де они быть в острог по насту на костянных полозьях в нынешнем же апреле месяце и взять острог с северной страны с заднего бастиона на утреней зоре, уповая, что де руские люди во оное время весьма разоспятся. И на вышепредложенныя речи Керуги, Семена Минюхина, ясашной иноземец Петр Орликов, опасаясь, чтоб не принять ему от того Керуги с прочими смерти, сказал ему: я де с вами в заговоре быть готов, только де пришлите ко мне четырех человек, которые де бы мне, когда наши родники подымутся в поход и будут на Столбы, весть поддержали. И на то оной Керуга ему, Орликову, сказал: я де твои речи, чтоб он к тебе тех людей прислал, Умьевушке скажу, а к прочим де тоенам, а имянно Поучева острога к Камаку, по крещении Стефану Кузнецову, с Уки реки от Начики, по крещении Ивана Колегова для призывания онаго Камака во общее согласие послан де будет того ж острога иноземец Карымча Черной, а по крещении Алексей Тихонов сын Антипин. И при всех вышеписанных Керуги с ним, Орликовым, разговорах представляет он свидетелей Столбовской реки есаула Ломача, по крещении Потапа Колегова, и Тениву, по крещении Петра Холщевникова, да вышеписанного ж Хотомначики зятя Кожача, по крещении Ивана Невотчикова, которых он с собою сюда в Нижней Камчатской острог и привез для доказательства, и в сей де своей сказке сказал он, Орликов, самую истину без всякой лжи и утайки и в том он во всем

вышеписанном утверждается. У сей скаски иноземческие речи переводили здешняго Нижняго Камчатского острога служилыя Егор Иконников, Савин Пономарев да Охоцкой команды служилой же Василей Мохнаткин.

Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой Василей Мохнаткин и вместо оного Орликова руку приложил. У сей скаски вышеписанного новокрещеного камчадала Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой Егор Иконников и руку приложил. У сей скаски вышеписанного новокрещена камчадала Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой Савин Пономарев и руку приложил.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 80—81.

37. „Скаска" камчадальского тоена Тавача от 28 апреля 1746 г.

1746 году апреля 28 дня в Камчатском Нижнем остроге при присудствии в комисии заседающих высокопреподобнейшаго отца архимандрита Иоасафа Хотунцевскаго и ревизии мужеска полу душ благороднаго господина капитана Завьялова и обретающагося здесь для охранения здешняго Нижнего Камчатцкого острога Якутцкаго полку капрала Алексея Лебедева, Еловки реки тоен Тавач, по крещении Нефед Осипов сын Лазарев, сею скаскою объявил:

Сего ж де апреля 23 числа послан он отсюда из Нижняго Камчатцкаго острога от капрала Алексея Лебедева чрез Столбы до Озерной реки и далее для наведывания нынешних находячихся изменников Юмгиной реки Умьевушки и Озерной реки Хотомначикина родника Керуги с товарищи и прочих их сообщников, где будут оные обретатся с партиею своею, в каких местах и что от них какия действия будут происходить, чтоб о том здесь в Нижнем остроге в комисии уведомить. И по оной посылке ездил он, Нефед, отсюда до Столбов и далее с родником своим новокрещенным Михаилом Мерлиным, а отъехав от Столбов, будучи в треть пути, не доежая Озерной реки на пустом месте в подъеме на хребте при спуске с того хребта в падь, увидел он с товарищем своим Мерлиным, что в той паде уже в близости стоящих людей с санками на собаках многолюдство, и, такое де многолюдство видя, он убоясь поворотились обще с вышереченным товарищем своим Мерлиным обратно, то де оное многолюдство их увидели и настигли их на том же хребте два человека, которых они опознали, а имянно: новокрещенные коряки Канач, по крещении Андрей, и Пиня, а по крещении Григорей Булюкин, и настигши купно с вышереченным товарищем своим Михаилом Мерлиным на том хребте, одержали и имеющееся на них ношебное платье, куклянки, шапки и рукавицы обрали, тако ж сумку с багажем и санки с собаками взяли и посадили на свои санки и говорили, что дождемся де тоена Умьевушку с товарищи, которых де по тому их велению из той пади взъехавших на том хребте и дождались. То де оной тоен Умьевушка в то время, наехав на них во многолюдствии, например около ста человек, токмо не все возрастные и совершенные в летах, есть много иные молодые и не весьма возрастные, тогда имеющагося при нем взятого из Столбовского острогу в проводники новокрещенного камчадала Лишугу, а по крещении имяни сказать он не знает, двумя копьями из оных многолюдства некоторые закололи до смерти. И в то время, увидя ево, Нефеда, оной тоен Умьевушка пришел к нему попрежнему знакомству, обняв, поцеловал и говорил ему, Нефеду, что де не бойся, тебе де ничего не будет. И спрашивал оной тоен Умьевушкин с товарищи у него, Нефеда, про здешних монастырских, что много ль людей монастырских имеется, на что он, Нефед, им сказал, что обретается де у монастырских людно вооруженных и всегда имеют осторожны караул, тако ж есть и две пушки. А после де того спро-

сили у него о состоянии здешняго Нижняго Камчатскаго острога, что в каком людстве и оружье находятся руские люди, на что он, Нефед, им сказал же, что в здешнем де Нижнем Камчатском остроге имеется руских людей многолюдство, ибо де из гавани от устья пришли во оной острог руские люди в добавок, тако ж ружья, пушек, гранат и пищалей, пороху и свинцу довольно, и всегда пребывают в крепкой осторожности, караулы и осмотры круг жилья всегда по ночам с ружьем ходят непрестанно. И по спросам де тех речей поехали оной тоен со всею своею партиею и их, Нефеда со оным товарищем новокрещенным Мерлиным, взяли с собою в Столбовской острог, и будучи они близ того Столбовского острога, недоехав, реченного товарища ево Михаила Мерлина вышеписанной новокрещенной коряка Канач с товарищем своим в два копья закололи ж до смерти, тако ж и ево де, Нефеда, на том же месте те ж Канач с товарищем расболокали и колоть копьями хотели, токмо де из тех же сообшников их новокрещенной камчадал Черной Карымча ево, Нефеда, руками своими обнял и колоть не дал. И после де того от того места поехали в той Столбовской острог и посланного от Столбовскаго тоена Ламахаруча по корм родника ево Чегача, а по крещении Кирила Егорова сына Иконникова, наехав на летовье, взяли с собою в Столбовской острог возвратно, а его де, Нефеда, с протчими их согласники везли позаде. И прибыв в тот Столбовской острог, вышеозначенные Керуга да коряки Канач и Пиня с товарищи живущих в том остроге новокрещенных камчадалов мужеска и женска полу несколько до смерти побили, а сколь де числом побито, про то де он подлинно не знает, а знает про то вышеозначенной новокрещенной Кирило, которой ныне обретается здесь в остроге. И по побитии де тех людей оные изменники, взяв его, Нефеда, до вышереченного новокрещена Кирила Иконникова с собою, выслали из того острогу возвратно по той же дороге, где ево, Нефеда, с хребта воротили и, недалеко отъехав от того острога, например версты с четыре, на тундре остановились и, остановясь где, ево, Нефеда, и новокрещена Кирила сюда в Нижней Камчатцкой острог отпустили, а при отпуске их оные изменники им говорили, чтоб де они, Нефед и Кирило, здесь в остроге руским людем о всех их изменнических бывших при них, Нефеде с товарищем, злых поступках сказали и ничего б не таили. Да при том же они говорили, чтоб отсюда из острогу послали к ним руския люди новокрещенного коряку Анисима Лузина с вестьми с такими, что здешней камчатцкой острог в каком состоянии находится. Да вышеной тоен Умьевушка говорил же ему, Нефеду, с товарищем ево: поклонись де отцу архимандриту, он де до нас добр был,[32] а мы де это сделали с дурачества по научению Алексея с братом Лазуковых. У сей скаски вышеозначенного новокрещена тоена Нефеда Лазарева иноземческие речи переводил ево преподобия толмач служилой Василей Мохнаткин и вместо оного Лазарева руку приложил. У сей скаски вышеписанного камчадала тоена Нефеда Лазарева иноземческие речи переводил служилой Егор Иконников и руку приложил. У сей скаски вышеписанного камчадала тоена Нефеда Лазарева иноземческие речи переводил служилой Савин Пономарев и руку приложил.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 87—88.

38. Допрос служилого из камчадалов Алексея Лазукова, первая половина 1746 г.

Выписано о бунтовстве и измене ясашных иноземцов тоена Умьевушки, по крещении Стефана Евдокимова сына Колегова, с протчими и служилых двух братей родных Алексея и Ивана Лазуковых, нарицаемых камчуков, из скасок Ламахаручева острога новокрещенаго ясашнаго иноземца Петра Орликова да Еловки реки тоена Тавача, по крещении Нефеда Лазарева,

и протчих на вопрос вышепомянутому Нижняго Камчатскаго острога служилому Алексею Лазукову, которой допрашиван и сказал.

Вопрос	Ответ
1 По отпуске твой от командрованных во Анадырск солдат Малышева с товарыщи ты, Алексей Лазуков, на Юмгиной реке у сидячева коряки тоена Умьевушки во остроге жил ли и сколько времени.	На 1 По отпуск мой от оных солдат в остроге у Умьевушки жил до побития ясашных сборщиков дни с четыре, а после того побития жил три недели.
2 В находящейся ныне от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов измене первым надо всеми тоеном был ли, и посланных из Нижняго Камчатского острога за сбором ясашным служилых Стефана Шапкина с товарыщи колол ли, и ково имянно, и при них иноземцов сколько человек и кого имянно ж.	На 2 Во оной измене от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоеном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарыщи я с Умьевушкою и протчими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семена Минюхина да новокрещена Демьяна; Карагинской тоен Экча служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторской мужик Апле Стефана Шапкина; Умьевушкин племянник Таннехлавол Дмитрея Обухова; Умьевушкин родник Лехта новокрещена Варлама Иконникова; олюторской мужик Аталан новокрещена Ивана Черепанова до новокрещена Прокопья Околтышева; Умьевушкин родник Умьеву новокрещена Петра Лазарева; Умьевушкин родник Амгыта новокрещена Алексея Перевалова; олюторской мужик Апле служилого Зосима Гуторова. А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать.
3 Оной измене и убивству ясашных сборщиков первым возмутителем был ли, и Нижней Камчатской острог разгромить с тем изменником совет подавал ли, и каким способом вы то учинить думали.	На 3 Оной измене и убивству с Умьевушкою я первым возмутителем был и здешней острог разгромить совет подавал я, и хотели взять с [А]ратуги реки с горы с северной страны с заднего бастиона на утренной зоре, когда наши руские крепко спят, и хотели, не доезжая до острога вверх по Аратуге реке за 8 верст, во остроге оставить собак для утаения собачьего крику, а сами хотели итти пешком на лыжах, которому нашему совету согласовал Панкары реки тоен Ивашко.
4 В бытность Озерной реки Хотомначикина острога родника	На 4 Оному Керуге о призыве во общество Петра Орликова я не приказывал

его Керуги, во остроге у Умьевушки ты, Лазуков, с братом своим и с олюторами оному Керуге приказывал ли, чтоб он, когда увидит Орликова, сказал ему, чтоб он, Орликов, с вами был в одном согласии, а к Камаку во острог для призывания оного Камака с его родниками или куда инде к тоенам во оное ваше согласие кого посылал ли.

и его, Керугу, не видал, затем что оный Керуга во остроге у Умьевушке не был, а был же он на Панкаре реке у Ивашки, а к Камаку во острог и в протчие подострожные во все остроги Карымчу Черного я с Умьевушкою во общем согласии для призывания в измену посылал. И он, Карымча, для того призыва с партиею ехать сам хотел во все острожки, а именно: на Еловку к тоену Неферу, и к тоену Харчину, и в Горбунов, в Крестовской, в Ключевской, в Каменной, в Кокановской, в Камыковой и в Хапичинской остроги, а в протчие над морем имеющиеся острожки, а имянно: Столбовской, Ламахаручев, в Пекуки, в Березники, и Тавачев остроги и на поселье монастырское хотел я с Умьевушкою и с зятем его Каначем и родниками его Ипинею и с карагинскими мужиками и Панкары реки с родниками тоеном Ивашкою для погромления ехать сам.

5

Чюкчи, коряки и юкагиры и протчии на погромление здешнаго Нижняго Камчатского острога к вам в споможение притти хотели ль, и карагинской тоен Экча у тех коряк оленной табун гнать сюда наймом подрежался ли.

На 5

Оленные коряки и олюторы к нам в помощь для погромления Нижняго Камчатскаго острога быть хотели на собаках, и тоен Умьевушка к ним посылал от себя родника новокрещена Калаана для скорого к нему приезда. А о чюкчах и юкагирах, чтоб они сюда были, я никакой вести не слыхал, тако ж и о подрежании карангинского тоена Экчи гнать оленной табун не слыхал же, точию оной тоен в вышеписанном нашем намерении был всегда неотлучным.

6

Ты, Лазуков, по намерению взятья здешняго Камчатскаго острога в построенных здесь хороших домах жить хотел ли и ожидать с моря судов для взятия оных обманом намерены ль были, а Умьевушкин зять Каначна Авачу с оленным табуном для ожидания судов, которые из Охоцка прибудут, быть хотел ли, а протчия ваши сообщники, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и Верхней остроги итти хотели ль, и ныне по тому злонамерению из сообщников твоих кто пошли ли.

На 6

В построенных домах жить мы хотели, а именно: я, Алексей Лазуков, в новопостроенных покоях отца архимандрита и хотел его отца архимандрита Иосафа Хотунцевского и ревизии мужеска пола душ господина капитана Дементья Завьялова и капрала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и протчих убить и христианскую веру истребить, а в намерении того побития учреждал я протчим жить в нижепоказанных домах, а имянно в остроге в государевом доме Умьевушкину зятю Агевлину, а протчии домы к житию своему разопределили ж и хотели, обождав с моря судов, взять их обманом. А о Каначе, чтобы он хотел с оленным табуном для ожидания прибывших из Охоцка судов

на Авачю быть, не слыхал, точию тоен со мною Умьевушка посылали на Паллан во оба остроги Верхней и Нижней Верхнего Палланского острога иноземца Айгахлавол с таким приказанием, чтоб он, Айгахлавол, тем палланским мужикам сказал, чтоб они пошли через Тигиль и оттуда чрез Еловку для погромления Нижняго ж Камчатского острога, а после взятья онаго Нижняго острога хотели итти на Верхней и Большерецкой остроги для того ж погромления, а пошли ль оные палланские мужики через Тигиль, о том де мы известия не получали.

7

В летнее время на сколько байдарах олюторы с женами и с детьми, тако ж и чюкчи совсем на поселение в Нижней острог притти намерены, и буде такое намерение было, в какое время.

На 7

Коряцкой оленной с родниками тоен Эвынто, природою косой, и все олюторы в вешнее время, когда от земли на море лед отнесет, быть хотели байдарами подлинно, токмо без жен, а о бытии чюкчей я не слыхал, и пришед на Столбы, оставя там байдары, под острог быть хотели пешком. А Начикина острога Карымча Черной хотел с партиею ехать через Еловку в Нижней острог в поход, и в таком намерении олюторы с Умьевушкою и с прочими говорили, что де буде острог взять зимним временем не удастся, то де намерены быть летом при промысле рыбном, и не дадим де мы им корму промышлять.

8

Юкагиры и чюкчи колымскую дорогу, не допуская руских людей к проезду во Анадырск, заперли ль.

На 8

По скаскам олютор юкагиры колымскую дорогу, не допуская руских людей к проезду во Анадырск, заперли, а о чюкчах не слыхал.

9

Коряки с чюкчами замирение возымели ль, и притом доколе де нам между собою иметь брань и от руских терпеть говорили ль, и чтоб руских людей на их земли не было, всех до единого искоренить намерены ль.

На 9

О замирении коряк с чюкчами я не слыхал и таких речей, чтоб они при замирении между собою говорили, доколе де нам меж собою иметь брань и от руских терпеть, не слыхал же. И чтоб руских людей на их земле не было, всех до единого искоренить будто бы хотели, не слыхал же. Точию хотели руских людей искоренить олюторы с оленными и сидячими коряками и ходячее через море из Большерецка во Охоцк судно, не допуская сюда в прибавок руских людей из Охоцка, хотели разбить они же олюторы с коряками.

10

Оленные коряки, изобрав близь здешняго острога моховое оленное кормовище, на оном переселяся оттуда, жительство иметь хотели ль.

11

Сообщники твои камчадалы в самом здешнем остроге жить хотели ль и тебя, Алексея Лазукова камчуга, командиром иметь намерены ль были.

12

Умьевушкина и Карагинского острогов тоены с родниками их скоро к себе единомышленников изменников олютор и оленных дальных коряк быть ожидали ль, и рыбныя про них кормы припасали ль и со оными изменниками оные тоены в одном согласии для погромления в Нижней острог быть намерены ль были и в которое время.

13

В бытность погромления и смертного убивства в Столбовском остроге живущих иноземцов тоеном Умьевушкою с протчими, ты, Алексей Лазуков, с братом при том с ними был ли и тех людей колол ли.

14

По намерению вашей измены на сколько частей партию изменническую, для погромления здешних камчатских острогов, вы разделяли и в каком многолюдстве.

На 10

О приходе ко острогу с оленным табуном на моховое оленное кормовище оленных коряк и о их жительстве я не слыхал, а хотели они, коряки, оленной свой табун оставить на Караге, а сами с олюторы и со всеми укинскими мужиками быть хотели в вешнее время байдарами морем.

На 11

Сообщники мои камчадалы и протчия сидячие коряки, тоен Умьевушка с родниками, по взятии Нижняго острога, во оном жить хотели и учреждали для пропитания своего из неимущих к рыбному промыслу определить несколько человек и меня камчуга командиром иметь намерены были, и я от того не отрицался, сказал им: ладно де, я над вами командиром буду.

На 12

Умьевушкина и Карагинского острогов тоены с родниками в скорости к себе единомышленников изменников олютор и оленных дальних коряк ожидали, а рыбные кормы не пасли, затем что был корм в их острогах довольный, а пасли про них корм во остроге у большова Начики и хотели быть обще все на погромление Нижняго Камчатскаго острога по насту на санках на костяных полозьях.

На 13

При погромлении и смертном убивстве в Столбовском остроге живущих иноземцов с тоеном Умьевушкою и с протчими я с братом не был, а был я в то время на море в таком случае, как в 16 пункте ясно я показал, и при том убивстве я никого не колол.

На 14

По намерении измены нашей, партию к походу на Нижней Камчатской острог разделяли мы на три части. Во первых через Столбы, во вторых через Озерную и Еловку, в третьих чрез Тигиль и чрез Еловку ж. А по розгромлении Нижняго острога хотели итти на Верхней и Большерецкой остроги, уповая, что те остроги ко взятию им весьма удобны, а в скольки человеках те партии были разделены, за незнанием руского щета сказать я не умею.

15

Будучи брат твой Иван Лазуков на Панкаре реке в остроге у Ивашки, от насильства твоего в твое согласие отговаривался ль и ты его тем зва насильством принуждал ли, и когда он с тобой в измену не пошел, будучи ты в мохоморе, вскоча с копьем, колоть хотел ли.

На 15

Прежде убивства ясашных сборщиков приехал я с Умьевушкою на Панкару реку в острог к Ивашке, в котором остроге брат мой родной Иван Лазуков был, и стал я брата своего, ответчи в лес, к измене насильно призывать, на что он от меня многократно отговаривался и в измену итти не хотел. И видя я, что брат мой в измену итти не хочет, вскоча на него с копьем, и хотел заколоть, которого моего брата от смерти отнял олюторской мужик Пичючен, и оной страх брат мой увидевши, в измену итти слово дал. А прежде нашего насильства брат мой Иван о измене ничего не слыхал, и наутро оной мой брат, приехав к Умьевушке в острог, ночевал одну ночь. И при приезде оного ввечеру начали мы с Умьевушкой его, брата моего, вторично насильно призывать, по которому принуждению и по угрожению смертного убивства брат мой в измену пошол и дав слово, что де буду с вами в одном согласии, обратно поехал на Панкару к Ивашке и жил там дней с пять и после, как мы тех ясашных сборщиков всех убили, оной брат мой Иван обратно к нам к Умьевушке в острог приехал и начал меня бранить всякими непотребными словами, по что де ты так сделал. И после того жили мы в остроге у Умьевушке три недели и советы всякие советывал я с Умьевушкою и с протчими, а брат мой Иван, живучи со мною, всегда молчал и совету никакого нам не подавал кроме того, что непрестанно меня возбуждал, чтоб от них изменников в Нижней острог бежать, токмо я его не послушал и бежать в Нижней острог не хотел.

16

Из того Умьевушкина острога, как пошли вы на море для ловитвы морской нерпы, хотели ль обратно быть в той же острог или нет.

На 16

Пошедши из Умьевушкина острога для ловитвы на море нерпы, обратно быть в тот острог хотел, точию брат меня Иван Лазуков разговаривал и итти не хотел, а в бытность нашу при той ловитве на море, на льду изловили три нерпы и, обождав ночи, на оном льде ночевали, в которое время нашедшим от земли ветром оной лед, на котором мы спали, на море отнесло. И носило по оному льду целый месяц, а пропитанием имели оную ж изловленную нами нерпою сырою.

17

Акланской острог мором поморен ли и того ж присудствия сидячими коряками взят ли, тако ж и бывшей во оном командир Енисейской с солдатами убит ли и кем, и сколько при том побитии изменниками взято ружья, пороху и свинцу и у кого тое все имеется, и буде оное злодейством учинено, ты, Лазуков, при том с теми изменниками был ли, и между теми изменниками олюторами и протчими соравнительных тебе камчуку единомышленников не находится ли кого из руских, и от кого о том не слыхал ли.

18

Отправленной от камчатского архимандрита Иоасафа Хотунцевского во Анадырск иеромонах и при нем студент, дьячек и пономарь убиты ль и кем, и которая при нем отправлена была церковная утварь где ныне имеется. У господина маэора Павлуцкаго с командою оленной табун, на чем он с партиею ездил, изменниками отогнан ли и кем.

19

Харчина острога тоен Стефан Чаплин во остроге у Умьевушки был ли и в измену с вами итти хотел ли, и вы к тому его призывали ль.

20

И в сем своем допросе ты, Алексей Лазуков, сказал самую ль сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни.

На 17

Акланской острог мором поморен и тамошними сидячими коряками и чендонскими живущими на Парене реке мужиками, взят и того острога командир Енисейской теми ж мужиками родниками его убит, а ево команда солдаты еще в Акланск не пришли, а остались назади, а убиты ль они или нет, о том я не знаю. При взятье Акланского острога взято коряцким оленным тоеном Эвынтой ружей с десять и при них пороху в натрусках, и свинцу к тем ружьям приличное число, которое все ныне имеется у него, тоена Эвынта, а я при том не был и, как они тот острог брали, не знаю, а слышал от олюторских мужиков. А между нашими единомышленниками олюторами в измене издавна находится един Кузька, убегший партовщик, которой их, олюторов, всегда ко всякому злу склоняет и научает.

На 18

Оного иеромонаха и при нем студента, дьячка и пономаря оленной коряцкой тоен Эвынто с родниками убили ль, а церковную утварь по убитии того иеромонаха бросили ль или взяли, того не знаю. У господина маэора Павлуцкого с камандою оленной табун, на чем он с партиею ездил, оленные коряки отогнали, а кто имянно, про то я не знаю, а обо всем том слушал я от каюрщиков, которые были с командрованными во Анадырск солдатами Якуцкаго полку.

На 19

Тоена Харчина в остроге у Умьевушки я не видал, и чтоб он с нами ж хотел в измену итти, от него не слыхал. Токмо Умьевушкин холоп Кулеч сказывал мне, тако ж и брат мой слышал от него ж Кулеча, мне сказывал же, что будто бы оной тоен Харчин ему, Кулечу, говорил: пускай де Умьевушка с родниками изменит прежде, а я де после того изменить готов.

На 20

И в сем моем допросе и в вышеписанных пунктах я, Алексей Лазуков, сказал самую сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни*.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 90—95.

* Листы документа скреплены: „К сему допросу вместо Нижнего Камчатскаго острога служилого Алексея Лазукова, ево прошением, Нижняго ж Камчатскаго острога служилой Матвей Лазарев руку приложил".

39. Допрос служилого из камчадалов Ивана Лазукова, первая половина 1746 г.

Выписано о бунтовстве и измене ясашных иноземцов тоена Умьевушки, по крещении Стефана Евдокимова сына Колегова, с протчими и служилых двух братей родных Алексея и Ивана Лазуковых, нарицаемых камчуков, из скасок Ламахаручева острога новокрещенаго ясашнаго иноземца Петра Орликова да Еловки реки тоена Тавача, по крещении Нефеда Лазарева, и протчих на вопрос вышепомянутому Нижняго Камчатского острога служилому Ивану Лазукову, которой допрашиван и сказал.

Вопрос

1

По отпуск твой от камчатскаго архимандрита Иоасафа Хотунцевскаго ты, Иван Лазуков, на Юмгиной реке у сидячева коряки тоена Умьевушки в остроге жил ли и сколько времени.

Ответ

На 1

По отпуск мой от его высокопреподобия во остроге у Умьевушки до побития ясашных сборщиков жил одне сутки, а после побития тех сборщиков жил недели с три.

2

По данному тебе от его высокопреподобия отпускному письму ты, Лазуков, в Нижней Камчатской острог ко объявлению в команду в то время не бывал зачем.

На 2

По отпуск от его высокопреподобия поехал я со служилым Антоном Котловым для своих собственных нужд, а наипаче для одежды во Олюторск, и жили тамо с неделю и оттуду поехали на Панкару реку к тоену Ивашке, в котором остроге, будучи я с Котловым, наехал на нас возвратившийся с путя с анадырского иеромонах Иоасаф с протчими при нем. Ночевали одну ночь, и встав поутру, оной иеромонах в Нижней Камчатской острог с товарищем моим Котловым поехали, а я для собственных своих долгов отлучился на Паллан в Верхней острог и ночевал тамо одну ночь, обратно возвратился на показанную Панкару реку. И прибыв на оную, услышал, что тоен Умьевушка в попутных острогах, чтоб нас, казаков, не пропускать, заказал, а была от него, тоена Умьевушки, застава у большова Начики для неслышания в Нижнем остроге о той измене каковой вести, и был при той заставе онаго большаго Начики есаул Камкач. Того ради я по данному от его высокопреподобия отпускному письму в Нижней острог ко объявлению в команду убоялся и не бывал.

3

В находящейся ныне от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов измене в одном согласии со оным тоеном Умьевушкою единомышленником был ли и

На 3

По приезде моем из Верхняго Паллана на Панкару реку ночевал во оном остроге ночь, и наехал на меня брат мой родной Алексей с тоеном Умьевушкою и зятем Агеулин к Ивашке в острог и,

посланных из Нижняго Камчатского острога служилых Стефана Шапкина с товарищи колол ли и ково имянно.

4

Оной измене и убивству ясашных сборщиков возмутителем был ли, и Нижней Камчатской острог тем изменникам совет подавал ли, и каким образом вы то учинить думали.

5

В бытность Озерной реки Хотомначикина острога родника его Керуги в остроге у Умьевушки ты, Лазуков, с братом своим и с олюторами оному Керуге приказывали ли, чтоб он, когда увидит Орликова, сказал ему, чтоб он, Орликов, с вами ж был в одном согласии, а к Камаку в острог для призывания оного Камака с ево родниками или куды инде к тоенам во оное ваше согласие кого посылали ль.

6

Чюкчи, коряки и юкагиры и протчии на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога к вам в споможение придти хотели вызвав из юрты в лес, брат мой и тоен Умьевушка стали говорить: идешь ли де ты с нами в измену, по которому з[о]ву я им итти в измену слова не давал, на что они мне угрожая говорили, что буде де ты нам заутро не будешь, то мы де к тебе паки приедем, чего ради я, убояся их пристрастия, ночевав во оном остроге ночь, поутру в острог к Умьевушке поехал, и по приезде моем в тот острог оной тоен Умьевушка начал мне вторично говорить; идешь ли ты де с нами в измену, буде не пойдешь, то де тебе живому не быть. И в то время будучи брат мой в мохоморе, вскоча на меня, копьем хотел заколоть, чего я паче убоялся, итти в измену слово дал и в одном согласии с ними был, а что из посланных ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи никого не колол.

На 4

Оной измене и убивстве ясашных сборщиков возмутителем я не был, а возмущали оную орду брат мой Алексей с тоеном Умьевушкою и со олюторами, и Нижней Камчатской острог разгромить совет я им не подавал, а подавали они ж, Алексей с Умьевушкою, и хотели, приехав на Аратугу реку и оставя там в растоянии осьми верстах до острога для утаения собак, его крика собак, и итти под острог на лыжах и взять здешний острог с горы с задняго бастиона на утренной зоре, когда русские крепко спят.

На 5

Оному Керуге, чтоб он, ежели увидит Орликова, сказал ему о бытности ево в одном согласии с изменниками, я не приказывал и, ево, Керугу, не видал. А Карымча Черной от большого Начики Корючев родник с партиею чрез Еловку во все остроги для возмущения иноземцов ехать хотел, а чрез Столбы и протчия остроги по другой стороне быть намерены были брат мой камчук с тоеном и родниками ево и протчими олюторскими мужиками по насту на костяных полозьях.

На 6

Оленные коряки и олюторы на погромление Нижняго Камчатского острога в споможение к тоену Умьевушке притти хотели, а о бытии чюкчей и юкагиров

ль и карагинский тоен Экча у тех коряк оленной табун гнать сюда наймом подряжался ли.

7

Ты, Лазуков, с братом по намерению взять здешняго Нижняго Камчатского острога в построеных здесь хороших домах жить хотели ль и ожидать с моря судов для взятья оных обманом намерены ль были, а Умьевушкин зять Канач на Авачю с оленным табуном для ожидания судов, которыя из Охоцка прибудут, быть хотел ли, а протчия ваши сообщники, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и в Верхней остроги итти намерены ль, и по тому злонамерению кто из сообщников ваших пошли ли.

На 7

По взятье Нижняго Камчатского острога в хороших домах жить я намерения не имел, а хотели жить брат мой камчук с тоеном Умьевушкою, а имянно: в новопостроеных покоях отца архимандрита брат мой камчук, и хотели ево, отца архимандрита, и всех живущих в остроге убить и веру христианскую истребить, а жить хотели попрежней своей шатости, и живучи в остроге, хотели, обож[д]ав с морских островов с промышленными людьми судов, взять обманом. А о бытии на Авачю тоена Умьевушки зятя Канача со оленным табуном, для ожидания из Охоцка судов и их истребления, я не слыхал. А к протчим сообщникам тоен Умьевушка Верхнего Паллана иноземца Айгахлавола к ним в острог и в Нижней Палланской острог посылал с приказанием таковым, чтоб они, совокупяся с тигильскими мужиками, шли через Еловку на погромление в Нижней Камчатской острог, а пошли ли они, о том он, Умьевушка, известия никакова не получал. А имели намерение по взятье Нижняго Камчатскаго острога, совокупяся все партии, итти на погром в Верхней и Большерецкой остроги.

8

В летнее время на сколько байдарах олюторы с женами и с детьми, тако ж и чюкчи совсем на поселение в Нижней острог приттить намерены, и буде такое намерение было, то в какое время.

На 8

Оленные и сидячие коряки и олюторы на байдарах морем, а на сколько байдарах, о том сказать не знаю, быть хотели без жен в вешнее время, когда лед от земли вдаль на море отнесет, а о бытии чюкчей в Нижней острог не слыхал.

9

Юкагиры и чюкчи колымскую дорогу, не допуская руских людей к проезду в Анадырск, заперли ль.

На 9

О запертии юкагирами и чюкчами колымскую дорогу к недопуску руских людей во Анадырск не слыхал, точию от олюторов слышал я, что проезжаемую из Охоцка во Акланск дорогу чондонские мужики заперли.

10

Коряки с чюкчами замирение возымели ли и притом, доколе де нам между собою иметь брань

На 10

О замирении коряк с чюкчами и ни о каких происходимых между ими речах я не слыхал.

и от руских терпеть, говорили ль, и чтобы руских людей на сей земле не было, всех до единаго искоренить намерены ль.

11

Оленные коряки, изобрав близ здешняго острога моховое оленное кормовище на оном, переселяся оттуда, жительство иметь хотели ль.

На 11

Оленные коряки хотели, изобрав место между Карагою и Юмгиною рекою, жить тамо, а что ж о переселении к Нижнему острогу с табуном коряк не слыхал.

12

Сообщники ваши камчадалы в самом здешнем остроге жить хотели ль и брата твоего Алексея Лазукова камчука командиром иметь намерены ль были.

12

Оные камчадалы в самом остроге по побитии живущих в нем жить хотели и брата моего камчука атаманом иметь намерены были, и он того сам желал.

13

Умьевушкина и Карагинского острогов тоены с родниками их скоро себе единомышленников и изменников олюторов и оленных дальных коряк быть ожидали ль, и рыбныя про них кормы насли ль, и со оными изменниками оные тоены в одном согласии для погромления в Нижней острог быть намерены ль были и в которое время.

На 13

Умьевушка и карагинской тоены и брат мой Алексей скоро быть себе единомышленников оленных дальных коряк и олюторов ожидали, а рыбной про них корм не припасали, за имением во оных острогах вахни и юколы. И оные коряки и олюторы чрез своего родника Умьевушке заказывали: буде де мы нынешним вешним временем не будем, то де в летнее время, совокупясь, все на погром в Нижней Камчатской острог пойдем байдарами.

14

В бытность погромления и смертнаго убивства в Столбовском остроге живущих иноземцов тоеном Умьевушкою с протчими ты, Иван Лазуков, с братом при том с ними был ли и тех людей колол ли.

На 14

При погромлении и смертном убивстве в Столбовском остроге живущих иноземцов я с братом и с тоеном Умьевушкою и протчими не был и никого не колол, а были мы в то время на море.

15

По намерению вашей измены на сколько частей партию изменническую для погромления всех здешних камчатских острогов вы разделяли и в каком многолюдстве.

На 15

По намерению нашей измены разделяли партию для погромления Нижняго Камчатскаго острога на три части: во 1-х, олюторы и оленные и сидячие коряки и брат мой камчук и по насильству их и я хотели итти под острог подле моря чрез Столбы; во вторых, камчадалы, по Укинскому брегу живущие, чрез Еловку; в третьих, палланские мужики, совокупясь с тигильскими, с Тигиля чрез Еловку, а в каком многолюдстве каждая партия учреждена была, за незнанием рускаго щета сказать не знаю.

16

Когда брат твой Алексей Лазуков приехал на Камчатку реку к тоену Ивашке в острог, ты в то время во оном был ли, а прибыв он, Алексей, и увидя тебя, что с тобою о измене говорил ли и каким. случаем.

На 16

Будучи я в остроге на Панкаре у Ивашки, в то время наехав брат мой Алексей во оной острог с Умьевушкою и зятем ево Агавлин, начали меня насильно к измене призывать, по которому з[о]ву я много от них отговаривался, однако ж убоялся их страха, к ним в острог наутро поехал, о чем я в третьем пункте подлинно показал

17

Из того Умьевушкина острога, как пошли вы на море для ловитвы морской нерпы, хотел ли брат твой Алексей с тобою быть в тот острог или нет.

На 17

В бытность нашу на море на льду при ловитве морской нерпы имел намерение обратно брат мой камчук в острог к Умьевушке итти и меня звал, по которому з[о]ву и я с ним итти хотел же, точию во время нашего на том льде сна, по нашествии от земли ветра, тем ветром на оном льде нас отнесло на море и носило целый месяц и принесло к Укинскому носу. И пристав к земле, со оного льду сошли на землю, и брат мой камчук хотел итти обратно к Умьевушке в острог и меня с собою звал, токмо я ево не послушал, пошол сюда в острог. И видя брат мой, что я в острог пошол, то и оной брат мой со мною же не отрекся.

18

Акланской острог мором поморен ли и того ж присудствия сидячими коряками взят ли, тако ж и бывший во оном командир Енисейской с солдатами убит ли и кем, и сколько при том побитии изменниками взято ружья, пороху и свинцу, и у кого тое все имеется и буде оное злодейством учинено, ты, Лазуков, с братом при том с теми изменниками был ли, и между теми изменниками олюторами и протчими соравнительных вам с братом единомышленников не находится ли кого из руских, и от кого о том не слышал ли.

На 18

От олюторов слышал я, что Акланской острог мором поморен и того ж присудствия сидячими коряками взят, и бывшей во оном командир Енисейской с двумя солдаты оленными коряками убит, и протчия ево команды солдаты назади оставшихся чендонскими и пареинскими мужиками убиты ж. А о ружьях и о порохе и свинце, у кого оное ныне имеется и сколько того было, не знаю, и я при том не был и на котором месте их убито не знаю. А между изменниками олюторами находится беглой партовщик Кузька, которой оных олюторов ружьем стрелять обучает и ко всякому злонамерению наставляет.

19

Отправленной от камчатского архимандрита Иоасафа Хотунцевскаго во Анадырск иероманах и при нем студент, дьячок и поно-

На 19

Оной иеромонах и при нем студент, дьячок и пономарь оленными коряками на долу между Акланским и Анадырским на их кочевище, когда он их при-

марь убиты ль и кем, и которая при нем отправлена была церковная утварь где ныне имеется, и господина маэора Павлуцкаго с командой оленной табун, на чем он с партиею ездил, изменниками отогнан ли и кем.

ехал крестить, убиты, а о церковной утваре, где она ныне имеется, не слыхал. У господина маэора Павлуцкаго оленной табун, на чем он с партиею ездил, оленными коряками отогнан.

20

Харчина острога тоен Стефан Чаплин в остроге у Умьевушки был ли и в измену с вами итти хотел ли, и вы его к тому призывали ль.

На 20

Оной тоен Харчин в остроге у Умьевушки не был, и я ево не видал, токмо слышал о нем в бытность в остроге у Умьевушки, от Умьевушкина родника Кулеча, будто бы оной Харчин, когда был у Умьевушки осенью в остроге, говорил: мне де в остроге от казаков житья нет и буде де бы здешней хотя един острог изменил, я бы де к той измене в помощь притти готов был.

21

И в сем своем допросе ты, Иван Лазуков, сказал самую ль сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни.

На 21

В сем моем допросе и в вышеписанных пунктах я, Иван Лазуков, сказал самую сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни*.

Сенат, 1 департ. д.
№ 1552, лл. 96—100.

ПОХОД ПОРУЧИКА КЕКЕРОВА ПРОТИВ ВОССТАВШИХ КОРЯКОВ В 1749 г.

40. Секретное „доношение“ Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 3 мая 1750 г.

Минувшаго марта 12 дня репортом из Анадырска Якуцкого полку порутчик Семен Кекеров представлял. По вступлении де ево с командою в поход против бунтовщиков и изменников генваря 30 да 26 чисел февраля минувшаго 749 году послано было солдат и служилых 30 человек в коряцкие оленные табуны, которыя де поймали двух коряк, прибывших с Пареня реки, и те изыманные коряки по протчем в роспросех показали. Посланы де они от изменника оленного коряки Тыкыетога для проведывания о походе на них российского войска, а он де, Тыкыетог, тремя юртами стоит на Парене.

А 27 числа того ж февраля, оставя он, порутчик Кекеров, у Аклана реки сотника Котковского с командою, а с собою взял солдат и служилых до ста тридцати человек и для поиску того изменника с великим ревностным и неусыпным успехом следовал шесть дней, которого де при реке Парене остановил, но однако ж де Тыкыетог от них пошол на побег с вели-

* Листы документа скреплены: „К сему допросу вместо Нижняго Камчатскаго острога служилого Ивана Лазукова ево прошением Нижняго ж Камчатскаго острога служилой Савин Пономарев руку приложил“.

кою торопостию, отстреливаясь из луков, оставя свой оленной табун и обозные возовые санки и скарб.

И гнались за тем изменником еще двои сутки денно и ношно на оленях и на лыжах пешие и постичь не могли, затем что от великого глубокого снегу как у солдат, так и у служилых олени пристали, к тому ж де марта против 3 числа в ночи был великой ветр со снегом, так что света не видеть и едва друг друга сведали, которой ветр продолжался суток до двенадцати, и тогда он, Тыкыетог, ушел на Чендон к изменникам. А по прибытии к Каменному сидячему острогу марта 15 числа на приступе ранен он, порутчик Кекеров, из фузеи между крылец да в левую ногу в колено, от которых ран обдержим весьма великою болезнию.

И изменники против означенного числа в ночи, приезав жен и детей своих человек до тридцати, ушли из того острогу в Ягачинской острог, и в погоню за ними посланы были служилыя, токмо они, изменники, засели в осаду в пещеру и приступитца к ним нельзя для того де, что в тое пещеру ходят на ремнях, а солдаты и служилыя отошли благополучно.

И из них, изменников, как у Тыкыетога, так и в том Каменном остроге взято в плен мужеска и женска полу больших и малых до сорока пяти человек, и некоторые из них коряк по распросам касаютца к пытке, а другие и публичному наказанию. И хотя де покойному маэору Павлуцкому с изменниками велено поступать, но однако ж де он, порутчик Кекеров, без указу чинить того смелости не имеет, и из предъявленных изменников коряк до получения на оное в резолюцию указа свобождены из под караулу на поруки лутчим оленным корякам, а другия содержатся под караулом. Да особливо взято из полону у изменника Тыкыетога служилого Трифона Крымского жена с сыном да в Каменном остроге взяты ж от них изменников Ивана Енисейского сын, которой отдан для содержания до возрасту ево пятидесятнику Ивану Дягилеву с росписко, да бывшаго Акланского острогу служилого Павла Баева жена с двумя небольшими девками и по вышеписанному ж отдана для содержания Спиридону Егорову с роспискою ж.

А означенные де изменнические острожки Каменной и Ягачинской раззорены и вовсе созжены, а Жирового острогу к изменникам посыланы были служилые и лутчие оленные коряки для призыву их попрежнему паки в ясашной платеж, которыя обещали 1749 году осенью платить ясак и взятое ими из Акланска оружье и пушку отдать обратно, а Паренского и Олюторского острогов сидячие коряки ясак платят и впредь платить обещают, только де без аманатов, затем что оной Паренской и Олюторской остроги от Анадырска в немалой обширности обстоят, ибо во оные острожки из Анадырска, как вперед, так и обратно обращаются на добрых оленях в два месяца, а у тех иноземцов олеией и собак не имеетца и аманатов в Анадырск перевозить не на чем, к тому ж де оные иноземцы и напредь сего ясак плачивали за означенною их невозможностию без аманатов. И по выходе из походу один солдат волею божиею умре. А маия де с 30 числа имеет он, порутчик Кекеров, отправитца с командою вниз по реке Анадырю на судах для поиску неприятелей чюкоч и ради промыслу оленей и рыбы до урочищ Родионова и до Бани. А о полученной от изменников добыче приложен при том репорте реэстр из подлинных роспросных речей из иманных коряк точные копии; того ради из Ыркуцкой провинцыальной канцелярии ко отправленному в Анадырск в партию главным командиром капитану Шатилову послан ея императорского величества указ, велено как с вышеписанными так и впредь со взятыми в полон изменниками и в поиске и во искоренении немирных иноземцов поступать ему, капитану, по силе данных покойному маэору Павлуцкому и порутчику Кекерову инструкцей

и много посланных ея императорского величества о том указов во всем непременно без упущения времяни и без потеряния ея императорского величества высочайшаго интереса, и что происходить будет, Ыркуцкую провинцыальную канцелярию почасту репортовать. А от правительствующаго Сената Ыркуцкая провинцыальная канцелярия сим доношением покорно просит, чтоб повелено было помянутого порутчика Кекерова за выпеявленные ево оказанные против неприятелей ревностные поступки и за понесенные раны, для придачи ему и впредь по нем другим в такой нужнейшей и многотрудной партии охоты, повышить чином, каким правительствующий Сенат за благо разсудить изволит.

А с вышеявленного реестру и с роспросных изменнических речей приобщены при сем точные копии.

Лоренц Ланг

Маия 3 дня 1750 году

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 259 — 260.

РАСПРАВА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ВОССТАНИЯ 1745—1749 гг.

41. Журнал заседания Сената от 25 октября 1764 г.

1764 году октября 25 дня по указу ея императорского величества правительствующий Сенат слушав присланных из нижеозначенных мест доношений, а именно из Иркуцкой канцелярии.

Перваго. От 28 августа 1747 года с приложением учиненных из производимого в Охоцкой канцелярии дела выписки и краткого экстракта о коряцком князце Туйне и о коряках Эемиде Эмптене и Кутайтах, которыя с протчими своими с родниками учинили измену и ясашного в казну платежа вовсе отказались и всегда имели намерение верноподданных здешних людей убивать и многих убили, о которых мнением Охоцкой командир представлял, чтоб их за показанные вины повелено было в страх другим учинить в Охоцке смертную казнь, что и по мнению Иркуцкой канцелярии присуждено, а имянно четвертовать и потом головы, руки и ноги положить на колья, а тела за ребра повесить на виселицы в жилищах ясашных коряк, и о том оная Иркуцкая канцелярия требует непродолжительного от Сената указу, дабы де оныя изменники от долговремянного под караулом содержания без учинения им указной экзекуции не померли или сами себя чем не умертвили, а до того велено их содержать порознь окованных в ручных и ножных кандалах.

Втораго—августа 28, третьяго—сентября 3-го 1747, а четвертого—маия 9 числ[а] 1748 годов со мнениями о учинении таковым же содержащимся в Охоцке ясашным корякам и такого ж. как выше явствует, наказания за нижеследующие их вины и кото...* 1) Теневу, Ниняхке, Марке, Хажигытте, Тенехке, Ингате, Куте, Мыкынтыкане, итого осьми человекам за намерение их к измене и к побитию руских людей, из коих двое тогда умерли, о чем и особо представлено, 2) Чингину да Пишиге за учинение ими измены и за злоумышления к побитию руских людей происки, 3) камчадалам и олюторам Экче, Халюну, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убивство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясашного сбору служилых и новокрещеных десяти ж человек, да корякам же новокрещеным Василью да Льву Мохпаткиным, Спиридону Бекиреву, Пётру, Семену и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семену

* В оригинале слово не дописано.

Минюхину, Ивану Ащепкову за убивство ж ими и взятье в полон в том же году в Столбовском остроге ясашных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их показанные в приложенном экстракте важныя злодейственныя вины, а согласникам оных убийц и имевшим намерение к тому ж бунту и измене, корякам же и камчадалам Каначю, Ипине, Леонтью Куске, Тиаке, новокрещенным Петру Эравгиму, Петру ж Васильеву с товарищи политическую смерть: положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывесть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак. И по всем тем доношениям требует непродолжительного от Сената указу. При означенном же от 3 числа сентября представлении с доношения Охоцкой канцелярии о изменнических злодейственных поступках копия, а при особом от 31 генваря той же Иркуцкой канцелярии доношении о их же шпионствах и обманах экстракт и со скаски коряцкого князца Алыга копия для разсмотрения приложены.

Пятаго. 1748-го года маия от 5 числа со мнением же, что с объявленных в сем доношении тунгуских князцов и с их родников, кои были тогда на изменников коряк в походе на 1748 год, тако ж и впредь когда сколько их, тунгусов, на бунтовщиков и изменников имеет быть послано, на те годы, в коих они действительно в той службе будут находится, вместо награждения ясаку брать не надлежит, которого на тот 748 год до получения из Сената указу и велено не взыскивать, и взятых в плен коряк от их не отбирать[33].

Из бывшаго Сибирскаго приказу шестаго. Августа 31 дня 1749 году, коим требует указу о произвождении обретающимся в партии против немирных чюкч ундер-офицерам, солдатам и казакам двойнаго денежного жалованья и за ординарной провиант по якуцкой цене деньгами.

Седьмаго. Декабря 10 дня 1750 году, коим представляет о награждении Якуцкаго полку порутчика Семена Кекерова за учиненной им над немирными чюкчами поиск и полученныя при том раны и многотрудную по тамошним местам службы капитанским рангом, к чему и подлежащей экстракт учинен.

А осьмаго. Из Сибирской губернской канцелярии от 30 декабря 1756 года о полученном во оную канцелярию из Сибирскаго приказу указе, коим велено той канцелярии прислать в Сибирской приказ для положения штрафа ответ, чего ради она в коллегию иностранных дел о вывезенном от Зюнгорского владельца в Ямышевскую крепость корепе ревень, якобы от Сибирского приказу на неоднократные ея представлении резолюции не имела, ложно уведомляла, и на то Сибирская губернская канцелярия надлежащее в сем обстоятельство представляя на разсмотрение, просит о определении Сибирской приказ указом, дабы оной впредь Сибирскую губернскую канцелярию к таким негодным нарекапиям, якобы оная главным командирам репортует ложно, чего нимало не оказалось, напрасно подвергать отменил.

Приказали: как Сибирская губерния состоит ныне под апеляциею московских правительствущаго Сената департаментов и дела по той губернии поручены особливо сенатору тайному советнику и кавалеру Федору Ивановичу Соймапову, то и означенныя представлении по принадлежности сообщить на разсмотрение в помянутые департаменты при ведении. Подлинной за подписанием правительствующаго Сената.

Протоколист Николай Вележов[1].
Регистратор Сергей Зыков.

Сенат, 1 департ. д. № 689, лл. 707—708; печатается по копии.

V. ВОССТАНИЕ КОРЯКОВ В 1751—1754 гг.

Поход капитана Шатилова против восставших коряков в 1751 г. — Восстание аманатов в Анадырской крепости в 1751 г. — Восстание пленных коряков в Охотске в 1752 г. — Походы капитан-мусса Байбородина и других против восставших коряков в 1753—1754 гг. — Расправа с участниками восстаний.

ПОХОД КАПИТАНА ШАТИЛОВА ПРОТИВ ВОССТАВШИХ КОРЯКОВ В 1751 г.

42. Секретное „доношение“ капитана Якутского полка Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 10 июня 1751 г.

Сего 1751 году будучи в походе в Тангуновском роду для призыву тамошних изменников оленных и сидячих коряк паки попрежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, апреля 1-го послан от меня наперед для подсмотру изменнической неприятельской дороги из жилищ сотник с командою в пятидесяти человеках, которой того ж числа помощию всемогущаго бога отаковал одну юрту не во многом числе людей, которых он в силе данного от меня ордера на основании ея императорского величества указов прежде уговаривал добронамеренными и ласковыми уговорами, дабы они паки добровольно пришли без бою в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, из коих по уговорам ево один добровольно, без бою склонился, а другия стали противится, из луков стрелять, то он, сотник, с командою насупротив того такими ж мерами поступал с ними военною рукою и побив их, неприятелей, мужиков двух человек, кроме женок и малых робят, кои сами друг друга прирезали. И при том с нашей стороны ранен один юкагирской князец, взято [в] плен оленного табуна малое число, одна лисица красная да одна сиводушка.

И об оном от него, сотника, вышеписанного ж числа ввечеру получил словесной репорт, чего для того ж моменту я с командою следовал с поспешением и по прибытии тамо 2 апреля около полудни и позняя, получа известие чрез предиманного взятого в плен коряку, что неприятель уже в близости состоит, но однакож того числа, дав оленям отдых, понеже за весьма дальным растоянием и скорым следованием чрез хрепты и шерлопы олени очюнь притомились, да к тому ж того дня и непогодь велика была, ветр со слячею так, что друг друга перед собою сажен на пять видеть было неможно.

И для того 3 числа поутру следовал вперед в Тангуновской нос с великою ж трудностию чрез хрепты и каменья, а 4-го числа того ж апреля усмотрено мною, что за весьма присталью оленей наше войско следует очюнь мешкательно, и того ради, взяв с собою солдат и казаков и других разных чинов 200 человек и притом юкагирей и коряк человек до семидесяти, и под оную команду выбрал изо всего обозу на каждого человека, кроме иноземцов, по два оленя, кои еще по толику служить могли, и маршировал с немалым успехом в предписанной же нос. И по отбытии моем достальную команду приказал порутчику Бельскому, коего и ордировал, чтоб ему позади за мною следовать с поспешением же, смотря по крепости оленей и с пристойным к предосторожности образом, употребляя к тому пути удобвозможныя способы без потеряния высокого ея императорского величества интереса. 5 числа ввечеру усмотрел неприятеля, кои

ехали нас подсматривать, и увидя, что я с неоплошною осторожностию марширую, и пошли от нас на побег с великою торопостию, за коими и мы погнались с немалым успехом, токмо на пути за предъявленною весьма присталью оленей догнать и языка изловить не могли и точию хотя, и с некоторым трудом, однако ж, помощию всемогущаго бога, того ж вечера их, неприятеля, отаковал на губе на Отпрядыше, то есть на каменю, который от земли с одну сторону состоял растоянием не больше ста сажень, и того ж моменту командировал к тому Отпрядышу на два поста в караул солдат и казаков на каждой по 20 человек и сверх того на оные одного сержанта и капрала, дабы неприятель ношным временем за безмерною темнотою с того Отпрядыша утечки не учинил.

До той же ночи прибыли в лагерь посланныя вышеписанного ж 5 числа поутру для поиску неприятельских изменнических коряцких жилиш и их оленных табунов коряка Умья Аукевьин, юкагиры Юдача Соболько в с товарыщи и репортовали меня, что нашли и пригнали с собою оленной табун, которой гнан был от оного Отпрядыша неприятелем для укрывательства за губу в шерлопы, и при том де табуне за противность изменников один ими военною рукою побит. а другие товарыщи ево ушли на побег, за которыми и гнались, токмо за присталью оленей догнать не могли.

6 числа порутчик Бельской прибыл же в лагерь и репортовал меня о состоянии прибывшей с ним команды благополучно.

И того ж 6 и 7 чисел чрез толмачей предъявленныя отаковавшиеся изменники на Отпрядыше не точию по однажды в день, но по три раза на день призываны были попрежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж с таким обнадеживанием в силе присланных ея императорского величества из правительствующаго Сената и из Иркуцкой провинциальной канцелярии указов, что ежели они, изменники, склонятца попрежнему в подданство добровольно без бою и в том дадут по себе аманатов, то им за измену их вина имеет быть упущена, которые по призывам никакой склонности не имели, кроме противности, что стреляя из фузей, так и из луков посланным к ним за уговором и стращая, бутто напрасно к ним пришли и лежать де вам будет всем в Тангуновском носу, понеже де из Охоцка к ним бывают в поход казаки и ламутки, но и те с ними ничего учинить не могут, кроме де того, что разве когда случится некоторую часть от оленного их табуна в добычю получить и с тем возвращаются от них в свои места.

И того ради за показанную их злодейственную по их азиатскому непостоянству противность 8 числа намерен был к тому Отпрядышу на приступ иттить, но однако ж того дни за великою погодою оное отменено было.

И 9 числа поутру, отдав всемогущему богу благодарение, пошли на приступ, и за отбытием моим оставлены для караулу лагера и оленного табуна Енисейского полку капрал Василей Завьялов да юкагирской княжец новокрещен Андрей Дмитриев сын Лаптев, юкагирское имя Облик, которым отданным от меня приказом велено было им оленной табун езжалой и неезжалой согнать в стрелку, которая состояла от Отпрядыша близко, чего ради им, Завьялову, придано было ясашных коряк сорок четыре человека, и по сгоне у того табуна стоять в карауле с лагерной стороны двадцать двум корякам, а другим двадцати двум же корякам приттить в лагерь и быть безотлучно.

И приступали к Отпрядышу в пяти местах с великим трудом, для того что камень очюнь высок и крут, да к тому ж коими местами попадали на камень. Поделаны у них, неприятелей, сильныя крепости. Первое изнаставлены возовые санки в три яруса на маданами, в коих накладено каменья так, что ружья не пробирали, да особливо санки ж каменьями нагружены и связаны на лживе ремнями, которые и опускали на наших

военнослужащих людей, также из фузей и из луков непрестанно стреляли. Да сверх же того теми местами, куды наше росийское войско на приступ шло, ими ж неприятелями умышленно ко изъявлению наших же росийских людей изнаставленны были под скрытом в снегу лисичные зимовые ловушки клепцы и поставушные звериные луки, коими наших военнослужащих людей немалое число уязвлено. Однако ж, помощию всемогущаго бога, на Отпрядыш взошли, и как они, неприятели, верноподданных ея императорского величества народов смертно убивали и в конец раззоряли, такими ж мерами сами побиты и вовсе искоренены, а имянно, князец Тыккып Эимов с родниками, числом однех лушников со сто с трицать человек, кроме подросков и малых робят, также и женок, а всех поголовно мужеска и женска полу малых и больших, как видно по репорту прапорщика Ковалева, побито ста с два человек и больше и при том взято в плен малых мужеска полу пять, больших женок семь, итого двенадцать, которые отданы ясашным корякам на поруки до предбудущей осени сего ж года и по привозе оттуда отданы ж будут руским людем, и об оном Иркуцкая провинциальная канцелярия что повелит, на что имею в резолюцию ожидать повелительного ея императорского величества указа. Да сверх оных взяток ж две фузеи да одна свалина фузейная ж ломаная, один замок фузейной с убором, пять лисиц красных, да одна лисица сиводущетая и несколько оленного табуна, четыре куяка железных однобоких, кои и отданы солдатом и казакам до получения на оное указу для походов и оные две фузеи и замок в казенном цехгаузе, а лисицы с казенною мяхкою рухлядью имеются в Анадырске под охранением, ломаная фузейная свалина употреблена на починку ружей. А с нашей стороны на приступе побито командированной пехотной роты солдат четыре человека, казаков трое; ранено лехкими ранами порутчик Кекеров, прапорщик Ковалев, гранадер, трое солдат, трое казаков, сотник один, ясаул один, пятидесятник один, рядовых 31, итого всех чинов ранено 42 человека*, тяжелыми ранами гранадер один, казак один же, которые тогда ж в скорости померли, а кто имяны и которых полков побиты гранадеры и солдаты, об оном писано особливым доношением.

И во время ж предписанного приступу к Отпрядышу того ж апреля 9 числа, приехавши нечаенно со стороны, изменники Тангуноские оленныя и сидячия коряки человек с тридцать напали на лагерь и одного пятидесятника больного неприятельски смертно побили и пограбили в лагере одну фузею, солдацких шпаг с медными ефесы 27, казачьих с железнымы ефесы 29—итого 56, штыков семь, один топор, и собственного солдатского и казачьяго экипажа медных котлов девяносто пять, железных двенадцать, итого сто семь котлов; медныя ж уполовник один, одна ж чашка маленькая; двадцать восемь топоров, двадцать пять рубашек, двои порты, кукляпок паровых пять, три парки, один пояс насекной серебром, наглазников серебрянных два, четыре бритвы, денег шестьдесят шесть рублев шестьдесят шесть копеек, но и еще сверх оного некоторую часть от нашего оленного езжалого табуна отогнали, которой тогда ж посланными за ними в погоню возвращены, ибо им оного за присталью угнать было нельзя. Токмо тех неприятелей, как выше показано, за худостию ж оленей постичь не могли, а хотя и завоеванныя олени были в то время, однако ж оные тогда еще за трудностию с того Отпрядыша, а паче за ускорением не перенманы и не сведены, которые уже после погони перед вечером за весьма показанною неспособностию с того камня спусканы были с немалым же трудом. А каким случаем означенныя неприятели на лагерь напали и побили пятидесятника и пограбили в лагере казенного ружья одну фузею, шпаг, штыков, топоров также и собственного экипажа котлов и протчаго, об оном предписанные капрал Завьялов и князец Облик, также и коряки следованы и из того их следствия

* С Кекеровым число раненых равно 43, а не 42. *Сост.*

по учиненной выписке оказались в нижеследующих винах, а имянно: анадырского ясашного платежа оленные коряки Эмкувья Логопов с товарыщи: 1) По силе отданного от меня приказу велено было по сгоне оного табуна в стрелку, как о том вышепоказано, чтоб им, корякам, с лагерной стороны у табуна стоять на карауле двадцати двум, а другим двадцати ж двум быть в лагере безотлучно, а они не точию в лагерь пришли, но и в оленном табуне не были и во время приступу приходили двоекратно к Отпрядышу, где пушки и знамена стояли, коих я в то время усмотря впервые, приказал их отослать в лагерь и в оленной табун толмачю Ивану Павлову да и вторично ему ж, Павлову, приказывал их, коряк, бить палкою и паки прогнать потому ж в лагерь и военной табун. 2) Во время грабительства в лагере изменниками они, коряки, для сродства по своему иноверческому обыкновению лагеря и оленного табуна не защищали и насупротив их военною рукою не поступали и их изменников грабительству в лагере и к убивству пятидесятника весьма свободно допустили. И того ради к разсмотрению в Иркуцкую провинциальную канцелярию подлинная выписка послана при сем и для ведома и исполнения при партии оставлена со оной точная копия. А взятыя неприятелем...* шпаги и штыки оставлены были в лагере затем, что по здешнему обыкповению в штурмах или приступах весьма неспособны, и для того вместо оных сначала здешней анадырской партии солдаты и казаки к наилутчему военному действию против неприятеля имеют копья, ибо и оне неприятели тем же после стреляния из луков обыкновенно имеют бой.

10-го апреля командировал ко второму Отпрядышу в нос за губу из лагера за поиском оного неприятеля прапорщика одного, сотника одного ж, и при них рядовых сто двадцать, юкагирей двадцать, коряк десять человек. И того ж числа за тою командою и я маршировал с поспешением же и прибыл 13 около полудни, а к вечеру того ж числа прапорщик с командою прибыл же в лагерь и репортовал меня, что неприятель уже до прибытия ево с того Отпрядыша бежал на побег; незнамо куды, и следу перенять не мог.

14-го по утру командировал сорок человек юкагирей для поиску, в кою сторону неприятели бежали с Отпрядыша, которыя, прибыв в лагерь 16 около полудни, и репортовали, что неприятельского следу и никакого признаку куды бежали, обыскать никак не могли, точию нашли оленной табун и пригнали с собою. Того ж числа паки командировал еще в тот нос на камень порутчика Бельского в пятидесяти да на левую сторону за губу к двум отпрядышам сотника Котковского во штидесяти человеках, от коего того ж числа, по прибытии вечерной тапты, получил чрез присланного от него юкагиря словесной репорт, что неприятель, которой бежал с Отпрядыша, отаковался тамо на губе на каменю ж и взято им в плен малое число оленей.

17-го поутру рано, взяв я с собою порутчика одного, рядовых, солдат и казаков и протчих чинов двести, юкагирей и коряк по двадцати человек, и следовал к тому Отпрядышу за губу с поспешением, и за отбытием моим в лагере оставил с достальною командою прапорщика Ковалева, коего и ордировал, чтоб по прибытии из командирования порутчик Бельской с находящеюся при нем командою следовал за мною немедленно. И переправился я за губу по льду того ж дни не поздняе полудни и потом их, неприятелей, призывал паки в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, из которых по уговорам добровольно без бою пришел в подданство и в ясашной платеж охоцкого платежа оленной лутчей коряка Еткивун Эучевьин и следован мною наикрепчайше, от чего они бунт и измену учинили, которой о бунте и измене не заперса. Так

* Оборвано в оригинале одно слово.

же о приходе ево во время приступу к Отпрядышу с князцом Чаивыгином и с родниками к лагеру в тридцати одном человеке и в убивстве одного пятидесятника и в грабеже из лагеря, одной казенной фузеи, шпаг, штыков, топоры и собственного экипажа котлов медных и железных и протчего, добровольно принес извинение и отдал возвратно одну фузею, шпаг с медными ефесы 16, с железными 17, итого 33, да медных котлов 23, а затем достальное развезено по разным местам, а протчее в губу побросано, коего ему тогда в...* сыскать было некогда. И обещал отыскивать оное и едущим за сбором ясака обратно отдать все лицом без остатку, а что им из того утрачено будет, то в таком случае он, Еткивун, подписался с родниками своими платить, и в том с него особливо аманат взят, также и с предъявленных его согласников княжца Чаивыгина и, кроме ево, других, кои еще в противности состоят и жительствуют по разным местам, привесть в доброе состояние и паки в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж. Да они ж и изменники отдали обратно взятого ими в плен в 746 году анадырского ведомства разночинца Леонтия Федорова с женою и с дочерью, которой ныне имеется в Анадырске, но однако ж княжца Чевыгина за предъявленною им учиненною противность надлежало, яко злодея, без всякого милосердия побить и вовсе искоренить, понеже он с Отпрядыша для объявления и переписи в ясак родников своих не пришел и впредь к содержанию себя во всяком постоянстве, не имея никаких противных злых поступок, аманата не дал, в чем я и имел непременное намерение.

И 19-го числа поутру командирован был для осмотру того Отпрядыша порутчик Кекеров и при нем двое сотников, рядовых 12, можно ль с кою нибудь сторону на приступ к неприятелю итти, которой, прибыв оттуда обратно, и репортовал меня, что по осмотру их с трех сторон на Отпрядыш никоим образом взойтить нельзя, для того что утес высок и крут также и с четвертую сторону льда не имеется, а хотя однем местом есть ход подле утес по припайку, и то одному человеку с нуждою, и ежели де тем местом приступать и по одному человеку перебирается, то де могут они, неприятели, десять человек легко нашего войска побить каменьями хотя до тысячи человек.

И для того за оною невозможностию 20 числа, воздав богу благодарение, возвратился в Анадырскую крепость, понеже уже время весьма опоздало, и чтоб вышней оленной плави и летнего рыбного промыслу не пропустить, также и на Ангару посылкою оленей для перевозки провианта в Анадырск удобного времени не умедлить, дабы за беспромыслицею оленного мяса и рыбы, а паче за непривозом провианта военнослужащие в партии разного чина люди не понесли нужды и голоду, ибо и так уже во оном походе за весьма скудостию провианта, ежели б бог не даровал в плен неприятельских оленных табунов, то б всеконечно (от чего боже сохрани) всем без остатку можно было голодною смертию помереть.

И по возврате из Тангуновского носу, будучи на Ижиге реке мая 1-го — сидячие коряки князец Чаивыгин Эвыгин с родниками в двенадцати, 4-го — Паренской лутчей сидячей коряка новокрещен Никита Наумов, коряцкое имя Наяхалю Эаткаманов в двадцати семи, того ж мая 5 чисел — анадырского комисарского ведомства оленные коряки Алык Аммов да Эвекка Инпин с родниками в семнадцати, всего и с предписанными Еткивуном и с его родниками 87 человек добровольно по уговором без бою пришли паки в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж и по их иноверческому обыкновению к шерти впредь к содержанию себя во всяком постоянстве, не имея никаких злых противных поступок, дали аманатов, а именно: Тангуновского

---

* Оборвано в оригинале одно слово.

носу Еткивун Эвучевьин двух, Ижигинской сидячей тоен одного, лутчей мужик Эвек Кувалин одного ж, Паренской сидячей же коряка новокрещен Никита Наумов одного, Анадырские оленные коряки Алык Аммов одного, Эвекка Инпин одного ж, итого восемь человек, которые привезены в Анадырскую крепость и имеются под присмотром комисарским с протчими аманатами в ясашной казенке под арестом.

И на сей 751 год и на прошедшие годы из доимки взято с них в казну ея императорского величества ясаку пятьдесят одна лисица красных с лапы и хвосты и в приход записаны, а достального ясаку с них как по окладу на сей 751 году, так и на прошлые годы из доимки за беспромыслицею лисиц не взято. И оные сидячие Ижиганской тоен и Паренской новокрещен Никита Наумов, также и Анадырские оленные коряки Алык Аммов Чэнгев Аммов, Ноттай Кепелхутов, Эвекка Инпин по вышеписанному ж следованы и того их следственного дела выписано и послано в Иркуцкую провинциальную канцелярию при особливом доношении.

Всего вышеявленном походе взято в плену изменников коряк оленного табуна езжалых девятьсот тридцать семь, неезжалых тысяча шестьсот тридцать четыре, итого езжалых и неезжалых две тысячи пятьсот семьдесят один олень, из оного числа отдано ясашным иноземцам юкагирям да вожу коряке Умье Аукевыну в награждение за верную и радельную их службу сто двадцать три оленя, ибо оные неприятели изменники и их оленые табуны сысканы чрез их старание. Да разными случаи подохло езжалых же сорок шесть, всего в расходе и с подохлыми 169 оленей. Да за недостатком провианта солдатом и казакам и протчим чинам, так и корякам, юкагирям и аманатом употреблено в расход на пищу неезжалых оленей 643 каргины, затем налицо состоит езжалых оленей 768, неезжалых 991 олень, итого езжалых и неезжалых 1759 оленей, из оного числа имеется в коряцкой землице под присмотром сотника Котковского езжалых 486 оленей, 950 каргин, итого езжалых и неезжалых 1436 оленей, под Анадырской крепостью имеется под присмотром солдата Никиты Рушкова езжалых 282, неезжалых каргин 41, итого 323.

И прибыл в Анадырск из походу маия 22 дня за благость всещедрого бога все благополучно, и сего июня 3 числа из Анадырска отправился на судах вниз по реке Анадырю за непривозом в Анадырск провианта и за весьма скудостью рыбных кормов, где имеются обыкновенныя оленныя и рыбные ловы, а паче чтоб неприятели чюкчи водяною коммуникациею не учинили какого незапного нападения и смертного убивства и высочайшему ея императорского величества интересу ущербу и Анадырской крепости и раззорения, и за отбытием моим в предосторожность от неприятелей же и изменников коряк оставлен в Анадырске порутчик Кекеров с командою в пятидесяти человеках. И того ради Иркуцкую провинциальную канцелярию покорне прошу и представляю, ежели за благо изволит принять за предъявленною и весьма радетельною мою в показанном походе службу представить в правительствующий Сенат, чтоб меня наградить рангом, понеже и покойной маэор Павлуцкой из капитаном пожалован был пример маэоры, да к тому ж и по присланным ея императорского величества из Сибирского приказу указом я определен над партиею главным камандиром за неимением в Тобольске в сибирском гарнизоне в Иркуцке и в Якуцком полку штатов, и о вышеописанном Иркуцкая провинциальная канцелярия указом ея императорского величества что повелит. Июня 10 дня 1751 году.

На подлинном пишет тако.
Капитан Шатилов
Подканцелярист Алексей Мельников.

Сенат, 1 департ. д. № 1552, лл. 345—352; печатается с копии.

ВОССТАНИЕ АМАНАТОВ В АНАДЫРСКОЙ КРЕПОСТИ В 1751 г.

43. „Репорт“ капитана Якутского полка Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 30 июня 1751 г.

В Ыркутскую провинцыальную канцелярию сибирского гарнизона Якуцкого полку от капитана Шатилова репорт.

Сего 1751 году прошедшаго июня 3 дня за отбытием моим из Анадырской крепости с командою вниз по реке Анадырю за недостатком провианта и за весьма скудостию рыбного корму, где имеются обыкновенныя оленныя и рыбныя ловы до урочищ Родионова даже и до Бани, а паче для предосторожности от неприятелей чюкоч, дабы нынешним летним временем водяною коммуникациею не подошли к Анадырской крепосте и не учинили б высочайшему ея императорского величества интересу ущербу и верноподданным ея императорского величества народом незапного нападения и смертнаго убивства и оной Анадырской крепости повреждения, и за оным моим отбытием, слабостию и понаровкою камисара якуцкого служилого Андрея Корякина, которой мною ордирован был декабря от 24 дня минувшаго 750 года, чтоб ему содержащихся аманатов весьма содержать под крепким караулом в ясашной избе в казенке безвыпускно. А он, Корякин, тех аманатов содержал слабо, и всегда были выпущены из казенки и жили свободно в крепости по разным анбаром, и давал им собственныя свои пологи, также и порутчик Кекеров ордирован же был июня от 2 дня сего ж 1751 года, чтоб ему над ним камисаром иметь смотрение, дабы означенные аманаты всемерно по вышеписанному ж содержаны были в казенке под караулом безвыпускно. И от того их камисара Корякина слабого содержания, неведомо через какие способы, сидя в аманатах, получа луки, стрелы и копья, сего июля 8 на девятое число в полночь в крепости в ясашной избе предъявленныя аманаты анадырские оленныя коряки князец Айвулан Омъятов с товарыщи, всего 15 человек, изменили и имеющагося ясаула и одного караульного казака, также и своих аманатов трех девок закололи и потом в крепости стоящих у казны и у ворот двух часовых закололи ж и, выскоча из ворот калиткою прибехши к гоубвахте, одного часоваго, паки побили и ранили гранодера одного, солдата одного, казака одного ж и бросились в лес и унесли с собою побитых часовых две фузеи с лядунками и с патронами.

И того ж моменту командированы были от порутчика Кекерова для поимки тех бунтовщиков и изменников, а паче в сикурс к имеющемуся в карауле в казенном оленном табуне за капрала солдату Никите Рушкову, у коего было в команде рядовых 24 человека, из опого числа послано в Анадырск с пойманными беглыми арестантами трое в оленной табун, на караул шесть, дабы они, неприятели, на тех караульных незапно не пали и смертно не побили и олепьего табуна не отогнали, солдат и казаков и протчих чинов тридцать человек в команду пятидесятника Верхотурова, которой пришедши к табуну сего ж июля 9 числа, а имеющияся в том табуне пастухи коряки ж, коих было 7 человек, еще до прибытия того числа паки по согласию с помянутыми Айвуланом Омъятовым убили караульных: солдата одного, трех казаков и оленной табун угнали за реку на остров, которой табун предъявленной пятидесятник Верхотуров с командою от них изменников возвратил и, переправя за реку, перегнал к урочищу Бурнову камню и поймал из изменников коряк одного мужика да двух женок с девочкою. Да кроме оных в крепости пойманы один табунной же коряка да из содержащихся с аманатами их работниц три женки, которыя содержатца под крепким караулом, и оставя в помощь предъявленному солдату Шуркову к прежним 16-ти человекам 16 же, итого 32 человека с ружьем и аммуницию, а сам он, Верхотуров, с достальными в 14 человеках возвра-

тился в Анадырскую крепость, понеже при оной осталось в карауле при порутчике Кекерове солдат и казаков малое число, только 26.

И после отбытия ево, Верхотурова, сего ж июля 12 дня означенные ж изменники Айвулан Омъятов с товарыщи, пришедши к тому табуну, паки незапно неприятельски напали на означенных солдата Шуркова с командою и побили смертно гранодера одного, солдата одного ж, ружье и аммуницию их себе побрали, также и оленной табун угнали весь без остатку, в чем помянутым камисаром Корякиным и пойманными изменниками табунными коряками и протчими, кем надлежит, имеет быть следовано и по окончании оного писано будет в Ыркуцкую провинцыальную канцелярию без упущения, а об оном же в Якуцкую и в Охоцкую канцелярии сообщено промемориями июля 30 дня 1751 году.

На подлинном пишет тако. Капитан Шатилов.

Подканцелярист Алексей Мельников.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 367 — 368; печатается по копии.

44. „Доношение" майора Зыбина в Иркутскую провинциальную канцелярию от 12 марта 1753 г.

Сего 1753 году марта 7 дня получен в канцелярии Охоцкого порта из Гижигинской крепости партии походных дел от сержанта Аврама Игнатьева репорт, писанной во оной партии генваря от 23 дня сего 1753 году. Написано: февраля де 18 дня от анадырской стороны наипущей возмутитель, вор и изменник оленной коряцкой князец их Айвулан Омъятов, которой, учиня в прошлом 751 году в Анадырском остроге смертное убивство, и бежал в Камчатку и, сообщась тамо бывшаго ж вора и изменника коряцкого князца Эвоинты Косинкова с родниками, чинил по оной Камчатке верноподданным ея императорского величества ясашным иноземцам немалое раззорение и смертное убивство и острожки их огню предавал, о котором ево воровстве минувшаго 1752 году июля 26 числа под № 494 в Ыркуцкую провинциальную канцелярию доношением объявлено. Собравшись оной Айвулан с родниками своими в двух стах да с тамошними оленными юкагири с двадцатью пяти да с акланскими и с тангуноскими пешими и оленными коряками семидесяти пяти человеками, всего в трехстах, подбежав под самую крепость на оленях в санках, и стал против самой Гижигинской крепости на зарешной стороне лагирем, а сам он, Айвулан, объявя себя, якобы от обид и от налогу капитана Шатилова в Анадырском остроге учинил измену и убивство, а ныне де пришел с ясашным платежем и попрежнему быть в подданстве под высокосамодержавную ея императорского величества рукою, как и напредь сего они злодейственными своими обманами чинили смертные убивства, такими ж вымышленными своими случаями и во оной партии хотели обмануть и побить смертно, но токмо де до такого их злонамерения всемогущий бог не допустил. Таким случаем того ж генваря 19 числа учинили с теми изменниками военною рукою баталию и, помощию всемогущаго бога и счастием ея императорского величества, от тех злодеев отбились, из которых изменников упоминаемого их князца Айвулана ранили смертно да из родников ево двух человек, да двух юкагирей побили, тогда оные воры и отступили прочь. А с нашей де стороны побили казака Василия Горзякова и отхватили от фузеи штык да саблю, а протчих всех бог спас.

И ныне де означенные злодеи ездят поблизку около крепости явно и состоят от тех изменников в немалой опасности и в осаде, что и из крепости вон вытти невозможно, понеже де от содержащаго их гладу команды походной партии служители едва в крепости без пропитания живы находятца и почти с тень их шатаетца, и к тому ж весьма малолюдство, и поступить с теми изменниками военною рукою никоими способы невозможно

и в том де более ныне находитца в опасности, что уже никаких припасов к пропитанию их не имеетца; из имеющихся тамо запасаемых рыбных кормов едва до февраля месяца могут с нуждою пропитатца, а буде ж показанные изменники от Гижигинской крепости не отступят и по посланным от него ордирам как из Тауйска, Ямска и Туманской крепости с кормами не пропустят, то де и спасения получить им не чаятельно, о котором претерпеваемом их тамо смертном гладе и от всегдашней от неприятеля крайней опасности и о протчем со всяким обстоятельством сего 753 году февраля от 25 числа под № 33-м особливым доношением пространно представлено.

Да того ж марта 7 дня сего ж 753 году в репорте от оной походной партии написано. Февраля де 2 числа Гижигинская крепость от неприятельского нападения состоит благополучна, и обретающияся в ней служители все живы, а вышеозначенной де неприятель с 24 числа генваря месяца от крепости отступил, а где де ныне обретаетца, неизвестно, а знатно де, что главной их возмутитель оленной коряцкой князец Айвулан уже злохитрошное ево умышление угасло и от показанной смертельной раны умре и настоящаго поводца у тех злодеев не стало.

А отправленная в означенную партию денежная ея императорского величества казна и малая артилерия и посланной на место показанного сержанта Игнатьева командиром сержант Сторожев с командою, всего семидесяти человеках, и с пристойным числом набранных из острогов рыбным кормом прибыл на реку Вилегу февраля 5 числа благополучно и намерен выступить в Таватомскую крепость того февраля 7 числа, которого Сторожева с командою и с денежною казною и с артилериею со отправления ево чаятельно, что уже по нынешнее число, ежели, от чего боже сохрани, от неприятельского нападения никакого препятствия не последовало, в [Г]ижигинскую крепость прибыл, понеже как от реки Вилеги до Таватомской крепости и от Таватомской крепости до Гижиги по взятому от здешних обывателей описанию состоит не в дальном растоянии. И о вышеписанном Ыркуцкая провинциальная канцелярия соизволит быть известна. А по прежде посланным от канцелярии Охоцкого порта предложениям о присылке денежной казны по способности провоза серебреных монетов и сухим путем на лошадях потребного в тех предложениях числа провианта и для сикурсования людей соизволит Ыркуцкая канцелярия, как наискорее, милостивно резолюцию учинить и снабдить ея императорского величества указом.

Марта 12 дня 1753 году.

На подлинном пишет тако. Пример маэор Афанасей Зыбин.

Подканцелярист Иван Баженов.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 509 — 510; печатается по копии.

ВОССТАНИЕ ПЛЕННЫХ КОРЯКОВ В ОХОТСКЕ В 1752 г.

45. „Доношение“ сержанта Якутского полка В. Зыбина в Сенат от 11 февраля 1752 г.

В правительствующий Сенат от обретающагося при секретном карауле сибирского гарнизона Якуцкого полку от сержанта Василья Зыбина покорнейшее доношение.

Понеже сего 1752 году февраля 2 числа в ночи с полудни в 12 часу чрез барабанной бой и колокольной звон учинена тревога, чего ради я принужден от здешнего секретнаго караула послать для проведу солдата Якова Петрова, и оной солдат, прибежав от канцелярии обратно, объявил, что сделался бунт от содержащихся под караулом изменников коряк, и часовых де побили до смерти, а сами засели в тюрьму, а у оной де тюрьмы стоит охоцкой командир с малою командою и требовал де вас при этом смертном

страхе к себе в сикурс с командою, чего ради я по присяжной должности своей оное таким образом учинил. Приказал все двери своего караула запереть и оставил двух солдат с заряженным ружьем, а сам, взяв троих солдат, пошел прямо ко оной тюрьме, где уже несколько людей со оружием и собрались и со всех сторон оной тюремной острог военными нашими людьми отаковали, а при том тотчас послали к здешним жителям перевязать тех коряк, которыя были в работе у здешних жителей, и дожидались до самова утра, а между тем выпалили из ружья раза с два от оных коряк из тюрьмы, а когда же росветало, тогда по совету всех, перва чрез толмача были вызываны оныя коряки, однако ж они не пошли, и тогда сделан был приступ, и палили в прорубленныя бойницы в острог из мелкова ружья, и из пушек против ворот острожных была пальба, и потом были острожныя двери розбиты, чего ради оныя коряки из ружья палили, а когда уже они увидели, что весьма жестоко приступают, тогда оныя коряки в тюрьме зажглись, и таким образом оныя все тут искоренены. А вышеупомянутыя в работе у жителей имеющияся коряки на другой день были при обер и ундер-офицерах и рядовых распрашиваны, то оныя принесли извинения в том, что они сами с теми коряками, которыя были в тюрьме содержаны, согласие имели и хотели своих хозяев в тое ночь побивать, а потом, когда те выйдут из тюрьмы, тогда, сообщась с ними, впачале охоцкова командира, а потом и всех всякова чина и звания людей побивать смертно и, острог выжагши, итти в свою землицу и никогда не быть в подданстве под высокосамодержавною ея императорского величества рукою. Чего ради собран был концелиум и по приговору всех в силе ея императорского величества указу и для того что содержать за крайним малолюдством их под караулом невозможно и за продолжением времени, а паче того для, что ясашные иноземцы тунгусы для платежу ясака в казну ея императорского величества уже собрались, а оныя ж тунгусы прежде сего такия ж убойства российским людем чинили, так и на них большей надежности не полагаетца, и для таких резонов в страх другим народом по приговору всех без описки казнены на публичном месте смертию. Однако ж, когда они в такое злое дело еще не вступили, тогда на оных никакова сумнения не бывало и всегда их в ласкоте содержали. И при том уповательно, что и ныне из имеющихся партии по берегу Пензинского моря будут присылать к распросам в здешней порт, ежели где на войне поимаютца те злодеи и коряки, чрез которую присылку паки приумножитца тех в Охоцке. А как выше сего показано, что здесь имеютца крайнее малолюдство, и по их уже непокорству и застарелой злобе против российского народу никакой надежды не полагают, тако ж и от тунгусов, которых более шести сот человек ко Охоцку в платеже состоит, большей же надежности не полагаетца по их азиадскому непостоянству, и для того опасно, от чего боже сохрани, чтоб паки какой злости не учинили, понеже и тогда, ежели б во оной тюрьме живых не осталось и крику б не учинили и таким порядком без всяково сопротивления из оной тюрьмы вышли и соединились с теми коряками, которыя у жителей имелись, то б всемерно почти ни одному человеку от умерщвления не спастись. А хотя караулы наружныя и были, но понеже они малолюдны и оных бы вдруг захватили, то б никакого уже сопротивления себе те злодеи почти не увидели. Того ради правительствующему Сенату всепокорнейше доношу, не соблаговолено ли будет указом ея императорского величества для предписанной опасности нас с караулом перевесть в какое иное место в Якуцк, дабы в нечаянности какого от вышеписанных народов смертнова повреждения здешнему караулу не учинилось.

И о вышеписанном правительствующий Сенат что соизволит.

1752 году февраля 11 дня.

Сержант Василей Зыбин.

Сенат, 1 департ. д. № 1552, лл. 369 — 370.

ПОХОДЫ КАПТЕНАРМУСА БАЙБОРОДИНА И ДРУГИХ ПРОТИВ ВОССТАВШИХ КОРЯКОВ В 1753—1754 гг.

46. „Доношение“ майора А. Зыбина в Иркутскую провинциальную канцелярию от 17 декабря 1753 г.

Сего 1753 году декабря 16 дня по отправлении от канцелярии Охоцкого порта с самонужнейшии ея императорского величества секретными и протчими делами прямо до Ыркуцкой провинциальной канцелярии почты и по запечатании в ящик всех дел при приеме оных в самое то время сего декабря 16 дня получены из Гижи[ги]нской крепости парти от походных дел от сержанта Николая Сторожева и каптенармуса Якова Байбородина отпущенные из оной парти сентября от 27 числа 1753 году репорты, в коих написано.

В первом. Сего де 753 году сентября 17 числа отправлен был из оной походной парти означенной каптенармус Байбородин с командою морем на байдарах к Валхаланской губе на нос *, где разбило отправленное из Охоцка морское судно брегантиру „Михаил“ [34], ради обыскания утопшаго с того судна казенной денежной казны, правианта и артилерии и протчих разных материалов и припасов, о которой командировке оного Байбородина с командою сего 753 году декабря от 9 числа под № 988-м в Ыркуцкую провинциальную канцелярию доношением представлено.

Того ж де сентября 14 дня помянутой каптенармус Байбородин по благополучном прибытии на то место, где показанное судно разбило, и по прибытии де разоставя караул, и поручил из команды пристойное число вышедшему с того разбитого судна квартермейстеру Семену Щербакову и посланному из Охоцка за денежною казною комисару Кирилле Уваровскому, чтоб они всякими способы отыскивали денежную и протчую ея императорского величества казну и артилерию, а сам де он, Байбородин, с пристойным числом командою неусыпно в том смотрение имел, дабы все тщательно такой утопшей немалой интерес обыскать могли. И быв де в том месте он, Байбородин, послал из лагирю своего подсмотр, где б возможность допустила признать бунтовщиков и изменников коряк, которые де, посланные от него подзорщики быв, и возвратились обратно в лагирь и объявили, что де против Валхаланской губы верстах пти имеется не малое число в жилищах своих изменников коряк юрты, и видели де они тех изменников. И по тому де подсмотренному объявлению немедленно он, Байбородин, с бывшими при всех за урядников солдатами и казаками, осмотря ружье и амуницыю, призывая всемогущаго бога на помощь, на означенных подсмотренных изменников в поход и вступили, и подошед де пустым местом тундрой под те вышепоказанные изменнические юрты, и отаковал и по отоковании того 15 числа взял он, коряк, три семьи да одну семью вызвал на выласку, итого четыре семьи, из которых де мужеской пол всех прикололи, токмо де из них одного человека удержали ради языку, и при том де взято ими в плен из женска пола четыре бабы да малолетних мужеска пола одиннадцать, итого пятнадцать человек. И того ж де числа сентября в свой лагирь обратно и возвратились благополучно, из которого де плену домогался он, Байбородин, о неприятельском намерени и роспрашивал, на что де оные пленные объявили: Валхаланской де губе от главных изменнических князцов оставлен прежде возмутившагося к бунту и измене князца Чеивитки брат его родной князец Мелепку с родом для заготовления кормов к прибытию бунтовщиков и изменников чачеб [35] и коряк, ради в переездах в крепость от крепости и русских людей посылаемых с репортами перехватывая побивать смертно, и ожи-

* В оригинале „на нес“.

дает де он Меленку из Тангуносу в сих числех изменников на семи байдарах.

И как де об оном означенной Байбородин удостоверился о том их воровском станке и злонамерение все ревностно ко взысканию и искоренению тех злодеев, того сентября 16 дня командировал он, Байбородин, из команды своей 20 человек пустым местом в тундру, а сам де он по тем известиям, что из Тангуноского мысу изменников коряк на байдарах валхаланские коряки ожидают, на двух байдарах в десяти человеках, поруча достальную команду квартерместеру Семену Щербакову и кампсару Уваровскому, дабы отыскивали с утопшаго судна казенной интерес, в десяти человеках и следовал.

И как де вышепоказанные посланные от него, Байбородина, 20 человек походом шли, и тогда де нашли на них изменники коряки, самые легкие и воистые 20 человек, и сразились с ними, и видя де оные изменники, что с нашей стороны состоят в крепкой осторожности и сражении, и разошлись на две стороны. Показанной де князец Меленку что не с главными своими родниками и с ними двое тангуноских коряк убоясь и бросились под утес в приуготовленную ими байдару и намерены де были утти на отпрядыш Валхаланской и пошли де оные изменники на тех байдарах в море, то де в ту ж минуту в губу против Валхаланского отпрядыша он, Байбородин, на означенных двух байдарах подоспел, то де оные изменники, видя со обоих сторон людей, пристав байдарою своею к утесу, и ушли по приготовленным ими прежде ремням в имеющуюся в том утесе щель и ремни де поднели. И как де он, Байбородин, с командою тех злодеев во оной отъемной щели отаковали, точию де никоим способом приступить было невозможно, потому де что утес весьма высокой, а оная де щель в полуутесе от земли сажен десять, а от верху сажен с сорок, и к тому ж де та щель пошла не прямою чертою в камень, но в бок, в которую де из огненного ружья палить не знатно и гранат ручных бросать было невозможно, ибо де у оной щели вход закладен был теми изменниками на то припасенном лесом. То де он, Байбородин, употребляя к тому всевозможные способы, приказал утвердить сверху утеса ремни, и по тем де ремням от земли поднят был один казак и два человека из партовщиков коряк, и подаваемы были им травеные снопы, обливая нерпечьим жиром, чтоб крепко от того жиру горели, и зажгли у той щели вход. И притом от тех изменников и с нашей стороны происходила стрельба, и убили де из тех изменников в той щели одного человека, а достальных всех сожгли, которых де воров трупы ради опознания вытаскивали и усмотрели при том вышеозначенного Чеивиткина, брата князцу Меленку, побиты смертно с родниками ево в 15 человеках, а из команды де ево, Байбородина, через многое от тех изменников стреляние божескою милостью высочайшим ея императорского величества счастием спаслись все благополучно без всякого вреда.

А 17-го де числа сентября, собрав помянутой Байбородин команду, кроме тех, кои в лагире поручены были квартирмейстеру Щербакову и кампсару Уваровскому для изыскания утопшаго казенного интереса, раскомандровав на пять байдар, и следовал на прежде раззоренной отпрядыш, и прибыв к тому отпрядышу и взошед на оной, точию де никого изменников получити не мог, но весьма де изготовлено ими паки на том раззоренном отпрядыше, чтоб оной возобновить, на юрты и на стены, откуда на него всход бывает, лесу и неводов китовых довольное число. То де он, Байбородин, собрав все оное в одно место, огню предал, сожег, да и прежние имеющиеся их юрты все ж выжег без остатку, дабы им нимало в том надежды впредь не следовало и того ж числа возратился он с командою в лагирь свой обратно благополучно, а ушедших де от показанного князца Меленки достальных родников ево изменников натти не могли.

И 18 числа того ж сентября командировал он, Байбородин, из лагирю в подсмотр изменников, но токмо де никого подсмотреть не могли, только

де найдено подле моря их измеппических нерпечьих сетей ради промыслов весьма многое число, которые де сети за тягостию в крепость не привезены и все де тамо огню преданы и созжены, чтоб паки в их изменические руки не попали.

А вышеупомянутые де взятые в плен и ради языку коряка привезены в Гижигинскую крепость, и он, Байбородин, того сентября 25 числа со всею командою прибыл благополучно, которой пойманной для языку коряка у походных дел накрепко распрашиван и пытан и через оное жестокое битье объявил, что вышеозначенной изменник Чеивитко и с ним коряка Эвек сообщились и имеют де жительство в Тангуноской стороне от устья реки Гижиги за Матугинским отпрядышем, растоянием в верстах в семидесяти, и ожидают де к себе по первому снегу чачеб и юкагирь, которые де намерены быть всемерно и отаковать Гижигинскую крепость. А аклапские де и паренские, ягачинские, интканские воры, бунтовщики и изменники коряки намерены походом быть на Товатомскую и Тумапскую крепости, а хотя де и крепости вскоре взять и не могут, токмо де выпуску из тех крепостей верноподданным народом не будет, и дороги де намерены запереть. И как де слышно между речами от тех изменников в разговор, что де юкагири, изменив в анадырской партии и сообщились с чюкчами и уже де многие между собою и в сходства вступили и вознамерились к убивству руских людей и в том де всеэлобном своем намерени находятся неотменны. А здешняго де берегу Пензенского моря воры и изменники коряки просят их, дабы им оные юкагири способствовали и сообщились с ними, чтоб в намеренном их злодействи вышеозначенную Гижигинскую крепость отбить и верноподданных в ней руских людей побить, которых те коряки и ожидают, и для де наездов показанных изменников чачеб и юкагирей выпеупоминаемой Чеивитко оставил и брата своего Меленку на Валхаланском мысу заготовлять к приезду тех изменников корма, которой и побит показанным Байбородиным, как и выше сего прописано. И по распросе оной пойманной ради изведания о тех измениках коряка искоренен смертно.

Во втором. Того ж де сентября 26 дня посланной из канцелярии Охоцкого порта за денежною казною и протчими приемами камисар Кирило Уваровской к походным делам репортом объявил. По командировании де их из оной походной парти ради изыскания казенного утопшаго интереса сыскан им, Уваровским, с разбитого морскаго судна брегантин „Михаила“ из утопшаго казенного интереса денежной казны в 2 ящиках сребренных монетов четыре тысячи восемьдесят три рубли 36 копеек, медных денежек в двенадцати сумах сыромятных разбитых, к тому ж и сбираемых в кекурниках, триста пятдесят семь рублев 58 копеек, итого медных и сребренных денег четыре тысячи четыреста сорок рублев 94 копейки, а более де того он, Уваровский, из казенного интереса и из протчаго натти не мог.

В третьем. Тогож де сентября 29 дня поданным ведением показанной квартермейстер Щербаков объявил. Найдено де им с показанного разбитого судна дельного железа боутов, гвоздей и протчего по весу 26 пуд. 35 фунтов, свинцу 2 пуда 5 фунтов, лотов свинцовых два, весом 25 фунтов, да две пушки, токмо де оные пушки за неимением байдар в Гижигинскую крепость привести невозможно и оставлены де у того мыса в прикрытом месте, чтоб в измеппические руки не попали. И при том же де обыскано разного партикулярного мелочного шкарбета, кои на том судне путь следодовали, токмо весьма от морскаго расола избило и изгнили и весьма ж негодны, которые и находятся под охранением при походной партии до указу.

В четвертом. Поданным де определенные от канцелярии Охоцкого порта за приемом денежной казны и протчего целовальники Якуцкого полку солдат Максим Брянской, казак Евдоким Кожевин репортом объявили. Из посланного де с ними для предосторожпости казенного свинцу и протчаго отыс-

кано ими свинцу 7 пуд. 10 фунтов, железа полосоваго 2 пуда 20 фунтов, укладу 1 пуд, сум провианских порожих драных и избитых от морскаго сильного волнения 55. И вышепоказанная денежная казна, железа и прочие припасы все приняты на лицо и в приход тамо записаны, точию из означенных денег состоящим у предосторожности солдатам и казакам для всеконечной их крайней скудости и смертнаго гладу на сей 753 год денежное и за хлеб деньгами жалованье по полтора рубли за пуд выдано с запискою в росход и с росписками, а кроме вышеписанного из утопшаго на означенном судне казенного интереса ни единой вещи, также из провианту, кроме порожих сум, ни одного золотника обыскать и по се число не могли.

В пятом. Того ж де сентября 26 числа поданным к походным делам находящейся тамо у предосторожности кананир Данило Пушкарев репортом объявил. Отыскано де им из утопшаго с показанного судна казенного интереса из артилерийских припасов гранат штифунтовых 17, которые де подмочило морскою водою и в действие де стали быть негодны.

В шестом. Сего ж де сентября 26 числа по известию парти от походных дел чрез поиманного ради языку коптенармусом Яковом Байбородиным изменника коряку, что де бунтовщики и изменники всех рек от Гижиги чрез Тангунос до Камчатского берегу, воровские коряки, чачеб и юкагири по всезлобному своему замерзелому намерению, желают на Гижигинскою, Таватомскую и Туманскую крепости оные разорить и людей руских побить, как и выше о том в первом репорте прописано. И того де ради, чтоб по самой нужной крайней необходимости, поспешить к походной парти в сикурс людей, ибо де в Гижигинской крепосте парти служителей всех чинов действительно служащих и с прибывшими осталыи с разбитого судна 97 человек, из которых де для вышепоказанной опасности командировано в гарнизоны в Таватомскую крепость пять, в Туманскую крепость четыре, итого девять человек, а за раскомандированием де в наличности при парти состоит с престарелыми и дряхлыми и больными 88 человек. Также и прислать ради предосторожности пороху пять пуд, кремней тысячю и на пропитание команде парти провианта, дабы от изменников наглого нападения, как и выше о том прописано, не помереть голодною смертию.

И по оным полученным из оной парти репортам, предостерегая ея императорского величества от изменнических всекрайнейших опасностей оной Гижигинской и протчих крепостей и верноподданных в них людей, чтоб в нынешную зиму по их всезлобному намерению не могли учинить какова бедства, по посланному сержанту Федоту Белогородову ея императорского величества указу, велено с командированными от канцелярии Охоцкого порта ноября от 21 дня сего 753 году по прежде посланным от показанной походной парти предложением, ради отвозу во оную партию денежной казны, провианта, пороха и свинца и протчего команды Охоцкого порта служилыми и с пешими тунгусами и якутами по прибытии их в Туманскую крепость, оставя тамо посланной от канцелярии Охоцкого порта свинец, железо и уклад, чтоб тамошним трудным путем лехче было. понеже во оной походной парти, как в свинце, так в укладе и железе нужды ныне не зависит, ибо с разбитого судна из утопшаго казенного свинцу, железа и укладу найдено и пронятся без нужды тем могут, как о том выше сего прописано.

А с порохом и с денежною казною и провиантом велено следовать, как возможно, с предуспешением во означенную Гижигинскую крепость, дабы тамо за малолюдством людей по вышеозначенным известиям коряки и юкагири и протчих рек изменники сообщась не могли б оную Гижигинскую крепость взять и верноподданных народов побить. А в протчем же во всем в силу прежде полученных из оной походной партии репор-

тов предостерегая ея императорского величества высочайшей интерес и верноподданных ея императорского величества народов, как скоро возможно тогда, что сколько возмоглось по здешнему обращению канцелярисю Охоцкого порта к лутчему предускорить ради убежания всекрайнейшего их смертного гладу, за выпепоказанным несчастным случаем, за разбитием судна, великое число всякими случаями и с прилежнейшим старанием возможность допустила, оное все в показанную Гижигинскую крепость отправлением уже последовало очень пространно со всяким обстоятельством в посланном при сей же оказии декабря от 9 числа под № 988-м в Ыркуцкую провинцыальную канцелярию доношением имянно представлено.

А во оную походную партию сержанту Сторожеву и каптенармусу Байбородину, по посланному ж ныне из канцелярии Охоцкого порта ея императорского величества указу, велено вышеозначенные отысканные с разбитого судна две пушки, кои оставлены в прикрытом тамо месте, всякими случаями домогаясь, привесть нынешним путем в крепость и сделать ими лафеты и поставить в принадлежащее предосторожности их место, дабы не могли оные пушки попасть в неприятельские руки, а каких именно калибр потребны к тем пушкам ядра и сколько числом, об оном велено им обще со обретающимися тамо артилерийскими служительми канцелярию Охоцкого порта репортовать, почему имеет без малейшаго задержания, каким путем способность воспоследует, канцелярии Охоцкого порта отправить немедленно. А во изыскании с показанного разбитого судна утопшаго казенного интереса с крепчайшим же подтверждением паки послан указ и велено всякими способы отыскивать, и что сколько взыскано будет—записывать тако в приход без проронки, и о том канцелярию Охоцкого порта со обстоятельством репортовать. А что же они, Сторожев с товарыщем, при последнем репорте требовал о присылке для всекрайнейших опасностей кремней хотя тысячю и на оное по справке в канцелярии Охоцкого порта, за отсылкою ныне во оную партию достальных за расходом остаточных двух сот кремней, ни единого уже в казне ея императорского величества не имеется и купить здесь не у кого, в чем зависит всекрайнейшая необходимость.

И того ради Ыркуцкую провинцыальную канцелярию канцелярия Охоцкого порта покорне просит, соизволено б было за выше предписанными необходимостьми и крайними опасностьми прислать ради опасности во оную партию и в протчие крепости до трех тысяч кремней, ибо в том находится крайняя нужда, дабы без присылки оных кремней не малейшей остановки последовать не могло. И о выше предписанном состоянии походной парти от изменнической опасности и о протчем Ыркуцкая провинцыальная канцелярия соизволит быть известна, а о присылке вышеозначенное потребное число кремней и по прежде посланному при сей же оказии декабря от 9 числа предложения, из чего за благо изволит разсмотреть сикурсованием ради предосторожности потребное ж число людей, как в том предложении пространно изъяснено, и что к лутчему за благо изволит Ыркуцкая провинцыальная канцелярия, при помнение здешней канцелярии определить, об оном канцелярия Охоцкого порта покорне просит снабдить ея императорского величества указом.

Декабря 17 дня 1753 году.

На подлинном пишут. Пример маэор Афанасей Зыбин.

В должности с приписью канцелярист Иван Баженов. Подканцелярист Андрей Мигалкин. *

Сенат, 1 департ., д. № 750, лл. 633-638; печатается по копии.

* Листы документа скреплены: „С копиями читал канцелярист Иван Булатов".

47. Секретная выписка из „репортов“ походной партии Гижигинской крепости за 1753—1754 гг. *

Ведомость выписанная в канцелярии Охоцкого порта из присланных сего 754 году сентября 30 дня из походной парти Гижигинской крепости от сержанта Николая Сторожева и каптенармуса Якова Байбородина дупликатных репортов, кои во перво посланные из оной парти репорты за учинившеюся изменою верноподданными коряками и за пресечением теми изменниками пути и репорты взяты были ими, так же и сверх оных дупликатов и ординарных настоящих, присланных из той парти репортов какое тамо во время безызвестного об оной парти случая с неприятелем действи происходили и о протчем, о чем явно показано ниже сего, имянно.

1) Октября де 18 числа того 753 году командирован был из оной парти за капрала казак Иван Иконников с товарыщем в сороки человеках по оставшие найденые с разбитого минувшаго 753 году судна брегантин „Михаила“ две пушки, кои за тягостию и за невозможным путем оставлены были в удобном прикрытном месте. И будучи де в том пути, того октября 21 дня завидели они изменнические следы, и послал оной за капрала Иконников из команды верноподданных коряк десять человек, чтоб как скоро возможно о том следу удостоверитца, а он, Иконников, с достальной командой, пошед и взяв из прикрытого места означенные две пушки, и следовали с ними обратно к крепости.

2) А вышепоказанные посланные ради подсмотру изменнических следов верноподданные коряки, нашед по тому следу двух человек изменников коряк, поймав коих за усильностию их искололи смертно, и пришед к оному за капрала Иконникову, и объявили, что де имеются не в дальном растоянии изменнических две юрты, одна Валхаланской губе новопостроенная, а другая впереде верстах четырех по пути, в которых де жительствуют изменники коряки.

3) И по тому их знатному объявлению оной за капрала Иконников с командою к тем изменническим юртам следовал и нашел на их изменническую одну юрту, живущих в той юрте изменников коряк чрез военную руку искоренили; мужеска пола девять человек, женска двенадцать, итого обоего пола мужска и женска 21 человек.

4) И при убивстве тех изменников найдено ими собранных по берегам с разбитого судна брегантина казенных материалов железа, разных боутов и гвоздей весом пять пуд и двадцать фунтов, и оттуда обратно он, Иконников, с командою и с пушками в крепость благополучно и прибыли и об всем обстоятельно к походным делам объявили.

5) И по тому обстоятельству ноября 6 числа того 1753 году командирован был каптенармус Яков Байбородин с пристойным числом командою к Валхаланской губе, где означенные верноподанные коряки вновь построенную изменническую юрту видели.

6) И ноября де 9 числа к той изменнической юрте он, Байбородин. с командою и подошел, токмо де напасть на них озартно вдруг не возмог, понеже и они состояли в крепкой же осторожности и имели караулы, однако же де убоясь их, Байбородина с командою, из той юрты лехкие изменники побежали на побег и посланными де от оного каптенармуса Байбородина за теми утекшими изменниками в погоны из команды ево лехких людей, коих де и загнали оных изменников в имеющуюся тамо во близости подле моря в утесе щель, которых тамо и искоренили смертно трех человек.

7) А потом он, каптенармус Байбородин, и в означенной юрте имевшихся изменников чрез оруженную пальбу в той юрте показанных измен-

---

* Настоящая выписка, как видно из сопроводительного доношения, была составлена канцелярией Охотского порта для представления в Иркутскую губернскую канцелярию.

ников искоренили, всего мужеска и женска пола человек с тридцать и более и оную их юрту предали огню до основания, и при том де найдено у тех изменников с разбитого судна железных материалов весом тридцать пять фунтов.

8) И ноября 9 числа по искоренении означенных изменников командировано было от оного Байбородина из команды ево к Наяханской стороне до Таиночику и от Валхаламу в обе стороны ради подсмотру изменников, точию де по тем осмотрам в тех местах нигде изменников не оказалось, и по тому случаю он, Байбородин, со всей командою в крепость ноября 14 числа возвратился благополучно. И всего де оных изменников искоренено в том 753-м году октября с 24 и ноября по 10-е число по исчислению пятьдесят шесть человек.

9) Чрез де пойманные изменические языки известно было при оной парти, что злоумышленные бунтовщики и изменники, коряки тангуновские и чачебы намерены были в том 753-м году на Гижигинскую крепость прибыть походом и отаковать оную крепость, которых де весьма находилось довольное число в великом собрании чрез Тангуносу рек Иткани, Пареню и Егаче на реке Тыкигилане, где у них прежде имелся на отпрядыше каменной острог. И слышно де было тогда, что за многолюдством со всех рек оных изменников в собрании пеших коряк на тот отпрядыш в помянутой каменной острог не вместилось, и строет де на равном месте особливой острог, и в нем жительство иметь разсуждали оные изменники в той надежде, чтоб сего 754 году зимою оставить жен и детей своих на реке Тыкигилане в каменном своем острожке, а сами легостию, совокупясь со всеми оленными чачебами и юкагирями, подотти к Гижигинской крепости и оную отаковать, для того что им весьма на вышеозначенных тех двух реках великое стало быть утеснение, понеже де с обоих сторон, как от Анадырской, так и от здешней партиев уже до самой средины их жилищ руские люди поселились, где прежде оным изменникам уход бывал. Однако ж по их всезлобному намерению оного не последовало, изменников во близости к крепости не подход[ило], и состоит оная крепость и в ней верноподданные народы благополучно.

10) 27 числа маия месяца командирован был из крепости означенной каптенармус Байбородин с командою в тридцати человеках, где изменники коряки им Байбородиным, будучи сего 754 году в апреле месяце в походе, загнаны были в море на отпрядыш, о котором походе и загнани оных изменников против присланного от походной парти репорту сего 754 году сентября от 13 числа под № 517 Ыркуцкой губернской канцеляри[и] доношением от канцелярии Охоцкого порта предложено. И будучи в том походе июня 6 числа, подсмотрев он, Байбородин, тех изменников в Танояске на...емном * в море отпрядыше, домогаясь всякими способы, божескою милостию и щастием ея императорского величества, со обоих сторон было сильное сражение, однако ж оных изменников оружейною рукою всех побили, при которых был знатнейшей и сильной главной у них изменник Елигичин, которого с родниками потому ж побили, всего мужеска и женска пола более 20-ти человек, а с нашей стороны никому вреда не причинили. И по искоренении означенных изменников июня 11 числа со всею командою прибыл благополучно, а Гижигинская крепость и в ней верноподданные народы от неприятельского нападения июня по 5-е число сего 754 году состоят все благополучно и изменников по близости не имеется[86].

На подлинном пишет тако. Пример маэор Афанасей Зыбин.

В должности с приписью канцелярист Иван Баженов.

Подканцелярист Андрей Мигалкин **.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 543—545; печатается по копии.

---

* В оригинале одно слово не разобрано.

** Листы документа скреплены: „С копиями читал подканцелярист Яков Михайлов".

РАСПРАВА С УЧАСТНИКАМИ ВОССТАНИЙ.

48. Секретное „доношение" Сибирского приказа в Сенат от 8 октября 1752 г.

Минувшаго августа 24 дня сего 1752 году в Сибирской приказ в доношени из Ыркуцкой провинциальной канцелярии написано.

Прошлого де 1751 году декабря 2 числа присланы в Ыркуцкую провинциальную канцелярию из канцелярии Охоцкого порта при доношении выписка и экстракт со мнением о изменниках смертноубийцах ясашных коряках Аихчате, Эдчилке, Экиллее, о которых в тех выписке и экстракте показано, что они в 750-м году на реке Сиглане убили до смерти казака Агафона Выходцова, служилого Осипа Брусенина и впредь имели неотменное намерение и согласие, ежели кто к ним из руских в малолюдстве будет, таковых побивать смертно и никогда ясаку не платить, и ежели бы де не обманом были поиманы, то б сами никогда руским живы в руки не дались, за что де им, Аихчате и Эдчилке, по силе прописанных в экстракте государственных прав, по мнению Охоцкой канцелярии, надлежит на страх другим учинить смертную казнь — повесить, а товарыщу ж их Экиллею, хотя он при убивстве казака Выходцова и служилого Брусенина и не был, но токмо де с реченными смертноубийцами имел намерение, чтоб завсегда впредь руских людей побивать смертно и никогда ясаку не платить и тако де впредь от него по их непостоянству и азнацкому состоянию никакого добра быть нечаятельно, за что и ему, Экиллею, надлежит учинить смертную ж казнь—отсечь голову.

И оные подлинные Охоцкой канцеляри[и] выписка и экстракты со мнением приложены на разсмотрение Сибирскому приказу при том доношении и тем доношением представляет, что Ыркуцкая провинциальная канцелярия о учинении предъявленным изменникам смертноубийцам корякам Аихчату с товарыщи трем человеком смертной казни со мнением Охоцкой канцелярии согласна, а более об оном предала в разсуждение Сибирскому приказу и имеет ожидать в резолюцию указу, а в Охоцкую де канцелярию послан из оной канцелярии указ, и велено упомянутых коряк до получения из Сибирского приказу указу по особливо имеющемуся в Ыркуцке Сибирского приказу декабря от 12 числа 1751 году указу ж сослать за безопасным караулом к якуцкой горной работе при письменном известии с таковою предосторожностию, как о ссылке таковых означенных из Сибирского приказу и во исполнение оного посланным из Ыркуцкой провинциальной канцелярии указами повелено.

А по справке в Сибирском приказе по состоявшимся указом повелено. По 1-му: 1744 маия 18 из правительствующаго Сената для лутчаго усмотрения изо всех колегей и канцелярей губерней и провинцей и команд о таких осужденных к смертой казни или политической смерти колодниках, за что оные осуждены, ныне прислать в Сенат обстоятельные и перечневые выписки, а до получения на то указов экзекуции тем колодникам не чинить, тако ж и впредь, которые колодники на смертную казнь или политическую смерть осуждены будут, о тех прислать в Сенат о винах их обстоятельные и перечневые выписки, а до получения на то указов экзекуции не чинить же.

По 2-му: 1751 годов сентября 6 чисел из правительствующаго ж Сената содержащихся в Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерниях и на Екатеринбургских заводах осужденных к смертной казни и политической смерти и к вечной ссылке на каторгу колодников, которым ту смертную казнь и политическую смерть и вечную ссылку на каторгу по конфермациям Берг-Колегии из Сибирского приказу и по приговорам и по конфермациям же губернских канцелярей учинить присуждено, до будущаго об них разсмотрения изо всех тех губерней, городов собрав,

заковав в твердые ножные кандалы, ныне определить и, впредь буде таковые ж явятся, определять в тежчайшие казенные работы и на казенныя ж заводы, где оные есть под присмотром надлежащаго и безопасного караула, дабы из них никто не мог учинить утечки, а кормовые им деньги при той работе производить по указом от казенных заводов и с какой суммы на казенные работы производятся, и о том в Берг-Колегию, в Сибирскую, Оренбургскую и Астраханскую губернские канцелярии указы из Сената посланы, о чем из Сибирского приказу в Сибирскую губернскую и в Ыркуцкую провинциальные канцеляри указами ж подтверждено.

Того ради правительствующему Сенату Сибирской приказ о вышеписанном сим доносит, а с вышепоказанных присланных при донощении из Ыркуцкой провинциальной канцелярии выписки и краткого экстракта и мнения маэора Зыбина по силе вышеобъявленного ея императорского величества правительствующаго Сената 1744 маия 18 дня указу собщаются при сем точные копии, и при сем же Сибирской приказ объявляет, что оной приказ за вышеобъявленным, состоявшимся 1751 году сентября 6 числа указом, мнения своего представить не может, а представляет о том в главное разсмотрение правительствующему Сенату.

Николай Салтыков. Александр Коротаев. Федор Радилов.

Октября 8 дня 1752 году.

Сенат, 1 департ., д. № 567, лл. 207 — 208.

VI. МИССИОНЕРСТВО И АКТИВНАЯ РУССИФИКАЦИЯ КРАЯ.

И. Козыревский и его „миссионерская" деятельность.—Деятельность камчатской духовной миссии.

И. КОЗЫРЕВСКИЙ И ЕГО „МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ".

49. Прошение монаха Козыревского Анне Иоанновне, март 1730 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Анна Иоанновна самодержица всероссийская.

В прошлом 1715 году до монашества моего, нижайшаго богомольца вашего, по многократном прошении бедных и безпомошных людей, которые сначала на Камчатке, так же и на море проведыванием Апонского государства и новых земель и морских островов и всяких народов вкупе со мною нижайшим служили блаженныя и вечно достойныя памяти его величеству Петру Великому Первому, императору и самодержцу всероссийскому, и в той службе пользу и прибыток вновь государственному интересу учинили, в том числе и иные и преж Камчатки в других местах служили ж, которые службы и о посылке моей из Тобольска в посланную партию с якуцким казачьим головою Шестаковым [57] для показания вышеписанных островов и протчего без жалованныя дачи, того ради и протчего и других нужд прошения прибыл в Москву и о том и о протчем, как в святейшем Синоде, так и в правительствующем Сенате объявлено. И оные люди за старостьми и болезньми и ранами от службы отставлены. На Камчатке реке поставил я, нижайший, на свободном месте вновь молитвенный дом, часовню во имя пресвятыя богородицы и при той часовне для пребывания оных людей построил и кельи своим коштом и положил в казну вашего императорского величества пожитку своего 31 сорок, 20 соболей, 100 лисиц красных, одну лисицу бурую, 12 бобров камчатских, одного кошлока в такую силу, чтоб пожалован был из казны вашего императорского величества

книгами, колоколами, сосудами церковными и протчими церковными требами во оную пустыню и быть церкве во имя Успения пресвятыя богородицы. И оные мои положеные в казну пожитки вывезены с Камчатки в Якуцк и в Якуцку грацкими жителми ценены, и по оценке на три тысячи рублев без малого числа кроме попков, и оные соболи и лисицы до прибытия моего с Камчатки отосланы из Якуцка в 720 году в Тобольск с якуцким сыном боярским Семеном Харитоновым с товарищи с распискою в губернскую канцелярию, а бобры и кошлок с якуцким же сыном боярским Иваном Шангиным с товарищи с распискою ж в иркуцкую провинцыю для отдачи в китайской отпуск. И за оные мои положенные в казну пожитки ничего во оную пустыню не прислано, в чем имеетца в такой дальной стороне и в диком народе самая крайняя нужда, понеже из оных камчадальских народов, смотря на нашу христианскую веру и на рачение в строении божия дому, желают многие воспринять нашу христианскую веру греческого исповедывания, но токмо и в священниках тамо имеетца нужда, понеже на Камчатке и на Большой реках в трех острогах и во оной пустыне только один священник, переходя чрез долгое время, исправляет потребы с самою нуждою, и затем многие православные християне, мирские и монахи, без покаяния помирают [38]. И не токмо на Камчатке, но в других местах на Анадыре и на Колыме и по другим поморским рекам служилые и других чинов люди без покаяния ж умирают, понеже в тамошные края из Якуцка посылаютца священник ради исповеди и крещения младенцов и венчания и погребения умерших и других христианских нужд прошедчи годов пять и больши, и оные места обходит года в два и в три и паки возвращяетца в Якуцк.

Того ради по принятии монашества из оной пустыни пошел я, нижайший, ради вышеписанных церковных и других нужд прошения и, будучи в Якуцку, получил из казны вашего императорского величества во оную пустыню в церковь святые церковные иконы, которые вместо милостыни пожалованы против прошения вышепомянутых отставных служилых людей и писаны на полотнах, также и малое число книг обшей службы. А по присланным из святейшаго правительствующаго Синода указом 725 году в Тобольск в архирейской приказ, также и в губернскую канцелярию, велено во оной пустыне быть двум церквам, но токмо оную пустыню учинить приходскою церковию, а не монастырем и определить священника с причетники, а строителю монаху, мне нижайшему богомольцу вашему, быть в моныстыре, в котором пристойно. И против оных указов нигде в монастырь не пожалован и скитаюсь, яко иностраный, меж двор и питаюсь христовым именем, и поныне оная пустыня приходскою перковью не учинена, понеже стоит на пустом месте и никаких приходских дворов не иметца, но токмо в оной пустыне монахи и вкладчики и которые за старостьми и болезньми и ранами отставлены от службы имеются и питаются своими трудами.

А в 729-м году из Тобольской губернской канцелярии объявлено в Тобольскую ж в архиерейской приказ промемориею и требовано по силе присланного из святейшаго Синода вышеписанного указу, чтоб быть на Камчатке церкви во имя Успения пресвятыя богородицы во оной пустыне ради показанных престарелых и больных и раненых людей, отставных от службы и священнику и причетником и церковное определено годовое жалование и о церковном строении и о протчем по прежденосланному указу исполнять и о неисполнении против указу и о продерзости Якуцкого Спаского монастыря на архимандрита Феофана, также и о посылке со мною, нижайшим, священника с подвижным антиминсом и с протчими церковными требами в вышепоказанную посланную партию ко оному Шестакову. И оному священнику тако ж определено и жалование, и о том явно в правительствующем Сенате в присланном экстракте из Тобольска 729 году, и против оной

промемории из оного архиерейского приказу, также и моих трех доношений за всеконечную моею скудостию и нищетою никакой резолюции не мог получить в Тобольску.

Всемилостивейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества, да повелит ваше державство об отпуске моем на Камчатку во оную пустыню или в Якуцк на Лене реке в Покровской монастырь и о совершении камчадальской пустыне новозаведенной и о награждении за оные мои положенные пожитки во оную пустыню церковных треб, книг и колоколов и протчего и о строении тамо церкви в начале — престола во имя Успения пресвятыя богородицы, второго престола во имя Симеона богоприимца и Анны пророчицы и о посылке со мною священника из Ыркуцкой провинции к оной церкве на Камчатку и диякона с причетники, пожаловать повелено было в такой отдаленной стороне быть проповеди апостольской, не токмо на Камчатке, но и в других местах ради прославления имени божия и вечнаго богомолия за ваше императорское величество и за всю вашу императорского величества фамилию, также и для крещения тамошних камчадальских народов во умножение христианския веры, которые пожелают, свой милостивый указ учинить.

Вашего императорского величества нижайший богомолец выше помянутой камчадальской пустыни строитель монах Игнатий Козыревский.

1730 году марта дня сие доношение к поданию в святейший Синод писал я, строитель монах Игнатий Козыревский и руку приложил.

Слушано апреля 8 дня 1730 года.

(Синод, канцелярия, д. № 81, 1730 г., лл. 2—3.

50. „Ведение“ из Сената в Синод от 22 декабря 1730 г.

В прошении в Сенат синодальной области камчадальской Успенской пустыни строителя иеромонаха Игнатия Козыревского написано. Дед де ево Федор Козыревский был из шляхетства, родом поляк, и во время войны с поляки под Смоленским взят в Россию в плен и пожалован по городу Якуцку в дети боярские, и в 700-м году по указу блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества Петра Великого посланы из Якуцка дети боярские и протчие служивые и других чинов люди в Камчадальскую и другие земли для умирения и призыву в подданство Российской империи и в ясашной платеж немирных народов, а в том числе и он, Козыревский, до монашества с отцом своим и с родственниками посланы ж. И в той камчадальской службе отец ево убит, а он де, Козыревский, в тех краях, не получая жалованья, служил и со служилыми в равенстве был и завоевал многия народы и привел их в подданство, с которых ясак в казну и поныне сбирается. А в 702-м де и в 703-м годех для оберегательства построил он две крепости, да в 711-м году на Большой реке построил же крепость, к которой и имеется ныне морским судам пристань, а в 713-м году был де он на окиане море и на морских островах для проведывания Апонского государства и для ходу делал своим коштом многия воинския суды и на тех де островах самовластные народы завоевал и привел под платеж же ясачной. Да в 728 и 729-м годех он же де, Козыревский, строил судно „Эверс“ своим же коштом, которое взял в казну якуцкой казачей голова Афанасей Шестаков и приплавил на нем в Якуцк несколько провианта. А денег де ему как за вышеписанные суды, так и за оное не выдано. И положил де в казну пожитка своего мяхкой рухляди на многое число. Также де камчадальской прикащик Петриловский вымучил у него пожитков на несколько тысяч, от чего де пришел он в раззорение и скудость.

А по справке в Сенате за вышепоказанные многие оного Козыревского службы и за проведывание многих земель, всяких народов и Апонского

государства по определению Тобольской губернской канцелярии, выдано ему в награждение только десять рублев и велено ему жить в Якуцку в Спаском монастыре свободно и утеснения ему за ево службу не чинить, но показывать всякое благодеяние. И против оного определения того Спаского монастыря архимандрит Феофан не токмо ему, Козыревскому, что благодеяние показал, но и бил его безвинно, которой ево бой в Якуцке свидетельствован.

И по указу ея императорского величества правительствующий Сенат приказали:

Первое. Оному иеромонаху за ево службу, как он был на Камчатке бельцом с отцом своим и после отца своего один, также и в награждение вместо принятой от него в казну мяхкой рухляди, выдать ему ныне из Сибирской канцелярии пятьсот рублев, из которых денег ему и строение Успенской оной пустыни исправлять по возможности, а что он просил за отобранные у него ж на несколькия тысячи приказчиком Петриловским пожитки ево, ему отказать, понеже оные пожитки, также и прежняя ево мяхкая рухлядь взята в казну и употреблена в расход, а он, Козыревский, ныне в монашестве, и многова имения монаху содержать не надлежит. А что он же, Козыревский, показал о строении некоторых казенных судов на свои деньги и о выдаче за те суды денег учинить по определению сибирского губернатора.

Второе. На Камчатке в Нижнем Камчадальском остроге в Успенскую церковь, которой велено быть в помянутой пустыне, и в предел священникам дву, дьякону и причетником ругу по определению сибирского губернатора, также на вино церковное, на свечи и на ладан против других таких же в Сибири ружных церквей давать из Якуцких доходов, а в протчие остроги в Верхней Камчадальской, в Большерецкой, в Анадырской, в каждой по одному священнику и с ними пристойное число причетников определить и о строении в тех острогах церквей разсмотрение учинить в святейшем Синоде, а ругу в те новые церкви давать против вышеписанного и написать ту дачу в штат.

Третие. В те ж новыя церкви сосуды, утварь церковную отправить, ежели есть под ведомством святейшаго Синода свободныя, а буде нет, то купить сибирскому губернатору, а книги новыя отпустить с печатного двора безденежно.

Четвертое. Понеже тамошной народ, как известно чинитца, никакого закона и веры не имеет, того ради каким образом оных к приятию христианского кафолическаго закона и к крещению приводить, о том определение учинить в святейшем же Синоде, а для придания к тому охоты тем иноверцам, кои крестяца, в платеже ясаку давать льготы на десять лет, а которые из них новокрещеных в службе быть пожелают, таких определять обще с казаками и давать им равное жалованье с казаками, дабы чрез такия случаи могли тамошния отдаленныя остроги людьми наполнены и содержаны быть без трудных посылок служилых людей, кои ежегодно из Якуцка чинятца.

Пятое. Японца Адсея, о котором вышепомянутой монах Козыревской показал, что в Якуцке принял крещение и положен в подушной оклад, буде подлино оной японец, то ево с подушного окладу выключить и написать в службу по Якуцку, и святейший правительствующий Синод да благоволит о том ведать и учинить по ея императорского величества указу, а к сибирскому губернатору и в Сибирскую канцелярию указы из Сената посланы [39].

Декабря 22 дня 1730 году.

Обер-секретарь Матвей Козмин. Канцелярист Степан Маслов.

Слушано февраля 8 дня 1731 года.

Синод, канцелярия, д. № 81, 1730 г., лл. 14-15.

51. „Доношение" митрополита тобольского Антония в Синод от 1 октября 1731 г.

В указе ея императорского величества, каков от святейшаго правительствующаго Синода сего 1731 года июля 17 отправлен, а в Тобольску сентября 1 числ получен, ко мне нижеимянованному написано. По ея де императорского величества указу и по определению святейшаго правительствующаго Синода, велено о пришедшем в прошлом 1730 году в Москву из Камчадальской землицы монахе Игнатии Козыревском в доме моем справится, не имеется ль до него, Козыревского, каких подозрительных дел и по тем не учинено ль ему когда какого публично на теле наказания, и в Москву он отпущен ли, и буде отпущен, откуду и зачем, и паспорта он для проезда в Москву от мене требовал ли, и ему тот паспорт дан ли, и в котором году месяце и числе, и какова тот Козыревской состояния человек, и где и в котором году пострижен, и кем и по какому указу, и учиня б оную справку прислать в святейший правительствующий Синод при доношении немедленно. И на означенной ея императорского величества указ благопочтенне ответствую.

На вопрос 1

В прошлом 1724-м году по учиненным в Москве в бывшем Преображенском приказе привезенному в тот приказ из Якутска Троицкой церкви попу Семену Климовскому в важных делах роспросах он, поп Климовский (как о том из того приказу марта 11 дня оного 1724 году в московскую синодального правления канцелярию доношением, а из той канцелярии того ж году от апреля 2 дня отправленным ко мне его блаженныя и вечно достойныя памяти императорского величества указом объявлено), во втором роспросе показал, знает де он неисправные церковные дела города Якутска Спаского монастыря за архимандритом Феофаном и за заказщиком того ж монастыря монахом Игнатием Козыревским и о том де донесет он святейшему правительствующему Синоду. А в третьем роспросе во оном же приказе на означенного Козыревского между других дел показании объявил: как де он, Козыревский, был в казаческой службе и посылан был из Якутска на Камчатские остроги и в тех де острогах якутския казаки, в том де числе и оной Козыревской, побили до смерти трех человек прикащиков, которые де посланы были из Якутска для сбору ясаков, а имянно: Осипа Миронова, Петра Чирикова, Володимера Отласова.

И по оному присланному ко мне его императорского величества указу велено, как о вышепомянутом архимандрите, что он, Климовской, на него во означенной московской синодального правления канцелярии, так и в Преображенском приказе на оного Козыревского роспросами неисправных дел показал, изследовать, о чем в прошлом 725 году по посланному от мене Киренского Троицкого монастыря к строителю иеромонаху Иову указу им, Иовом и следовано.

А при следственном деле прислал он, Иов, сообщенные к тому его следствию из Якуцкой воеводской канцелярии, с присланных в тое канцелярию в прошлом 1711 году с Камчатки от тамо бывших на службе казаков Данила Анцыферова и помянутого Козыревского с товарыщи повинных дву челобитен, да с третие тамошних же казаков, которые ко оному бунту не пристали, челобитной ж копии, в которых повинных челобитных оные Анцыферов и Козыревской с товарищи сами на себя показали, что они помянутых для ясачного сбору на Камчатку из Якутска посланных прикащиков, голову казачья и дворянина Володимера Отласова, сына боярского Петра Чирикова, пятидесятника казачья Осипа Липина побили до смерти, принося во извинение себе некакие выправки, якобы те прикащики чинили им великия раззорении. А в челобитной прочих казаков, которые в думе

с оными Анцыферовым и Козыревским не пошли и к бунту их не пристали, доказывается, что оне тех прикащиков убили нарядным делом и пожитки их все побрали и по себе разделили, а назывались де Анцыферов атаманом, а Козыревской ясаулом. А тех убитых прикащиков оные, к бунту не приставшие, не токмо никаким неисправлением и раззорением их не порекли, но и одобрили, что он в сборе в казну императорского величества ясаку и во всем деле своем были исправны и радетельны.

Да оне ж де, бунтовщики, и у них служилых, которые к бунту их не пристали, наготовленные себе в путь для отвезения собранной императорского величества ясачной казны в Якутск кормовые припасы все пограбили, а судовые припасы, парусы и снасти драли и резали. И таким де своим бунтовством оную ясачную казну на Камчатке остановили. И со оных их челобитен да с челобитных же, каковы на оного ж Козыревского от якутского сына боярского, а помянутого дворянина Володимера Отласова сына ево Ивана, в Якутской воеводской канцелярии, да от монаха Нила Юрганова мне поданы, при сем приобщаются копии ж. А по оному убивственному делу помянутой Козыревской (как он сам при вышеозначенном киренского строителя иеромонаха Иова следствии своеручном в допросе подписанием объявил) наказан был, а публично ль и каким наказанием, о том имянно не означено, а смертию ево, Козыревского, с товарыщи, по отправленному в прошлом 712 году от бывшего сибирского губернатора князя Гагарина в Якутск к воеводе Елчину указу, казнить не велено, а велено им за то заслуживать тамо своею службою, в како и какою имянно службою, о том в означенном указе (с коего при сем приобщена копия ж) имянно не означено.

На вопрос 2

В Москву оной Козыревской от мене никогда отпущен не бывал и паспорту себе в Москву от мене не требовал и не дано, а дан ему был паспорт в 729 году из Тобольской губернской канцелярии ехать в Якутск и быть тамо ему в партии бывшаго якутского казачья головы Афонасия Шестакова, понеже де (как о том из одной губернской канцелярии показано к нам ныне промемориею) определен был он, Козыревской, быть в команде оного Шестакова для показывания новых землиц и морских островов и народов.

На вопрос 3

Какова он, Козыревской, состояния человек, отчасти о том выше показано, да при сем же из присланных ко мне от помянутого Якутского архимандрита Феофана отписок доношу. Объявляет оной архимандрит.

Первое. Как де он, архимандрит, в 723 году отбыл из Якутска в Тобольск, оставил его Козыревского в Спаском якутском монастыре для управления заказных дел и в пути де получил он, архимандрит, от мене из Тобольска в 724 году указы и таинственные печатные для раздачи священникам присяги, которые де велено священникам содержать при себе в тайности, с каковым де повелением те присяги и отослал он в Якутск к нему, Козыревскому, а он де, незнаемо чего ради, с тех присяг якутскому воеводской канцелярии подъячему Ларциону Судницину давал списывать копии, в чем де он и винился.

Второе. Сборных де венечных пошлинных денег сбору своего изворовал он, Козыревский, пять рублев двадцать два алтына две деньги, которые де он, архимандрит, и заплатил своими келейными деньгами.

Третие. Во означенном же де 724 году он же, Козыревский, изворовал из монастырской казны: якутского Спаского монастыря рублев на сто и больше (да якутского Покровского монастыря рублей на триста, чему приобщен и реестр с показанием каждой вещи порознь).

Четвертое. В бытность де свою оной архимандрит в Якутску до поезду своего в Тобольск послал в камчадальские остроги ко иеромонаху Иосифу указ о бытии ему в тамошних острогах у духовных дел и у сбору венечных пошлин заказщиком, и по отбытии де его, архимандрита, из Якутска в Тобольск, он Козыревской в 723 году послал в камчадальские остроги якутского служилого человека Козьму Вежливцова и велел ему, Козьме в тех острогах быть заказщиком духовных дел и ведать иеромонахов и причетников судом и росправою, а старост церковных и часовенных велел ему, Вежливцову, по книгам счесть и, что начтено будет, с них доправить.

И хотя по означенным показаниям он, Козыревский, своеручно написанным ответствием своим приносил некакие и выправки, обаче без совершенного исследования, верить ему в том невозможно, а совершенно исследовать недопустил нижеявленный случай; понеже он, Козыревской, указом ея императорского величества от Тобольской губернской канцелярии обязан в партии быть при вышепоказанном Шестакове показания ради новых землиц и морских островов и народов. А откуду тот Козыревской, и како и когда в Якутску в службе быть определился, и каково прежде до якутской службы бывал состояния, и в котором году и где и кем и по каким указам пострижен он в монахи, о том дому моего у канцелярских дел известия не имеется, и спрашивать его о том никогда не случалось, а в ведомостях из Якутского монастыря, в 723 году ко мне присланных, имени ево, Козыревского, междо тамошними монахи не обретается. А от других слышно о нем, что он, Козыревской, с отцом своим Петром в прошлых давных годех с Москвы сослан в Якутск в ссылку, и якобы чернил и бумаги им давать не велено, и о всем вышепоказанном святейшему правительствующему Синоду благопочтенне донесше пребываю[40].

Святейшества вашего всегдашней богомолец и слуга... * недостойный митрополит Тобольский Антоний.

1731 октоврия 1.

Синод, канцелярия, д. № 81 1730 г., лл. 207—209.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАМЧАТСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.

52. „Доношение“ камчатского архимандрита Хотунцевского в Синод от 18 февраля 1745 г.

Прешедшаго 1744 года маиа 15 дня святейшему правительствующему Синоду доносил я нижайший, как ея императорскаго величества указом и инструкциею мне повелено и как послушническая моя к святейшеству вашему должность есть, об отправлении моем из Якуцка обстоятельно. Что же каковой конец оное мое отправление улучило, и как мы в Охоцк стали, и что здесь нами учинено, о том всепокорнейше ниже предложенными пунктами, тако ж де с достодолжным почтением доношу[41].

I

Онаго ж маиа 16 дня из Якуцка в путь до Охоцка с малым числом священно и церковнослужителей, студентов и солдат отправился я на легке на одиннадцати токмо подводах, а в Охоцк июня 30 дня во всяком добром порядке благополучно стал, где, понеже прежде моего сюда приезда бывшая д[е]ревянная церковь в феврале месяце того ж 1744 года сгорела. Новую церковь июля 10 дня обложил, которая тщанием охоцкаго командира господина пример мазора Афанасья Зыбина в совершенство незадолгое время

* В оригинале одно слово не разобрано.

пришла, ибо октября 22 дня (понеже освященный антиминс и святые иконы и церковная утварь от огня сохранены были) по обычному чиноположению мною со священнослужители освящена во имя Преображения господня, как и прежде была. К сему требовано мною от канцелярии Охоцкаго порта, дабы соблаговолено было малых отроков российских, собрав всех, ко мне для научения российской грамоте и протчаго прислать, и хотя со удивительными отговорками и тройственными переписками, однако ж прислано их двадцать человек, к которым для обучения определил я единого из студентов философии, и ныне оныи и малое число тунгусов обучаются.

Между сим, по малом отдохновении от путного труда, того ж июля 18 дня имел я свой отъезд на имеющихся при здешнем остроге осьми лошадях для проповеди слова божия верст со двесте и был в том проезде до сентября месяца, и еликих пеших и оленных тунгусов в здешней пустоте обрести мог, оных по научении, елико им, яко диким людем, вместительно, во имя святыя троицы окрестил, ибо по нервом и втором увещании все с радостию слово божие приняли и крещения потребовали, всего сто пятьдесят один человек обоего пола и различных возрастов (о которых к его преосвященству в Сибирскую губернию и в Иркуцкую провинцию имянные ведомости посланы), с которыми и якуты для поселения из Якуцка сюда переведены, и две семьи того ж де дара божия востребовали и так верно христианство возлюбили, что не токмо я и протчия от меня к ним для наставления посылаемыи священно и церковнослужители, но и пребывающии с ними российского народа пашенные обыватели и служилые люди скорому их от тьмы во свет пременению и доброму христианских обычаев исканию удивляются. А помышляется мне, аще все якуты (которых в Якуцком ведомстве не меньше сорока тысяч ясак платящих находится) таковой же простоты и благосклонности суть, небесполезно, аще бы святейший правительствующий Синод и об оных, яко и о камчадалах, пастырское и отческое попечение приложить соблаговолил, ибо и житие их не скитающееся, и ездить к ним свободно на конях верхи, или водою ходить в судне.

Что же здесь в камчатской землице людей весьма малое число, ибо по требованию моему для достодолжнаго вашему святейшеству доношения Охоцкаго порта канцелярия объявила, что по справке во оной ясашного сбору с книгами надлежит быть ясашных людей крещенных и некрещенных, а имянно в Охоцке шесть сот двадцать четыре, в Тауйском и Ямском острогах триста сорок восемь, в Уцком восемьдесят четыре, в Акланском сто пятьдесят два, в камчатских в Большерецком четыреста тридцать три, в Верхнем девятьсот семьдесят девять, в Нижнем тысяща сто восемьдесят два, на Курильских островах девяносто три, итого в показанных во всех острогах и на Курильских островах три тысящи восемь сот девяносто пять человек. Сколько ж из оных прежде окрещено, тому явствует присланная ко мне от канцелярии Охоцкаго порта ведомость, а имянно: в Охоцке семьдесят три, а по нынешнему благополучному случаю (каков мы в проповеди слова божия имеем) разве малое число неокрещенных останется, да и те в предбудущую зиму за помощию божиею от здешняго священника могут окрещены быть, в Тауйском два человека, в Ямском два человека и во оных острогах от имеющейся быть от посланнаго от мене во Анадырский острог иеромонаха проповеди в нынешней зиме (уповаю с помощию божиею) не без крещенных обрящется, ибо некоторыи из тамошних иноземцов, и в Охоцк за своими нуждами приходя, по проповеди от мене благоохотно крестились; в Уцком пять человек, в камчатских острогах в Большерецку и в присудствующих ко оному острожках и реках двесте семьдесят шесть человек в Верхнем Камчатском остроге и в прилежащих к оному острожках и реках пятьсот двадцать три человека, в Нижнем Камчатском остроге и в прилежащих ко оному острожках и реках сто девять человек, в Курильских островах восемьдесят седмь человек.

А понеже оная ведомость о камчатских острогах на прешедшие годы до минувшаго 1743 года токмо сочинена, для чего я примечаю, что может быть и еще на Камчатке их новокрещенных прибавилось, ибо аще прежде 743 года, когда священников скудость была, охотно на Камчатке иноземцы ко святому крещению приходили, то кольми паче от онаго (когда его преосвященство Иннокентий, епископ Иркуцкий и Нерчинский, два острога и порт святых апостол Петра и Павла, кроме Верхняго, тремя священниками исполнил) до сего 745 года могли охотнее приходить, и потому мнится мне, что не весьма велика в нас на Камчатке нужда зависит, разве что новокрещенных в вере утвердить и оставшихся еще некрещенных окрестить, и для того более дву годов с прибытия в камчатския остроги да не повелит святейший правительствующий Синод, всепокорнейше прошу, нам во оной землице жить, аще же что за неспособностию путей и за скудостию нужных к проповеди подвод в совершенство привесть во оное дволетное время и не возможем, по такой нужде могут оное имеющиеся быть тамо полное число священников довершить, или аще нужда позовет и святейшей правительствующий Синод соблаговолит одного токмо из нас там для исполнения оставить, а нас куда соблаговолит во инное послушание употребить.

К сему и о сем святейшему правительствующему Синоду (архипастырей моих уповая на милость) донести дерзновение возымел, каково между всеми острогами разстояние лежит и каковы к ним пути, ибо от канцелярии Охоцкаго порта с промемории известно мне, что от Охоцка до Тауйска триста девяносто девять, от Тауйска до Ямского острогу триста семьдесят девять, от Ямска до Акланска семьсот верст, а от Акланска до Анадырска шестьсот верст и то по мнению, а дороги собачьи, ибо оными токмо здесь в дороге действуют, а пути безпутные и безлюдные, от острога до острога где переночевать и юрты пустой найти невозможно, по целому снегу, также и через высокие горы прежде лыжами отоптовают и по тому отаптанию нартами подвигаются, а ездят куда глаза повелят, понеже дороги подлинной не имеется. Что же о разстоянии сих острогов от Охоцка до Анадырска я, нижайший послушник, вашему святейшеству донес, тоежде и по Камчатке о лежащих острогах до того ж Анадырска мнится мне донести можно; а до Уцкого острога от Охоцка чрез Якуцк дорога лежит с две тысящи верст.

Что же в данном мне от святейшества вашего ея императорского величества указе в 7-м пункте написано, с приобщенной де из Сибирского приказа при доношении о восприявших во Охоцку и в Камчатской землице из ясашных иноверцов святое крещение ведомости посылается к тебе для ведома копия, по которой де тебе, архимандриту, по прибытии в Охоцк востребовав оным новокрещенным, коих они улусов и какой нации и как им иноверческия имена с прозвании, и кому какое по святом крещении имя дано, от охоцкаго командира обстоятельной ведомости и получая оную, всех тех новокрещенных налично пересмотря и переписав, что кому от роду лет, и в содержании православныя веры, объясня им оную довольными от священного писания показания, утвердить, как долг звания де вашего требует, по которому ея императорского величества указу подлинное известие от Охоцкой канцелярии я получил, в котором показано, что оные новокрещенные живут в вышеобъявленных острогах и по вышеобъявленному числу.

И хотя бы я не обленился всех их в жилищах посетить и что мне повелено о учении исполнить, однако ж за скупостию здешних господ командиров, ибо они не токмо на такия дальныя пути, но и на малое число верст и для самаго нужнейшаго дела подвод давать мне не соблаговоляют, понеже прешедшаго генваря 31 дня сего года требовал я от Охоцкой канцелярии трех токмо подвод для проездки на проповедь на Урак к якутам и ко оленным тунгусам, которые всегдашней обычай имеют к Охоцкому острогу для ясашнаго платежа приезжать и верстах в пяти и в десяти около острога генваря с первых чисел марта до последних кочевать, а она, канцелярия,

во-первых, слабыми своими резонами, а потом и угрозами намерение имела мене от такой проповеди отвесть. Однако ж уповая на бога и смотря на проповедническую правду и на то не взирая, по нехотению оной канцелярии, на данных мне от нея подводах поехал и, слава господу богу, что труд мой суетен не явился, а их резоны, конечно, не основательнейшии явились, ибо оныи тунгусы (а о оленях напрасно буду я и упоминать) не токмо от меня не побежали, но и как реки во океан благодати божия отвсюду стекались, и со всяким благим усердием слово божие прияли, и святаго крещения востребовали триста шестьдесят пять человек и имяна себе христианския восприяли, и обучаются ныне христианского знания. А которые прежде мене в прошлых годех крещенные, оных я по данному мне от Охоцкой канцелярии известию пересмотрел и, как от святейшества вашего инструкциею повелено, все исправил, токмо кому сколько от роду лет, того в здешней стороне иноземцы не знают.

Что же каковы мои о сем малом деле требования были и каковы ответы от оной Охоцкой канцелярии я получил, со оных точные копии (ибо подлинныя послать опасение имею, чтоб за такою дальностию по какому случаю не утратились) при сем моем покорнейшем доношении для подлиннейшаго известия приобщаю, всеуниженно прося: дабы святейшество ваше соблаговолили пастырским милостивым оком на наши нужды и обстояния призреть и от таких излишних переписок и затруждения нас свободить, ибо мне в приказных порядках неискусному и в таких переписках необыклому весьма не без скуки, и в духовном упражднении не без помешательства, а канцелярия Охоцкаго порта всегда нам сим (хотя мы излишняго никогда ничего не затеваем, но требуем всякой вещи в силу указа) стужает и малого дела отправлять без излишних переписок не соблаговоляет. Велико ль то дело, церковную утварь, иеродиаконом Гавриилом привезенную и под охранение охоцкому служилому под расписку отданную, по которой расписке (ибо он Гавриил по указу преосвященнаго нам отдал), оную я требовал мне отдать, и того без трех переписок не мог я получить, аще и явственно указом ея императорского величества от святейшества вашего велено мне отыскивать оную. Велико ль то дело бедным при мне имеющимся солдатам, меньше копейки на день жалования имущим, по данному им аттестату и по требованию моему заслуженой провиант выдать, и того она по милости своей по первой промемории выдать не соблаговолила, представляя резоны, будто бы в охоцких магазейнах провианта не было.

Милостивый ея императорскаго величества указ от святейшества вашего получил я декабря 18 дня 1744 года, которым велено мне со всею свитою всего на одиннадцать человек ко определенному нам денежному жалованию для удовольствия нас из Иркуцка или из Якуцка отпускать провианта муки ржаной по три четверти и круп по препорции. Таковою высокою ея императорского величества милостию мы, в таком бесхлебии будучи, попремногу возрадовалися и уповали, что Охоцкая канцелярия от своих избытков нам на один год провианта (понеже из Иркуцка или Якуцка аще и в самой скорости наступающею весною оный отпустится, токмо не прежде как 746 года во окончании на Камчатку к нам дойдет), муки ржаной по три четверти и круп по препорции заимообразно отпустит, и в такой надежде оную своим требованием утрудить дерзнули, и хотя мы, конечно, без хлеба страждем, однако ж она, на то не смотря, ответ нам политичный дала, объявляя, что в охоцких магазейнах имеется ныне провианта муки ржаной весьма малое число, которым де провиантом до приплаву сего 1745 года летом с Урацкаго плодбища провианта обретающихся ныне при Охоцке команды Охоцкаго порта служителей едва крайнею нуждою пропитать будет. Однако ж де, когда, за помощию божиею, провиант с Урацкаго плодбища приплавится сюда во благополучии, при отправлении де вас в Камчатку по тогдашним случаям и к надежде полученным известиям

может де быть коликое число провианта по тогдашнему ж усмотрению заимообразно отпущено к вам быть имеет, токмо де и в том канцелярия Охоцкаго порта ныне твердо обнадежить вас не может, и о том де вы благоволите быть известны.

Оставшаяся моя при Якуцке свита отправление имела июня 13 дня также благополучно, токмо Якуцкая воевоцкая канцелярия весьма немалы[й] труд ей придала своим слабым отправлением, ибо хотя по промемории моей, которою я требовал судна добраго и работных людей до тридцати человек, обнадежила мене, токмо того учинить не восхотела, а дать соблаговолила судно утлое и работных людей ссылочных токмо двадцать человек, да над ними для смотрения солдата да служилого и из оных много без провианта; тако ж и снасти гнилыя. Того ради не более трехсот верст отшед, бечевная у них порвалась, и судно бросило в замет, с котораго, позади шедши неделю спустя, камчатский командир господин капитан Лебедев, который мене своею промемориею по требованию моему в Якуцке обнадежил, оной моей свиты обещаясь при нуждах в пути не оставлять, едва стащил, а стаща, пошел прямо и более никакой помощи не восхотел подать, что видя, моей оной свиты старейший иеромонах Пахомий далее иттить судном не посмел, но требовал от Якуцкой воевоцкой канцелярии обещанных послатися для перевозки от Креста до Охоцка церковных утварей и протчаго подвод, дабы не от Креста, но от Бельской переправы (которая на самой дороге), до Охоцка соблаговолено было подводами иттить. Однако ж того она не соблаговолила в скорости учинить, но обычными своими отговорками к тому привела, что ни сухим путем ни водою льзя было поступать, ибо августа в 21-м числе, когда великия слякоти и дожди сверху падают, а под ногами пропасти грязей бывают, изволила лошадей прислать, на которых хотя они и поднялись, но верст с двесте отшед снегом великим павшим воспятились и на реке Анче озимовали от Охоцка за четыреста верст на таком пустом месте, что со обоих сторон пути по двести верст и един человек не живет. Того ради я, уведомясь о таком их горестном изнурении, от Охоцкой канцелярии требовал нарт с тунгусами, которых и послано было пятьдесят един человек с нартами на собаках, а дано им за прогон всякому по рублю. И слава господу богу, что хотя с таким нескаванным трудом, какова я подлинно святейшеству вашему донесть и обстоятельно описать не могу, однако ж все в добром здравии пешие (для того что им приседать на нарты было возбранено, дабы на приседания их тунгусы, по промемории Охоцкой канцелярии, оный дикий народ не разгневались и не разбежались, оставя их) по великому здешнему голому снегу бродя, пришли (ибо здесь дороги нет санной) и церковные утвари в целости сохранно приволокли прешедшаго декабря 25 дня 1744 года.

Святейшества вашего нижайший послушник камчатский архимандрит Иоасаф Хотунцевский о всем вышеписанном со всякою покорностию рабски доношу.

Февраля 18 дня 1745 года.

Синод, канцелярия, д. № 84, т. I, 1746 г., лл. 572—577.

53. „Доношение“ камчатского архимандрита Хотунцевского в Синод от 29 марта 1749 г.

Ея императорскаго величества указ о строении вновь на Камчатке трех церквей и о прочем, из святейшаго правительствующаго Синода декабря от 16-го 1747 года под № 1725 посланный, получил я, нижайший, исправно, прешедшаго 748 года ноября 30 дня, по которому показанныя церкви быть в строении уже зачинаются и, мню по божию благословению, не в долгом времени созиждутся, ибо новокрещенныи камчадалы о вырубке

угоднаго леса охотное старание имеют, а о даче плотников к каждой церкви по пяти человек из служилых здешний господин командир Якутского полку капитан Максим Лебедев особенно, яко добрый божьих церквей рачитель, тщится.

И Большерецкая канцелярия все принадлежащее к строению на требование мое своею промемориею исполнити обязаласа. О иконостасах и протчей церковной утвари, дабы она сооружением не продолжиласа, в Иркуцкую провинциальную канцелярию промемория ныне ж отпущена, антиминсы и книги от московской синодальной конторы благонадежно ожидаются.

Что же касается до священно и церковнослужителей, вещь является сумнительна, могут ли они из Иркуцкой епархии прислатся в скорости, дабы построенныя церкви не пустовали, и новокрещенныи камчадалы не были без настоящей духовной пользы, недоумеваюся.

Мнение же сие во мне рождается от того, понеже Камчатская землица очень в далеком положении от Иркуцка обретается, и невозможно меньше как в два, случаем же в три и в четыре года оттуда резолюцию получать, что же бы тамошнему архиерею самоперсонально здешния страны отдаленныя когда посетити и очевидно подлинныя в них нужды осмотрети и настоящее устроение церквам подати, то зело видится неудобно, ово за превеликою дальностию, ово за несказанно трудным путем.

В чем же наивящее неудобство к нашему делу усматривается. Иркуцкая епархиа священно и церковнослужителми пред протчими епархиами попремногу скудна, как и его преосвященство покойный Иннокентий, епископ иркуцкий и нерчинский, святейшему правительствующему Синоду свидетельствовал, представляя в своем доношении, что у него и к готовым церквам посвятить некого.

А здесь покорнейше доношу, и кроме ныне вновь устрояемых трех церквей еще имеются праздны священническия места, имянно же: в Анадырском и Верхнем и Нижнем Камчатских острогах, ибо посланный от мене в Анадырск для священнослужения иеромонах Флавиан с причетники изменниками убит, как и святейшему правительствующему Синоду давно известно, а определенный мною в Верхнем священник Симеон Василиев, по воли божией, прешедшаго 748 года преставился, в Нижнем Камчатском остроге священник Ермолай Иванов сего марта 28, яко древний человек, умре.

К сим Охоцкой острог, одного священника имущий (ибо бывший тамо другий священник Черниговской епархии Филипп Енко по указу святейшаго правительствующаго Синода в Россию отпущен), требует непременно другаго, дабы одному быть при остроге, а другому в проездах, как я напредь сего из Охоцка вашему святейшеству доносил, ибо под ведением Охоцкаго острога, имеются другие четыре острога с рускими обывателми и новокрещенными тунгусами, якутами и коряками, имянно: Удской, Тауйской, Ямской, Акланской в дальнем разстоянии, которыя должно посещать и святыми тайнами снабдевать. К сим еще святейшим правительствующим Синодом определено здесь быть двум диаконам, а мы только имеем одного иеродиакона, в Тобольске взятого, да и о том святейшаго правительствующаго Синода просил я с покорностию прешедшаго 748 года, дабы он был к нашей свите причислен, со определением ея императорскаго величества жалования двухсот рублев и хлеба противо его товарища, в Москве взятого, о чем и ныне всенижайше прошу, понеже без двух диаконов нам при свите в священнослужении, а паче в проездах, обойтися нельзя.

И таких ради сумнительных вин, дабы зачатое богоугодное дело в безконечную долготу не протягалося и во многовремянныя переписки (от которых и святейшему правительствующему Синоду излишнее затруждение

и Камчатской землице в духовности недостаток произойти может) не уклонилося, ускорив со всяким раболепным усердием, дерзновение возымел донести и покорнейше попросити следующее:

1) Не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод к здешним церквам, где ныне есть потребно и впредь будет нужно, определять в церковнослужители, то есть во дьячки и пономари из обучившихся от нас детей руских и камчадалов, а таковых мы имеем довольное уже число, не гнусно чтением и пением церковные службы исполнять могущих. А отсюду может еще и польза воспоследовать такая, что протчии их сверстники, смотря к товарищам своим вашего святейшества призрение и милость, охотнее ко учению прилогатися будут, да и мы нелживы пред их родительми покажемся, яко то им при увещании учительским словом обещали. И буде святейший правительствующий Синод утвердит тому быть по моему доношению, благоволено ж бы было в здешния места, откуда пристойно ея императорскаго величества указы послать, дабы с командирами о том словопрению и перепискам лишним места не осталось.

2) О священнослужителех, каковых ныне требуется девять как выше донесено, имянно же священников семь, а диаконов два, к его преосвященству, кто на престолоправление Иркуцкой епархии произведен будет или уже и произвелся, прошу милостивой ея императорскаго величества указ послать с таким повелением: чтоб его преосвященство, ведая камчатския в христианских потребах нужды, нимало медлил, в скорости показанное число священнослужителей избрав, определил, и на показанные места благоволил отпустить. Аще же толикое число священнослужителей в Иркуцкой епархии не обрящется и посвятить их не из кого, неукоснительно бы святейшему правительствующему Синоду, яко обычно есть, репортовал, по которому его преосвященства репортованию, не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод, тех священнослужителей, изобрав достойнейших в Москве, сюда прислать. Ибо здесь хотя и являются из дьячков и пономарей и из учеников некии в возраст приходящие к священству и диаконству способны, да ехать для посвящения в Иркуцк отваживаться не смеют: 1) за дальным путем, что не отменно три года в проезде коштовается надобно; 2) за опасением преждевремянной смерти, что здешний народ иркуцкаго воздуха нести не может, а умирает больше оспою, и сего имеют в пример посланнаго от нас еще из Охоцка Верхняго Камчатскаго острога служилого для посвящения во диакона, которой в Иркуцке по посвящении, как сказывают, оспою кончался; 3) и в том имеют опасение, чтоб, толикую трудность дорожную подъявши и без остатка свой капитал истративши и многим у людей одолживши себе, не возратится тщим, занеже не всякой человек является пред архиереем в священство угоден и достоин.

Я, нижайший вашего святейшества послушник, что усматриваю здешним странам полезное, не могу молчать. Мне видится невозможно Камчатке, яко отдаленной весьма стране, в божьих церквах и во всем благочестии доброе и порядочное иметь исправление до того времене, до коего к ней особенной на наше место пастырь не пришлется со властию архиерейскою, и того ради не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод особенное о Камчатке возъиметь разсуждение, ибо она, аще и малолюдна зрится ныне, однако ж изволяющу всещедрому богу щастием ея императорскаго величества не в долгом времени, как уповается, многолюдна и пространна покажется, понеже у ней, кроме пространства земного, целый океан со многими островами, людьми наполненными, вокруг отворен, и умножающимся по малу мореходным с промышленными людьми судам умножатся и пределы здешних мест без сомнения.

Разсуждение же то, аще благоволит святейший правительствующий Синод моему убогому дерзновению подая милостиво богато пастырское про-

щение, положити на таком основании, чтоб 1) прислать сюда персону, человека достойнаго и мудраго, чрез котораго бы уста и руки благодать божия непосредственно церковь свою правила и немощная врачевала, оскудевающая же восполняла, и, придав к нему потребное число причта, укомплектовать ея императорскаго величества денежным и хлебным жалованием, каково святейшим правительствующим Синодом разсудится быть неоскудно; 2) для житья его с причтом и для престарелых и сирот прибежища и для удобнейшаго детей училища позволити ему вместо бывшей здесь разоренной пустыни, в угодном месте, каково при Нижнем Камчатском остроге зрится, построити монастырь, во имя живоначальныя троицы и дать пастырское благословение в братство приимать и постригать людей свободных, например камчадалов и руских, которыя делами государственными не обязаны и не суть люди боярскии, аще и в подушной оклад написаны, ибо могут они и в монашестве до будущей ревизии подушное платить, аще инако о том не разсудится.

Что же бы монастырь тот построился без утраты ея императорскаго величества казны, думается не худо, и аще по представлению моему учинится, все дело по малу в совершенство приидет, да еще с немалым государству плодом.

Имеются здесь на Камчатке при острогах и при Охоцком порте пашенныя мужики семей до тридцати, а живут они праздны, только скот казенный держат, котораго малое число, оных приписать к монастырю вечно, со всем при них сущим немногим скотом рогатым и лошадьми (за которой скот, хотя и деньги в казну, из монастыря возвратить по исправности) и поселить их всех при Нижнем Камчатском остроге на угоднейших местах. И того ради повелено б было из Охоцка тамо сущих пашенных перевесть на Камчатку со скотом мореходным судном безденежно, а от сего не токмо монастырю в поделках, но и всей здешней безхлебной стране может по времени произрасти польза, ибо они мужики, будучи во всегдашнем монастырском смотрении, природную свою леность отбросят и дело свое тщательно исполняти, то есть землю пахати, понудятся. И так уповая, не долгим весьма временем хлебные на Камчатке отрасли покажутся, как то и прежде было, когда пустыня неразоренно стояла.

К тем пашенным придать еще камчадалов, хотя два острожка, которыи стоят при Нижнем не в дальности, один вверх по Камчатке сорок, а другой вниз тридцать верст, имянно Камаков и Ламахаручев. А оттуда как во интересе не будет ущерба, ибо ясак с них по прежнему пойдет, так и камчадалам не покажется обидно, понеже они, вместо монастырских поделок, в каюры и во всякие острожные поделки не возьмутся, и сбираемая на нужды острожные юкола при них останется.

Обретается же здесь малое число в подушной оклад положенных камчадалов, а шатаются они по всей Камчатке, как овцы в лесе без пастыря своевольно и бездельно и мало что домашнее не промышляют, от чего приходят в неокупные долги: тем прошу благовременное дать руководство и определить их, собрав всех до единаго, монастырю ж в смотрение и власть, чтоб научилися жити по домашнему и себе суетно не тратили.

Сверх вышеписаннаго имеются в мори, расстоянием трех дней морскаго бегу, от Камчатского устья, два пустыя острова, к промыслу морских зверей, бобров и прочих способные: один, на котором господин-командор Беринг кончался, другой близь того ж лежащий. Оные острова, аще припишутся к монастырю во владение и позволится тому на построенных своих судах отпущать людей, уповаю крепко от тех и интересу ея императорскаго величества немалому быть приращению, ибо от промысла всяких зверей десятого отдавать в казну будет указано. К тому ж между морскими от монастыря вояжами, за помощию божиею, могут и другии острова находитися, уже не пустыи, но людьми наполненныи, которыи и под высокодер-

жавную ея императорскаго величества руку приведутся и ко общению христианской веры приступят.

Что же до зачатия того монастыря, на каком бы его коште сперва заводити, касается, то благословил бы святейший правительствующий Синод учинити сицевым* способом.

Имеются здесь при Нижнем Камчатском остроге к нашему приезду построенныя покои, а стоят они недалеко от церкви, те отдать монастырю вовсе, и тут будет гнездо, в котором церковныя птенцы возрастати начнут а после умножающуся братству и келии умножатся и все помалу, поступая в совершенство, приведется и церковь особенная монастырская, ово из остатков разоренной пустыни, ово же из собственных доходов созиждется во имя, в какое святейший правительствующий Синод благословит и монастырь основать. Не будет же монастырь и без вкладчиков, ибо здешнии обыватели его вседушно желают.

К сему потребно есть святейшаго правительствующаго Синода просити о майстеровых людех, дабы соблаговолено было из Иркуцка прислать сюда двух живописцов, двух столяров, двух искусных плотников и двух кузнецов на определенном ея императорскаго величества жаловании, с пристойными к их майстерству инструментами и материалами на время, покаместь данных к ним в научение от монастыря людей совершенно своему художеству наставят и всегдашний плод того рукоделия камчатским странам оставят, ибо в таких людех здесь превеликая имеется нужда, вяще же того ради сие учинить, понеже в здешних странах, не только впредь церквей понадобится, сколько есть ныне, и не всегда иконостасы например требовать из Иркуцка и возить такую дальность с немалым коштом. А на сколько чего с ними материалов, железа же хотя до ста пудов отпустится, оное все на щет монастырской поставить.

Зело ж бы много святейший правительствующий Синод оный монастырь своею милостию наградил, аще бы присланы были к нему из Санкт-Питербурга на первой случай хотя шесть морских компасов (за которыя и деньги по указу, куда надлежит, возвратятся), ибо здесь их взять негде.

Еще ж святейшему правительствующему Синоду доношу покорнейше. При здешних острожных церквах имеется в казне от прикладов денег рублев до тысящи, а в новоустрояемые церкви ко окнам слюду откуда получить не написано, и о колоколах умолчано, взять же здесь их негде, а церквам без тех обойтися невозможно кажется. Я из показанной церковных денег суммы порядил купцов привести сюда потребное число слюды и на оковку железа белого, а колокола не повелено ль будет купить в Москве по цене на щет тех же денег и прислать на Камчатку, как возможнее покажется, весом в двадцать пудов с одною четвертью, имянно же: три колокола по три пуда, три по два, три по одному, три по половине, три же по четверти пуда.

Зело же полезно усматревается, аще бы благоволено было при церквах между новокрещенными поселять человека по три добросовестных служилых по усмотрению духовности: 1) для охранения церквей, 2) чтоб иноземцы от них в поступках христианских имели очезрительный пример, 3) чтобы руским обычаем и поселятися и жити домами обучилися.

Что же касается до учеников, понеже о них особенное святейший правительствующий Синод разсуждение имеет, как от присланнаго ко мне ея императорскаго величества указа видно, да и зело на Камчатке быть школам нужно 1) для твердости веры, чтоб юность углубила в себе догматы благочестия и своевольством златаго времене не тратила; 2) для необходимых церковных потреб, о каких выше донесено; 3) для уничтожения совершеннейшаго грубых обычаев, в которых до сего времене здешная страна

* Т. е. таковым.

погружена была [42]. А они, ученики от руских отцов, аще и от служилых происшедшии, все ныне в подушной оклад записаны и камчадальскии же дети записоваются в ясак прежде совершеннаго возраста, еще во отрочестве и младенчестве, от чего происходит учению явное препятствие. Я ныне за сирот в подлинник нищих учеников, чтоб они в вечное холопство не попали и учения не утратили и от школы вовсе не отнялися, из своего жалованного кошту, отдал деньги подушныя и впредь обязался отдавать вашего святейшества до резолюции. А о камчадальских детех от Большерецкой канцелярии давно уже требовано, чтоб не благоволено было класть их в ясак до возраста осмнадесятолетнаго, понеже им до того времене зверь ловить собою невозможно, и от того является учению препятствие, токмо никакой о том резолюции не получил. Того ради святейшаго правительствующаго Синода с покорностию прошу, дабы соблаговолено было в здешней стране учредить школу непреложную и укрепить комплетом до пятидесяти человек, со определением пропитания и на одежду денег и повелеть Якуцкой воеводцкой канцелярии повсягодно присылать пищей бумаги по пяти стоп, а Большерецкой канцелярии указать построить избы ко учению способныя и всех того комплета учеников как от подушнаго, так и от ясашнаго платежа выключить и, чтоб их никто от школы своевольно брать не дерзал, запретить. А по изучении совершенном определять на праздныя места в священно и церковнослужители и по требованию команд, кто удобен окажется, в канцелярския писцы и ея императорскаго величества в честныя службы отпущать с письменным известием, дабы дело шло порядочно, не благоволит же ли святейший правительствующий Синод отпустить сюда элементарей и алваров несколько на первый случай.

Каково же бы им, ученикам, пропитание святейший правительствующий Синод благоволил определити, здесь усматревается, и не повелено ль будет с камчатских отдаленных, в стороне стоящих острожков, в которых подлинная празность живет и частые шатости и противности от грубости и дикости случаются, взять по два и по три человека (смотря по многолюдству) и, собрав таких пятьдесят человек, поселить неподалеку и указать, чтоб они как про себе, так и про школьников корм припасали и школы топили, а то им будет в научение и дикости отсечение, обиды же малой не окажется: 1) что рыбу здесь промышлять им немудро; 2) что дети их тут же обучаются; 3) что они вместо того труда от каюр и острожных поделок и всяких юкольных поборов отставятся, в промысле же ясашном, как в своих местах, так и здесь равномерно осенью и зимою изправятся.

На одежду же показанному комплету учеников, разсуждая в здешних странах превеликую во всем дороговизну, прошу дабы соблаговолено было определить суммою до пяти сот рублев, чтоб всякому шло по десяти рублев на год, а ту сумму получать от Большерецкой канцелярии из сборов винной продажи, при зачатии всякаго года. О прочиих же учениках, паче же камчадальских детех, которыи обучатся будут на коште родителей своих, святейшаго правительствующаго Синода всеуниженно молю, для вечной пользы сделать с ними такую милость, чтоб они до осмнадесятого лета возраста своего в ясак не записавалися.

А каково о всем моем вышеписанном доношении возымеет святейшии правительствующий Синод разсуждение и наконец какая тому воспоследует резолюция, всеуниженно прошу и сердечно желаю о том милостивый ея императорскаго величества слышать указ.

Что же святейшему правительствующему Синоду напредь сего доносил я с покорностию, не повелится ли мне со свитою выехать в Якуцк для обращения якутов или не благоволено ль будет возвратить нас в Россию, о том архипастырской резолюции ожидая, понеже нам крестить кого и от язычества в христианство обрашать здесь не обретается, и потому

дело проповеди, на нас положенное, кончилося, ибо камчадалы все до единого за помощию божиею крестилися[43] и поучены, стоят в вере, как благодать христова их утверждает, к тому же уреченное время, седмь лет мы уже при проповеди слова божия кончим, которые лета и окончатся непременно, покаместь на сие мое покорнейшее доношение конечную резолюцию получити удостоюся.

Вашего святейшества нижайший послушник, камчатский архимандрит Иоасаф Хотунцевский.

Марта 29 дня 1749 года.

Синод, канцелярия, д. № 84, т. II, 1746 г., лл. 69—76.

54. Ведомость протопопа Никифорова в Иркутскую духовную консисторию, 1766 г.

Ведомость в коликом разстоянии которая церковь от которой церкви и при которых церквах острожков колико и приходских обывателей обоего пола людей.

Нижняго Камчатского острога при церкве Успения пресвятыя богородицы в приходе 4 камчадальския острожка разстоянием и вниз по реке Камчатке по 40 верст, а всего в две стороны на 80 верст, при ней приходских обывателей в 5 камчадальских острожках 1033 обоего пола людей.

Ключевская Троицкая при Камчатке от Нижняго в разстоянии 86 верст.

При ней парохии вверх по Камчатке разстоянием 140 верст да чрез Еловку реку по Укинскому берегу, до алюторских острожков 1100 верст, при ней приходских обывателей в двадцати камчадальских острожках 1255 обоего пола людей

От Ключевской до Верхней Богоявленской церкви разстоянием 402 версты.

При ней парохиа вниз по Камчатке реке на 292 версты, а [в]верх по Камчатке ж реке на 160 верст, всего в две стороны 562 версты, при ней приходских обывателей в осьми камчадальских острожках 1376 человек обоего пола людей.

От Верхней до большеретской Успенской растояния 325 верст.

При ней парохиа вверх по Большей реке 115 верст, вниз по той же реке и до Курильской лопатки 202 версты, да по берегу Пенженскому 70 верст, всего в три стороны на 387 верст. При ней приходских обывателей в девяти камчадальских острожках 1923 человека обоего пола людей.

От Верхняго до святой петропавловской Рождественской богородицкой церкви разстоянием прямым трактом 325 верст, а от большеретской прямым же путем 185 верст.

При ней парохии по берегу моря Боброваго 307 верст, приходских людей в десяти камчадальских острожках обоего пола душ 1291 человек.

От Большеретска до ичинской Вознесенской церкви разстояния по Пенженскому берегу 235 верст, от ичинской до тигильского приходу 206 всего в две стороны разстояния на 441 версту.

А при ней парохии в одиннадцати камчадальских острожках приходских людей обоего пола 1786 человек.

От ичинской же до тигильской Христорождественской церкви разстояния 345 верст, а от Нижняго Камчатского острога до тигильской церкви 403 версты.

При тигильской парохии разстояния по берегу Пенженскому губе на 520 верст, обывателей при тигильском приходе в тринадцати камчадальских острожках обоего пола 1295 человек.

Заказщик протопоп Стефан Никифоров.

Синод, канцелярия, д. № 84, т. III, 1746 г., л. 83.

VII. ЯСАШНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ

СВЕДЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

55. Из „краткой ведомости о ясашных народах, в Иркутской губернии

Звание народов и родов	По 3-й ревизии состояло		Сообразясь с 4-й ревизиею по сим сведениям ныне для переложения ясаков ведомостям оказалось		В том числе крещеных	Прибыло	Против 3-й ревизии по нынешние ведомости		На них окладу по прежней пропорции положено		Какой оклад по вышеписанным ныне сведениям надлежит платить ясачным обществам		В какие сроки обязуются платить ясак.
	Число родов	В них душ	Число родов	В них душ			Убыло		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	
Охотской области													
Охотской округи якутов	2	116	2	179	131	63		58	58	60	89½		В июле месяце
Тунгусов	26	1251	26	1420	1208	169	—	2004	50	2155	50		
Итого	28	1367	28	1599	1339	232	—	2062	88½	2215	88½		
Гижигинской округи тунгусов оленных	6	207	6	282	158	75	—	161	—	185	50		
Пеших коряк	16	563	16	309	61	—	251	233	—	342	—		
Оленных коряк	16	745	16	521	4	—	24	203	—	340	39½		
Итого	38	1315	38	1105	222	75	985	877		1067	89½		
Анлаиской округи камчадал	16	939	16	556	556		383	382		616	—		
Нижнекамчатской округи													
Камчадал	39	2219	39	981	981	—	1238	1273		1,20	—		
Алюторов	6	279	6	215	215		64	153		188	—		
Курильцов	2	168	2	132	132		36	496	—	386	—		
Вымерших в 768 и 769 годах от оспенного поветрия													
Камчадал	16	589		—	—	—	589	594	—	—			
Алюторов	2	48	—	—	—	—	48	84	—	—			
Итого	65	3253	47	1328	1328	—	1097	3750		2294			
Всего по Охотской области	147	1874	129	4588	3445	507	2503	7321	88½	6103	78¼		

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

Сведения о количестве ясачного населения и о количестве крещеных туземцев.

И О КОЛИЧЕСТВЕ КРЕЩЕНЫХ ТУЗЕМЦЕВ.

обитающих, о переложении в новой оклад" от 22 декабря 1792 г.[44]

Против прежнего платежа сколько оказывается				По сбору статистических сведений и заданной на оный форме ведомости сколько на ясаке состоит и прибыло		И сих с обложением по оклад. ясакам и для платежа ясаку в прежнем отношении оклад должен быть		Против прежнего оклада действительно будет				Сколько на тех родах состоит дойки, с которого и по которое время				В какие сроки обязуются платить ясак.
												Расположенной в 20 лет		С 786 по 791 год		
В прибыли		В убыли		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	В прибыли		В убыли		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	
Руб.	к.	Руб.	к.					Руб.	к.	Руб	к.					
2	—	-		34	85	95	25½	36	85	—	—	—		—	—	В июле месяце
151	—	—		—	-	2155	50	151	—	—	—	1897	—	143	25	
153	-	-	—	34	85	2250	75½	187	85	-	—	1897	-	143 с 786 по 789	25	
4	50		—	—	—	187	50	4	50	—		—		164 во 790 год	—	В декабре
9	—	—	—	—	—	342	—	9		—	—		—	59	—	
177	39½	-				540	39½	177	39½			—		343		В марте
190	89½	—				1067	89½	190	89½	-	-	—		565		
	—	216	-	-	—	616	—		—	216	-	1698	—	158 во 792 год	—	В апреле
—	—	553	—	-	—	1730	-	-		553	—	5760	90	7130	10	В апреле
55	—	—		—		188	—	35	—	—	—	326	30	731	—	мае
—	—	110	—		—	386	—	—	—	110	—	381	—	1068	—	и августе месяцах
												Сверх сего на острову Анлаиском камчатской за рудою				
—	—	594	—	—	-	—	—	—	—	594	—	15808				
—	—	84	—	—	—	—	—	—	—	84	—	За умерного Шелонского рода 11	—			
35	-	1291	—	—	—	2294	—	35	-	1291	—	21547	20	8923	10	
873	89½	1507	—	34	85	6228	64¼	413	74½	1507	—	34942	20	11282	35	

Б. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЧУКОТКЕ В XVIII ВЕКЕ

I. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧУКЧАМ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII ВЕКА.

Походы против чукчей в 1701 г. — Поход против чукчей в 1711 г. — Походы против чукчей в 1730—1731 гг. — Политика России в борьбе с чукчами и сведения о них, начала 40-х гг. XVIII в.

ПОХОДЫ ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ В 1701 г.

56. „Распросные речи" сына боярского Игнатьева и казака Ильиных с „товарыши" от 14 марта 1710 г.

1710 году, марта в 14 день, в Якуцком в приказной полате перед стольником и воеводою Дорофеем Афонасьевичем Траурнихтом да перед подьячим с приписью Иваном Татариновым, якуцкие сын боярской Василей Игнатьев, казаки Степан Ильиных с товарыши, по допросу про Анандырских чюхоч сказали.

Сын боярской Василей Игнатьев, казаки Степан да Максим Ильиных, Матвей Скребыкин, Иван Блохин, Алексей Поротой сказали: в прошлых де разных годех, посыланы они были Василей с товарыши в Анандырской острог для ясачного сбору; и из того де Анандырского острогу служилые люди и ясачные юкагири плавают по Анадырю вниз для промыслу оленей; и тех де служилых людей и ясачных юкагирей немирные чюкчи побивают и жен и детей берут в полон. И ныне де у тех чюхоч в полону казачьи дети есть, в разные годы те чюкчи под Анандырской острог подходили во многолюдстве, Анандырской острог хотели взять и служилых людей побить, а по вся годы острог разорить хвалятца и от тех де чухоч Анандырским служилым людем и ясачным юкагирям жить вельми опасно. А сказывают им, служилым людем, Анандырские жители, которые в походех на тех чюхоч бывали, что их, чюхоч, в Анандырском Носу многолюдство великое, а бой де у них лучной, питаютца оленные оленьми, а пешие морскими китами и моржами и рыбою; а в промыслу де у них бывают лисицы красные и кость рыбья, а соболя нет. К сему допросу вместо сына боярского Василья Игнатьева, по его велению, Иван Стыжнов руку приложил. Вместо Стефана и Максима и иных и за себя Иван Блохин руку приложил.

Казак Тимофей Даурцов да Федор Порной, Петр Мунгал сказали. В прошлом де 701 году били челом великому государю, а в Анандырском прикащику сын боярскому Семену Чернышевскому анандырские ясачные юкагири ходынского роду Некраско с родниками подали челобитную, чтоб с ними послать из Анандырского служилых людей на немирных чюхоч в Анандырской Нос, которые им, юкагирям, чинят в промыслу

оленей смертные убиства и грабеж. И по тому их челобитью он, Семен, послал их, Тимофея с товарыщи, с анандырскими жители и с промышленными людьми в двадцати четырех человеках, да Анандырских юкагирей и коряк было в походе 110 человек. И пошли де они в тот поход в апреле месяце и ходили 28 недель. И в том де походе в Анандырском Носу нашли подле Анандырское море пеших чюхоч юрт с тринадцать и великого государя под царскую высокую руку их в ясачной платеж призывали и ясак просили; и те чукчи им ясаку не дали и засели в юрты. И прикащик де их Алексей Чудинов велел к тем юртам приступать, и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жен их и детей в полон взяли и многие полоненные у них сами давились и друг друга кололи до смерти. А иные де чукчи, подсмотря их, служилых людей, из тех юрт ушли и учали в Носу сбиратца в одно место. И идучи де они, служилые люди, с вышеписанного побоища, нашли их, чухоч, ста с три и учинили с ними бой и убили их человек с двесте и больши, а иные ушли на побег. И на другой день стретили их, служилых людей, они, чукчи, во многолюдстве, оленные и пешие, а было де их в то время в сборе человек тысячи с три и больши, и бились с ними с утра до вечера, и многих людей побили, а их, служилых людей, и ясачных юкагирей они, чукчи, человек 70 переранили, и от них отошли те чукчи и стояли близь их. И от тех де чухоч сидели они, служилые люди, в осаде 5 дней и пошли от них на побег в Анандырской. А бой де у тех чухоч лучной. Лесу в том Носу нет, питаютца оленные оленьми, а пешие морскими китами и моржами и рыбою. Средь того Носу по каменю живут оленные чукчи. А подле Анандырского и Олюторского моря, по обоим сторонам, живут чукчи пешие, а в промыслу де у них бывают лисицы красные, а соболей и иного зверя, кроме оленя нет; а кости рыбьи зуба по морским губам множество, а сказывают полонные люди, что в той земле людей есть многое число. Вместо служилых людей Тимофея Даурцова, Федора Порнова да Петра Мунгала, по их велению десятник казачей Лев Воротимесов руку приложил.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. II, стр. 523—526.

ПОХОДЫ ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ В 1711 г.

57. Показания якутского служилого человека Попова и других от 2 сентября 1711 г.

1711 году, сентября в 2-й день, в Анандырском остроге, в судной избе, пред прикащиком, якуцким пятидесятником казачьим Матвеем Скребыкиным, якуцкой служилой человек Петр Ильин сын Попов да анандырские промышленные Егор Васильев Толдин, новокрещен юкагир Иван Васильев сын Терешкин сказали.

В нынешнем де 711 году, генваря в 13 день, по указу великого государя и по памяти прежнего Анандырского острогу прикащика Федора Котковского, велено де ему, Петру с товарищи, идти из Анандырского острогу вниз по Анадырю реке и собрать в казну великого государя ясак с решных чюкоч, с Нокона с родниками, с 5 человек, которые платили в казну великого государя ясак в Анандырском остроге в прошлом 710 году; а от устья Анадыря реки велено де ему, Петру с товарищи, идти в Нос и проведывать немирных чюкоч, а проведав их, призывать царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платеж ласкою и приветом, чтоб они, чюкчи, платили в казну великого государя ясак соболи и всякие лисицы и кость моржеваго зубья и просить с них аманатов.

Да ему ж де, Петру, с товарыщем велено присматривается подлинно: на чем у тех чюкоч меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость, и по каким они местам живут, по каменям или подле моря, оленные или пешие, и чем они кормятся, и не значатся ли из того Носу какие в море острова; и если какие острова значатся, и про те островы спрашивать у тех носовых чюкоч: есть ли какие на тех островах люди и звери, и какое они у себя имеют богатство. И присмотря и проведая о всем, велено ему, Петру, записывать в книгу имянно, и той их Чюкоцкой земле написать чертеж, и тот чертеж за рукою подать в Анандырском остроге в судной избе.

И по вышеписанному великого государя указу и памяти, он, Петр, с товарыщи своими, с толмачами Егором Толдиным, с Иваном Терешкиным, с устья Анадыря* реки в Нос ходили, и за морскою губою немирных чукоч проведали, и царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платеж со всяким усердным радением призывали. И они, немирные чюкчи, ему, Петру с товарыщи, сказали: и прежде сего руские люди у них, чюкоч, кочами морем бывали, и в то де время они, чюкчи, им, русским людем, никакова ясаку не платили, и ныне де платить не будем, и детей своих в аманаты не дадим[1b].

И с того Носу пришел он, Петр с товарыщи, в реку Анадырь нынешняго ж 711 году, июля в 28 день, и с вышеписанных решных чюкоч с Нокона с родниками, с 5 человек, по лисицы красной с человека в казну великого государя ясаку на нынешней 711 год с казачьим сыном Михайлом Щипуновым с товарищи собрали, да вновь призвали царского величества под его самодержавную руку в вечной ясачной платеж решного чюкчю Капочилу, Ноканова брата, и тот чюкча с ними, Петром с товарищи, с ясашным платежем пришол в Анадырской острог. А о иных всяких их иноземных обыкностех писано ниже сего. По их вере, в подлинном договоре меж собою у них, чюкоч, твердость дают порукою солнце. Оленные чюкчи в Носу живут по каменям, ради оленных своих табунов кочюют по разным местам. А пешие чюкчи по обе стороны Носу живут по коргам подле море, в земляных юртах, где коротает морж. А кормятца они, чюкчи, оленные и пешие, промышляют по каменям и по рекам диких оленей и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, кореньем и травою.

Против того Анандырского Носу с обоих сторон с Ковымского моря и с Апандырского есть де значитца остров, и про тот остров подлинно ему, Петру с товарищи, сказывали носовые чюхчи Макачкины с родниками: есть де на том острову люди зубатые, а веры де и иной всякой обыкности и языку не их чюкоцкова, особой, и из давных де лет и поныне у них, носовых чюкоч, с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкоч такой же.

И он, Петр с товарищи, тех островных людей, у них, чюкоч, взятых в полон, видал человек с 10. А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставливаные моржеваго зубья маленькие кости, подле природные, в щеках. А с того де Носу на тот остров летним временем в байдарах веслами перебегают одним днем, а зимою на оленях на легке переезжают одним же днем. И есть де на том острове всякой зверь, соболи и куницы, и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великия табуны оленей. А кормятца де они морскими зверями и ягодами и кореньем и травою. И всякой на том острову есть де лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он, Петр с товарищи, у них, чюкоч, в байдарах и в ветках и в юртах видели. А живут де они, островные люди, собою тако ж, что де и они, чюкчи, и начальных де людей никого у них нет. А в Носу зверя, кроме лисиц

---

* В „Памятниках сибирской истории" напечатано „Анарыя".

красных и волков, иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том Носу не у чего, лесу никакова нет. А по смете носовых оленных и пеших чюкоч лушников с 2000 и больше, кроме Анадырских решных, а решных человек с 50 и больше.

Островных де людей, применяясь он же, Макачкин, и островные люди, которые у них, чюкоч, в полону, сказывали ему, Петру с товарищи, есть де их при них, чюкчах, втрое, и он де, Макачкин, на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они, чюкчи, тот остров большею землею. А из Анандырского острогу ход до самого Носу прямою землею чрез Белую реку на Матколь аргышами на оленях недель с 10 и больше, если пурги нет; а Матколь чюкоцким названием камень есть, подле большую губу, в середнем Култуске.

Памятники сибирск. истории XVIII в., кн. I, стр. 456—459.

ПОХОДЫ ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ В 1730—1731 гг.

58. Из „доношения" Сената Анне Иоанновне от 9 мая 1733 г.

В прошлом 1727-м году по указом из Сената отправлены на Камчатку из Сибири казачей голова Шестаков да капитан Павлуцкой с партиею для покорения немирных тамошних народов и изменников и сыскания вновь земель, и Шестаков от чюкоцкого народу убит[46], а Павлуцкой в отписках в Тобольск в губернскую канцелярию писал, что он из Охотска на Камчатку и до Анадырскаго острогу и далея ходил и немирных тамошних народов разными партиями в подданство несколько привел. И как в Нижнем Камчадальском остроге ясашные люди забунтовали и тот острог разорили, в таком случае от партии ево отправленные бунтовщиков взяли и усмирили, да вновь четыре острова морских с людьми в подданство приняли и ясак по тамошнему обычаю взяли.

Еще ж объявили бывшия в Чукоцком носу служилые люди, что приходили к носовым чукчам с морскаго острова 2 человека, которые имеют у себя в зубах моржевое зубье, и сказывали тем посланным, что до жилища их от Чукоцкого большаго носу день ходу, а от того де острова впредь до другова, что называется Большая земля, день же ходу, и на той де Большей земле есть всякой зверь: соболи, лисицы, бобры решные, россомаки, рыси и дикой олень, также есть всякой лес, а оленных де и пеших иноземцов довольное число. И за вышеписанные службы и за долговремянное в таком дальном крае бытье онаго капитана Павлуцкого велено военной коллегии определить маэором и послать к нему о том указ, чтоб он, видя вашего императорскаго величества милость, наипаче будучи там, имел в положенном на него деле старание... *

Сенат, 1 департ. д. № 576, л. 540 печатается по копии.

59. „Объявление" сотников анадырской команды Нижегородова, Попова, пятидесятника Русакова и других, 1763 г.

В бытность их в походе в 731 году в Чюкоцкую землицу для искоренения бунтовщиков чюкчей, команды всей было пятидесятников и казаков двести тридцать шесть человек да коряк и юкагирей двести

* Опущенная часть „доношения" частично приведена в соответствующих местах (см. документ № 11). В других случаях имеющиеся там сведения печатаются по подлинным документам.

восемьдесят. Марта 2 ч[исла] из Анадырской крепости отправились болотами к северу, перешед прямо к Ковымскому морю, и подле оного шли на правую руку к востоку болотными ж, гористыми и безлесистыми местами.

И 9 ч[исла] маия дошед до первой сидячих около того моря чюкоч юрты, в коей бывших чюкоч побили, в полон взято было оленей сто, и от того места пошли подле того ж моря берегом до первой губы, коя не очень велика, а какое звание имеет, показать не знают, которую переходили по льду с вечера до солночного всходу, а перешед остановились и тогда усмотрели о того места в недальном разстоянии в море отпрядыш, на коем была те сидячих одна юрта, и бывших в ней чюкоч побили. А потом пошли подле того ж моря берегом и, дошед до другой губы, коя противу прежней более, а какое звание имеет, не знают же, которую перешли одним днем по льду и следовали подле того ж моря и в тогдашнее время встретили оленные чюкчи человек до тридцати. И как узнали их, то поворотились обратно, и никакой с ними баталии тогда не было. И после тех чюкоч шли дней с пять около моря же, где паки встретили их те чюкчи, которых уже было сот до семи, с коими и была учинена баталия, и убито тех чюкоч до четырех сот пятидесяти, в полон мужеского и женского полу и малолетних взято было ста с полтора, оленей до пятисот, а затем достальныя чюкчи ушли. С нашей стороны убито было до смерти: один пятидесятник да другой казак, да ранено легкими ранами человек до семидесят.

И дошед до их чюкоцкого острожку, которой был построен из их езжалых каргышных санок и моржевой кожи и обсыпан каменьем, кочками и песком, кругом был увязан ремнями, и в том остроге было юрт до осьми, кои разорили и сожгли.

От того острожку, поворотя вправо, пошли через Чюкоцкой нос и шли тою землею недели с три и никого не видали, и никаких впадающих в море больших рек и никакова лесу не было, а как уже дошли они посреди того Чюкоцкого носу июня около 29 ч[исла], то упоминаемые чюкчи на оленях во первых незапно стали чинить на них нападение позади, а потом и спереди, в кое время до тысячи человек их было, и была с ними баталия с утра до обеда, и убито было их, например, сот до трех, а в полон взято не более десяти человек, а достальные чюкчи ушли все. С нашей стороны никого убитого не было.

В то время чрез взятых в полон чюкоч разведывали о их оленных табунах, которых и взято езжалых и неезжалых больших и малых всего до сорока тысяч оленей, а после того тою же Чюкоцкого носу землею шли к называемому камню Серцу, и недошед до того камня, паки выехало тех чюкоч навстречу человек до пятисот, и была с ними баталия, в которой побито их например до сорока человек, а достальные все ушли, оленей взято до тридцати, при котором случае убито было с нашей стороны казак один, а сколько ранено не упомнят. И от того места вышли к юкагирскому прежнему торговищу 1-го числа августа, где ночевав и пошли подле губы, коя лежит от устья Анадырского в море, а упоминаемой Каменьсерце, также и Анадырское устье остались влеве, и тою же дорогою следовали в Анадырск, коею шли вперед. В Анадырск пришли ноября в первых числах.

В бытность же их в том чюкоцком походе, как вперед, так и обратно, никакого лесу на всей той земли не видали, и вся та чюкоцкая земля болотная, кочковатая и мокрая, на оной земли и то редкими местами мелкия прутики, вышиною от земли не больше четверти, а за неимением лесов варили себе еду с нуждою, набрав того прутья, где сколько найтить будет можно, и расклав огонь, раздували взятыми тогда с собою мехами, а где оного сыскать не могли, то набрав растущей на кочках мох, тем варили. Во время ж

того походу летним временем шли сами пешком, а ружье и протчее несли на себе, имеющейся же шкарб везли на вьюшных оленях; в том походе из команды с голоду никто не умер, а умирали от приключившихся болезней. А сколько всего числом умерло, также и более вышеписанного показать за много прошедшим временем не упомнят.

Экспедиция Беринга, д. № 77, лл. 371—372; печатается по копии.

ПОЛИТИКА РОССИИ В БОРЬБЕ С ЧУКЧАМИ И СВЕДЕНИЯ О НИХ, НАЧАЛА 40-х гг. XVIII в.

60. Из сенатской справки по материалам секретной экспедиции [не ранее 1748 г.]

Присланным правительствующему Сенату из Сибирского приказу доношением от 29 апреля 1740 году объявлено, что в тот приказ из Иркуцкой провинциальной канцелярии писано, о находе в коряцкую землицу на Олюторскую реку военною рукою немирных носовых и речных чюкч во многолюдстве и о побитии коряк 25 человек и о взятье жен их и детей в плен немалого числа с домовым скарбом и о отгоне оленных их одиннадцати табунов без остатку в свою Чюкоцкую землицу, и что похвалялись они вторично быть по весне 739 году по последнему пути во многолюдстве военною ж рукою для раззорения и опустошения коряцкой землицы и Анадырского острогу.

В 740 же году маия 21 в Сенате брегадир, что ныне генерал-маэор и губернатор сибирской Сухарев и секретарь Козьма Баженов объявили, что в Сибирской губернии немирные чюкчи жительство имеют между Камчатки и между Якуцка в горах и на мысу ни под чьим владением, и когда посылан был для призывания немирных коряков и чюкч из Сената якуцкой казачей голова Шестаков в 726 или в 727-м годех, то он в их жилищах юрты их выжег, за что они озлобясь ево, Шестакова, и команды ево казаков побили до смерти.

И по тому доношению по общему бывших кабинет-министров с правительствующим Сенатом разсуждению посланы июня 4 1740 году к иркуцкому вице-губернатору Лангу к селенгинскому коменданту и ко обретающимся в камчатской экспедиции офицерам указы: велено им, обще разведав подлинно, в каком людстве и силе те немирные носовые и речные чюкчи находятца и с каким числом людей можно на них итти, собрав из ближних к Якуцку городов и жилищ, тако ж из Якуцких и Анадырского острогов служилых людей и обывателей, сколько потребно, и определя к ним достойных командиров из гарнизонных офицеров с принадлежащим оружием, итти на тех чюкч военною рукою, всеми силами старатца, не токмо верноподданных коряк обидимое возвратить и отмстить, но и их, чюкч, самих в конец разорить и в подданство привесть, и для того похода довольное число провианта заблаговременно заготовить в Якуцку и завезть в Анадырской острог.

Вице-губернатор Ланг августа от 29 дня того ж году на означенной указ между протчим доносил, что определил он о вышепоказанных чюкчах, в каком они разстоянии и силе имеютца, разведать в Якуцке маэору Павлуцкому со обретающимися в Камчатской экспедиции офицерами и отправить для искоренения их из Якуцка и Анадырска и из ближних острогов служилых людей с казацкою головою довольное число.

А Селенгинскому коменданту посланным указом велено командровать в поход на помянутых же чюкч из офицеров и солдат, сколько по разсу-

ждению ево надлежит, и прислать в Иркуцк в самой скорости, только еще от него ответствия не получено. А по табели де, присланной от него, коменданта, августа 26 дня того ж году, показано в разных нужнейших раскомандрованиях штап, обер и ундер-офицеров и солдат 790 человек, а затем в Селенгинску имеетца при полку солдат только 362 человека и те обретаются в полковых и при пограничных работах и на караулах безсменно.

А от Иркуцка до Селенгинска разстояния 408 верст, а от Иркуцка ж до Якуцка 2266 верст, а от Якуцка до Анадырского острогу и до чюкч сколько верст, о том в Иркуцкой канцелярии известия нет; токмо де Анадырского острогу казачей пятидесятник Бутусин да служилой Богачев скаскою показали: ездят они от Якуцка до Анадырского острогу зимним путем на верховых лошадях на оленях и на нартах, кои возят собаки, и всего ходу 24 недели, и всем де тем путем пустота, и корм себе возят с собой от Анадырского острогу, а от оного острогу до жительства чюкч на оленях ходят по 10 недель.

А тех де чюкч, которые раззоряют коряк, будет военных людей человек до 2000, а всех и с подросками тысяч до четырех или пяти, а подлинно ль столько, того они не знают, ибо де они, чюкчи, жительство имеют не в одном, но в разных местах.

И ноября 25 дня того ж 740 году по определению правительствующаго Сената подано в бывшей кабинет сообщение, коим представлено: понеже де из вышеписанного доношения усмотрено, что немирные чюкчи живут от Якуцка и от Анадырска в великом отдалении, езды к ним от Анадырска недель на 10, а от Якуцка и более 30 недель, к тому же путь самой трудной, и не везде лошадьми, но инде на оленях, собаках, того ради Сенат мнение свое объявил, что по неудобности того пути и отдалению для раззорения их, немирных чюкч, команды посылать не надлежит[47], дабы в таком отдаленном и трудном пути, по которому потребного в пищу запасу возить с собою за неудобность признаваетца, напрасно людей не потерять и голодом не поморить, а чтоб впредь от тех чюкч нечаянного на коряк и Анадырской острог нападения и раззорения не было, то для предосторожности прибавить в Анадырской острог регулярных и нерегулярных лехких людей, сколько и откуда способно по усмотрению иркуцкого вице-губернатора Ланга. Что же для предбудущаго усмотрения и определения надлежит, о том наведатца ему, Лангу, чрез кого надлежит обстоятельно, в каком они людстве и силе находятца, и сколь далеко, и есть ли к ним водяной путь, и откуда ближе можно к ним притти, и то известие прислать в Сенат немедленно, и о том требовано от кабинета общаго разсуждения.

А генваря 14 дня 1741 году в резолюции кабинетской написано, чтоб в Чюкоцкую землицу для раззорения живущих тамо чюкч и возвращения от них забранных в полон из коряцкой землицы людей с пожитками за весьма дальним и неудобным путем оруженных людей не посылать, а для предосторожности впредь от тех чюкч прибавить в Анадырской острог регулярных и нерегулярных лехких людей, сколько и откуда по усмотрению иркуцкого вице-губернатора способно, в том кабинет с разсуждением правительствующаго Сената согласен.

Однако ж велеть иркуцкому вице-губернатору, чтоб он обстоятельно наведался, за что у помянутых народов между собою такия ссоры происходят, и чтоб старался их наипаче ласканием, нежели суровыми поступками, от того отвратить и усмирить и до дальнейших ссор не допустить.

Сверх же того для предбудущаго усмотрения и надлежащего по тому предприятия велеть ему, вице-губернатору, подлинно наведатца и писать в Сенат, в которой стороне оные чюкчи жительство имеют, сколь далеко, по городам ли или по деревням или по юртам, переходя с места на место, и как они людны, и с каким именно российскими местами смежны, и есть ли к ним водяной путь, и откуда ближе к ним приттить, а в протчем что

к лутчей предосторожности принадлежит, то полагается на разсмотрение вышепомянутого вице-губернатора Ланга, которой может по близости тамошних мест надлежащее об оном определение учинить, а отсюда о всем подробно за неимением подлинного известия в резолюцию ему объявить невозможно, а ежели описыватца о всем, то за дальностию может происходить время.

Февраля 2 1741 году при доношении из Иркуцкой канцелярии прислана копия скаски, взятой в Селенгинске у присланных из Анадырского и протчих острогов в рекруты, в которой показано, что они сами в жилищах чюкоцких не бывали, а видали под острогами и слыхали от бывающих тамо, что оные чюкчи—народ многолюдной и кочевной, имеют юрты лехкие из кож и начальников по родам, а люди возрастом немалые и крепкие ружье у себя имеют: луки костяные и копья и каменья мечут из ремней, и то у них наилутчей бой копьями и каменьем (а из луков хотя и стреляют, токмо не весьма искусно, да и стрелы плохи), а огненного никакого ружья не имеют, а на бой ходят пеши, а на промыслы на оленях, а водяным путем на море и на реках ездят в лодках кожаных. И приходят они в осень из Шалацкого носу на устье реки Ковымы до Нижнековымскому острогу, тако ж и на другие реки многолюдством и в лутчих местах промышляют всякаго зверя, а воспретить за малолюдством руских никто не могут и всегда от них в страхе, и где сойдутца с рускими и с ясашными, то оных побивают и в полон берут, а к Анадырскому острогу приходят и по реке Анадыру и чинят тож.

До от той же канцелярии в 743-м году прислано ж при доношении географическое описание о жилищах помянутых же чюкч и Большой земле, смежной с ними. И о том из Сената к нему, вице-губернатору Лангу, селенгинскому коменданту и ко обретающимся в камчатской экспедиции офицерам посланы указы того ж генваря 29 дня.

А из Иркуцкой канцелярии в присланном в Сенат доношении от 9 июня 741 ж году написано, что по означенному указу для предосторожности от немирных чюкч и о протчем велено отправить из Якуцка Якуцкого полку капитана Максима Лебедева с командою и, как в порученном деле ему поступать, послана инструкция... *

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 147—149.

II. АКТИВИЗАЦИЯ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ (40-е и 50-е гг. XVIII в.)

Решение Сената об окончательном истреблении „немирных чюкч". — Походы майора Павлуцкого против чукчей в 1744—1747 гг. — Походы капитана Шатилова против чукчей 1751—1752 гг. — Начало частичного покорения чукчей.

РЕШЕНИЕ СЕНАТА ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ИСТРЕБЛЕНИИ „НЕМИРНЫХ ЧЮКЧ".

61. Журнал собрания Сената от 3 февраля 1742 г.

1742 года февраля 3 дня в собрании правительствующаго Сената докладывано.

По доношению Иркуцкой провинциальной канцелярии октября от 15 дня 1741 году о требовании указа о немирных чюкчах и о протчем приказал для искоренения оных чюкч показанное в том доношении требование маэором Павлуцким регулярных людей число отправить без всякого отри-

* В справке сведения, доведенные до 1748 г., опущены, так как печатаются в соответствующих местах и по подлинным документам.

цания из стоящих в Иркуцке полковых солдат, а вместо оных для караулов и протчей предосторожности в Иркуцкой провинции употребить имеющихся в той провинции собранных вновь и оставших за комплектом к отсылке в Тобольск рекрут 84 человека, а когда отправленные из Иркуцка полковые солдаты по прежнему возвратятца, тогда оставших вместо их рекрут отослать в указанное место.

Во искоренении ж оных немирных чюкч поступать по мнению, объявленному в том же доношении статского советника Ланга, а имянно на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе, точию которыя из них пойдут в подданство ея императорского величества, оных, так же жен. их и детей взять в плен и из их жилищ вывесть и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам и местам между живущих верноподданных, где пристойно, которые, усмотря протчих ясашных иноверцов под державою ея императорского величества верноподданными живущих в добром состоянии, могут прежнее свое непостоянное житие забыть и верноподданными быть, а протчие принять и христианскую веру. И о том в Иркуцкую провинциальную канцелярию послать указ. Подлинной за подписанием правительствующаго сената.

По оному журналу в Иркуцкую провинциальную канцелярию указ послан февраля 18 1742 за скрепами господина обер-секретаря Севергина, секретаря Семена Орлова, за справою канцеляриста Федорова.

Подлинной журнал сообщен с протчими секретными подлинными журналами в повытье.

Сенат, 1 департ., д. № 71, л. 543; печатается по копии.

ПОХОДЫ МАЙОРА ПАВЛУЦКОГО ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ В 1744—1747 гг.

62. „Объявление“ сотников анадырской команды Попова, Нижегородова, Павлова, пятидесятников Русанова и других, 1763 г.

1763 года по объявлению анадырской команды казачьих сотников Ивана Попова, Осипа Нижегородова, Степана Павлова, пятидесятников Алексея Русанова, Федора Курбатова, казаков Ивана Исакова с товарищи пяти человек.

В 744-м году февраля 4-го числа выступили они из Анадырской крепости в поход для поиску и искоренения немирных чюкоч с бывшим маиором Павлуцким, то всего было тогда регулярных и нерегулярных служителей 400 человек.

Отправились из Анадырска на оленях в санках чрез реку Анадырь против крепости и ехали по болоту на восток до реки Маина, куда и приехали в шестой день и перешли Маин по льду, оттуда чрез каменья мимо вострой сопки, и вышед повыше Чекаева урочища к устью протоки Кривой, от которой переехали Анадырь и шли болотом ровным местом и безлесным и вышли на реку Черную, и перешед оную, шли болотом же, а сколько дней, того не упомнят, потому же безлесными местами чрез реки Алгинку и Черную вышли на реку Нерпечью, где и нашли след кочующих чюкоч, вниз по реке Нерпечей, за которыми в то ж время был командирован сотник Кривогорницын с казаками с небольшею командою. Из оных чюкоч мужеского полу трех да женского двух побили, из них взят был один для показывания их жилых мест.

А потом, отошед от той реки Нерпечей по таковому ж болоту до реки Поперешной, перешли в шесть дней к губе Ночен, кою переехали в одну

ночь по льду и нашли у камня, называемого Серце, живущих тут чюкоч в десяти юртах, например, человек со́ сто, которые чюкчи были побиты, точию из оных один ушел пешком, где и уведомились чрез взятых тогда пленников о живущих подле того ж каменю Серца чюкчах в трех юртах, куда и командирован был вышеписанной же сотник Кривогорницын в тридцати человеках, коим бывших в тех юртах чюкоч мужиков четырех да женского полу шесть человек побито, но из них один ушел на оленях. Откуда оной Кривогорницын с тою командою и возвратился обратно, где для ожидания оставшаго назади обоза стояли недели две, откуда по пришествии того обоза поехали ж промежду гористыми и каменистыми местами до реки Епочио, кою переехав, пошли такими ж гористыми и каменистыми до рек Чимгана, Курупку и до губы Юрупку, где стояли три дни, при коем месте и поиман из чюкоч один. А после онаго на другой день тех же чюкоч наехало немалое число для недопущения их в свою землицу и, когда у́смотря их те чюкчи в довольном числе людей, то уехали обратно. Оттуда означенную губу Юрупку переехали по льду в одну ночь, с которой выехали на реку Гиязнг, а от оной и к другой губе Силеге и по край моря к губе ж Мечинг и к камню Меченгу, которой протянулся в море мысом, а сколько дней по оному ехали, того не упомнят.

И приехали к губе ж, называемой Тенях, от которой шли до губы ж Хуматам, где и остановились лагирем и стояли за обождением командированных за поиском чюкоч сотника Бутусина и толмача Якова Осипова с командами и, обождав от оных известия, следовали до речки Ночана и по ней шли вверх, от коей, отворотя следованием вправо до речек Покоечи, Иттей и отворотя вправо, шли до речки ж Ставы, подле которой вправе стоит каменная сопка, названием Метевин, и оттуда чрез речки Итыночан до Начелты, оттуда чрез речку ж Аванды, кои течение имеют в губу Хуматан, а от той губы дошли до губы ж Анахыя, то есть Белое море, с коего места уже команда оскудела пищею, подле которую губу по левую сторону шли чрез речки Анаха, Ехони, Пехеткина и чрез речки Нуттен, Чагнум, Ечу, оттуду чрез же вышеписанную речку Епочу по вершине и оттоль до речки Кукуна, от коей шли вверх и перешли по вершине ж и оттоль чрез хрепты и дошли до вершины Черной реки и по оной вниз до Виски, называемой юкагирской, где и остановились лагирем для лову сетьми рыбы и отправления по той реке Черной к сплаву на реку Анадырь в коженных байдарах сотника Бутусина с половиной утрудившейся от голоду командой, коя была и отправлена.

А от той Черной чрез болотныя и гористыя места вышли на реку Анадырь, на урочище, называемое Родионово, куда и прибыл посланной в Анадырск для приплаву судов ясаул Петр, один с командою на пяти судах, из коих отправлено на Чекаево для подъему бывшей там при сотнике команды три судна, при котором урочище Родионове стояли за обождением у урочища Чекаева от помянутого командированного по Черной реке сотника Бутусина о состоянии команды известия осмнадцать дней и, по получении известия, следовали вверх по реке Анадырю на двух судах и прибыли в Анадырскую крепость 28 ч[исла] сентября того ж 744 году.

Предъявленная же Чюкоцкая земля вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моху, нету. И те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях и живут в чюмовых оленьих коженых юртах, а огонь зимою во оных бывают посредине таким подобием: кладут мелкой тальник, также оленьи сухие рога и кости и облевают нерпичьим, китовым и моржовым жиром да и кроме того имеют в пологах. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу, едят мясо оленье и рыбу, также нерпу и протчих морских зверей, сырое и мерзлое и всякое из земли коренье, которую нерпу и мор-

ских зверей получают те оленные чюкчи от сидячих около моря чюкоч, и то их, чюкоцкое, между самыми узкими каменьями житие за неимением лесу самое уже бедное, коего едва ль в свете где хужее быть может.

Что же принадлежит до сидячих около моря и вокруг тех оленных живущих чюкоч, то у оных есть юрты, выкопанные в земли, деревянные, а лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припаиках и ездят на собаках.

А во всю их в той Чюкоцкой землице бытность, за неимением никаковых лесов, крайнюю от великих морозов претерпевали нужду, а где около речек упоминаемой мелкой тальничек, которого вышиною не более одной четверти, найден бывал, то оной, также и растущей по каменьям мох собирали и мехами роздували и тем себе пищу варили, а наконец по недостатку съестных припасов крайней голод претерпевали, также что и в здешнюю Анадырскую крепость они с предписанною командою едва выттить могли, а вся та земля Чюкоцкая в округлость не более полторы тысячи верст.

Экспедиция Беринга, д. № 77, лл. 372 об.—375; печатается по копии.

63. „Репорт" майора Павлуцкого в Иркутскую провинциальную канцелярию от 10 октября 1745 г.

Сего 1745 году минувшей весны по отбытии от Анадырского острогу ясашных коряк со своими оленьми на свои жилища, а паче для ясашных промыслов, команды моей солдаты и служилые пришли в пропитании великую нужду и голод, от чего уже и видеть жалосно. Того ради определил я сделать двенадцать судов, которые с великою нуждою от бескормицы и сделали, лисвинишные щиты прутьями конопачены мхом, и для прекормления промыслов рыбных и оленной плави из Анадырского острогу следовал по вскрытии реки Анадыря июня 4 дня вниз по реке Анадыря. И того ж июня 8 дня прибыл на урочище Родионова, стал лагерям для промыслу с солдаты и со служилыми рыбного и оленной плави, и будучи на промышлях рыбы и оленей малое число, паки с ревностью к службе ея императорского величества следовал до моря июля со 12 числа для поиску неприятелей чюкоч, понеже они в прежних годех на усть реки Анадыря бывают для промыслу рыбы и оленной плави. И прибыл к морю июля 22 дня с устья реки Анадыря и на левую сторону командровал команды своей сотника Семена Кривогорницына и с ним солдат и служилых 126 человек и велел ему итти через землю до моря и осматривать неприятелей чюкоч и их тогдашних признаков.

И того ж июля 25 дня означенной сотник Кривогорницын, прибыв обратно все благополучно, и объявил репортом. Идучи к морю чрез хребты, 23 числа того ж июля усмотрели идущих неприятелей в нашу сторону для подсмотру ж нас двух человек чюкоч, которые, усмотря наших, побежали обратно на побег, и за оными побежали наши лехкие служилые люди, одного настигли, которой стал противитца, и того убили, а другой убежал к их войску, за которым убегшим следовали и усмотрели наши неприятелей чюкоч, стоящих у моря на кошке многое число юртами, и завидя неприятели наше войско, юрты розломали, собрали в байдары и ушли в море, например байдар тридцать, токмо из оных байдар на одной байдаре пригребали к нашим и стояли в море, как можно было голос слышать, и имели переговор. На той байдаре было восемь человек, и из них один назывался лутчим тоеном Кеин брат Теврюн. И говорил помянутой сотник

Кривогорницын чрез толмачей, дабы пришли они в склонение в подданство под ея императорского величества высокосамодержавную руку и платили ясак и дали б от себя аманатов, на которое оне, неприятели чюкчи, сказали, аманатов де дать грех. Оной же сотник Кривогорницын призывал их, неприятелей чюкоч, до меня, и оные не пошли, токмо сказали, что вы де в нашу землю ходили, а ныне де мы к вам будем в гости, и на другие ни на какие разговоры не сдаютца и ушли в море. Того ради от моря с устья реки Анадыря пошел я обратно вверх по реке Анадырю июля 30 дня с командою благополучно.

Августа 3 числа прибыл с командою к урочищу Чекаеву и стояли лагерем в скрытном месте в Кривой протоке, ожидая по вышереченным их словам, что за нами скрадом будут домогатца, того ради приказал заготовить—снять с четырех судов крышки для легости и сделать на сторону по четыре и по пяти гребей да два судна лехких же с крышки.

4 числа откомандровал для караулу неприятелей чюкоч сержанта Алексея Мокрошубова и при нем солдат и служилых шестьдесят человек ниже лагеря на остров версты за три на чюкоцкое прежнее ж жилище.

13 дня августа от помянутого сержанта Мокрошубова получил словесной репорт. Подошли де неприятели чюкчи в байдарах и в ветках к острову воровски, на котором оной Мокрошубов был поставлен с караулом, и хотели де оные неприятели чюкчи скрасть караул и, видя осторожность и крепкой караул, сели в свои байдары и ветки, уплыли обратно на побег. Того ж числа, взяв команды своей солдат и служилых людей, немедленно на вышеписанных лехких судах следовал за помянутыми неприятели в погоню вниз по реке Анадырю (а в лагере оставил солдат и служилых 60 человек для караулу других судов и протчаго).

Следуючи за ними, присмотрели неприятелей ввечеру, идущих от нас у реки Красной с великою торопостию на побег, за которыми чюкчами в тех четырех лехких судах и гнались сутки целые и ночь всее гребли без покою, и видя наше приближение за ними, той ночи неприятели бросили свои ветки, посуду и гарно.

14 дня постигли, которые поступили противо нас с боем, и помощию всемогущаго бога и счастием ея императорского величества их, неприятелей чюкоч, побили немалое число, как на реке, так и по берегам; при том бою отбили неприятельских 17 байдар да взято в полон женского полу и малых робят 22 души и розданы служилым людем, при сем же взяли оружье винтовку бывшаго убитого партии служилого, который побит был чюкчами в прошлом 1744 году на урочище Родионове.

При вышеозначенном бою с нашей стороны ранено один сотник, один солдат, трое служилых.

17 числа к уреченному месту на урочище Чекаева в лагерь прибыли все благополучно.

24 числа с половина дни следовал с Чекаева со всею командою на судах обратно в Анадырской острог, а прибыл сентября 4 дня все благополучно.

Во время взятья в полон неприятельские чюкоцкие женки чрез толмача служилого Семена Рыпачева сказали, что де неприятели чюкчи после походу нашего в 1744 году исправлялись и минувшей весны сего 1745 году совокуплялись и пошли де к нам в поход на байдарах и говорили, сколько де можем обманом и скрадом уловить да и еще ж намерены были, все совокупясь в немалом числе людех, по самому первому пути сей осени собратца на усть реки Анадыря на урочище Копейкиной корге, итти в поход к Анадырскому острогу на нас или в Коряцкую землицу, того они знать не могут.

И вышеозначенная неприятелем исправа, а нам в партии в поход остановка и продолжению чинитца от Якуцкой воеводской канцелярии за непресылкой денежного и хлебного жалования не токмо на настоящей, но и на заслуженные прошедшие 1744 год хлебного, а на сей 1745 год денежного и хлебного жалованья. Команды моей солдаты и служилые принимают великую нужду и голод, от чего и видеть жалосно.

И ежели б на прошедшей 1744 и на сей 1745 годы солдатом и служилым денежное и хлебное жалование от Якуцкой воеводской канцелярии заблаговременно прислано было и поставлено в Анадырск и прошедшей весны сего 1745 года в поход к неприятелям вступлено было, то б помощию всемогущаго бога чаятельно, что партия окончана б была и дальнего казенного интересу траты не было б, ибо хоша от Якуцкой воеводской канцелярии ея императорского величества жалованья солдатом и служилым провианта на 1744 год тысяча пуд и прислан был, которой в Анадырск и поныне не поставлен положен на урочище Бане, за малой водой по реке Анюе протти было невозможно, а по присланной промемории из Якуцкой воеводской канцелярии велено показанной провиант поставить в Анадырск ковымскими служилыми и ясашными иноземцами, токмо и поныне не поставлен.

А что же по предложению Якуцкой воеводской канцелярии, якобы в прежней партии служилыя, не требуя от Якуцка хлебного жалованья, питались рыбой и оленьим промыслом, оное предложено не справясь, понеже в прежней партии при отправлении моем в поход в Чюкоцкую землицу тогда Анадырского острогу иноземцы коряки команды моей служилых подымали своим коштом и кормили своими каргинными оленьми, понеже тогда те коряки оленьми довольны и от чюкоч не раззорены, а как запрещено было на них чюкоч в поход не ходить, тогда служилые живучи в Анадырску и завсегда были при остроге у промыслов рыбной и оленной плави и тем питались, тако ж и от Якуцкой воеводской канцелярии денежное и за хлеб деньгами получали за все годы, а ныне команды моей солдаты и служилые в летнее время и имели б на пропитание промышлять рыбы, токмо завести себе заводу неводного и сетей не на што и купить нечем, принимают нужду и голод, а паче наги и босы, по здешнему месту без теплого платья и пробыть невозможно, понеже самое место студеное.

По вышеписанной скаске о взятых в полон неприятельских чюкоцких женок командировал сего октября 7 дня лехких команды своей людей управляющаго за обор-офицера каптенармуса Петра Трошина и с ним солдат и служилых 60 человек к вышеупомянутой выше устья реки Анадыря на урочище Копейкиной корге для лутчаго присмотру неприятелей чюкоч, и велено ему, прибыв на означенное место, осмотреть у того урочища, и ежель сыщутся и пойдут на окорт, таковых привесть к Анадырскому острогу, чтоб они шли без всякого опасения, а ежели на окорт не сдадутца и будут противитца боем, то присмотря ежель в малолюдстве, прося у всемогущаго бога помощи, поступить с ними военною рукою, а ежели многолюдство, то от них ретироватца и ко мне немедленно репортовать.

Того ради Иркуцкую провинциальную канцелярию сим и по прежде посланными репортами предлагаю, ежели на партию солдатом и служилым на прошлой 1744 год хлебное или за хлеб деньгами, тако ж и на сей 1745 и в наступающей 1746 годы денежное и хлебное жалованье прислано не будет, то всеконечно партии солдаты и служилые в таком отдаленном краю и многотрудном ходу понесут от наготы и босоты нужду, а паче и голод (от чего, боже сохрани, помрут) и в том произойдет вред и воспоследует ея императорского величества интересу упущение и людем трата, и о том я отвечать не повинен. А за неимением провианта в поход итти нечем, и Анадырского острогу на ясашных коряк в каргинных от них оленях для пропитания впредь надежды не имею, понеже они прежь раззорены от неприятелей

чюкоч, тако ж и прошедшей зимы команды моей солдат и служилых пропитали и били своих каргинных оленей многое число, о чем и прежде от меня в Иркуцкую провинциальную канцелярию репортовано. А в Якуцкую воеводскую канцелярию послана промемория апреля от 22 числа сего 1745 году о поставке партии солдатом и служилым денежного и хлебного жалованья, от Якуцкой воеводской канцелярии старание и радение не имеет, от чего неприятели за непоходом нашим имеют исправу, а нам в партии в поход чинитца остановка, и о вышеописанном Иркуцкая провинциальная канцелярия указом ея императорского величества что повелит.

Октября 10 дня 1745 году.

На подлинном пишут тако Маэор Павлуцкой.

Подканцелярист Афанасий Скребыкин *.

Сенат, 1 департ., д. 1552, лл. 32—36; печатается по копии.

64. Из „репорта“ майора Павлуцкого в Иркутскую провинциальную канцелярию от 20 июня 1746 г.

Сего 1746 году марта 18 дня из Анадырского острогу, взяв команды своей регулярных солдат и служилых людей, возымел марш в поход на немирных чюкоч на Колымское море и следовал со всевозможным поспешением с конвоем.

Апреля 15 дня, взяв из команды солдат и служилых 141 человека и иноземцов юкагирей и коряк, от обозу следовал наперед налегки к морю для обыску неприятелей чюкоч, а в обозе оставил Якуцкого полку капрала Федора Такшеева с командою, которому велено, чтоб следовал с обозом назаде осторожно и опасно и о протчем.

Того ж апреля 17 дня маршировал по обоим сторонам вперед себя лехких иноземцов юкагирей для присмотру неприятельских приличных признаков.

И на правой стороне нашей дороги юкагири обыскали неприятелей чюкоч дорогу, по которой следовал я наскоре.

18 числа на солносходе наехали на чюкочкие на пять юрт, которые стояли по край реки, называема Чауна, наехав и отаковали, из которых выходило неприятелей чюкоч на бой человек шестнадцать, и помощию всемогущаго бога оных всех побили (при том бою с нашей стороны ранили одного иноземца лутчаго коряку), а другие неприятели чюкчи сами себя в юртах исприрезались, нехотя итти в покорность, тако ж де жен и детей своих прикололи ж и привешали, токмо в плен взято два подростка мужеска полу, две женки да коряцкого прежнего полоненных ими чюкчами мужик да женка, которые отданы родникам их корякам. При том же взято пять табунов езжалых и неезжалых оленей, например сот с шесть, которые олени отданы служилым, езжалые на езду, каргины на пропитания.

19 числа откомандровал сотника Семена Кривогорницына с командою в штидесяти человеках и иноземцов юкагирей и коряк 17 человек подле моря для обыску неприятелей чюкоч.

27 числа означенной сотник Кривогорницын с командою прибыл в лагерь благополучно и объявил он, сотник: неприятели чюкчи, завидя их, ушли на побег из одной юрты, людей малое число на лехких своих стоялых оленях, за которыми де гнались трои сутки, постичь не могли, к тому ж и олени за дальным ходом пристали, токмо отбили оленей неезжалых с пятьдесят, а юрту и гарно они, чюкчи, сбросали и детей своих они, не-

* Листы документа скреплены: „Григорей Березовской“.

приятели, прикололи. Тогда за показанными неприятели чюкчами в погоню за малолюдством в команде людей, а паче у солдат и у служилых за неимением харчевых припасов, тако ж и за пристатью оленей далее итти было невозможно...*

Маэ́р Павлуцкой.

Июня 20 дня 1746 году.

Сенат, 1. департ. д. № 1552, лл. 49—50.

„Доношение" ясачных коряков и „скаски" казака Артемьевых и других от 17 марта 1747 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Доносят Анадырского острогу ясашные и оленные коряки кнесцы Шадра Ахынтыкив, Веем Ипекин, Яллах Тинивгин, Авулан Амьятов, Умьевы Ялахив, Напылан Тыгавгин, Яхыик Итчалин, Тепега Эвелин, Ивака да Энгилий Лехтелевы, Гачигил да Елвач Овлоховы, Ахыя, Калда, Откувья Логоповы, Нокок Яхыков, Агыкева Иттчалин, Ивтигилян Амунов, Гачигыл Авуявин, Ичика Тамалин, Ивака Верхоглядов с родниками своими, а в чем наше доношение, тому следуют пункты [48].

1

Понеже мы, раби вашего императорскаго величества, готовы служить с ревностною своею охотою и надлежало иттить в погоню за неприятелями чюкчами, токмо войска партии солдат и служилых, за всеконечною нашею скудостию езжалых оленей, поднять не на чем, для того что сего марта 12 числа 1747 году неприятели чюкчи, собрався во многом людей, пришед из своей землицы на наши жилища близ Анадырского острога на урочище на усть речки Орловой, внезапу напали на нас и отбили езжалых и неезжалых оленей всего семь табунов, в которых было казачьих езжалых оленей немалое число.

2

А достальных оленей, кои еще у нас за взятьем были, и тогда, кои от нас получил партии маэор господин Павлуцкой ведомость о приходе к нам неприятелей чюкоч, собрався с командою своею солдаты и служилыми, кои были лехкие люди, тех оленей обрал под себя и под команду свою и следовал по их неприятельской дороге налехке наперед и сего ж марта 14 числа поутру, догнав их, неприятелей, на означенной речке Орловой, и отаковал, причем и мы, раби вашего императорскаго величества, в то время при нем, маэоре господине Павлуцком, были и учиня с неприятельми баталию. Между тем временем по несчастию ево, господина маэора Павлуцкого, и при нем будущих служилых и солдат также и наших ясашных оленных коряк побили и оленей отогнали, понеже он, господин маэор Павлуцкой, был в малолюдстве, всего и с нами, коряками, войска находилось человек сто с несбольшим, а достальной команды своей солдат и служилых не дождался и с теми малыми людьми на неприятелей вступил в бой и то очунь чрезвычай не в способном месте, для того что они, неприятели, стояли на горе, а наш приступ был из под горы. И как они, неприятели, разсмотрели, что малолюдно, едва чрез великую возможность дали выпалить из ружей один раз и то не всем, бросились вдруг на копьях и не дали

* В опущенной части „репорта" Павлуцкий просит о присылке ему провианта, повторяя „репорт" от 10 октября 1745 г.

никакой исправы, стали побивать наше войско и много ружей отбили. И за потребно признаваем мы, что их, чюкоч, по крайней мере было в той баталии ста с четыре или пять сот человек, и просили ево, господина маэора Павлуцкого, чтобы нашего воиска всего сзади дождатся да тогда на них, неприятелей, наступить на бой, только он нашу прозбу ни во что вменил.

3

И видя мы, что уже нашего войска побито много, и тогда достальные служилые, также и мы, стали отбиватца отходным боем и тогда с нашей стороны много ранено служилых и до смерти побито, также и коряк много ж побито, затем что по вступлении с нериятелями в баталию отбито у служилых ружей, а у коряк луков, и отбивались тем отходным боем с оставшими с нами служилыми до своего осадного коряцкого острогу, которой сделан был из наших возовых санок, с великим трудом. И они, неприятели чюкчи, гнались до последку до нашего коряцкого острогу, а по счастию нашему в то время подоспело к нам войска человек с пятьдесят, то уже они, неприятели чюкчи, усмотрели, что к нам войска на выручку пошло, возвратились в свою землицу. А ежли б в те поры к нам нашего войска не подошло, то б нам всем в своем остроге не знамо бы как было отсидется.

4

А у кого имяны неприятели чюкчи у нас, коряк, отбили табуны и сколько при баталие побито и ранено и взято в полон, о том объявляем при сем доношении имянным реестром, а что же с господином маэором Павлуцким при означенной баталии солдат и служилых ранено и побито и с нами сколько от неприятелей отбивались отходным боем и кто имянно, о том подлинно сказать за иноземчеством своим не знаем.

5

И дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было за вышеписанною нашею оленною всеконечною скудостию в погоню за неприятелями чюкчами не гнатца, ибо ко предкам вседушевно будем готовится со всяким прилежно тщательным радением и обучать из достальных своих каргинных табунов оленей на нужное время или когда востребуется на выезд в поход на неприятелей чюкоч, а хотя у нас по малому числу езжалых оленей есть, только те олени в путь негодны и ненадежны, для того что, когда кочевали юртами своими из своей землицы под Анадырской острог, тогда еще измучились под санками, а ныне мы до будущей осени от неприятелей чюкоч опасности не имеем, а в наступающую осень будем сами просить для обережи служилых, сколько нам будет потребно, и поднимем к себе на своем коште и об оном обо всем куды надлежит писать.

Всемилостивейшая государыня, просим вашего императорского величества о сем нашем доношении решение учинить. Марта дня 1747 году к поданию надлежит партии казачью сотнику Алексею Котковскому.

Подлинное доношение писал также парти за ротного писаря служилой Никита Куркин.

Реестр взятым табуном от коряк неприятелями чюкчами, а имянно:

У Аивулана один табун, у Шадры один табун, у Иваки два табуна, у Эгилии два табуна, у Омата Инмахачева один табун.

Взято в плен восемь женок, в том числе один мужеска полу подросток парень.

Побито с маэором при баталии:

Итчал Яхынков, Ахамя Холопов, Ивикка Эвлохов, Бритва Эвлохов, Теневья Третьяков, Нылат Кылыянов, Умьевы Халеопов, Петеня Вакочин, Хегаят Етогов, Ивигин Теневин, Яхинто, на подлинном пишет тако:

Знамя ∅ Шадрино
Знамя ∅ Яхоллово
Знамя ∅ Увиевино
Знамя ∅ Яхыпково
Знамя ∅ Ивакино
Знамя ∅ Гачигиново
Знамя ∅ Ахыяково
Знамя ∅ Нококово
Знамя ∅ Ивтилиниково
Знамя ∅ Куиново
Знамя ∅ Веимово
Знамя ∅ Авуланова
Знамя ∅ Нанынанова
Знамя ∅ Тепегино
Знамя ∅ Этгилино
Знамя ∅ Елчагово
Знамя ∅ Аткувьино
Знамя ∅ Эгеневьино
Знамя ∅ Гачигылово
Знамя ∅ Ивагеину*

Иноземческие речи переводили и знамена подписали за толмачей служилые Иван Павлов, Алексей Шипунов, Иван Пурга прошением вместо их той же партии за ротного писаря Алексей Мельников руку приложил.

Того ж числа о побитии парти маэора господина Павлуцкого и протчих команды ево служителей при баталии немирными чюкчами и о протчем ведомства Анадырского острогу казачей сын Никита Иванов Артемьевых скаскою объявил.

Сего де марта 14 числа поутру на солносходе с маэором господином Павлуцким на урочище речке Орловой против неприятелей чюкоч и на батали был и по несчастию де ево, господина маэора Павлуцкого, и протчих команды ево служителей неприятели чюкчи побили, затем что их было, чюкч, многонародно, например сот с пять иль больши. и, видя они, что с нашей стороны войска много побито и ранено, стали отходить отходным боем с протчими тогда будущими в той баталии солдаты и служилыми людьми и с ясашными коряками до их коряцкого острогу с великою трудностию, а коликое число солдат и служилых и коряк было при батали с маэором господином Павлуцким и сколько ранено и побито, того подлинно сказать не знает и в сей де своей скаске сказал самую истинную свою правду без утайки под опасением смертной казни.

На подлинной пишет тако: к сей скаске казачей сын Никита Артемьевых руку приложил.

Того ж числа казачьи дети Никита Попов, Иван Попов скаскою объявили то ж, что выше сего и Никита Артемьевых скаскою объявил.

На подлинной пишет тако: к сей скаске вместо Никиты Попова, Ивана Попова их прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Нижно[ко]вымского зимовья служилой Агафон Селиванов то ж показал скаскою, как выше сего и Никита Попов с товарыщи скаскою объявили.

На подлинной пишет тако: к сей скаске вместо Агафона Селиванова ево прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Нижноковымского ж зимовья ясашной плательщик Сергей Кузьмин сын Насонов то ж сказал, что выше сего Агафон Селиванов объявил.

На подлинной пишет тако: к сей скаске вместо Сергея Насонова ево прошением Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Анадырские посацкие Григорей Щипунов, Лука Ворыпаев объявили против того ж, как за подпрапорщика служилой Василей Антипин, пятидесятник Ефрем Котельников выше сего сказали ж.

---

* Знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы.

На подлинной пишет тако: к сей сказке вместо Григория Шипунова ево прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Анадырской казачей сын Василей Серебренников против того ж показал, как выше сего казачей сын Никита Артемьевых скаскою объявил.

На подлинной писано тако: к сей сказке вместо Василья Серебренникова ево прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 238—242; печатается по копии.

66. „Репорт" сотника Котковского в Иркутскую провинциальную канцелярию от 3 апреля 1747 г.

Понеже сего марта против 12 числа около полуночи 1747 году приехал от оленных ясашных коряк лутчего коряки Веема Ипекина работник ево мимо и объявил словесно, яко неприятели чюкчи пришли под Анадырской острог на усть речки Орловой на их жилища и розбивают их оленных ясашных коряк.

И того ж числа в ночи партии маэор господин Павлуцкой собрався с лехкими людьми с солдаты и служилыми всего в девяносте семи человеках, в том числе камисарского ведомства казачьих детей четыре, да ясашной один, посацких двое, колымской служивой один да с собою взял ясашных оленных коряк 35 человек и отправился наперед на оленях и на собаках, а позади себя оставил войска солдат и служивых всего двести два человека.

И приказано было от него, маэора господина Павлуцкого, чтоб оному войску следовать за ним пешим, а хотел навстречю послать оленей, с которыми я той же ночи следовал со всяким поспешением, а санки тащили и ружья несли на себе и шли пешие, а оленей от него было настречю не прислано. А в Анадырску при остроге на караулах больных и под арестом оставалось солдат и служилых 53 человека.

А марта 14 числа после полудни прибыл я в оленные ясашные коряки с означенною посланною со мною командою и получил словесной репорт чрез служилых и ясашных оленных коряк, что господин маэор Павлуцкой марта ж против 13 числа в ночи перед утром присмотрел неприятелей чюкоч стоячих на горе на усть речки Орловой, а 14 числа поутру на зоре отаковал, а на восходе солнца, не дождався меня за собой с достальною всею командою, с теми малыми людьми, кои с ним наперед ушли, поступил с ними, неприятелями чюкчами, военною рукою и по несчастию де ево господина маэора Павлуцкого и при нем будущих в той батали солдат и служилых немалое число неприятели чюкчи побили. И того ради с ревностною охотою имел как я, также парти солдаты и служилые намерение для отмщения христианские кровь и искоренение их, неприятелей чюкоч, итти за ними в погоню, токмо за всеконечно оленных ясашных коряк езжалых оленей скудостию поднятся было не на чем, чего ради как еще и сперва о приходе неприятелей чюкоч под Анадырской острог на коряцкие жилища ведомость получилась, но и тогда я с достальною командою следовал за ним, маэором господином Павлуцким, пешие.

А марта 17 дня, в поданном доношении анадырских оленных ясашных лутчих коряк Шадры Аханкива, Веема Ипекина, Яллача Танавеина с товарыщи и с родниками между протчим написано: понеже де они ея императорскому величеству готовы служить с ревностною своею охотою и надлежало итти в погоню за неприятелями чюкчами, токмо войска партии солдат и служилых за всеконечною их скудостию езжалых оленей поднять не на чем, для

того что сего марта 12 числа 1747 году неприятели чюкчи, собрався во многом числе людей, пришед из своей землицы на их жилища близ Анадырского острогу на границе на усть речки Орловой, внезапу напали на них и отбили езжалых и неезжалых оленей всего семь табунов, в которых было и казачьих езжалых оленей намалое число, и взяли в полон их, коряцких, семь женок да один парень подросток, а достальных де оленей, кои еще у них за взятием чюкчами были, и тогда, как от них получил партии маэор господин Павлуцкой ведомость о приходе к ним неприятелей чюкоч, и тех оленей, при побитии де ево, господина маэора Павлуцкого, и команды ево солдат и служилых, также и их, коряк, неприятели чюкчи отогнали.

И просили они, коряки, Шадра Ахантыкив с товарыщи, чтоб за всеконечною их скудостью езжалых оленей в погоню за неприятелями чюкчами не гнатся, ибо ко предкам вседушевно будут готовитца со всяким прилежно тщательным радением и обучать из достальных своих каргинных табунов оленей на нужное время или когда востребуется на выезд в поход на неприятелей чюкоч. А хотя де у них по малому числу езжалых оленей есть, только те олени в путь негодны и ненадежны, для того что, когда кочевали юртами из своей землицы под Анадырской острог, тогда еще измучились под санками, а ныне де они до будущей осени от неприятелей чюкоч опасности не имеют, а в будущую осень сего 747 году будут сами просить для обережи служилых, сколько им будет потребно, поднимут тех служилых себе на своем коште, и о том де куды надлежит писать.

А в скасках о битии партии маэора господина Павлуцкого и протчих команды ево той же партии за подпрапорщика служилого Василья Антипина, Ефрема Котельникова с товарыщи между протчим же написано.

Сего ж де марта 14 числа по утру на солносходе с маэором господином Павлуцким против неприятелей чюкоч на усть речки Орловой на батальи были, токмо де по несчастью ево, господина маэора Павлуцкого, и при нем будущих с ними двух сотников, одного подканцеляриста, одного пятидесятника, одного ясаула и юкагирского толмача, Якуцкого полку капрала Федора Такшеева, за капрала солдата одного Ивана Кистинева, служилых тридцать двух, коряк одиннадцать человек неприятели чюкчи побили и ружья их в полон взяли, для того де что их, неприятелей чюкоч, было весьма многонародно, по крайней мере, например, с пятьсот или шестьсот человек, а их де солдат и служилых было с ним, маэором господином Павлуцким, 97 человек, коряк 35 человек. Да к тому ж де и баталия была чрезвычайное дело не в способном месте, затем что неприятели стояли на горе, которая высотою разстоянием в немалой обширности обстоит, а их приступ был на них из под горы, и разсмотрели они, неприятели, что их малолюдно, бросилось вдруг на их с копьями и никакой свободной ко оборонению исправы не дали и едва чрез великую возможность из ружей дали выпалить один раз, а больше и ружей заправить было некогда, понеже пошли неприятели чюкчи на копьях, также и они насупротив их, неприятелей чюкоч, пошли на копьях же и бились с ними не малое время. Но однако ж они, неприятели чюкчи, весьма очюнь за малолюдством их осилили, ибо их было многонародно и взяли ружей у 16-ти человек, и видя они, что уже нашего войска много побито и ранено, то стали от них, неприятелей чюкоч, отходить отходным боем и отбивались с великою нуждою. И тогда с нашей стороны ранено служилых 13 человек, коряк 15 человек, и гнались они, неприятели чюкчи, за ними до коряцкого острогу, которой сделан был из возовых санок. И в то ж время, по счастью их, подоспело к ним войска встречю к тому острогу служилых человек с 50, то они, неприятели, усмотрели, что к ним войска на выручку подходит, от того острогу отошли прочь и ушли в свою землицу, а ежели б и тогда войска к ним не подоспело, то бы незнамо, как было от них, неприятелей чюкоч, и в остроге отсидется.

А во время де той батали взято в полон одно знаме, одна пушка маленькая железная, один барабан да одного служилого, и до того уже время допущало, что они, неприятели, у служилых и служилые у них друг друга отнимали из рук копья, а протчие служилые, у которых отбиты были ружья, оборонялись и ножами.

А с вышеозначенного доношения, тако ж и со скасок за подпрапорщика служилого Василья Антипина, пятидесятника Ефрема Котельникова с товарыщи, приобщены при сем точныя копии.

А ныне при Анадырску состоит на лицо при парти Якуцкого полку один каптенармус, капрал один, гранодер шесть человек, солдат 21 человек, в том числе один Сибирского гарнизона Тобольского полку, служилых 290 человек, в том числе в дальных отлучках в Иркуцку и в Якуцку один сотник, пятидесятников двое, служилых пять, итого восемь человек. К тому еще в полной комплет надлежит прислать в дополку гранодер 4, солдат 17 человек, служилых 110 человек, понеже впредь без полного комплета солдат и служилых воровски приходу от неприятелей чюкоч под Анадырской острог нападения на ясашных коряк весьма опасно да и от изменников анадырских и охоцкого порта оленных и сидячих коряк, хоша они и верноподданные, только весьма ненадежны (и впередь чего не дай боже) уже и так не без опасности.

И о присылке в партию для содержания команды и лутчаго порядку нового командира и в полной комплет вышеписанного числа гранодер, солдат и служилых и по прежде посланному октября от 13 числа 746 годы парти от маэора господина Павлуцкого и по сему репортам и обо всем вышеписанном Иркуцкая провинцыалная канцелярия указом ея императорскаго величества что повелит, а о том же в Якуцкую воеводцкую канцелярию репортом писано ж.

На подлинном писано тако. Сотник Алексей Котковский. За ротного писаря служилой Алексей Мельников.

Апреля 3 дня 1747 году.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 235—237; печатается по копии.

ПОХОДЫ КАПИТАНА ШАТИЛОВА ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ В 1751—1752 гг.

67. „Репорт" капитана Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 11 марта 1752 г.

Августа 6 дня минувшаго 1751 года маршировал я из Анадырска водяною комуникациею для поиску неприятелей чюкоч на судах вниз по реке Анадырю до урочищ Чекаева и до Красного яру, в котором маршу было при мне солдат, казаков и протчих чинов двести человек, и прибыв на урочище Чекаеву 12 и оставя на оном порутчика Бельского с командою для промысла оленей двумя судами, при коих было солдат и казаков двадцать, и оттудова следовал я в восьми судах вперед к Красному яру и прибыл того ж числа. А неприятель уже оттуда до прибытия моего утек на побег с великою торопостью, за коим закомандирован был сотник Куркин с командою на одном судне, для того чтоб оныя чюкчи усмотрели, что к ним послано одно судно не для войны, и остановились бы на месте, а сотнику Куркину велено, ежели их где постигнет, то их уговаривать ласкою и приветом под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, и буде по уговорам склонятся, то бы из них одного лутчаго до меня привесть, а ежели они по уговорам добровольно не склонятся и усмотрено будет, что их малолюдно, то в таком случае

ему, Куркину, призвав в помощь всемогушаго бога, поступать военною рукою, а буде ж многолюдно, то отнюдь не поступать и в озард себя не отдавать, но как можно следовать в главную команду.

А достальными семью судами оставался я на том урочище у Красного яру затем, ежели б тогда всеми судами за ними следовать, то увидя оные чюкчи устрашатся и на побег пойдут, и в таком разсуждении лутче их умирять сперва ласкою и приветом, и хотел их видеть и от них слышать, какия разговоры иметь будет и от чего в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж не склоняются, которой сотник из той командировки прибыл того ж числа в ночи, репортовал словесно, что неприятель ввечеру к нему в восьми байдарах подъезжали, но весьма близко, с коими он имел переговор и призывал в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, точию де они не склонилися и говорили, что ясаку и прежде сего времяни не платили да и ныне платить не будут, но никакого с ними сражения не было, и объявя ему, Куркину, умышленно, что пошли они в свою землицу и более уже не будут.

13, оттуда отошел я с командою возвратно в удобное место пониже Красной реки и остановился для промыслу оленей и оттуда командировал для оленного ж промыслу на двух судах двух сотников, Котельникова и Куркина, с командами на урочище Чекаево, из коих показано быть Котельникову на Чекаеве, а порутчика Бельского ордировал, чтоб следовал двумя судами на Усть-Криву[ю] протоку, а Куркину быть пониже Чекаева на острову, именуемом Буяне.

14, например до вечера часа за три, они, чюкчи, пошли в семи байдарах, а другие в ветках, знатно что имели намерение наш караул скрасть и незапно учинить нападение, точию ж с караула наши их прежде усмотрели и того ж моменту с достальными за командированием шестью судами гнались за ними с великою ревностию и поспешением едва не до Копейкиной губы, но за весьма нощною темнотою и ветхостию наших судов они, чюкчи, утечкою ускорили, и затем постичь не могли и в таком случае той же ночи возвратился к Красному яру и ночевал.

15 числа следовал на то ж место, откудова за ними в погоню пошел, и прибыл благополучно и на оном еще для промыслу оленного продолжил время до 18 числа и, как всевышний бог даровал служителям на пропитание в путь до Анадырска оленного мяса, и тогда, отдав всемогущему богу благодарение, возвратился и по прибытии на Чекаево 21, взяв означенных сотников с командами, и 22 следовал же оттуда к Анадырскому острогу и по прибытии на Усть-Кривую протоку по вышеписанному ж порутчика Бельского с командою взял и оттуда паки следовал в Анадырск в таком разсуждении, чтоб не пропустить в Анадырске удобного рыбного промыслу, дабы служители за безпромыслицею рыбного корму, а паче за неприсылкою от Якуцкой канцелярии никакова в Анадырске провианта не имеется, не претерпели нужды и голоду. И прибыл в Анадырскую крепость сентября 1 дня с великим трудом, для того что в Анадырске весьма вода была мала, и во многих местах чрез мели суда перетаскивали с садою с немалым же трудом и, недошед до Анадырска разстоянием, например, верст за десять, при урочище Кислой Вадеге с судов половину кормовых припасов сгруживали и оттоля почти простые суда едва до Анадырска довели с нуждою.

Сентября 3 упоминаемой же сотник Куркин с командою в тридцати человеках отправлен был на одном судне на урочище Усть-Прорву для предосторожности, чтоб неприятели чюкчи водяною камуникациею воровски не подошли под Анадырскую крепость и не учинили б оной какого б повреждения и высочайшему ея императорского величества интересу ущербу, и велено ему, Куркину, на том на урочище быть того ж сентября

до 15, которой из той посылки в Анадырск прибыл 16 чисел и репортовал обо всем благополучно.

И о вышеписанном Иркуцкая провинциальная канцелярия да благоволит быть известна.

Марта 11 дня 1752 году.

На подлинном пишет тако.

Капитан Шатилов.

Подканцелярист Алексей Мельников.

Сенат, 1 департ., д. № 1552, лл. 422—422а; печатается по копии.

68. „Репорт" капитана Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 22 октября 1752 г.

Прошедшаго августа 9 дня сего 1752 году маршировал я из Анадырской крепости с командою по течению реки Анадыря вниз на одиннадцати судах для поиску неприятелей чюкоч, в коей партии было разных чинов 180 человек.

12 прибыл на усть Маин реку и оставил пятидесятника Верхотурова в 18 человеках и одно судно, да того ж числа при урочище Панковом оставлен же пятидесятник Петр Шатилов и при нем 10 человек рядовых и за негодностию одно, итого два судна для промыслу оленей.

14 на утренной зоре усмотрели неприятеля на двух байдарах повыше урочища Чекаева, из коих одну, помощию всемогущаго бога, военною рукою отаковал и побил в ней будущих чюкоч, токмо из той байдары ушли на побег пять человек на берег в чащу, в том числе один раненой. И от того стражения услышали про у[ро]чище Чекаеве, где имелся чюкоцкой посад, и с коего неприятели чюкчи со всякой торопостью пошли на побег, а имеющимся на острову Буяне и на усть реки Красной и у Красного яру чюкчам же те ретировавшияся на побег от Чекаева друг другу о поступлении моем на них военною рукою давали знать пальбою из ружья, которые чюкчи по тому знаку паки по вышеписанному от предписанных урочищ с торопостию пошли на побег, за которыми я гнался с великою ревностью, точию оне, чюкчи, на которых у них байдарах люди будут приставать, то тех людей возьмут на другие байдары, токмо три байдары, как я стал их постигать, тогда увидя они, что уже им утечкою не ускорить, погребли чрез ланду к берегу (то есть отмелое место) и вышли на берег, оставя в тех байдарах свой богаж, а сами ушли в реку весьма в неспособныя и чащевитыя места, и оббяжав я ту ланду парусом и пристал ниже, ибо меня чрез ту ланду, куды они, чюкчи, байдарами прошли, судном не пропустило. Однако ж я за ними командировал вслед солдат и казаков которые, помощью ж всемогущаго бога, хотя их, чюкоч, самих не могли постичь, однако ж взяли в плен мужеска полу парня одного, женска полу больших и малых шесть и предписанные три байдары. И между тем временем стали за мною и достальные суда, судно по судну, сбиратца и за оным продолжением они, неприятели чюкчи, в тридцати байдарах ушли в скорости на побег, ибо их байдары против наших судов легче и ходом мелки, и хотя с ревностю ж намерен я был еще за ними вслед гнатца, но точию уже не в дальности были оттуда Прокопьевска, Онеменска и Нерпичья губы, чрез которые было следовать за ними, чюкчами, надлежало, однако ж за весьма дальностию чрез оныя губы за ними, чюкчами, далее не следовал, понеже суда наши не в скором времени собрались, к тому ж и военно служащия люди весьма притомились, ибо я за ними, чюкчами, одним своим судном гнался растоянием больше 80 верст, а протчии суда оставались за тяжелостию позади меня, и только из них за мною видно было одно судно.

И по возвращении оттуда Красному яру командированы были пятидесятник один и при нем рядовых двадцать для подсмотру неприятеля, которыя паки взяли в плен одну женку с небольшею девкою, да по прибытии Красному яру взята ж в плен одна женка с парнем, при котором урочище остановился для отдыху военнослужащим людем и во время ночи, отошед всеми судами, и стал на якори чрез всю реку, для того что как я сперва за ними, чюкчами, от урочища Чекаева погнался судами, и тогда от военного страху несколько байдар ушли в устье реки Красной, и один ветошник против устья той реки Красной на зарешную сторону ушел на берег.

15 по утру, как росветало, пришед судами к берегу, еще нашли одну женку, которая объявила, что за старостию от товарищей своих осталась и с ними иттить не могла и затем для проведывания пришла, что руские люди ушли или нет, и не осталось ли какой их чюкоцкой байдары или ветки, на коей бы де ей можно было до своих товарищей дойтить. И того ж моменту для поиску реченных ее товарищей командированы были двое урядников и при них рядовых по двадцати по четыре на обе стороны того Красного яру, которые, пришед обратно, репортовали меня, что никого из неприятелей найтить не могли.

А предъявленная чюкоцкая женка, сидя на судне, незапным случаем схватав копие, поколовши себя, кинулась в воду, которую вытащили, но она уже едва и дыхание имела, и для того велел ему заколоть и закласть каменьем. И во оном походе взято в плен мужеска полу робят двое, женского полу больших и малых десять, двадцать шесть лисиц красных, в том числе у трех до половины хвосты оторваны, у двух по корень не имеютца, да четыре сиводушки, в том же числе у одной половина хвоста оторвано ж, три парки * куньи поношены, и один куяк железной, 15 байдар, 40 веток. И того ж числа, создав богу благодарение, учинил отвал, для того чтоб дойтить заблаговременно в Анадырскую партию и не пропустить удобного рыбного осеннего неводного и половодного езового промыслу, дабы в наступающую нынешную зиму военнослужащия люди за непривозом провианта и за беспромыслицею рыбного корму не могли претерпеть крайней нужды и голоду, следовал к урочищу Чекаеву и по прибытии на усть реки Красной паки командировал двух урядников и при них рядовых по двадцати по четыре для поиску ж неприятелей чюкоч, которые от военного страху ушли в то устье реки Красной, и прибыв обратно, реченныя урядники репортовали меня, что неприятелей чюкоч найтить не могли и никаких их признаков не видали.

И во время ночи паки я всеми судами вышел и постановился чреа всю реку на якори и ночевал благополучно.

16; встав поутру, следовал к урочищу Чекаеву и в том следовании на острову Буяне оставил прапорщика Ковалева с пятью судами (которой остров от Чекаева обстоит в недальном растоянии около десяти верст) для промыслу оленей, а я с достальными четырьми судами прибыл того ж числа на Чекаево и остановился для промыслу ж оленей и продолжил время до 18, точию на оных урочищах, как на Чекаеве, так и на Буяне острове, оленного промыслу не было, и для того приказано прапорщику Ковалеву прибыть со всемя при нем пятью судами к урочищу Чекаеву, которой того ж числа и прибыл благополучно. И по прибытии ево следовал я со всею командою к урочищу Панкову плесу, где оставлено от меня было одно судно и пятидесятник один с десятью рядовых, на которое прибыл 22 ввечеру и продолжил на оном время по 26-е для промыслу оленей и оттуда следовал на урочище усть реки Маина, где имелся с одним судном пятидесятник и при нем восемнадцать рядовых, и того ж 26 на усть Маины прибыл, а 27 на том урочище продолжил, для того что

* В оригинале „партии".

промыслу оленей означенного пятидесятника, разделив солдатом и казакам, и приказал погрузить на суда и 28 по утру на зоре учинил отвал, следовал в Анадырск и прибыл сентября 2 чисел за благость всещедрого бога благополучно.

А 4-го числа того ж сентября командировал я из Анадырской крепости на предписанное устье реки Маина в предосторожность, чтоб извесныя неприятели чюкчи тогда водяною коммуникациею воровски не подошли к Анадырской крепости и не могли б оной учинить какого незапного повреждения на верноподданных ея императорского величества народов нападение и смертного убивства, на четырех судах сотника казачья одного, при котором было урядников, капралов и рядовых 50 человек, коему сотнику велено тамо быть по 17 число, которой из той командировки в Анадырскую крепость прибыл обратно того ж сентября 22 дня и репортовал меня письменно, что как неприятелей чюкоч, так и их воровских никаких признаков нигде на видали.

А по справке в анадырской партии имеетца взятых порутчиком Кекеровым в плен в прошлом 750-м году от чюкоч две парки куньи ношены, а по присланному ея императорского величества указу из Ыркуцкой провинциальной канцелярии августа от 12 числа минувшаго 1751 году велено означенныя взятыя от чюкоч в плен две парки и впредь какая от них мяхкая рухлядь помощию всемогущаго бога получена будет в добычю, при способной оказии при доношениях отсылать в Ыркуцкую провинциальную канцелярию. И во исполнение оного ея императорского величества указу предъявленные взятые мною в плен в нынешнем 752 году от чюкоч три парки куньи, двадцать шесть лисиц красных, да четыре сиводущетые, тако ж и взятые в 750-м году порутчиком Кекеровым от чюкоч в плен две парки куньи и того пять парок куньих, 30 лисиц красных, в том числе четыре сиводушки с лапы и с хвосты, которые положены в одной сыромятной суме и запечатаны собственною моею печатью и посланы из Анадырска в Ыркуцкую провинциальную канцелярию при сем доношении с нарочным команды моей казаком Федором Лобашковым, коему велено следовать со всяким пути поспешением, и по прибытии в Ыркуцкую провинциальную канцелярию означенныя парки и лисицы и посланныя отсель доношении и репорты отдать с роспискою и следовать обратно в Якуцк и по прибытии, истребовав от Якуцкой воевоцкой канцелярии по посланной отсель промемории для необходимых при партии надобностей на починку ружей железа полосового десять, стали одного укладу четырех пудов и по приеме оного по вышеписанному ж следовать в Анадырскую партию с поспешением же.

И для проезду ему от Анадырска до Якуцка определена одна треть подводы и подорожная, токмо за неимепием при партии денежной казны поверстных денег не дано, и об отправлении ево из Якуцка в Ыркуцк, удовольствовав, чем к тому пути по указом надлежит, в самоскорейшем времени в Якуцкую воевоцкую канцелярию сообщено промемориею. А предъявленныя чюкоцкие пленники, женки и робята, с публичного торгу проданы и из продажи деньги, а байдары и ветки без продажи солдатам и казакам за многопонесенные ими во означенном походе труды и за верную и весьма радетельную ея императорскому величеству их службу отданы в награждение.

И того ради Ыркуцкую провинциальную канцелярию покорно прошу, чтоб повелено было по прибытии в Ыркуцк у предъявленного команды моей казака Лобашкова часторечепныя парки куньи и лисицы также и посланныя отсель пакеты за печатьми принять с роспискою. И по приеме паки при способной оказии обратно ево, Лобашкова, отправить в Якуцк и об отпуске с ним в Анадырск требуемого железа, стали и укладу в самоскорейшем времени Якуцкую воевоцкую канцелярию подтвердить ея импера-

горского величества указом, дабы при надобном случае в поисках над неприятелем в военнослужащих людях недостатка, а за неименнем железа, стали и укладу в починке ружей остановки и от того б в военном действии против неприятелей помешательства быть не могло.

Октября 27 дня 1752 году.

На подлинном пишет тако. Капитан Шатилов.

Канцелярист Алексей Мельников *.

Сенат., 1 департ., д. № 1552, лл. 497—500; печатается по копии.

НАЧАЛО ЧАСТИЧНОГО ПОКОРЕНИЯ ЧУКЧЕЙ.

69. Сенатская справка о „доношениях" Иркутской канцелярии в Военную коллегию от 26 и 29 ноября 1756 г.

756, ноября 26 и 29 чисел доношениями из Иркуцкой канцелярии в военную коллегию объявлено.

1. По репорту маеора Шмалева по описании чюкоцкого народа состояния и что их до 10 000 находитца показано. В Анадырск прибывшие чюкчи объявили: присланы они ото всех чюкоцких народов со объявлением, что все чюкчи желают быть в росийском подданстве и ясак платить вечно в год по одной лисице красной с человека, только без взятья от них аманатов, и войны никакой и ссор не чинить, а егда росийским людям куда случитца в поход итти и им по требованиям их вспомогать и в поход ходить без всяких отговорок, а буде и на них, чюкоч, от кого какое нападение будет, а особливо от коряк, то б таким же образом и от подданных росийских народов чинено им было вспоможение беспрепятственно, и в том они, чюкчи, весною, по собрании их на реке Анадыре тоенов на Чекаеве по своему иноверческому обыкновению и присягу, чтоб им солнца не видать, учинят и обо всем твердое установление при том урочище сделают.

На что им от маеора с благосклонностию и порядочно обещано, что б они конечно ея императорскому величеству в подданство шли и ясак, что по указом на них положено будет, платили и взятых от росийской стороны народов привезли в Анадырск, за что те тоены, кои к тому усердие имеют и других к тому склоняют, награжденнем оставлены не будут. На что они паки тож ответствуя говорили, яко они только присланы от своих старшин ради разведывания, без взятья от них аманатов в подданство с однем платежом ясака приняты и военные над ними поиски оставлены будут ли, на что от маеора объявлено, что из высочайшаго ея императорскаго величества монаршаго милосердия они в подданство приняты и вины им отпущены, тако ж и ясак от них припят быть имеет, а аманатов представлено будет к главной команде, почему они ево, маеора, и обнадежили весною со всеми старшинами и с ясаком быть на реке Анадыре на Чекаево.

И во время их бытия в Анадырску, он, Шмалев, их как из казны табаком, корольками и протчим, так и собственным своим дарил и пищею, изыскивая лутчих способов, довольствовал, напротив чего и они ево дарили двумя куньими парками. Потом сержант и капрал да из разночинцов толмач с теми чюкчею в чюкотския жилища отправлены и приказано всех их обстоятельства и порядки, и подлинно ль в подданстве быть и ясак платить намерены, примечать и по примечаниям о бытии в подданстве и в платеже ясака уговаривать, а более высматривать, сколько они людны

* Листы документа скреплены: „С подлинным читал подканцелярист Гаврила Баженов".

и оленны, и какие там горы, и леса, и земля, и рыбные промыслы, и как промышляют и чем довольствуютца, и можно ль и на каких судах ходить по морю, и есть ли отстои и пристани, и какие над ними к поиску лутче лежат способы и сухим путем или водою, и в строении в их жилищах крепостей и людям в пропитании какая надежда есть ли.

И егда де те чюкчи со старшинами на Чекаево будут и о бытии их в подданстве желание объявят, то положено им объявить, что из высочайшей ея императорскаго величества монаршей милости они приняты и вины их отпущены быть имеют, и ежели ясак платить станут, и оной принимать да и без взятья аманатов будет, и об аманатах ожидаетца резолюции, что и требовано от иркутского вице-губернатора и при том представлено, что по последнему известию оказываетца тех чюкоч многолюдно, то скорым взятьем аманатов огорчить не надобно, чтоб от намеренья к подданству и платежу ясака, как народ лехкомысленной и командиров де неимеющей, не отлучить.

К тому ж еще в надлежащих местах к пресечению их бунтов и в закрытие верноподданных народов и рыбных и звериных, чем бы за непровозом провианта, коего ныне в Анадырске ни единого фунта и в магазеинах и у всех жителей нет, людей продовольствовать можно было, промыслов крепостьми незакрыто и неукреплено, и не токмо в других местах, но и в Анадырске до прибытия ево, маеора, жило ничем загорожено не было, чего ради, несмотря на морозы и голоды и людскую крайную трудность, принужден он то закрывать забором, дабы бунтовщики нечаянно напасть или воровски жила зажечь и убийства учинить не могли.

Сенат, 1 департ., д.
№ 1558, лл. 180—182.

III. СВЕДЕНИЯ О ЧУКЧАХ И ЖИТЕЛЯХ ОСТРОВОВ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА, СОБРАННЫЕ В 50 И 60-х гг. XVIII в.

Материалы о чукчах и жителях Большой земли, представленные сибирским губернатором Чичериным Екатерине II.

МАТЕРИАЛЫ О ЧУКЧАХ И ЖИТЕЛЯХ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ СИБИРСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ ЧИЧЕРИНЫМ ЕКАТЕРИНЕ II.[49]

70. „Показание о чюкоцкой земле" бывшего в плену у чукчей казака Кузнецкого [1756].

В прошлом 754 году в марте месяце, в бытность тогда в Анадырску командиром капитана Шатилова, отпущен был он для звериных промыслов в шестнадцать человек, и едучи назад на вершине речки Налучи (до коей от Анадырской крепости не более разстояние 35 верст), на кампю стояли ясашных юкагирских восемь юрт и в тех юртах за поздым временем ночевали, в которых юртах тех юкагирь одного мужескаго полу было человек до 50, а всего сколько с женским полом и малолетними показать не упомнит, и поутру рано поехали к Анадырской крепости.

И отъехав от тех юкагирей верст с пять и незапным случаем на дороге повстречались с нами немирные чюкчи (коих числом до 500 было) и учинили на нас нападение и розбили всех, а его поймавши связали, а товарищи, кои с ним были (кроме разночинца Бориса Унжакова, которого в то время тут убили), разбежались и по взятии на том юкагирском

месте ночевав, поутру его развязали, и один из них лутчей мужик именем Мего спрашивал у него, что сын сво, взятой в плен, в крепости ли, жив ли, на что он, догадавшись и зная, что его в крепости нет, объявил, что есть и жив, за что они его и не убили.

И тот мужик, которой о сыне своем спрашивал, взял его к себе, и поехали в их чюкоцкие жилища обратно на имевшихся тогда у них оленях санками через хрепты, речки и болоты и доехали до их первых юрт.

Всего до их юрт имели проезду шесть недель все пустыми и безлесными местами, а тех оленей у них, чюкоч, имелось более двутысяч, ибо они, по их обыкновению, ездят на оных следующим порядком: один олень запрегается в санку под называемой аргыш (то есть для съестных припасов и другаго борошню), а по два и по три оленя потому ж запрегают в санки ж, на которых они едут сами, а протчие олени всегда берутся заводными для перемены усталых, а у иных лутчих мужиков и более тех оленей бывает, а сколько числом, всего показать не упомнит. Во время того к их жилищам проезда были великие метели и с мокрым снегом, так что в случае на другой день морозу и копытами те олени корму себе добыть не могут, отчего также и от пристали немалое число оных издохло. И во время того к их жилищам проезда тех же оленей по недостатку тогда взятого у них корму употребляли на еду, а где случится ночевать, то всегда останавливаются на таких по знаемости их местах, где можно тех оленей прокормить мохом, из табуна оных распускают для корму с одним или двумя караульщиками, а как едут, так и становятся не все вдруг, но порознь, кто куда едет или где ночевать место себе изберет, только друг от друга в виду, и вместо юрт становят шитые из оленьих теплых кож полога, в коих спят по десяти человек и более.

По привозе его в их Чюкоцкую землю жил он у вышеписанного чюкчи Мего, которой по их обыкновению лутчей оленной мужик, два года и во всю ту его бытность имел он обо всех их обхождениях примечание, и какие у них между собою поступки и как их многолюдной и о протчем по достоверным и очевидным случаям следующее объяснение.

1) Предписанные чюкчи главного командира над собою не имеют, а живет всякой лутчей мужик своими родниками собою и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы.

2) В зимнее и летнее время на каждый день большими собраниями во-первых бегают пешие даже до последнего человека и друг друга перебегивают до самого пристатку и расходятся по юртам.

3) Нагие борются.

4) Надев куяки и взяв луки со стрелами, и делают друг против друга один только пример, натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копья, такой же делают пример, как в сражении быть надобно, потому ж до устатку. Луки со стрелами и копья имеют всегда при себе в чистоте и бережи. По окончании того также расходятся по юртам.

5) Вышеобъявленная Чюкоцкая земля во первых болотная, гористая и весьма кочковатая и мокрая, тако ж никакого лесу и трав, кроме оленьего корму, то есть моху, не имеется, и те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях и живут в чюмовых оленьих кожаных юртах, огонь зимою во оных бывает посредине (которой добывают из дерева) таким подобием: кладут мелкой тальник, т. е. самой малой сланец, вышиною не более от земли четверти, да и того весьма около речек редко да и почти нет, также оленьи сухие рога и кости, и облевают нерпичьим китовым и моржевым жиром, да кроме того имеют в пологах (кои сшиты из оленьих с шерстью кож) называемые жирники, в которыя из

выростающего на кочках чорного моху делают на подобие фитиля и кладут в те жирники, кои выдолбленные из камня и сделанные из глины на подобие плошки, а железных ни у кого не видал. И тот фитиль горит весьма ясно, от которого свету в тех их пологах имеется теплота, и хотя сколь великие бывают морозы, то они по большей части сидят нагие. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу едят мясо оленье, рыбу, нерпу и протчих морских зверей, каких упромыслить могут, сырое и мерзлое и всякое из земли мяхкое коренье, а хотя современем и варят себе еду в сделанных из глины горшках, но и то очень за неимением лесу редко. Нерпу и морских зверей получают те оленные от сидячих около моря чюкоч. Когда зимним временем бывает теплота и снег небольшею частию растает, а после того сделается стужа, то имеющиеся у них олени за недобычею из под снегу копытами корму многие гибнут.

6) Называемые сидячие около моря чюкчи, т. е. кои оленей не имеют, а ездят на собаках, у оных юрты выкопанные в земли деревянные, лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припайках.

7) Они же, чюкчи, хотя между собою временем бывают согласны и вместо присяги обязываются по их обыкновению солнцем (чтоб оного не видать), но только в бытносте ево мог он видеть, что один сын отца родного, а потом и брат брата родные ж зарезали ножами, и то они почитают между собою ни во что. И когда у которого сына отец или мать придут в старость, то их у себя более не держат и в бывшия морозы отвозят от своих жилищ вдаль и оставляют, где они и замерзают; мертвыя тела жгут на огне.

8) Еще ж они сбирают на земли грибы, кои и составляют каким то надобьем (которого он приметить и знать не мог), называемой мухомор, и едят и сделаются без ума: бегают и скачут, а сверх того как мужеской, так и женской полы умываются урином. Жен имеют каждой по две, по три, по четыре и по пяти; бабы живут ни в одних, но в разных пологах, кои столь же велики бывают, как и выше объявлено — человек по десяти и более спят. И то чюкоцкое между самыми каменьями житье за неимением лесу самое уже последнее, а к тому и мерзкое, коего едва ль в свете для человеческого жития хужее быть может.

9) А когда он, Кузнецкой, разговоры признал и несколько говорить научился, и тогда многократно в тех их разговорах слыхал, что воюют они не только против российских и коряк, но еще есть прямо их от Чюкоцкого носу в море остров, на коем живут чюкчи же, называемые зубатые, с коими напредь сего имели войну, а ныне живут в дружбе, а от того острова имеется остров же, которой называют Большею землею, и так многолюдно почитают и применяют как песку, коих людей называют кыхмыщами. А сколь далеко от них тот остров, на коем живут зубатые, а от оного и называемая Большая земля, имеется и какое положение имеют, того они не знают, только сказывали, что на той Большей земли разных родов лесу множество и так крупен, что едва два человека одну лесину обнять могут, также и всякого зверя довольствие, и такие же земляные у них юрты, как и у них, сидячих. А солнце де бывает человеку в самое темя, и великие от того солнычного сияния бывают жары. На ту Большую землю для войны ездят они чрез губы в кожаных байдарах, не хватая того острова, где зубатые живут, а в сухих местах пешком и байдары переносят на руках, а зимою не ходят.

10) Сверх же того, когда он у означенного хозяина жил, то ходил с ним к сидячим носовым чюкчам к морю легним времянем подле оного берегам к его родникам, то в то время оных сидячих юрт по тому берегу довольно, и когда к тем его родникам пришли, то увидел он тут дву баб да одного мужика, кои между разговорами сказывали ему, что взяты они теми чюкчами с Большей земли в полон, а его, Кузнецкого, признав, что

он такой же полоненник, весьма сожалели и сказывали, что они с той Большой земли увезены уже назад тому будет года четыре, и расказывали про ту землю, что оная очень велика, народу и всяких лесов и зверей весьма предовольно, и солнце ходит человеку в темя и весьма жарко, так что они ходят нагие. А между теми разговорами, увидев он из них у одной бабы на вороту привязаны две плашки четвероугольные маленькие по краям незнаемыми словами подпись, которые им, Кузнецким, признаны золотыми, про кои он у них спрашивал, где они то получили, на что объявили, что те плашки ими увезены с той Большой земли, где они жительство имели. А от того их жилья есть де еще далее по той же земле к теплой стороне или полдне другие люди, а разговор имеют особой, к которым людям ездили их мужики для торгу и те плашки получили. У оных де дальных людей имеются избы все каменные и утесы каменные ж, так белы, что беляя снегу, а посуда светлая (сребрена ль или какая другая, они де того не знают), коих людей весьма предовольно, и они с ними живут союзно и никакой драки не имеют. А сколько до них разстояния, они не знают, и каким путем к тем дальним людям имеют переезд, выспросить за недовольно еще чюкоцкого языку знанием, а к тому и за скорым от них хозяином его, Кузнецкого, уходом не успел.

11) В прошлом 755 году в осеннее время сказывали мне они чюкчи, что собиралося их многолюдно и пошли было в поход на коряк, и тогда хозяин его, Кузнецкого, ему объявил, что он с родниками своими на коряк не идет а, пойдет ради выкупу сына своего в Анадырскую крепость и его возьмет с собою и хотел отдать на выкуп, точию в самое то время пришли Анадырские ясашные юкагири шесть человек и объявили им, что их послал к ним, чюкчам, приехав в Анадырск, новой командир и привез де указ и велено с ними мирится, а они, юкагири, пришли для выкупу взятых у них в плен жен и детей их, коих юкагир те чюкчи приняли честно и ничем не обидели, и те юкагири жен своих и детей у оных чюкоч выкупали, давая табаком, котлами, топорами, ножами, копьями, луками, стрелами и корольками, а выкупили всего мужеского и женского полов девять человек. Чюкчи тем юкагирям давали ж в подарок парки оленьи, пыжики белые, камосы белые, парки куньи и лисицы красные. Тогда ж приезжал из коряк один человек, а как ево зовут, не знает, и с собою привез дву женок: одну полоненную чюкоцкую, а другую коряцкую с таким объявлением, что коряки желают с ними, чюкчами, между собою жить вместе и на российских ходить в поход обще, на что те чюкчи объявили, что они с коряками мирится не желают, а желают мирится с российскими людьми и ясак платить, токмо без взятия у них, чюкоч, аманатов, почему с вышеписанными юкагирями хозяин его, Кузнецкого, хотя другие и советывали, чтоб до лета его не отпущал, а летом вывесть на Анадырь и разменятся на сына его, однако ж тот его хозяин их советов не послушал и послал жену свою и оленей ради провожанья ево отпустил. И сверх того по согласию всех чюкоч послали с ним чюкча лутчих мужиков, Харгитита да Амговгова, и при той посылке ему объявили, что послали они ево бутто для миру и приказывали быть возвратно, а хозяин и другие говорили, хотя де и сын его в даль услан, точию ему ничего не будет. А хотя их между разговорами намерение в подданстве ея императорскаго величества быть и ясак платить есть, только по их по древней лехкомысленности и непостоянству и что старшин своих не слушают, никакой надежды иметь не можно. Копья у них, тако ж и на стрелах копья ж железныя, костяные и каменные из темного в горах находящагося хрусталю, кои почитают за наилутчее, потому что ежели в человеческое тело то каменное копье ранит, то все во оном разсыплется. А к тому ж те стрелы со обоих сторон мажут из травы называемой лютика соком, от которой человек, получа стрелою язву, в скором времени опухнет и умрет.

Сколько же всего тех оленных и сидячих чюкоч имеется, ибо они живут не в одном, по в разных местах, за чем точно всего он показать не может, а сказывали они на словах, что их многолюдно, только видно, что они тем открывали одну свою славу, а как во всю ту его, Кузнецкого, бытность было примечено, что их как оленных, так и сидячих, не более двух тысяч человек будет и оленей (кроме сидячих) не по равному числу: у лутчих мужиков с родниками есть по тысяче и более, а у протчих и самое малое число, так что от десяти до двадцати оленей бывает. А хотя лисицы красные и есть, и то малое ж число, а соболей и ни одного нету; парки куньи получают они от островных чюкоч. В той же их Чюкоцкой землице есть река большая, коя впала по течению между севера и востока на самом Чюкоцком носу устьем в море, на которой промышляют оленей, а называют оную те чюкчи Омгаяном, шириною против того места, где он жил, сажень со 150, во оную ж реку Омгаяну немного повышее впала устьем из гор же река Тиркигей, шириною будет сажен со 100. А более вышеписанного показать ничего не может.

Экспедиция Беринга, д. № 77, лл. 387—392; печатается по копии.

71. „Примечание о чюкоцкой земле", составленное со слов чукча Хехгитита от 5 августа 1763 г.

1763 года августа 5 дня во время подполковника Плениснера водяною комуникациею вниз по реке Анадырю следования, а в бытность у устья реки Красной, когда ко оной же реке Красной для промыслу оленней плави сидячие чюкчи в байдарах пришли, то чрез отданной команды ево сотнику Никите Куркину письменной секретной приказ велено было из тех чюкоч у лутчих людей чрез разговоры (кои оной Куркин знает и толмачем употреблятца и тем чюкчам по всягодному ево у той реки Красной бытисвесьма знаком), пристойным образом разведать о показанных при том приказе обстоятельствах, которой из тех чюкоч у лутчаго человека, имянем Хехгитита, что о тех обстоятельствах разведал, по самой истинной справедливости и присяжной должности оному подполковнику Плениснеру [50] объявил нижеследующее, а имянно.

1) От устья реки Анадыря морем подле берега до Серца-камня в шесть или в семь, а от Серца-камня до Чюкоцкого носу в пятнадцать или в шестнадцать дней на байдарах в тихую погоду ходу бывает, и от устья реки Анадыря до Серца-камня никаких сидячих чюкоцких жилищ не имеется, а от Серца-камня до самого Чюкоцкого носу и вкруг того носу имеются сидячие чюкчи, которых жилищ весьма часто и в каждом жилище не менее как по три, по пяти и по шести юрт и более.

2) Против же Чюкоцкого носу в море имеются два острова: один малой, а другой большей, из которых на большем острову живут люди, только не их сидячих и оленных и протчих чюкоч породы, но другова роду и говорят особым языком, и самые лутчие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржевых зубов подле рта у нижней губы в прорезанных на обеих сторонах скважины по одной плоской кости круглой подобных запонкам, величиною как прежде бывшие пятикопеешники медные, а иногда и против нынешних гривенников и пятикопеешников сребреных. И те кости они вдевают в помянутые скважины во время своего друг к другу приезда в гости или во время их жертвы, посему и называются зубатые, а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают, а как наедятся, паки в теж скважины вставливают, и живут те люди по неимению у них удобного лесу в поставленных из больших моржевых кож и осыпанных землею юртах, а до тех островов

как до малого, так и до большаго, от Чюкоцкого носу сидячие чюкчи в байдарах перегребают два дни.

3) От большого острова по морю не в дальном разстоянии есть называемая ими, чюкчами, „Большая земля“, которую больше почитают, нежели та земля, на которой они живут. От оного большаго острова до той Большей земли перегребают в байдарах одним днем, и на той де земле живут люди, называемые кыхмыщами, а язык де имеют от них, чюкоч, отменной, но сходственной с живущими на Большем острову зубатыми людьми; жен у себя имеют по две, по три и по четыре; платье имеют мужеск[ой] и женск[ой] пол шито из оленьих кож, из куниц и лисиц красных, называемые парки, и как впереди, так и назади тех парок пришивают по их обыкновению разных зверей хвосты. А для шитья того платья имеют иглы из красной меди и медь берут в своей земле, только как они ту медь делают, он, Хехгитин, не знает, а железных де вещей они у себя никаких не имеют, а вместо железных топоров имеют топоры из яшмового камня, коими рубят лес, и что им надобно — делают; огонь они высекают камень о камень, а вместо руского труту* прикладывают для запаления огня сухой мох. Владельца у них никово нет, только между ими есть князцы, которых они противо других иноверцов, а особливо как чюкчи, гораздо больше почитают и боятся. А живут в каменных гористых и утесных местах, токмо в построенных ими деревянных и осыпанных вкруг землею (по примеру, как и якутские) юртах.

4) Питаются де те люди оленьим мясом и рыбою и для того в летнее время ходят с женами и с детьми по рекам (которые очень велики и шириною еще более Анадыря, а устьями впали в океян) для промыслов пловущих чрез те реки оленей, тако ж и рыбы красной и гольцов, а в зимнее все паки приходят в настоящие свои жилища к морю.

5) Лесу де у них березоваго, лисвеничного, а по большей части еловаго самого большаго и крупнаго очень довольно, и по такому многолесью промышляют они разных зверей: лисиц красных и черных, песцов белых, голубых, волков и куниц, подобных головою и лапами соболю, и по рекам подобных руским бобров, тех де зверей по множеству у них промышляют они ямами таким порядком: когда они придут с летних оленных и рыбных промыслов в жилища свои, то в лесу копают глубокия ямы и те ямы покрывают лесом, только оставляют небольшой сверху выход, так как можно человеку пройти и в тех ямах кладут оленье мясо и рыбу, и как звери на те ямы найдут, то и к мясу или рыбе в те ямы и падают, из коих никакой зверь уже выти не может, и как чрез несколько время те ямы зверьми наполнятца, то тех ям хозяева, надев на себя сделанное из зверей волчье или лисье платье с головы и до ног мохнатою в подобие зверю, и входят в те ямы и имевших в них зверей (которые уже противности против человека никакой не имеют) в темноте берут руками и вяжут ремнем и подают стоящим у тех ям протчим людям, кои теми ремнями тех зверей вынимают и бьют.

6) В зимнее ж де время промышляют они диких оленей в лесах, где те олени имеют переход, то рубят лес и делают в тех переходных оленьих местах из того лесу загороды или засеки, и как олени к тем местам придут, то де их они в те загороды загоняют несколько тысяч и для пищи себе колют не токмо мужеску, но и женск[ий] пол, сколько им надобно.

7) В вешнее ж де время, когда дикие ж оленные матки потелятся, то и опых в таковые ж (как выше упомянуто) загороды с их теляты заганивают, в которых загородах от духу человеческаго и от крику, а по тесноте места, те матки телят всех притопчют, коих телят они берут и кожи с них снимают себе на платье, а маток из того загороду выпускают в лес.

---

* В оригинале „труду“.

8) Те же де называемые Большей земли люди с живущими у Чюкоцкого носу чюкчами и на вышепомянутом большем острову с зубатыми людьми мало имеют согласия и боде оные чюкчи и зубатые люди временно ходят к ним походами и между собой с обоих сторон чинят бой и стреляют из луков стрелами и бьются на копьях, токмо из них Большей земли люди имеют луки еловаго кореня, а у некоторых из камышеваго дерева, и когда с чюкчами или с зубатыми людьми в бой вступят, то себя раздевают для облегчения к скорому укрывательству от стрел в наготу, а стрелы и копья со обоих сторон имеют костяные и каменные хрустальные, только те стрелы от обоих же сторон мажут из травы, называемой лютика соком, от которого человек, получа стрелою язву, в скором времени опухнет и умирает.

9) Веру де они имеют и жертву приносят солнцу, положа на блюдо или на что нибудь иное мясо или рыбу, и бросают на землю или в море с таким приговором: „я тебе приношу жертву от своих трудов, ты мне буди в моих нуждах помошник".

Экспедиция Беринга, д. № 77, лл. 367—370; печатается по копии.

72. Допрос „чюкоцкой девки Иттени, по которому описание чюкоцких островов и Большой земли на карте положено" [1763 г.]

Родом она Большой земли, на которую приезжали живущие на большем острову в море зубатые чукчи по их несогласию для драки, и теми взята была в полон лет десяти и увезена, а ехали от той земли влево, и жила у оных чукоч во услужении два года и теми зубатыми чукчами продана была здешнему оленному чукче, именем Харгыпену, которой дал за нее железное копье и два белыя пыжики *, жила у него один год, и оным привезена была в низ реки Анадыря к урочищу Чекаево и подарена анадырскому казаку Алексею Шипунову, за что он, Шипунов, дал тому чукче котел медной, и сюда им, Шипуновым, в 761-м году привезена и окрещена. по крещении дано ей имя Татьяна.

Где она имела свое рождение, та земля называется Большая, а как оной Большей земли народы словут, о том показать не помнит, только знает, что оные народы никогда по чукоцки лиц своих не шьют, а у ней лицо уже было вышито, когда она жила в полону у зубатых чукчей. Переезду с той Большой земли на тот, где зубатые живут чукчи, остров зимою на собаках, ночевав две ночи на дороге, а летом в байдарах столько же, и с той Большей земли народы к тем зубатым чукчам на остров не ездят, и та называемая Большая земля очень велика и народу так много, как песку, и живут не в одном месте, но порознь. А она, Татьяна, жила в вершине реки Куки, и на усть оной жилых юрт довольно, юрты у них зимние строены из лесу тополеваго, осиноваго и лисвянишного стойком круглые, вкруг обсыпаны землею, огонь имеют посреди юрты на очаге, земля дресвяная. Летние юрты подле тех же зимних такие же круглые и крыты епалгиною, то есть моржевою и оленьими кожами, погреба для клажи харчу выкопаны в земли.

Огонь достают камень о камень, а железа и топоров у них на той Большей земле нет, а хотя железные ножи и есть, но и тех весьма мало, кои от здешних же чукоч получают. Топоры делают каменные, а меди, серебра и золота по тому же не имеют, платье мужской и женской пол носят зимою теплое, из оленьих кож деланное, на подобие чукоцкого, а летом из тех же оленьих кож холодное, короткое. Также пищу варят в сделанных глиненных горшках, а медных и железных котлов по тому же не имеют.

* В оригинале примечание: „Молодых оленей кожи".

Веруют солнцу, так же как и протчие иноверцы, мужской и женской пол шаманят; когда весною и осенью оленья плавь бывает, оных колют и в жертву тех оленей рога кладут на высокие места, где прилучится.

Рыбу промышляют красную такую ж, какова здесь в реке Анадыре, щуки, карьюзы, налимы сетьми, сделанными из оленьих жил.

Мужеской пол жен у себя имеют по одной и по две, а называемой калым дает жених тестю только оленьих постель по три и по пяти, сколько у кого прилучится.

На той же Большой земли ловят песцов голубых и белых, лисиц красных и черных, также ушканов сетьми, а птиц гусей, уток весьма довольно бывает, а камчатские бобры достают чрез других на той же земле живущих народов от камчадалов, кои живут от них, чукоч, далеко, и теми бобрами пушат платье. В юртах у богатых делаются широкие для клажи харчу подволоки, на коих и робята спят.

Князьков над собою имеют и мужиков за вины наказывают.

В юртах у каждого жирник с огнем, свой жир употребляют все китовой, коих, также и нерпу, промышляют на усть упоминаемой реки Куки.

Крепостей никаковых от неприятелей не имеют, а как узнают о неприятеле, то защиту делают противу жила из нерпечьих кож.

На той же Большой земле горы и сопки каменные имеются великие, а где она жила, то называемая река Кука впала в море, а величиною в вершине не очень велика, так как например на пол версты, чрез которую реку и чукчи переезжают с ними драться; а других рек в той же Большей земле есть очень довольно и впали в море, а показать всех не знает, и по тем рекам народу живет весьма много. К воеванию ж с чукчами ружей огненных не имеют, а хотя и есть железные копья, кои по тому же получают от чукоч, но и тех весьма мало.

Женской пол носят называемые по здешнему с головками сшитые камлеи, волосы плетут в две косы и завязывают коротко и пушат камчатским пухом, а мужеской пол волосы оставляют напереди ровно с бровями, а назади с самого темя до затылка режут ножами, носят шапки, кладут наверх камчацких бобров кожу головью, а вокруг пушат теми ж бобрами, и те шапки делаются маленькие; платье такое ж носят, как и бабы, камлеи с головами; еще делают из птичьих кож платье и пушат перьем; также и на голове большие стоячие перья носят.

А на острову том, на коем живут зубатые чукчи, лес имеится мелкой тальник, топольник и осинник, а лисвянишного сероватого лесу, такого, какой на той Большей земле есть, нету. На той же Большей земле народ мелкой и крупной, а про здешних руских людей им чукчи сказывали, и они знают.

Еще ж бабы и девки носят на лбу кружки белые светлые, а какие — серебрены ль или оловянные, о том показать не знает, также на шее корольки. А все то достают себе от упоминаемых чукоч, а у них ничего того нет. Между собою никакой драки не имеют, а живут дружно и друг другу ездят в гости, выменивают на корольки и железные ножи камчацкие бобры; ясаку никакого не платят.

На той же Большей земле оленей езжалых нет, ездят на собаках, у нарт делают полозье долгие и толстые, а копылье вставливают частые и подкладывают под те полозья из ребров и щек гладко сделанную китовую кость для нартеной катости.

От их Большей земли, как сюда ехать, на море пять островов: первой — большой, в левую сторону, на нем живут зубатыя чукчи, и весьма их довольно, где она жила в полону, платье носят оленье и птичье гагарье, на котором есть стоячей тальник, мелкой топольник и осинник крупной и мелкой, пере-

езду с той Большей земли на тот остров собаками два дни; второй—малой, в левой руке, и на том такой же, как и на первом острову, стоячей лес есть, и те же живут зубатые чукчи, только не весьма много, переезду с того первого на тот другой остров на собаках один день; третей—невеликой, в левой же руке, живут народ зубатой же и противу другаго поболее, и лес есть один мелкой тальник, а езды на собаках по тому же один день; четвертой—третьяго больше, в левую ж сторону, такой же тальник мелкой есть, и живут люди уже не зубатые и носят платье по тому же птичье и оленье и из китовых брюшин и весьма многолюдно, езды с третьева острова собаками один же день;пятой—в левую ж лежит сторону, невелик, лес такой же тальник мелкой, и народ живет чукчи, коих очень мало, платье носят оленье, а птичьяго не носят, переезду по тому же один день, на том жила она у предписанного чукчи Харгыпена.

С того пятого острова уже почитается Чюкоцкая земля, какою ехали в правую руку, а сколько времени — не упомнит. Между теми островами море и зимою становится, а вдаль от тех островов льдом никогда не покрывается.

У нее ж на упоминаемой Большей земли остался отец, которого зовут Какуляк, да брат малолетной Ахаин, а мать уже умерла, и больше всего вышеописанного показать не знает.

Экспедиция Беринга, д. № 77. лл. 393 — 396; печатается по копии.

IV. ЧАСТИЧНОЕ ПОКОРЕНИЕ ЧУКЧЕЙ.

Награждение чукотских тойонов. — Ходатайство чукчей о возобновлении Анадырской крепости.

НАГРАЖДЕНИЕ ЧУКОТСКИХ ТОЙОНОВ.

73. Рапорт зашиверского земского исправника Баннера якутскому коменданту полковнику Козлову-Угренину от 8 февраля 1791 г.

Вашему высокоблагородию сего года от 31-го генваря покорнейшим моим донесением объяснил о прибытии чукоч на урочище Ангарку, коих мною приняты были на основании вашего повеления и не бывшия прежде приведены были присяге и потому верноподданными остаютца живущия по обе стороны до самого устья реки Чауна и от оной жительствующия подле берег северовосточного моря и Чукотскому мысу сидячими и беломорским оленным тоенам со всеми их родами.

При заключении того рапорта упомянул, что я получил сведение о прибытии еще урочищах Ангарку чукотских народов, куда и отправился.

По приезде же туда виделся с теми февраля 7 дня благополучно, приезд состоял с самого чукотского мысу в 2-х тоенах: 1-й Мангель, 2-й Амам и двадцати почетных людей для проведывания тракту и принятия присяги с истинным желанием быть российскими верноподданными, и те тоены мною награждены из казны кортиками, а за неприсылкою сукон собственными моими кавтанами с вышивкою вензеля ея императорскаго величества и одарены табаком, а потом приведены как те тоены, так и прочия к присяге со обязательством платить в казну ясака с каждого луком владеющаго по одной лисице красной, а напоследок происходила мена с российскими верноподданными. По окончании ж, прожив пять дней, отправились обратно благополучно, обещав быть на предбудущий год в большем количестве.

По таковым обстоятельствам кажется уже нет никакого сумнения, что все те чукотския народы истинное желание возымели быть российскими верноподданными [51]. И для того вашего высокоблагородия прошу награжденных мною ныне из казны кортиками вновь прибывших тоенов Мангене Анасальмо * истребовать от правительства указы о почитании их верноподданными Всероссийской империи и наградить их казенными кавтанами, для чего я в прежнем моем донесении обременял просьбой вашего высокоблагородия о присылке сукна алого на четыре кавтана 20 аршин, из котораго по получении будут шиты кавтаны и отданы быть имеют, также табаку 5 пуд и прочаго, что в том рапорте требовано. И ныне прошу приложить ваше старание оное истребовать, ибо награждение и подарки весьма для их лестны и казне неубыточны, ибо таковыя малыя расходы совершенно впредь возвратится с приращением в казну знатных доходов.

По истребовании ж всех указов и прочаго благоволите повелеть доставить ко мне, кои по получении персонально тем чукчам поднесть имею.

Сверх всего выписанного доложить имею, что несколько времяни по обязательству тех чукчей о платеже ясака дать льготы, ибо заранее должно их нечувствительно к тому ласкою неприметным образом доводить, а при том необходимо должно на первой случай награждать каждого за принесенную лисицу хотя небольшим количеством табаком, дабы им на первой случай повднее было вносить казенную подать [52].

А сколько в приезд всех чукчей успел учинить их тоенам и почетным людям детей одному мужскому полу краткую перепись, причем вашему высокоблагородию для ведения прилагаю ведомость и по незнанию, сколько лет им от роду, в тои ведомости объяснить было бы не можно.

Подлинной подписал земской исправник бергешворен Иван Баннер.

С подлинным свидетельствовал коллежский секретарь Иван Крюков.

Регистратор Иван Веригин.

Сенат, 1 департ., д. № 638, лл. 343 — 344; печатается по копии.

ХОДАТАЙСТВО ЧУКЧЕЙ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ АНАДЫРСКОЙ КРЕПОСТИ.

74. Прошение тоенов Мучиглинского и Улючинского селений от 1 февраля 1792 г.

Его высокородию господину флота капитан перваго ранга Иосифу Иосифовичу Биллингсу.

от чукотских восточнаго моря Мучиглинского и Улючинского селения тоенов Умлялянтен / Пограиче, Увалетке Ахачеивин с протчими народами

Прошение.

В прошедшия годы небольшее количество наших чукотских народов взносили в казну в Анадырскую крепость ясак каждогодно лисицами красными и моржевой костью. По уничтожении ж оной протчия же по тогдашним временам хотя и опасались иметь знакомство с российскими людьми, но чрез тех же платежных, о коих выше объяснено, получали чрез мену разныя нужныя нам вещи: котлы, топоры, корольки, бисер и протчее, чем были довольны, а когда оную крепость рушили, то мы и должны были изыскивать

* Такое разночтение имен — в оригинале.

другие способы, где бы сыскать российских людей, и чрез великие труд ности, несмотря на отдаленность, приходили небольшим числом в [Г]ижигинскую крепость, доставая с великим трудом нужныя для нас вещи.

С другой же стороны реки Чауна, ближния к реке Ковыме, нашли случаи с российскими людьми ознакомитца и вступили в российское подданство, кои уже знали, с казенной стороны приняли кавтаны и кортики и обязались платить ясак с каждого луком владеющаго по одной лисице.

А по прибытии вашего высокородия и по оказанной от вас для нас ласки изволили обнадежить нас милостию монархини, с тем чтоб мы пошли в российское подданство, то мы, видя вашу к нам дружбу, почувствовали в сердцах своих непоколебимое желание быть вечно российскими верноподданными и, согласясь между собою, приемлем на себя платеж ясака, как и протчая иноверцы.

Для уверения нашего предприятия в доказательство нашей преданности препроводили вас с небольшею командою близ реки Ковыми на урочище Ангарку на своих оленях, в проезде ж усмотрели, и что нам по отдаленности наших жилищ ездить каждогодно для платежа ясака весьма отдаленно, а могут одне приходить чаунские и малая часть беломорских народов, а притом и Гижигинская крепость в такой же отдаленности состоит.

А как вам известно, что нас немалое количество народов, и потому, сообразясь все народы согласно, и выбрали средственное место и желаем, чтоб уни чтоженная крепость на реке Анадыре была паки возобновлена попрежнему [58], а притом, когда вы обнадежили милостию ея императорского величества и мы обязалися быть верноподданными, то на первой случай просим вашего высокородия вышепоказанную просьбу нашу удовлетворить, испрося высочайшее соизволение повелеть ту крепость устроить, куда и платеж ясака будем вносить безотговорочно и тому определя по разсмотрению вашему достойного начальника и прекращению впредь могущих быть несогласиев.

А как все наши народы с начала свидания с российскими людьми и весьма довольны ласкою к приемом Завишерской округи земского исправника Баннера, то и просим все единагласно ево от нас не отлучать.

К сему прошению вместо Пилирата Паграича, Увалетки Ахачеивина, Акинтова и чаунских тоенов Гаргогокна, Пыкыля Хамахая их наличным прозьбою чукоцкой переводчик Николай Дауркин руку приложил.

При переводе вышеписанного был и подписуюсь сотник Иван Кобелев.

При переводе был чукоцкого разговора переводчик коряка крещен, Константин Петушков.

Подписал просьбою его сотник Козьма Солдатов.

Февраля 21 дня 1792 г.

Экспедиция Биллингса, д. № 43, лл. 3—4.

75. Секретное письмо иркутского генерал-губернатора Пиля капитану Биллингсу от 20 ноября 1792 г.

Высокоблагородный и высокопочтенный господин флота капитан первого ранга, государь мой!

Получив донесение ваше с разными уведомлениями, приобретенными во время вояжирования вашего по порученной коммисии и по случаю

путеследования чрез Чукотскую землю, копию с прошения, поданного к вам от чукоч о возобновлении Анадырской крепости, и реестр о живущих от восточного носу к реке Чауну оленных чукчах, по довольном всего вами представленного обсуживании и соображении с имеющимся здесь по той части прежними делами, нужным нахожу предложить вашему высокоблагородию следующее.

Хотя вы, убеждаяся прошением чукоч, и полагаите со своей стороны полезным таковое заведение крепости, признавая удобным доставление на команду провианта и прочаго из Охотска на морских судах к устью реки Анадыря, оттоль по оной до крепости байдарами или малыми судами, и что сия комуникация откроет близкое сообщение с многолюдным народом острова Эйвугиен и с американцами, и чукчи чрез удержание в границах не будут иметь с последними столь грабительских обращений, каковые они с ними производят ныне, но как все таковые расположения, не говоря о потребной для приведения их в надлежащее устроение великотысячных казенных издержек, по мнению моему, не будут иметь той выгоды, каковой бы ожидать надлежало.

Ибо, во 1-х, самая Анадырская крепость, восприявшая свое существование для тех же предметов в прошедшем столетии, а доведенная в настоящей порядок около 710 годов, составляла существованием своим по 764 год казне расходу до 539 246 рублев с копейками, да от доставки тягостей разным народам нанесено убытков до 841 760 рублей, следственно и выходило для ее всех расходов с народным отягощением 1 381 007 рублей, а напротив того, с 710 по тот же 764 год поступило в приход с бывших в ведомстве оной разных ясашных народов мяхкой рухляди и прочаго на 29 152 рубли с копейками, из чего и не трудно разсудить, какие оставались тут для казны и общества выгоды, умалчивая о всех тех бедствиях, каковым были подвержены находящиеся в той крепости воинские служители, из которых от недостатка провианта и за непромыслом рыбы и оленей помирало голодною смертию знатное количество, имев всегдашнюю опасность от легкомысленного чукотского народа.

2-е, в разсуждении таковых обстоятельств по зрелому со стороны правительствующаго Сената о неспособности той крепости испытанию, в том же 764 году подносимы были со всеми обстоятельствами о уничтожении всеподданнейшия ея императорскому величеству доклады, на которыя тогда же и высочайшая последовала конфермация, следственно из за сего и нельзя мне подтвердить о возобновлении той крепости вашего мнения.

3-е, каким образом расположен ныне план к приведению чукоцкого народа в подданство к всероссийскому престолу и как в сем случае поступить мне следует, имею уже я высочайшее ея императорскаго величества повеление, и под руководством моим производятся чрез якутского коменданта и зашиверского земского копитана исправника сообразныя высочайшему соизволению распоряжении.

А для сего 4-е, ежели бы и еще случилось иметь вам с чукчами свидание, не извольте делать им никакого в постройке помянутой крепости обнадеживания, а отходите от сего приличными на тот раз средствами.

5-е, что ж принадлежит до тех представляемых вами выгод, кои вы от сообщения с американцами и другими народами находите, то как все сии проекты частию многими мореплавателями, особливо по первой части производятся почти в совершенную известность, в таком случае близкия и удобныя к тому пути, само по себе покажет время без дальних может быть казенных издержек.

Присланной от вас сотник Кобелев со всеми порученными ему делами отправлен от меня в Санктпетербург при случившейся оказии в прошедшем еще сентябре месяце.

Впрочем имею честь быть с моим к вам почтением вашего высокоблагородия покорный слуга Иван Пиль.

Ноября 20 дня 1792.

Иркутск.

Экспедиция Биллингса,
д. № 43, лл. 100 — 101.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Атласов Владимир — казачий пятидесятник, посланный в 1695 г. из Якутска в Анадырский острог приказчиком. В 1697 г. Атласов отправился на Камчатку, слухи о которой уже давно дошли до Анадырска. По возвращении с Камчатки Атласов направляется с ясаком в Москву, где жалуется в казачьи головы. За грабеж в пути купеческого каравана был по дороге арестован и посажен в тюрьму, где просидел до 1707 г., т. е. до восстания камчадалов. В 1707 г. Атласов был освобожден и отправлен приказчиком на Камчатку, где был убит в 1711 г. во время восстания казаков.

Наиболее полные сведения об Атласове содержатся в работах Н. Оглоблина («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1888 г., кн. I) и Г. Спасского («Вестник Русского географического общества», 1858 г., ч. 24). О работе Оглоблина см. во вступительной статье; что же касается Спасского, то, всецело доверившись имевшемуся у него рукописному сборнику, Спасский ошибочно утверждает, что Атласов не был убит восставшими казаками, а «тамо скончался».

Настоящая «скаска» дана Атласовым в Якутске, вторая — в Москве в Сибирском приказе.

[2] Как указывает Л. С. Берг, «наименование Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 г., а в «списке с чертежа 1672 г.» говорится о реке Камчатке. («Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга», ГИЗ, 1924, стр. 5).

Первыми из русских, открывших Камчатку, были Дежнев и его спутники, в конце первой половины XVII в. обогнувшие северо-восток Азии. По некоторым известиям, часть людей Алексеева, направившегося в 1648 г. в плаванье совместно с Дежневым, отнесенная к югу, достигла реки Камчатки, и на реке Федотовке, по сведению Миллера, еще в 1728 г. видны были остатки русских зимовий.

[3] В «Собрании известий», датированных 1789 г. и хранящихся в I Сибирском комитете (дело № 57), имеются следующие сведения «о избах и острожках камчадалов»: «Каждый род живет особливо, по большей части на местах, реками, горами и болотами окруженных... в так называемых балаганах, сделанных на столбах вышиною от земли на сажень, иногда же и выше, покрытых наподобие башни, в виде востроверховского шатра, долгою травою... Всякое таковое одного рода жительство называется камчадальским острогом. Причиною сего названия то, что оно не бывавшему в Камчатке, по множеству балаганов, вид башен имеющих, издали всегда показаться должно крепостью».

[4] Встреченный Атласовым «индеец» оказался японцем из города Осока по имени Денбей. Л. С. Берг считает, что японец себя называл «индейцем» от имени столичного города Ендо, т. е. Токио. В начале 1702 г. Денбей был доставлен в Петербург, где было приказано дать ему «из русских робят человека три или четыре учить их японскому языку и грамоте» (см. статью Оглоблина «Первый японец в России 1701—1705 г.», «Русская старина», 1891, октябрь, стр. 11—24).

[5] «Курильскими мужиками» назывались жители так называемой «курильской лопатки», т. е. южной части Камчатского полуострова. В отличие от них жители Курильских островов назывались «мохнатыми курильцами». Чуванцы, о которых упоминает ниже Атласов, племенная группа юкагиров. «Люторы» — алюторы, группа приморских коряков.

[6] Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и назывались «сороками». Высшего качества соболи подбирались по паре и назывались «парennыми»; самые выдающиеся экземпляры, даже не имевшие себе пары, шли одиночками и назывались непарennыми.

[7] «Понеже ныне никакой реки на Камчатке Каланкою называют, — пишет Крашенинников, — ...чего ради думать должно, что Атласов под именем Каланской реки разумеет Индыг или реку Озерную» (т. II, стр. 193, примечание). Далее он делает предположение, что Каланской ее Атласов назвал потому, что там ловят морских бобров, которых раньше называли каланами.

[8] Построенный Анцыферовым и Козыревским острог был назван Большерецким.

[9] В 1710 г. к северу от Авачинской губы было выброшено на берег японское судно. Четырех японцев камчадалы убили, шестерых взяли в плен. Четырех плененных камчадалами японцев казаки отбили, и один из них, Санима, в 1714 г. был привезен в Петербург (см. документ № 4).

[10] Волнение казаков на Камчатке в 1711 г. вызывалось не только целым рядом злоупотреблений со стороны камчатских приказчиков, не ограничивавшихся выколачиванием в свою пользу сверхъясака с туземцев и часто наживавшихся даже на казаках, задерживая так называемое «казацкое жалованье». Решающим требованием восставших был дележ награбленного у туземцев поровну между всеми казаками. В этом заключался и смысл образования казачьего круга, когда после избрания атамана и есаула казаки разъезжали по Камчатке, собирая для себя ясак.

[11] Ясачная казна не выполнялась с Камчатки с 1707 по 1712 г. в виду частых нападений коряков на ясачные караваны. Камчатский ясак в среднем в первые два десятилетия XVIII в. равнялся 60 сорокам соболей, не считая лисиц и других мехов. Уменьшение ясака падает на годы, ознаменовавшиеся восстаниями туземцев. Удельный вес камчатского соболиного ясака в этот период рельефно виден из сравнения его с соболиным ясачным сбором в Якутии, где в это время уже собиралось не более 70—75 сороков соболей (см. Сборник статей «Якутия»).

[12] Руководитель восстания казаков в 1711 г. Даниил Анцыферов был сожжен камчадалами на р. Аваче в феврале 1712 г., во время приезда для сбора ясака.

[13] Кыргызов — «заказчик» Верхнекамчадальского острога. Пытаясь захватить власть над всей Камчаткой и самостоятельно собирать ясак, Кыргызов совершил нападение на Нижнекамчатский острог. Несмотря на то что Кыргызов поделил среди нижнекамчадальского гарнизона имущество, отнятое у «заказчика» этого острога Ярытина, ему все же не удалось привлечь на свою сторону казаков. Впоследствии Кыргызов был казнен.

[14] Козыревский Иван — один из руководителей восстания казаков 1711 г., отправился в августе этого же года на Курильские острова. По словам Козыревского, он посетил первые два острова. Однако посещение им второго острова вызывает сомнение. Один из участников этой экспедиции впоследствии на допросе показывал, что «де он, Грегорей, с убойцами своими со служилыми людми написали великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острову, и то де они, Григорей с товарищи, написали в челобитной и в чертеже своем ложно» («Памятники сибирской истории», т. II, стр. 536). В 1713 г. Козыревский вновь был отправлен «для проведывания... морских островов и Японского государства», но дальше второго Курильского острова Козыревский не проник.

[15] Первая экспедиция, по указу 1725 г. отправившаяся под начальством Беринга на Камчатку, имела своим официальным назначением разрешить вопрос о том, соединяется ли азиатский материк с американским. В литературе обычно как первая, так и вторая экспедиция Беринга преподносятся как сугубо научные экспедиции. Даже в некоторых пореволюционных работах подобный взгляд на эти экспедиции и на их цели остался незыблемым. Л. С. Берг в посылке Петром I Беринга на Камчатку видит лишь осуществление мысли Лейбница, неустанно напоминавшего Петру о необходимости разрешить эту загадку. «Военные дела и другие неотложные нужды удерживали царя от этого предприятия, — пишет Берг, — но под конец своей жизни он решился снарядить экспедицию для разрешения вопроса, интересовавшего Лейбница» («Открытие Камчатки», ГИЗ, 1924, стр. 63). А между тем перед этими экспедициями стояли отнюдь не академические задачи. Перед ними был поставлен вопрос о возможности дальнейшего колониального расширения империи, ибо американские берега и прилежащая цепь островов в этот период являлись уже тем объектом, куда стремился российский торговый капитал. И эта задача была решена второй экспедицией в положительном смысле. В бытность свою на Камчатке в период подготовки экспедиции Беринг сосредоточил по существу в своих руках все управление полуостровом, и этот период был для камчадалов одним из наиболее тяжелых моментов за все время господства там русских. Несмотря на то что Беринг и выступал против самовольного взимания ясака и беззаконий, творимых приказчиками, никто иной, как он же сам, подорвал экономическое благосостояние туземцев, причем подорвал его таким образом, что оно уже больше не восстановилось. «Другой экспедиции столь огромной, столь торжественной, — пишет Словцов, — доныне не было через всю Сибирь, и дай бог, чтобы, из сострадания к краю бедному, вперед никогда не слыхать знаменитости, столь разорительной. Четыре раза надлежало экспедиции садиться на воды, четыре раза выходить со всеми грузами на сушу, с угнетением жителей при каждой перемене» (т. I, стр. 460). Камчадалы были оторваны для работ по перевозке экспедиции в период лова рыбы и охоты, и таким образом и люди и собаки остались совершенно без корма. Обещанное Берингом освобождение от ясака также не было проведено в жизнь.

[16] Чащина была своеобразным сверхъясаком, по своим размерам часто превосходившая ясак. Чащина шла в пользу сборщика. В Якутии чащина называлась беляком.

[17] Скорняков-Писарев, сосланный за участие в заговоре в Жиганск, в 1731 г. был назначен командиром в Охотск. В 1739 г. за многочисленные преступления он был вновь разжалован.

[18] См. примечание № 16.

[19] Момент для восстания был выбран камчадалами чрезвычайно удачно. Камчатская экспедиция находилась в это время уже в Охотске, а оставшиеся в небольшом количестве остатки «партии» должны были на боте «Гавриил» отправиться к Анадырю для помощи Павлуцкому в его борьбе с чукчами. Однако восстание вспыхнуло несколько раньше предположенного срока, до полного отбытия «Гавриила», который задержался по случаю

неблагоприятных ветров. Когда стало известно о восстании, команда «Гавриила» была отправлена на усмирение камчадалов.

[20] Массовое самоубийство, к которому прибегали туземцы при невозможности избегнуть русского плена, одинаково наблюдалось как среди камчадалов и коряков, так и среди чукчей. Усиление самоубийств, вызванное русскими методами колонизации, было подмечено еще Крашенинниковым. «Самоубийство было у них, — пишет он о камчадалах, — последний способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось, а по покорении так было умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтоб россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти» (т. II, стр. 16).

[21] Аманаты — заложники, бравшиеся русскими как гарантия покорности, своевременного внесения ясака и проч. Взятие аманатов считалось наиболее радикальной мерой борьбы с восстаниями туземцев. «А где от какого народа было сопротивление, — пишет Миллер, — там с российской стороны употреблена сила, пока знатнейших из оного можно было взять в аманаты» («Описание Сибирского царства», 1750, стр. 30). Основным вопросом закрепления победы считалось то положение, в какой мере туземцы «держатца» своих аманатов, и недаром Атласов в своей «сказке» (см. документ № 1), говоря об олюторах, особо подчеркивает: «аманатов де своих они не держатца ж». Однако еще Крашенинников отмечал, что политика русских на Камчатке привела к тому, что даже взятие аманатов не останавливало туземцев от борьбы с русскими. Крашенинников сообщает следующий эпизод, бывший при убийстве камчадалами Анцыферова в 1712 г. на р. Аваче. Анцыферов при приезде взял несколько человек аманатов и ночью был сожжен камчадалами совместно с аманатами. «Злобу, какову имели камчадалы на служилых людей, можно видеть по речам помянутых аманатов их, — пишет Крашенинников, — ибо сказывают, что при сожжении балагана камчадалы кричали им, поднимая двери, чтоб они как можно вон выбросились, но аманаты ответствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаган, не щадя себя, токмо бы служивые сгорели» (том II стр. 210, изд. 1786 г.)

[22] Осадив камчадалов у р. Ключевки, казаки начали предлагать Харчину выйти на переговоры, давая взамен двух заложников. Харчин пришел в лагерь казаков и после неприведших ни к каким результатам переговоров был отпущен обратно. Назавтра Харчин вновь изъявил желание притти к казакам и опять-таки потребовал заложников, в чем, как описывает Крашенинников, «ему казаки и вторично не отказали, однако умышленно, ибо как он к ним переехал, то они взяли его под караул, а своим закричали, чтоб в реку бросались; для предосторожности же, чтоб оставшиеся на берегу их не закололи, приложились на них ружьями, чего камчадалы устрашась сбежались». Так был пойман Федор Харчин.

[23] В данном случае под словом «бараболки» имеются в виду казачьи жилища. Но в бывших северо-американских колониях жилища калош назывались барабарами, которые делались без печи, с большим отверстием вверху, передний фасад их обшивался тесом, остальные стороны делались из кольев, обтянутых древесной корой.

[24] В списке убитых в Нижнекамчатском остроге Ивана Плехандая с двумя сыновьями нет. Имеется «Иван Буторов и дети его».

[25] В доношении Сената Анне Иоанновне от 9 мая 1733 г. сообщается о восстании камчадалов и испрашивается разрешение «повеледеть оных чуцких заводчиков казнить смертию на страх другим». Федор Харчин и Голоч были повешены. Крашенинников рассказывает о поразительной выдержке и самообладании, с какою Харчин и Голоч шли на казнь, причем каждый из них претендовал на право быть повешенным первым.

[26] Степан Харчин за переход во время восстания 1731 г. на сторону русских, после казни своего брата Федора, был назначен тойоном «Коанного» острожка, находившегося между озером Кайначем и рекою Еловкою, где до восстания тойоном был Федор Харчин (см. Крашенинников, т. II, стр. 15).

[27] Судно «Фортуна» одинаково, как и бот «Гавриил», осталось от экспедиции Беринга. В 1737 г. на «Фортуне» отправился на Камчатку С. П. Крашенинников, автор «Описания земли Камчатки».

[28] Первая экспедиция Беринга не разрешила поставленных перед нею задач, и в 1732 г. последовал указ о снаряжении второй экспедиции. Не останавливаясь опять-таки на задачах и работе этой экспедиции, следует лишь подчеркнуть то активное участие, которое принимала эта «научная» экспедиция во главе с Берингом в подавлении восстаний туземцев.

[29] Иеромонах Флавиан был послан из Охотска зимним путем в Анадырск вокруг Пенжинской губы для крещения чукчей. На р. Ягаче Флавиан и его спутники были убиты восставшими коряками.

[30] Унтер-офицер Енисейский по распоряжению начальника охотского порта Девиера возобновил в 1742 г. Акланский острог. Этот острог был квадратный, в 15 саженей каждая сторона и в вышину имел две сажени. Что же касается ухода Енисейского, то Енисейский был вызван коряками из острога и убит. Однако случаи ухода к туземцам, очевидно, все же имели на Камчатке место. Так, например, Алексей Лазуков, руководитель восстания коряков в 1746 г., в своем допросе сообщает, что «между нашими единомышленниками олюторами в измене издавна находится один Кузька, убегший портовщик, которых их, олюторов, всегда ко всякому злу склоняет и научает» (см. документ

№ 38). Иван Лазуков также сообщает, что «между измедниками олюторами находится беглый портовщик Кузька, которой оных олюторов ружьем стрелять обучает и ко всякому злонамерению наставляет» (см. документ № 39).

[31] Братья Лазуковы не подтверждают сообщения Орликова о предполагаемом участии чукчей в восстании коряков. И Алексей Лазуков и Иван Лазуков говорят о том, что «о замирении коряк с чюкчами и ни о каких происходимых между ими речах» они не слыхали.

Однако о том, что переговоры чукчей с коряками, правда, несколько позже, имели место, говорят показания казака Кузнецкого, попавшего в 1754 г. в плен к чукчам. В 1755 г., рассказывает он, «приезжал из коряк один человек, а как ево зовут, не знает... с таким объявлением, что коряки желают с ними, чюкчами, между собою жить вместе и на росийских в поход ходить обще, на что те чюкчи объявили, что они с коряками мирится не желают, а желают мирится с росийскими людьми» (см. документ № 70). Для нас здесь интересен факт переговоров, что же касается ответа чукчей, то он представляется с высшей степени сомнительным, ибо непрекращавшаяся борьба чукчей с русскими говорит об обратном. Показательным является и то положение, что именно в тот период, когда восстали коряки и камчадалы, чукчи наиболее активно борются с русскими.

[32] Подлинность такого заявления Умьевушки представляется весьма сомнительной. Действительное отношение восставших туземцев к Хотуцевскому характеризует Иван Лазуков, заявивший во время допроса, что они хотели «ево, отца архимандрита, и всех живущих в остроге убить и веру христианскую истребить» (см. документ № 39).

[33] Племя, называемое русскими на Камчатке тунгусами, не является собственно тунгусами (эвенками). Это — близкие к тунгусам по этнографическим и языковым признакам ламуты (эвены).

[34] Бригантин «Архангел Михаил» был построен в Охотске для второй экспедиции Беринга. На бригантине «Михаил» Шпанберг плавал к берегам Японии.

[35] Чачебы — очевидцы, извращенное чаучу, т. е. коряки-кочевники.

[36] Восстания пятидесятых годов были наивысшим подъемом освободительного движения среди коряков. Однако, хотя в дальнейшем движения такого размаха уже не имеют, все же борьба с русскими не прекращалась. Даже в отчете 1786 г. капитану Шмалеву (эксп. Биллингса, д. № 12) предписывается «стараться разведать о всех тамо отшатившихся коряках». Судя по тому, что Шмалеву предписывалось не только привести коряков к прежнему подданству, но и возвратить их в «настоящие жилища», следует сделать вывод, что коряки, не имея возможности бороться с русскими, при их появлении попросту уходили из своих жилищ.

[37] Во время приготовлений в Тобольске к экспедиции Шестакова, отправляемой «для открытия новых землиц», Козыревский заявил в Сибирской канцелярии о якобы виденных им у устья Лены островах. В 1728 г. на построенном им судне «Эверс» Козыревский отправился вниз по Лене. Но так как на зимовье около Жиган судно было затерто льдами, Козыревский вернулся обратно в Якутск.

[38] Первым духовным лицом, прибывшим на Камчатку, был архимандрит Мартиниан, отправленный туда в 1705 г. Как сообщает Словцов, деятельность его была «неуспешна». Зимою 1717 г. Мартиниан был задушен крещеными туземцами. Затем в течение ряда лет на Камчатку отправляется одиночками ряд священников — Лазарев и др. С 1717 г. начинается деятельность Козыревского. В 1732 г., после подавления выступления камчадалов, на Камчатку приехал священник Ермолай Иванов, которому удалось окрестить с 1732 г. по 1741 г. уже 678 душ. В 1742 г. было решено отправить на Камчатку духовную миссию, которая и прибыла на полуостров в 1745 г.

[39] Какого японца имеет в виду Козыревский, установить не удалось. В июле 1729 г. к берегу Камчатки вновь было занесено японское судно, на котором было 17 человек. 15 из них были убиты русскими и камчадалами по приказу казачьего пятидесятника Штинникова и лишь двое остались живы. Однако в Якутск они были привезены лишь в 1731 г., т. е. в то время, когда Козыревского уже там не было.

[40] Помещая материалы, касающиеся биографии Игнатия Козыревского, мы имели в виду не только показать его деятельность в качестве «строителя» камчадальской пустыни, но в первую очередь дать материал для биографии одного из выдающихся рыцарей «первоначального накопления». Дальнейшая судьба Козыревского неизвестна. В 1732 г. юстиц-коллегия определила предать его казни и одновременно постановила передать дело в Сенат, и на этом сведения о Козыревском обрываются.

[41] Духовная миссия на Камчатку была послана в 1743 г. Усиление христианизации, которое замечается на Камчатке в этот период, означало прежде всего поражение туземцев, в частности камчадалов в их освободительной борьбе. Это обстоятельство отмечает в цитированной выше (см. вводную статью) диссертации студент Петербургской духовной академии Дегтярев. «Пока они так или иначе отстаивали свою национальную самостоятельность, — пишет он о туземцах, — они были упорными врагами христианства и принимали его только в исключительных случаях. По мере же того как их национальное самосознание подавлялось и у них являлось стремление обрусеть, они начинали относиться к перемене религии индиферентно».

[42] Одним из важнейших элементов насильственной русификации туземцев на Камчатке являлись школы, организованные во второй половине 40-х годов миссией

Хотунцевского. Школы организовывались преимущественно для детей камчадалов. В 1745 г. были открыты школы в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске. Затем школы начинают проникать и в более мелкие острожки. В 1746 г. открывается школа в Шемячинском острожке, в 1748 г. — в Тигильской крепости, Ичинском острожке и в порту Петра и Павла. В этот период активной руссификации камчадалов на полуострове было такое количество школ, какого там не было до последних лет господства самодержавия. Но с окончательным усмирением камчадалов правительство перестает субсидировать школы и присылать учителей. Число их начинает падать, и к 1783 г. на Камчатке не было уже ни одной школы.

[43] Правильность положения о том, что христианизация являлась лишь следствием вооруженной победы над туземцами, прекрасно иллюстрируется на примере Камчатки. Окончательная христианизация камчадалов полностью совпадает с разгромом последних их попыток выступить совместно с коряками против русских. Иначе в это время обстояло дело с коряками и чукчами, которые в этот период еще окончательно разгромлены не были. Даже сами миссионеры отмечают резкое противодействие коряков и чукчей крещению. На предложение миссионеров креститься коряки обычно отвечали, что «боятся с принятием русской веры сделаться такими же злыми и нечестными, как тигильские казаки, которые нас обманывают, обмеривают и обвешивают» («Ирк. стар.» 1879 г., № 29).

[44] Данная таблица составлена по материалам 3-й (1761—1767) и 4-й (1781—1787) ревизий. Таким образом, указанная здесь убыль в количестве ясачного населения произошла всего лишь за двадцать лет.

[45] «Чукотская землица» была известна русским задолго до Камчатки. Первое знакомство русских с чукчами относится к 1642 г., когда на реке Алазее Ерастовы встретили юкагиров, а «с ними были с тундры чюхчи». В 1644 г. казак Стадухин доставил известие о чукчах и об острове, расположенном против устья р. Колымы. Казаки, ехавшие на коче Анкудинова, спутника Семена Дежнева, уже в 1648 г. дрались с чукчами.

[46] Афанасий Шестаков, потерпев крушение и отправившись к северу пешком, был убит чукчами в 1730 г.

[47] Решение прекратить борьбу с чукчами вызывалось тем, что то незначительное количество пушнины (при этом лишь лисицы и песцы), которое могли дать чукчи, ни в какой степени не компенсировало бы тех огромных затрат, которых эта борьба требовала. Это обстоятельство, в совокупности с неблагоприятными для походов условиями местности, на некоторое время приостановило дальнейшее продвижение русских. Однако потребность в оленях и необходимость обеспечить полное подчинение коряков заставляет русских в недалеком будущем вновь возобновить борьбу с чукчами.

[48] Привлекая на свою сторону и всячески используя в своих интересах коряцких родовых старшин, русские часто прибегали к их услугам для борьбы с чукчами, используя часто вспыхивающие между ними междуусобицы из-за оленных пастбищ. Однако отдельные из родовых старшин впоследствии, при усилении русской эксплоатации, становились активными участниками борьбы с русскими. Таков, например, Авулан Амьятов, который, будучи в 1751 г. аманатом в Анадырске, поднял там восстание, бежал и в 1753 г. был убит русскими.

[49] Помещенные в этом разделе три документа были напечатаны в 1825 г. в «Северном архиве» (ч. XVIII). Помимо ряда описок (вместо «юрты зимние» — «юрты зеленые» и др.), в «Северном архиве» имеются и малозначительные пропуски отдельных слов. Кроме того, в показаниях Кузнецкого выпущена фраза: «и в сухих местах пешком и байдары переносят на руках» (см. стр. 182 настоящего сборника и стр. 189 «Северного архива»).

[50] В инструкции, данной сибирским губернатором Соймоновым подполковнику Плениснеру, назначенному анадырским главным командиром, предписывалось «стараться привести чукч в подданство». Конец 50-х и 60-е годы характеризуются особым интересом, проявленным русскими к чукчам, и переходом в связи с банкротством активной наступательной политики к новому методу, к экономическому завоеванию чукчей. В связи с этим мы видим, что в эти годы собираются разнообразные материалы, касающиеся быта чукчей.

[51] Чучки так и остались недопокоренными. Свод законов Российской империи содержал специальный раздел, относящийся к народам, «не вполне покоренным». «Они управляются и судятся, — читаем мы в статье 1254, — по собственным законам и обычаям и русскому закону подлежат только при убийстве или гребеже, совершенных на русской территории». Статья 1256 гласила: «Чучки платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают». Эти статьи были исключены при издании Свода законов в 1876 г.

[52] Для стимулирования уплаты чукчами ясака и тем самым для прекращения с ними войны правительство отпускало ежегодно определенную сумму на так называемые «чукотские подарки». Эта сумма отпускалась из фонда кабинета его императорского величества. Размеры ассигновки, как пишет В. Г. Богораз в I томе своей монографии «Чукчи», были довольно изменчивы. «Так, в 1761 г. она составляла 500 руб., а в следующем году только 75 руб. Столетием позднее, в 1861 г. и далее, она составляла 150 руб. Майдель упоминает о 143 руб. как сумме, потребной для 1869 г. На эти деньги покупался табак, котлы, ножи, которые брались на ярмарку и давались как бы в уплату чукчам за их ясак» («Чукчи», 1934, стр. 55).

[58] Ходатайство чукчей о возобновлении уничтоженной на основании решения Сената 1764 г. Анадырской крепости находилось в тесной связи с тою потребностью торговли с русскими, необходимость в которой очень остро ощущалась чукчами. Чукчи, как пишет В. Г. Богораз, «нуждались в русских товарах; более всего в железе и табаке: вследствие этого русские и чукчи согласились встречаться ежегодно весной в целях торговли в местности к востоку от Колымы. Первое такое место было выбрано на Большом Анюе, у устья его притока р. Ангарки». Б. Г. Богоразом у чукчей записан очень любопытный рассказ, рисующий их заинтересованность в обмене с русскими. «Много лет спустя после убийства Якунина (Павлуцкого) была в первый раз открыта весенняя ярмарка на р. Анюе. Собралось множество народа — чукоч, русских, чуванцев — и сразу желали начать обмен. Тогда явился офицер от царицы (Екатерины II) и заявил: «Сердце мое полно гнева. Вы убили очень много царицыных людей. Я не дозволю этой торговли». Чукчи стали отрицать обвинение. «Мы не делали этого. Это сделали анадырские люди». Четыре силача пробрались к русской крепости и стали смотреть через щелку в дверь дома, где жил исправник. Он сидел одетый во все красное, в красную шапку, в красный мундир, в красные сапоги. Один из силачей сказал: «Сломаем эту дверь и схватим его». Они сломали дверь, схватили красного человека и увезли его на стойбище. Офицер кричал, звал на помощь, но никто не слышал его голоса. На следующее утро русские подняли шум. Местный исправник требовал, чтобы царицын офицер был возвращен обратно. «Нет, — сказали чукчи, — вы должны сначала открыть торговлю». Четыре силача отпустили пленника и, чтобы утолить его гнев, дали ему две черных лисицы. Тогда люди сказали: «Мы не можем торговать без переводчика». Они нашли Куку, человека чуванского рода, жившего на р. Большой, и сделали его своим переводчиком» («Чукчи», 1934, стр. 53—54).

СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Аманаты — заложники, см. подробнее примечание № 21.
Антиминс — предмет церковного богослужения.
Аргыш — оленный обоз в несколько нарт.
Барабора — жилище, см. подробнее примечание № 23.
Беляк — сбор в пользу ясачных сборщиков, см. подробнее примечание № 16.
Ветка — маленькая лодка, для одного человека.
Гарно — оленьи кожи, пушной товар.
Зернь — игра в кости.
Жило — жилье.
Камка — ткань с разводами.
Камосы — зимняя обувь из оленных шкур.
Камус — шкурки с ног оленя.
Камчюки — дети русских казаков и камчадалок.
Каргышные (санки) — см. аргыш.
Карша — суковатый пень, каршить — бить по затылку.
Каюра — собачья упряжка.
Каюрщик — проводник при езде на собаках.
Кипрей — трава, которую камчадалы употребляют в пищу; вместе со «сладкой травою» употребляют для выделки водки.
Концелиум — совещание.
Корга (карга) — взморье.
Королек — коралловый шарик.
Кошлок — молодой бобер.
Кекурник — отдельно стоящий камень на берегу моря или в море.
Куклянка — шуба из оленьего меха.
Кулемы — ловушки.
Куяк — кивер или латы из кованых пластинок.
Лопоть — верхняя одежда.
Мадан — площадь на возвышенности.
Малахай — шапка с ушами.
Наст — осенний, после оттепели замерзший снег.
Нопарья — бурав.
Одекуй — лазоревый бисер.
Окорт (окорм) — направление в путь.
Отпрядыш — отделившаяся от хребта скала.
Палмы — ножи.
Парка — платье.
Парохия — приход.
Партовщик — работник промышленной партии.
Подскор — подбитая мехом одежда.
Правеж — взыскание по суду.
Пупчётая (шуба) — сделанная из брюшков.
Сарана — трава, употребляемая камчадалами в пищу.
Сикурс — помощь.
Сицевый — таковой.
Стамовой — отвесный.
Тапта — отбивание утренней или вечерней зари.
Тоён — родовой старшина, князец.
Торбосы — оленьи сапоги.
Уполовник — черпак.
Чащина — сбор в пользу ясачных сборщиков, см. подробнее примечание № 16.
Чемеры — мех, снятый с хребта.
Чюман — лукошко для мелочей.
Шерлошы — утесы, скалы.
Шерть — присяга на подданство.
Шкарбет — скарб.
Шкота — шкода.
Шуга — ход первого осеннего льда.
Юкола — вяленая рыба.
Ясырь — пленник.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аванда, река — 164.
Авача, река — 47, 76—78, 80, 81, 86, 97, 101, 102, 108, 193, 194.
Авачинская губа — 81, 192.
Азия — 192.
Аклан, река — 87, 88, 89, 90, 111.
Акланская река — см. Аклан, река.
Акланский острог — 25, 41, 44, 87—92, 94, 96, 105, 110, 112, 140, 141, 144, 194.
Алазейское зимовье — 29.
Алазея, река — 196.
Алгинка, река — 163.
Алдан, река — 6, 29.
Аленка, река — 50.
Алеутские острова — 6.
Алюторский острог — см. Олюторский острог.
Америка — 6.
Амур, река — 6, 32.
Анадырск — см. Анадырский острог.
Анадырская крепость — см. Анадырский острог.
Анадырский острог — 3, 5, 6, 8, 15, 25, 26, 28—30, 33, 35, 41, 43, 44, 46, 50, 60, 78, 87—92, 94—96, 101, 102, 108, 110, 111, 115, 117, 119—122, 136, 141, 144, 155—170, 172—176, 178—180, 183, 189—192, 194.
Анадырское зимовье — см. Анадырский острог.
Анадырский нос — 155—157.
Анадырское море — 156, 159.
Анадырь, река — 6, 12, 30, 112, 120—121, 134, 155—157, 162—167, 174, 176, 179, 183—187, 190.
Анандырский острог — см. Анадырский острог.
Анандырский хребет — 44.
Анандырское зимовье — см. Анадырский острог.
Анаха, река — 164.
Анахыя, губа — 164.
Ангара, река — 119, 196.
Ангарка, урочище — 188, 190.
Анча, река — 149.
Анюй, река — 30, 167, 196.
Апонское государство, см. Япония.
Аратуга, река — 56, 61, 100, 107.
Астраханская губерния — 132.

Баня, урочище — 112, 121, 167.
Белая, река — 158.
Белое море — 164.
Березаники — 101.
Беринов остров — 146.
Бобровая река — 28, 32.
Бобровое море — 37, 38, 41, 77, 78, 149.
Бобровское море, — см. Бобровое море.
Бобровское камчатское море — см. Бобровое море.
Большая земля — 158, 162, 180, 182, 183, 185, 187.
Большая река — 33—35, 37—39, 42, 43, 46, 134, 135, 149, 196.
Большерецкий острог — 8, 14, 16, 47, 53—55, 57, 58, 60, 62, 79—81, 86, 97, 101—103, 108, 136, 140, 149, 192, 195.
Брацкой острог — 36.
Буриново урочище — 121.
Буян, остров — 175—177.

Валхалан — 131.
Валхаланская губа — 125, 127, 130.
Валхаланский отпрядыш — 126.
Верхне Палланский острог — 102, 108.
Верхний Камчадальский острог, — см. Верхний Камчатский острог.
Верхний Камчатский острог — 7, 14, 33, 35—40, 44, 48, 53—55, 58—62, 67, 68, 77, 79, 80, 86, 97, 101—103, 108, 136, 140, 141, 144, 145, 149 195.
Верхоянск — 5, 29.
Верхоянское зимовье, — см. Верхоянск.
Вилега, река — см. Виллига, река.
Виллига, река — 123.

Галянда, река — 29.
Галяндина, река — 29.
Гижига, река — 119, 127, 128, 130.
Гижигинская крепость — 122, 123, 127—131, 189, 190.
Гизянг, река — 164.
Горбунов, острожок — 101.

Егача, река — 88, 89, 131, 194.
Егачинский острог — 87, 112.
Еидо (Токио) — 192.
Еловка, река — 7, 11, 15, 32, 53, 54, 56, 57, 59—61, 64—71, 73, 75, 98, 101—108, 106—109, 149, 194.
Енисейск, город — 36.
Епоча река — 164.
Ехони, река — 164.

Жиган, — см. Жиганское зимовье.
Жиганское зимовье — 49, 50, 195.
Жировой острог — 87, 95, 112.
Жупановская река — 35.

Зашиверская округа — 140.
Зашиверский острог — 50.

Ижига, река — см. Гижига.
Илимск, город — 36, 42.
Индейское царство — 27.
Индигирка, река — 5, 29.
Индигирский острог — 29.
Индия — 5, 27.
Ирландия — 7.
Иркутск — 50, 90, 93, 95, 120, 142, 145, 147, 161, 174, 178, 191.
Иркутская провинция — 140.
Иткани — 131.

Иттей, река — 164.
Итыночан, река — 164.
Ича, река — 5, 27, 28.
Ичинский острожек — 196.

Кайгородский уезд — 33.
Каланка, река — 32, 192.
Каланская рака — см. Каланка, река.
Калигирская губа — 38.
Камаков острог — 101, 146.
Каменный острог — 25, 59, 64, 67, 69, 87, 94, 95, 101, 112.
Каменный острожек — см. Каменный острог.
Камчадальские остроги — 42—44.
Камчадальский нос — см. Камчатский нос.
Камчатка, река — 4, 5, 26—28, 31, 32, 37, 41, 47, 53, 54, 56, 58, 62, 63—67, 69, 71, 72, 78, 79, 110, 133, 146, 149, 192.
Камчатский нос — 6, 26, 29, 34, 35.
Камыковой острожек — см. Камаков острог.
Капича, река — см. Халича, река.
Карага — 103, 108.
Карагинский острог — 103, 109.
Каранда — 50.
Кареуна, река — 62.
Кигель, река — см. Тигиль, река.
Кислая вадега, урочище — 175.
Китай — 3.
Ковыма, река — см. Колыма.
Ковымское море — 159, 168.
Козыревская, река — 49, 53, 54, 67.
Козыревский острог — 67.
Колыма, река — 5, 29, 30, 134, 162, 189, 190, 196.
Колымские зимовья — 50.
Ключевка, река — 194.
Ключевский острог — 67, 68, 101.
Ключи, река — 56, 58, 61—63, 65, 67, 69, 73, 75.

Кожный острожек — 194.
Кожановский острожек — 101.
Койнач, озеро — 15, 194.
Копейкина губа — 175.
Копейкина корга, урочище — 166, 167.
Коряцкая землица — 166.
Косухинский острог — 87.
Красная река — 166, 175—177, 184.
Красный яр — 174—177.
Крестовский острожек — 64, 67, 101, 143.
Кресты — см. Крестовский острожек.
Кривая протока — 163, 166, 175.
Крутогорова река — 6.
Кугул — см. Тигиль, река.
Кудтуган, река — 34.
Култуска середняя — 158.
Кука, река — 186, 187.
Кукун, река — 164.
Кукша, река — 28.
Курила — см. Курильская земля.
Курильская земля — 30—35, 47, 78.
Курильская лопатка — 149, 192.
Курильские острова — 6, 78, 86, 140, 192, 193.
Курупка, река — 164.
Кытыл, река — см. Тигиль река.
Кыкша, река — 28.
Кырганик — 49.

Ламахаручев острог — 101, 106, 146.
Лена, река — 6, 18, 29, 135, 145.
Люторское море — см. Олюторское море.

Майна, река — 163, 176—178.
Матколь — 158.
Матмайский город — 35.
Матмайское государство — 35.
Матугинский отпрядыш — 127.
Машурин острог — 48, 61, 67.
Метевин, сопка — 164.
Мечинг, камень — 164.
Мечинг, губа — 164.
Москва — 13, 18, 36, 133, 137—139, 144, 145, 147, 192, 194.
Москва, река — 29.
Мучиглинское селение — 189.

Налуча, река — 180.
Нана, река — 27, 28.
Начелта, река — 164.
Начикин острог — 102.
Наяханская сторона — 131.
Нершичья губа — 176.
Нершичья, река — 163.
Нижнекамчатск — 6, 10, 13, 14, 16, 33, 37—41, 43—47, 51—54, 56—58, 62—66, 68, 69, 71, 72, 75, 76, 79, 81, 86, 97—109, 111.
Нижнековымский острог — см. Нижнеколымск.
Нижнековымское зимовье — см. Нижнеколымск.
Нижнеколымск — 6, 29, 90, 162, 171.
Нижне Палланский острог — 103, 106, 108.
Нижний камчадальский острог — см. Нижнекамчатск.
Ники, река — 28.
Ночана, река — 164.
Ночен, губа — 163.
Нуттен, река — 164.

Озерная река — 5, 14, 47, 48, 76, 96, 98, 103, 107.
Олюторск — см. Олюторский острог.
Олюторская, река — 43.
Олюторский острог — 44, 89, 106, 112.
Олюторское море — 26, 41, 43, 44, 156, 160.
Омчаян, река — 184.
Онадырский острог — см. Анадырский острог.
Онеменск — 176.
Оренбургская губерния — 132.
Орлова, река — 13, 169, 171—173.
Осака, город — 192.
Отпрядыш — 81, 116—119.
Охотск — 6, 10, 14, 50, 82, 87, 90—93, 96, 101, 102, 108, 113, 115, 116, 122—125, 127—132, 139—146, 158, 190, 193, 194.
Охотский острог — см. Охотск.
Охотский порт — см. Охотск.
Охотское море — 6.

Паллан, река — 26, 102, 106.
Панкара, река — 100, 101, 104, 106.
Панков плес — 177.
Парена, река — 105, 111, 131.
Паренский острог — 112.
Пекуки — 101.
Пенжина, река — 4, 25, 28, 31, 32, 44, 90.
Пенжинская губа — 4, 149, 194.

Пенжинское море — 26, 27, 34, 36, 37, 39—41, 78, 79, 81, 87, 92, 93, 124, 127, 149.
Пензинское море — см. Пенжинское море.
Петра и Павла порт — см. Петропавловск.
Петербург — 147, 191, 192.
Петропавловск — 141, 196.
Пеучев острог — 63, 66, 67.
Пекеткина, река — 164.
Подкатирная, река — 81.
Покоечи, река — 164.
Полана, река — см. Паллана, река.
Польша — 4.
Поперешная, река — 163.
Прокопьевск — 176.
Родионово урочище — 112, 121, 164—166.
Россия — 3.
Селенгинск — 161, 162.
Сердце-Камень — 159, 164, 184.
Серце-Камень — см. Сердце-Камень.
Сибирская губ. — 132, 140.
Сибирь — 6—9, 15, 19—21, 136, 158, 192, 193.
Сиглана, река — 132.
Силета, губа — 164.
Сиунча, река — 28.
Сопочный острог — 83, 86.
Спасский монастырь — 71.
Среднеколымское зимовье — 5.
Става, река — 164.
Столбовской острог — 96—98, 99, 101—103, 107, 109, 113.
Столбы — см. Столбовской острог.
Таватомская крепость — 123, 127, 128.
Тавачев острог — 64, 68, 101.
Таиночик — 131.
Тангуновский мыс — 126.
Тангуновский нос — 115, 116, 119, 128.
Тастак, река — 29.
Тауйск — см. Тауйский острог.
Тауйский острог — 123, 140, 141, 144.
Тенивин острог — 56, 61, 62, 64—67, 69, 75.
Тенях губа — 164.
Тигилев острог — см. Тигильский острог.
Тигиль, река — 6, 26, 27, 29, 32, 37, 40, 41, 78, 81, 82, 102, 103, 109.
Тигильская крепость — см. Тигильский острог.
Тигильский острог — 69, 75, 196.
Тиркичей, река — 184.
Тобольск — 4, 36, 120, 133—135, 137—139, 144, 158, 163, 195.
Токулан, река — 29.
Толбачик, река — 49.
Тополиный острог — 49.
Туманская крепость — 123, 127, 128.
Тунгуска — 18.
Тыкитилан, река — 131.
Удский острог — 50, 140, 141, 144.
Узакинское государство — 27.
Ука, река — 47, 59, 64—66, 74, 78, 97, 109, 149.
Укинский берег — см. Ука, река.
Укинский нос — 110.
Улючинское селение — 189.
Умъевушкин острог — 109, 110.
Урак — 141, 142.
Урилов острог — 60.
Усть-Камчатка, река — 55, 57, 79.
Усть-Пенжинский острожек — 25.
Усть-Прорва — 175.
Ундина, река — 29.
Уяндина, река — см. Ундина, река
Уяндинское зимовье — 29.
Утколока, река — 81.
Утколоцкий острог — 81.
Федотовка, река — 192.
Халича, река — 53, 54, 60.
Халичанский острожек — 101.
Харчин острог — 111.
Харюзов острог — 83, 86.
Харюзова, река — 26, 28, 47, 76, 78, 79, 82.
Хотомначикин острог — 100, 107.
Хуматан, губа — 164.
Чагнум, река — 164.
Чауна, река — 168, 188—190.
Чекаево урочище — 163, 164, 166, 174—177, 179, 180, 186.
Чендон, река — 112.
Черная река — 89, 90, 163, 164.
Чимгана, река — 164.
Чорган — 62.
Чукотская землица — 13, 158, 160, 161, 164, 165, 167, 181, 184, 187, 190, 196.
Чукотский мыс — 188.
Чукотский нос — 156—159, 182, 184—186.
Шантальское озеро — см. Шантарское озеро.
Шантарское озеро — 56, 60, 68.
Шапина, река — 49, 62, 67.
Шевелич камень — 62.
Шемячинский острожек — 196.
Ыркутск — см Иркутск.
Эдо — 39.
Эйвугиен острог — 190.
Юдома, река — 6.
Юмтина, река — 98, 100, 106, 109.
Юрупка губа — 164.
Яблонная, река — 30.
Ягача, река — см. Егача, река.
Ягачинский острог—см. Егачинский острог.
Якутия — 193.
Якутск — 5—7, 15, 25, 29, 30, 33, 35—44, 48, 50, 63, 87, 90, 91, 114, 124, 134—144, 148, 155, 160, 161, 163, 167, 174, 178, 192, 195.
Якуцк — см. Якутск.
Якуцкий город — см. Якутск.
Ямской острог — 93,123, 140, 141, 144.
Ямышевская крепость — 114.
Яна, река — 5, 29.
Яндина — см. Ундина.
Ярмонга, урочище — 29.
Япония — 6, 35, 38, 39, 43, 133, 135, 195.
Ясовилка, река — 35.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авуявин Гачитыл, ясачный коряк — 169, 171.
Агавлин (Агеулин, Агевлин), коряк, участник восстания 40-х годов — 101, 106, 110.
Агевлин — см. Агавлин.
Агеулин — см. Агавлин.
Агеча Онтон, камчадал участник восстания 1731 г. — 59, 61.
Адсей, японец — 136.
Аихчата, ясачный коряк, участник восстания 50-х годов — 132.
Айгахлавол, участник восстаний 40-х годов — 102, 108.
Акинтов, чукча — 190.
Александровых Алексей, служилый — 33, 39.
Алексеев Федот, спутник Дежнева — 193.
Алексей Михайлович, царь — 9.
Алыга, коряк — 114.
Амам, чукча — 188.
Амговгов, чукча — 183.
Амгыта (Амгытка), участник восстаний 40-х годов — 100, 113.
Амгытка — см. Амгыта.
Аммов Алык, коряк, участник восстаний 50-х годов — 119, 120.
Аммов Чэнгев, коряк, участник восстаний 50-х годов — 120.
Амосов Леонтий, служилый — 66, 76, 81.
Амунов Ивтигилян, ясачный коряк — 169, 171.
Амьятов Авулан — см. Омьятов Айвулан.
Анасальмо Манген — см. Мангель.
Андреев Козьма, служилый — 90.
Анкудинов, спутник Дежнева — 197.
Анна Иоанновна, императрица — 8, 9, 10, 16, 17, 49, 133, 158, 195.
Антипин Алексей — см. Карымча Черной.
Антипин Василий, служилый — 171, 173, 174.
Антипов Яков, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 119.
стания казаков 1771 года — 33, 35, 37—139.
Антошка, новокрещеный камчадал, участник восстания 1731 года — 56.
Анциферов Данило, казак, участник восстания казаков 1771 года — 33, 35, 37—42, 137, 138, 193—195.
Анциферов — см. Анциферов.
Апля, участник восстаний 40-х годов — 100, 113.
Апляж — 113.
Арзомас Иван, служилый — 88.
Артемьевых Никита, казачий сын — 169, 171, 172.
Аталан (Атакан), участник восстания 40-х годов — 100, 113.
Атакан — см. Аталан.
Атласов Владимир, казачий пятидесятник — 3—5, 10, 16, 18, 21, 25—30, 32, 33, 38—41, 137, 138, 193, 195.
Атласов Иван — 13, 138.
Аукэвьин Умья, коряк, участник восстаний 40-х и 50-х годов — 94—96, 116, 120.
Ахаин — 188.
Аханкира Шадра — см. Ахантыкив Шадра.
Аханчеивин Увалетка, чукотский тоен — 189, 190.
Ахынтыкив Шадра, ясачный коряк — 169, 170, 172, 173.
Ащепков Иван, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Багуев Андрей, служилый — 64, 66.
Багуй Илья, служилый — 56.
Баев Павел, служилый — 112.
Баженов Иван, подканцелярист — 123, 129, 131.
Баженов Кузьма, секретарь — 160.
Баитачев Лев, служилый — 87.
Байбородин Яков, каптенармус — 12, 115, 125—131.
Балдаков Федор, казак — 44, 45.
Баннер Иван, зашиверский земский исправник — 188—190.
Барашков Василий, служилый — 35.
Баргач, ясачный камчадал — 62, 63.
Батюшков Аника, промышленник — 45.
Бекирев Спиридон, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Белого, шкипер — 85.
Белогородов Федот, сержант — 128.
Бельский порутчик — 115, 116, 118, 174, 175.
Беляев Степан, служилый — 87—89.
Беляев Степан, новокрещеный — 43.
Берг Л. С. — 11, 193, 194.
Березин Харитон, служилый — 37, 41.
Березкин Андрей, служилый — 81.
Березовский Григорий — 168.
Беринг Витус, капитан — 6, 47, 52, 77, 81—85, 146, 194—196.
Биллингс Иосиф, капитан — 189, 190.
Блохин Иван, казак — 155.
Бобякин Егор, служилый — 46.
Бобякин Ларион — 46.
Богачев, служилый — 161.
Богораз, В. Г. — 197.
Бологов Дмитрий, служилый — 59, 64—66, 68, 74.
Большаков Степан, служилый — 37, 41.
Борис, служилый — 89.
Борисов Михайло, управитель ясачной избы — 76—79.

Борис Петр, «командир» — 81, 82.
Брусенин Осип, служилый — 132.
Брянский Максим, солдат — 127.
Бубенной Гаврило, служилый — 64, 66.
Булатов Иван, канцелярист — 129.
Булюкин Григорий — см. Пиня.
Бутин Иван, мореход — 48.
Буторин Иван, служилый — 51, 64, 194.
Бутусин, казачий пятидесятник (сотник) — 161, 164.

Вакочин Петеня, коряк — 171.
Валага — см. Валагола.
Валагола (Валага, Валача), камчадал, участник восстания 1731 года — 63, 64, 66, 67, 69, 73, 74.
Валача — см. Валагола.
Варвара, новокрещеная — 68.
Варжа Дмитрий, сборщик — 73.
Васильев Петр, крещеный, участник восстания 40-х годов — 114.
Васильев Симеон, священник — 144.
Вахлыч, участник восстания 30-х годов — 13, 76.
Вежливцов Козьма, приказчик — 45, 46, 139.
Вележов Николай, протоколист — 114.
Веретнов Константин, служилый — 56, 63, 69, 75.
Веригин Иван, регистратор — 189.
Верхоглядов Ивака, ясашный коряк — 169, 171.
Верхотуров, пятидесятник — 121, 122, 176.
Верхотуров Андрей, служилый — 81.
Волокита Яшка, служилый — 26.
Волынкин Ларион, служилый — 47, 48.
Воровьев Алексей, служилый — 51, 63.
Воробьев Тимофей, якутский казак — 42.
Воротимесов Лев, казачий десятник — 156.
Ворыпаев Евдоким, служилый — 64, 66.
Ворыпаев Лука, анадырский посадский — 171.
Выходцов Агафон, казак — 132.

Гавриил, иеродиакон — 142.
Гагарин Матвей, сибирский губернатор — 42, 138.
Гаргогокна, чукча — 190.
Гвоздев Михаил, геодезист — 78.
Генс Яков, штурман — 13, 47, 48, 50—53, 55—57, 69, 76—80.
Гижур, камчадал, участник восстания 1731 года — 62, 66, 67, 69.
Гилев, служилый — 89.
Гобов Семен, служилый — 81.
Годунов Петр, тобольский воевода — 193.
Голгоч, камчадал, участник восстания 1731 года — 56, 59, 62, 64, 65, 67—69, 71, 73—75, 195.
Головачев П. — 20, 21.
Горзяков Василий, казак — 122.
Гуланов Эвекукахта, коряк участник восстаний 40-х годов — 94, 95.
Гуторов Зосим, служилый — 100.
Гуторов Петр, служилый — 71.
Гыжур — см. Гижур.
Дадей (Дадня, Дадея, Тадея), камчадал, участник восстания 1731 года — 59, 63—65, 67, 69—71, 73, 74.
Дадея — см. Дадей.
Дадня — см. Дадей.
Даниил, новокрещеный якут — 64.
Дауркин Николай, толмач — 190.
Даурцов Тимофей, казак — 155, 156.
Девиер Антон, начальник охотского порта — 81, 82, 90, 194.
Дегтярев, студ. СПБ. духовн. академии—196.
Дежнев Семен, казак, впервые обогнувший северо-восток Азии — 12, 193, 197.
Демьян — 100.
Денбей, японец — 193.
Джовио Паоло (П. И. Новоломский), автор «Посольство от Василия Ивановича вел. кн. Московского к папе Клименту VII» — 4.
Дмитрей, новокрещеный, камчадал, участник восстания 1731 года — 59.
Добрынин Логин, торговый гость — 18.
Добрынин Моисей, служилый — 81.
Долгополов Елисей, служилый — 64.
Дурига, камчадал, участник восстания 1731 года — 69.
Дурынин Никита, служилый — 49, 61.
Дюков Матвей, служилый — 35.
Дягилев Иван, пятидесятник — 112.

Егор, партовщик — 90.
Егоров Спиридон — 112.
Екатерина II, императрица — 180.
Елигичин, коряк участник восстаний 50-х годов — 131.
Елизавета Петровна, императрица — 17, 169.
Елчин Яков, воевода — 35, 45, 46, 138.
Енисейский Иван, сержант — 87, 89, 91, 92, 105, 110, 112, 195.
Енисейской Иван, приказчик — 44.
Енко Филипп, священник — 144.
Ерастовы, казаки, совершившие впервые поход на р. Алазею — 197.
Ерганьин Козьма, служилый — 87.
Еремеев Алексей, толмач — 47.
Етогов Хетаят, ясачный коряк — 171.

Жадовский, воевода — 50.
Жданов Григорий, сын боярский — 36.
Жернаков Федор, служилый — 81.
Жилин Дмитрий, служилый — 81.
Жинбицкий Семен, сын боярский — 46.
Жировиков Василий, промышленник — 64.
Жировиков Михайло, промышленник — 64, 66.
Жировиков Фетька, новокрещенный камчадал, участник восстания 1731 года — 62, 63.

Завойко В., камчатский губернатор — 11.
Завьялов Василий, капрал — 116, 117.
Завьялов Дементий, капитан — 96, 98, 101.
Заев Никита, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Заливин Иван, служилый — 81.
Зеленовской, партовщик — 89.
Змиев Александр, солдат — 47, 48, 53—58, 60—63, 69, 75, 76, 78—81.
Змиев Афанасий, служилый — 89.
Зуев, партовщик — 89.
Зыбин Афанасий, майор — 92, 93, 123, 125, 131, 133, 139.
Зыбин Василий, сержант — 123, 124.
Зыков Сергей, регистратор — 114.

Иван, аманат — 61.
Иван — см. Итатель.
Иван Сергеевич — см. Татаринов
Иванов Ермолай, священник — 144, 196.
Ивашко, участник восстания 40-х годов — 100, 101, 104, 106, 110, 113.
Ивол, камчадал, участник восстания 1731 года — 69.
Игил (Игул), камчадал, участник восстания 1731 года — 64, 67, 69.
Игнатьев Авраам, сержант — 122, 123.
Игнатьев Василий, сын боярский — 155.
Игул — см. Игил.
Иконников Варлаам — 100.
Иконников Егор, служилый, толмач — 68, 98.
Иконников Иван, казак — 130.
Иконников Кирилл — см. Чегач.
Иконников Петр, служилый — 42.
Икорников Алексей, служилый — 61.
Илту (Итту), камчадал, участник восстания 1731 года — 59, 64, 65, 67, 69, 71, 73, 74.
Ильиных Максим, казак — 155.
Ильиных Степан, казак — 155.
Ингата, коряк участник восстания 40-х годов — 113.
Инмахачев Омат, ясачный коряк — 170.
Иннокентий, епископ иркутский и нерчинский — 141, 144.
Иннин Эвекка, коряк, участник восстания 40-х и 50-х годов — 119, 120.
Иов, иеромонах — 137, 138.
Иосиф — см. Лазарев.
Иохельсон В. — 14.
Ипекин Веем, ясачный коряк — 169, 172.
Ипин, коряк, участник восстания 40-х годов — 101, 114.
Ипполитов Василий, подканцелярист — 83.
Исаков Иван, служилый — 81.
Исаков Иван, казак — 163.
Итатель Тенивин, по крещению Иван, камчадал, участник восстания 1731 года — 66, 67.
Итталин Агыкева, ясачный коряк — 169.
Иттеня (Татьяна), чукотская «девка» — 186.
Итту — см. Илту.
Итчалкин Яхынк, ясачный коряк — 169.
Июра, камчадал, участник восстания 1731 года — 61, 64.
Какуляк — 188.
Калаан, участник восстаний 40-х годов — 101.
Калашников Иван, солдат — 61.
Камак, по крещению Кузнецов Степан, камчадал, участник восстаний 30-х и 40-х годов — 63, 68, 97, 101, 107.
Камкач, участник восстания 40-х годов — 106.
Кана (Хана), камчадал, участник восстания 1731 года — 61, 64, 66, 67.
Каналу, ясачный камчадал — 63.
Канач, участник восстания 1711 года — 34.
Канач, по крещению Андрей, коряк, участник восстания 40-х годов — 76, 97—99, 101, 108.
Канахач, камчадал, участник восстания 1731 года — 66.
Капочила, ясачный чукча — 157.
Карамзин Иван, служилый — 59, 61, 62.
Карандашев Степан, служилый — 61.
Каржин Фетька — см. Харчин.
Кармалин Антипа, служилый — 87.
Карпов Петр, служилый — 88.
Карымча Товача, участник восстания 1707—1711 годов — 34.
Карымча Черной, по крещению Антипин Алексей — 66, 72, 97, 99, 101, 102, 107.
Качанов Василий, приказчик Большерецкого острога — 46.
Каша, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Кашаю, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Кеин, чукча — 165.
Кекеров Семен, порутчик якутского полка — 87, 95, 96, 111—114, 117, 119—122, 178.
Келтяка Гаврило, служилый — 35.
Кенелхутов Ноттай, коряк, участник восстаний 50-х годов — 120.
Керуга, по крещению Минюхин Семен, коряк, участник восстаний 30-х и 40-х годов — 76, 97—101, 107, 113.
Кистинев Иван, солдат — 173.
Клестов Никифор, служилый — 81.
Клим, аманат — 59, 61, 67.
Климовский Семен, поп троицкой церкви — 137.
Кнуп, аманат — 72.
Кобелев Иван, сотник — 190, 191.
Ковалев Петр, прапорщик — 90, 94, 95, 117, 118, 177.
Кожач — 97.
Кожевин Афанасий, служилый — 87.
Кожевин Григорий, казак — 42.
Кожевин Евдоким, казак — 127.
Козлов-Угренин, якутский комендант — 188.
Козмин Матвей, обер-секретарь Сената — 136.
Козыревский Иван (Игнатий), участник восстания казаков 1711 года, впоследствии монах — 5, 6, 16, 33, 35, 37, 40, 43—45, 133, 135—139, 193, 194, 195.
Козыревский Петр, отец Игнатия Козыревского — 139.
Козыревский Федор, пленный поляк, дед Игнатия Козыревского — 135.
Колегов Даниил, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Колегов Петр, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Колегов Потап — см. Ломач.
Колегов Семен, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Колегов Стефан — см. Умьевушка.
Колесов Василий, камчатский приказчик — 34, 36, 41, 42.
Колесов Иван, служилый — 88.
Колесов Назар, сын боярский — 46.
Колыч, камчадал, участник восстания 1731 года — 56, 64, 67, 69.
Колычев Алексей, приказчик — 45, 46.
Колычев Осип, служилый — 71.
Колычевы, дети казачьи — 64.
Комаров Данило, служилый — 64, 66.
Комкол, ясачный камчадал — 63.

Конохалога, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Коринцов Иван, пищик — 78, 81.
Коротких Козьма, служилый — 88, 89.
Коротнев Александр — 82, 133.
Корякин Андрей, служилый — 121, 122.
Косинков Эвоинто, коряк, участник восстаний 40-х и 50-х годов — 87, 88, 94, 95, 122.
Косинской — см. Косинков.
Костров Степан, служилый — 81.
Котельников Ефрем, партовщик — 89.
Котельников Ефрем, пятидесятник — 171, 173—175.
Котковский Алексей, сотник — 89, 111, 118, 120, 170, 172, 174.
Котковский Федор, приказчик Анадырского острога — 156.
Котлов Антон, служилый — 106.
Котомначика — 76.
Красильников Филипп, казачий сын — 68.
Красовцев Сергей, служилый — 50, 54, 57.
Крашенинников С. — 4, 11, 16—18, 195.
Кривогорницын, сотник — 163—166, 168.
Крыков Иван, заказчик Нижнекамчатского острога — 50, 51, 53, 54, 57, 60, 73.
Крымский Трифон, служилый — 88, 89, 112.
Крюков Иван, коллежский секретарь—189.
Кувалин Эвек, коряк — 120.
Кузнецкий, казак — 180, 182—184, 195.
Кузнецов Иван, казачий сын — 64.
Кузнецов Стефан — см. Камак.
Кузька, портовщик — 105, 110, 195, 196.
Кука, чуванец — 197.
Куклин Петр, партовщик — 90.
Кулеча, коряк, участник восстаний 40-х годов — 105, 111.
Купин, камчадал, участник восстания 1731 г. — 69.
Курбатов Федор, пятидесятник — 163.
Курдюмской Василий, казачий сын — 64.
Куркин Никита, служилый — 94, 170—172, 174—175, 184.
Куска Леонтий, участник восстаний 40-х годов — 114.
Кута, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Кутайтах, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Кутьин Андрей, служилый — 35.
Кушуга, участник восстания 1711 года — 34.
Кыргызов Константин, заказчик Верхнекамчатского острога — 43, 193.
Лазарев Андрей, иеромонахов сын — 64, 71.
Лазарев Иосиф, священник — 51, 64, 139, 195.
Лазарев Матвей, служилый — 105.
Лазарев Нефед — см. Тавач.
Лазарев Петр — 100.
Лазарев Яков, служилый — 100.
Лазуков Алексей, камчюк, участник восстания 40-х годов — 17, 97, 99—101, 103, 105—110, 195, 196.
Лазуков Иван, камчюк, участник восстания 40-х годов — 97, 99, 104, 106—111, 196.
Лалот, камчадал, участник восстания 1731 года — 64, 66, 67, 69.
Ламаев Семен, служилый — 39, 42.
Ламахаруч, столбовской тоен — 97, 99.
Лант Лоренц, иркутский вице-губернатор — 12, 82, 92, 94, 96, 113, 160—163.
Лаптев Андрей (Облик), крещеный якагир — 116, 117.
Лаптев, капитан — 85.
Ларионов Степан, служилый — 64.
Лвуч — см. Ливуч.
Лебедев Алексей, капрал — 96, 98, 101.
Лебедев Максим, капитан — 143, 144, 162.
Левашев, прапорщик — 81.
Летлек, ясачный «иноземец» — 79.
Лейбниц Готфрид-Вильгельм — 193.
Леку, ясачный «иноземец» — 62.
Ленин В. — 6.
Лехта, участник восстания 40-х годов — 100, 113.
Лехтарь, камчадал, участник восстания 1731 года — 56, 62—64, 67.
Лехтелев Ивака, ясачный коряк — 169, 170.
Лехтелев Энгилий, ясачный коряк — 169, 170.
Ливуч (Лювич, Ликоч, Лвуч), камчадал, участник восстания 1731 года — 59, 63, 67.
Ликоча — см. Ливуч.
Липин Осип, камчатский приказчик — 36—41, 137.
Литвинцов Петр — 46.
Лишута, камчадал — 98.
Лобашков Федор, казак — 178.
Логопов Ахыя, ясачный коряк — 169.
Логопов Калда, ясачный коряк — 169.
Логопов Откувья, ясачный коряк — 169.
Логопов Эмкувья, коряк, участник восстания 50-х годов — 118.
Локаткапа, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Ломач, по крещению Колегов Потап — 97.
Ломча, курильский «князец» — 47, 48.
Лузин Анисим, крещеный коряк — 99.
Лювич — см. Ливуч.
Мазепа — 4.
Макачкин, чукча — 157, 158.
Максимка, ясачный «иноземец» — 79.
Мальшев, солдат — 100.
Мамруков Иван, гренадер — 87.
Мангель (Анасальмо Манген), чукча — 188, 189.
Марка, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Маркс К. — 7, 9, 10, 12, 17—19.
Марманской Козьма, приказчик — 38—42.
Мартиниан, архимандрит — 16, 196.
Маслецов Иван, служилый — 63.
Маслов Степан, канцелярист — 136.
Матвеев Иван, партовщик — 89.
Машурин Чистяк — 49.
Мего, чукча — 181.
Меледин Алексей, служилый — 35.
Меленка, коряк, участник восстаний 50-х годов — 125—127.
Мельников Алексей, подканцелярист — 120, 122, 171, 174, 176, 178.
Мерлин Михаил, крещеный туземец — 98, 99.

Мешков Федор, толмач — 64.
Миталкин Андрей, подканцелярист — 129, 131.
Миллер Г. Ф. — 4, 192, 194.
Минюхин Семен, служилый — 100.
Минюхин Семен — см. Керуга.
Миронов Осип, камчатский приказчик — 137.
Михайлов Афанасий — 90.
Михайлов Яков, подканцелярист — 131.
Михалев Алексей, служилый — 35.
Мокрошубов Алексей, сержант — 87, 88, 166.
Мохнаткин Василий, служилый — 98, 99.
Мохнаткин Василий, крещеный коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Мохнаткин Лев, крещеный коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Мунгал Петр, казак — 155, 156.
Мусин-Пушкин, генерал-майор — 15.
Мутовин Алексей, казак — 83—85.
Мухоплюев Еким, подъячий — 65, 70.
Мыкынтыкана, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Нагаев Емельян, служилый — 81.
Нагибин Прокопий, мореход — 60, 63.
Назаров Агафон, матрос — 81.
Надасканач, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Налахач, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Налач, камчадал, участник восстания 1731 года — 59, 62—65, 67—69, 71, 73, 74.
Намагла, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Насонов Сергей — 171.
Настасья — 16.
Наумов Алексей, служилый — 81.
Наумов Никита — см. Эаткаманов Наяхала.
Начик, по крещению Колегов Иван, камчадал, участник восстания 30-х и 40-х годов — 7, 48, 49, 61, 62, 103, 106, 107.
Начик Чавакеев, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Невежин Дмитрий, обер-секретарь — 83.
Неворотов Петр, служилый — 43.
Невотчиков Иван — см. Хотомначика.
Некраско, юкагир — 155.
Немтинов Петр, якутский воевода — 43.
Нижегородов Осип, сотник анадырской команды — 13, 158, 163.
Нижногородов Василий — 68, 69.
Ничкитка — 62, 63.
Никифоров Степан, протопоп — 149.
Нингвит — 72.
Нифантьев Борис — 63.
Ниняхка, коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Новгородов Дмитрий, казак — 64, 71.
Новогородов Еким, служилый — 90.
Новогородов Иван, комиссар — 7, 65, 70.
Новогородов Матвей — 7, 70.
Новограбленной Василий, служилый — 49, 61.
Новограбленной Матвей, ясачный сборщик — 47, 48.
Новосельцев Макар — 49, 61, 66.
Нокон, чукча — 156, 157.
Облик — см. Лаптев Андрей Дмитриев.
Обухов Дмитрий — 100.
Обухов Макар — 64.
Обуховский Иван, служилый — 51, 64, 71.
Овлохов Елвач, ясачный коряк — 169.
Овлохов Гачгитил, ясачный коряк — 169.
Огика, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Отлоблин, Н. — 4, 5, 18, 193.
Ома, юкагир — 26.
Омьятов Айвулан, ясачный коряк, поднявший в 1751 году восстание в Анадырской крепости — 121, 122, 123, 169, 170.
Околтышев Прокопий — 100.
Оконешников Иван, партовщик — 89.
Ондрюшка — 48.
Онофриев Василий, служилый — 87.
Онтошка — см. Агеча.
Орефин Иван, казак — 42.
Орлик Андрей, толмач — 64.
Орликов Петр, ясачный камчадал — 14, 96—98, 100, 101, 106, 107, 195.
Орлов Семен, секретарь — 163.
Осипов Яков, толмач — 164.
Осколков Дмитрий, служилый — 63.
Ослоповский Иван, служилый — 88, 90.
Островской Семен, служилый — 64.
Отласов Володимер — см. Атласов Владимир.
Отласов Иван — см. Атласов Иван.
Отомначак — см. Хотомначик.
Павлов Иван, толмач — 118, 171.
Павлов Степан, сотник анадырской команды — 163.
Павлуцкий Дмитрий, майор — 13, 14, 57, 60, 78, 88, 90—96, 105, 111, 112, 120, 158, 160, 162, 163, 165, 168—174, 193, 197.
Панютин Иван, сын боярский — 36.
Паранка — 72.
Патканов С. — 11.
Пахомий, иеромонах — 143.
Пашков Василий, заказчик — 49, 61, 62.
Перевалов Алексей, новокрещеный — 100.
Пермяков Ефим, служилый — 61, 88, 89.
Петр I, император — 4—6, 8—10, 42, 133, 135, 194.
Петр Афанасьевич — см. Немтинов.
Петриловский Алексей, камчатский приказчик — 5, 43—46, 135, 136.
Петров Антон, партовщик — 89.
Петров Ефим, приказчик — 43.
Петров Леонтий, матрос — 76.
Петров Степан, служилый — 90.
Петров Яков, солдат — 123.
Петровых Андрей, служилый — 39—41.
Петушков Константин, крещеный коряк, толмач — 190.
Пещера Алексей, служилый — 23, 36—39, 41.
Писарев — см. Скорняков-Писарев.
Пиль Иван, иркутский генерал-губернатор — 190, 191.
Пинья, по крещению Булюкин Григорий, коряк, участник восстания 40-х годов — 98, 99.
Пичючен, олюторский «мужик» — 104.
Пишига, коряк, участник восстания 40-х годов — 113.

Плениснер, подполковник — 184, 197.
Плехандая Иван, служилый — 71, 195.
Пограиче Умляляитен, чукотский тоен — 189, 190.
Поздель, юкагир — 26.
Покровский, М. — 15.
Полабин Илья — 82.
Полежаев Клим, солдат — 56, 61, 81.
Поливанов Алексей, служилый — 59, 64, 76, 81.
Поляков Лаврентий, служилый — 77, 78, 81.
Пономарев Савин, служилый — 98, 99, 111.
Попов Андрей, служилый — 51.
Попов Григорий, служилый — 59, 64, 66, 70, 73, 74.
Попов Иван, сотник анадырской команды — 158, 163, 171.
Попов Никита, казак — 171.
Попов Павел, служилый — 50, 54, 57, 81.
Попов Петр, служилый — 156—158.
Порнов Федор — см. Порной.
Порной Федор, казак — 155, 156.
Поротой Алексей, казак — 155.
Портятин Иван, служилый — 81.
Постников Алексей, служилый — 35, 40, 41.
Постников Григорий, приказчик — 29.
Потапов Иван, служилый — 87—90.
Почина, юкагир — 26.
Поярков Василий, «письменный голова», впервые совершивший плавание по Амуру — 21.
Прибылой Иван, служилый — 43.
Проидошин Иван, служилый — 87.
Пурга Иван, служилый — 171.
Путел, камчадал, участник восстания 1731 года — 56, 59, 61, 63.
Путимцов Тимофей, служилый — 42.
Пушкарев Данило, канонир — 128.
Пыжик Алексей, служилый — 70.
Радзивилл — 4.
Радилов Федор — 133.
Раздобреев Семен, служилый — 81.
Расторгуев Осип, приказчик — 96, 101.
Редин Иван, писарь — 83.
Решетков Афанасий, служилый — 87.
Родиха Офимья, казачья жена — 56, 63.
Родихин Никитка, участник восстания 1731 года — 56, 59, 61, 63.
Романов Максим, дьяк — 25.
Русанов Алексей (Александр?), сотник анадырской команды — 64, 71, 158, 163.
Рушков Никита, солдат — 120, 121.
Рыпачев Семен, толмач, служилый — 166.
Рюмин Андреян (Андрей?), сборщик — 49, 61.
Савинский Лука, служилый — 35.
Саладров Матвей, служилый — 56.
Салтыков Николай — 82, 133.
Санима, японец — 192.
Санинков Мирон, служилый — 81.
Саранчин Петр, служилый — 64.
Световой Иван, служилый — 81.
Свешников Иван, подъячий — 65, 70.
Севастьянов Василий, приказчик — 35, 36, 41, 43.
Сибнев А., автор «Исторического очерка главнейших событий на Камчатке» — 16.
Севергин, обер-секретарь Сената — 163.
Селиванов Агафон, служилый — 171.
Селиванов Стефан, гренадер — 63.
Серебренников Василий, казачий сын — 171.
Скорняков-Писарев, охотский командир — 49, 194.
Скребыкин Афанасий, подканцелярист — 167
Скребыкин Матвей, пятидесятник — 155, 156.
Скурихин Илья, служилый — 81.
Словцов П. — 5, 17, 19, 20, 193, 195.
Смирнова Ивана жена — 64.
Соболев Федор, есаул — 51.
Соболев Федор, шартовщик — 89.
Сокуев Иван, солдат — 89.
Солдатов Козьма, сотник — 190.
Солдатов Никифор, служилый — 88, 89.
Сорокоумов Михайла, служилый — 88.
Сорокоумов Обросим, служилый — 50, 51, 54, 57, 62.
Соснин Александр, кушец — 95.
Сосулин Федор, служилый — 61, 78.
Сойманов Федор, сибирский губернатор — 114, 196.
Спасский Г., редактор «Сибирского сборника» — 18, 192.
Сперанский М. — 20.
Спешнев Иван, подмастерье — 51—53, 57, 58, 60, 77.
Спиридонов Федот, служилый — 56, 61.
Стадухин Михаил, казак — 196.
Сталин И. — 21.
Старков Андрей, служилый — 88, 89.
Сторожев Николай, сержант — 123, 125, 129, 130.
Судницкий Ларион, подъячий — 138.
Суровцев Андрей, секретарь — 83.
Суровцев Григорий, служилый — 45.
Сухарев, сибирский губернатор — 160.
Сюрюков Потап, служилый — 28.
Тавач, монастырский дворовый — 71.
Тавач Тенивин, по крещению Нефед Лазарев, камчадал, участник восстаний 30-х и 40-х годов — 56, 59, 61—67, 69, 71, 75, 98, 99, 106.
Тавача, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Тадея — см. Дадей.
Такшеев Федор, капрал — 168, 173.
Тамалин Ичика, ясачный коряк — 169.
Танавели Яллач, ясачный коряк — 172.
Таннехлавол, коряк, участник восстания 40-х годов — 100.
Танния, участник восстания 40-х годов — 113.
Тарабыкин Алексей, служилый — 88, 89.
Таранкин Петр, матрос — 63.
Татаринов Иван Сергеевич, дьяк якутской приказной палаты — 35, 36, 39, 41.
Татаринов Иван, служилый — 64, 71.
Татаринов Иван, подъячий — 155.
Татаринов Петр, приказчик — 43—45.
Татьяна — см. Иттеня.
Теврюк, чукча — 165.
Тегича, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Тенева — см. Тенива.

Теневин Ивигин, ясачный коряк — 171.
Тенехка, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Тенива, по крещению Холщевников Петр, участник восстаний 30-х и 40-х годов — 63, 97, 113.
Тенивин Итатель — см. Итатель.
Тенивин — см. Тавач.
Теребляков Максим, служилый — 81.
Терешкин Иван, крещеный юкагир — 156, 157.
Тиак, участник восстаний — 40-х годов — 114.
Тибалов Федор, служилый — 49, 62, 63, 67, 68, 76.
Тиболов — см. Тибалов.
Тигиль, камчадал, участник восстания 1731 года — 59, 64—67, 69, 74, 75.
Тинивгин Яллах, ясачный коряк — 169.
Тиханов Максим, крещеный коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Тихменев П., автор «Исторического обозрения Российско-Американской компании» — 19.
Толдин Егор, промышленник — 156, 157.
Тонала, камчадал, участник восстания 1731 года — 56, 61.
Тонач, камчадал, участник восстания 1731 года — 66, 67.
Торской Дмитрий, служилый — 35.
Траурних Дорофей, воевода — 25, 36, 39, 41—43, 155.
Третьяков Захар, посадский — 64.
Третьяков Теневья, ясачный коряк — 171.
Трифонов Степан, дворянин — 44.
Трошин Петр, капитенармус — 88, 91, 167.
Тугуев Петр, промышленник — 43.
Тугуманов Еремка, юкагир — 26.
Туйна, коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Тулпуй, коряк — 44.
Туннева, корячка — 94, 95.
Тытавкин Нанылан, ясачный коряк — 169.
Тыкыетог, коряк, участник восстаний 40-х годов — 94, 95, 111, 112.
Тюляжин Омеля, чуванец — 28.
Тюхов Ананья, служилый — 64.
Уваровский Иван, казачий сотник — 45.
Уваровский Кирилл, комиссар — 125—127.
Уески, камчадал, участник восстания 1731 года — 59.
Улека, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Умьеву, коряк, участник восстания 40-х годов — 100.
Умьевушка, по крещению Колегов Стефан, коряк, участник восстания 40-х годов — 97—111, 196.
Унжаков Борис, разночинец — 180.
Урил, камчадал, участник восстания 1731 года — 59, 62—65, 67—69, 71, 73, 74.
Урин, камчадал, участник восстания 1731 года — 52, 53, 60, 64, 67, 69, 70, 72, 74.
Ухира, камчадал — 70.
Федор, сибирский митрополит — 10.
Федоров Леонтий, разночинец — 119.
Федоров, канцелярист — 163.
Феофан, архимандрит — 134, 136—138.
Фирсов, Н. — 17, 19.
Флавиан, иеромонах — 87, 144, 195.
Хабаров Ерофей, завоеватель Амурского края — 21.
Хаврат (Хаврот, Хавроткин), камчадал, участник восстания 1731 года — 64, 67. 69.
Хахитытт, коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Хале, коряк, участник восстания 40-х годов — 100.
Халеопов Умьева, ясачный коряк — 171.
Халюп, коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Хана — см. Кана.
Ханея, камчадал участник восстания 1731 года — 52, 53, 60, 64, 67, 69, 70, 72.
Хамахая Пыкыля, чукотский тойон — 190.
Харитонов Козьма, служилый — 46.
Харитонов Иван, служилый — 42.
Харитонов Семен, сын боярский — 134.
Харгышен, чукча — 186, 188.
Харчин Степан, камчадал, участник восстания 1731 года — 15, 56, 59, 62—66, 68, 69, 73, 74, 101, 195.
Харчин (Коржин) Федор, камчадал участник восстания 1731 года — 7, 15, 52, 53, 56, 57, 59, 61—69, 71—74, 195.
Хвавол, участник восстания 40-х годов — 113.
Харгитита — см. Хехгитита.
Харутач, аманат — 62, 63.
Хехгитита, чукча — 183, 184, 185.
Хобин, камчадал, участник восстания 1731 года — 60, 62, 63, 68.
Холмогоров Алексей, служилый — 72.
Холопов Ахамя, ясачный коряк — 171.
Холщевников Петр — см. Тенива.
Хомычев, камчадал, участник восстания 1731 года — 69.
Хорошев Григорий, служилый — 81.
Хотомначика, по крещению Невотчиков Иван — 96—98.
Хотунцевский Иосаф, камчатский архимандрит — 10, 16, 17, 96, 98, 99, 101, 105, 106, 110, 139, 143, 149, 196.
Чагач — см. Чегач.
Чаивыгин — см. Эвыгин.
Чамора — см. Чарома.
Чарома (Чамора), камчадал, участник восстания 1731 года — 66, 67.
Чаромаш, камчадал, участник восстания 1731 года — 62, 64, 67, 69.
Чаплин Стефан, тоен Харчина острога — 105, 111.
Чевигин — см. Эвыгин.
Чегач (Чагач, Чегач, Чегич, Чегоч, Чюгеч), по крещению Иконников Кирилл, камчадал, участник восстаний 30-х и 40-х годов — 63, 64, 67, 71, 99.
Чегеч — см. Чегач.
Чегита, участник восстания 1731 года — 59.
Чегич — см. Чегач.
Чегоч — см. Чегач.
Чежлев Иван, дьяк — 35.
Чеивитка — см. Эвыгин.
Черепанов Иван — 100.
Черепанов Спиридон — 49.
Черкасский, ближний боярин — 4, 8.

Чернеговский Михайло, служилый — 63.
Черной Иван, служилый — 88, 89.
Чернышевский Семен, приказчик — 155, 156.
Черных Леонтий, сборщик — 79.
Чешкин Тимофей, служилый — 81.
Чигин Сава, служилый — 63.
Чижевский Никита, крещеный коряк, участник восстания 40-х годов — 113.
Чингин, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Чириков Алексей, капитан — 81, 86.
Чириков Петр, приказчик — 16, 36—39, 41, 137.
Чирышев Евсей, служилый — 64, 66.
Чистяк — 16.
Чичерин Д., сибирский губернатор — 180.
Чоглоков, прапорщик — 85.
Чромаш — см. Чаромаш.
Чудинов Алексей, приказчик — 156.
Чурин Алексей, служилый — 51, 64, 71.
Чюгеч — см. Чегач.
Чюдинов Алексей, крещеный камчадал, участник восстания 1731 года — 64, 67.
Чюдинов Гаврило, полевой приказчик — 52, 53, 60.
Чюпров Василий — 56.
Чюрин — см. Чурин.

Шавырин Никита, служилый — 63.
Шамак, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Шамахана, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Шамаев Иван, служилый — 45, 46, 50.
Шангин Иван, сын боярский — 53, 75, 134.
Шанкин Стефан, служилый — 96, 100, 107.
Шатилов, капитан якутского полка — 12, 112, 115, 120—122, 162, 174, 176, 179, 180.
Шатилов Петр, пятидесятник — 176.
Шашков С. — 9, 10, 11.
Шемаев Прокопий, служилый — 88, 89.
Шербак, камчадал, участник восстания 1731—32 годов — 79.
Шестаков Афанасий, якутский казачий голова — 133, 134, 135, 138, 139, 158, 160, 194, 197.
Шехурдин Михаил, камиссар — 65, 70, 72.
Шибанов Григорий, казак, участник восстания 1711 года — 37, 39—41.
Шигин Иван, служилый — 64, 81.
Шипулов Алексей, служилый, — 94, 171, 186.
Шишкин Михайло, воевода — 35.
Шишкин Иван, служилый — 73, 78.
Шишкин Юрий, воевода — 35.
Шкадер, поручик — 50.
Шмалев, майор — 179, 196.
Шола, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Шолоч, ясачный камчадал — 62.
Шочка, камчадал, участник восстания 1731 года — 63.
Шпанберг Мартын, капитан — 83—86, 196.
Штинников Андрей, приказчик — 76, 196.
Шурков, солдат — 121, 122.

Щеглов Федор, служилый — 81.
Щербаков Семен, квартирмейстер — 125, 126, 127.
Щигин Иван, служилый — 49.
Щипунов Григорий, анадырский посадский — 171, 172.
Щипунов Михаил, казачий сын — 157.
Щочко — 16.

Эаткаманов Наяхала, по крещению Наумов Никита, крещеный коряк — 119, 120.
Эвек, коряк, участник восстаний 50-х годов — 127.
Эвелин Тенега, ясачный коряк — 169.
Эверстов Иван, комиссар — 76, 78, 79.
Эвлохов Бритва, ясачный коряк — 171.
Эвлохов Ивикка, ясачный коряк — 171.
Эвоиков Эвехкута, коряк, участник восстаний 40-х годов — 94, 95.
Эвонто, коряк — 28.
Эвыгин Чаивытин (Чевыгин, Чеивитка), коряк, участник восстаний 50-х годов — 119, 125—127.
Эвынто, коряк — 102, 105.
Эдчилка, коряк, участник восстаний 50-х годов — 132.
Эемид Эмптен, коряк, участник восстаний 40-х годов — 113.
Эимов Тыккыш, коряк, участник восстаний 50-х годов — 117.
Экиллей, коряк, участник восстаний 50-х годов — 132.
Экча, карагинский тоен, участник восстаний 40-х годов — 100, 101, 108, 113.
Эрангим Петр, новокрещеный, участник восстаний 40-х годов — 114.
Эучевьин Еткивун, коряк, участник восстаний 40-х годов — 118—120.

Юрганин Алексей, служилый — 87.
Юрганов Нил, монах — 138.
Юрлов Гаврило, служилый — 61.

Ядринцев Н. — 11.
Яков, новокрещеный — 64.
Ялахив Умьева, ясачный коряк — 169, 171.
Ярославцов Яков — 38.
Ярыгин Федор, служилый — 39, 194.
Яхинто, коряк — 171.
Яхыков Нокок, ясачный коряк — 169, 171.
Яхынков Итган, коряк — 171.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С. Б. Окунь. — Вступительная статья 3

А. Колониальная политика России на Камчатке в XVIII веке

I. Русские на Камчатке в конце XVII и начале XVIII века 25

Поход пятидесятника Атласова на Камчатку в 1697 г. — Восстание камчадалов в 1707—1711 гг. — Восстание казаков в 1711 г. и сведения о собранном на Камчатке ясаке с 1707 по 1718 гг.

II. Восстание камчадалов в 1731—1732 гг. 47

Экономическое положение камчадалов и «курильских иноземцев» накануне восстания 1731 г. — Начало восстания и первые о нем сведения. — Взятие русскими Нижнекамчатского острога и уход восставших на р. Еловку. — Поход солдата Змиева с командой бота «Гавриил» на р. Еловку для борьбы с восставшими камчадалами. — Причины, цели и ход восстания по показаниям пленных камчадалов. — Поход солдата Змиева и других для усмирения восставших камчадалов на рр. Озерную, Харюзову и Авагу в 1732 г.

III. Восстание камчадалов в 1741 году 81

Восстание в 1741 г. и походы прапорщика Левашова и «командира» Борисова против восставших камчадалов. — Правительственные меры для предупреждения восстаний камчадалов.

IV. Восстание коряков в 1745—1749 гг. и участие в нем камчадалов 87

Начало восстания коряков в 1745 г., методы борьбы и принимаемые меры для их усмирения. — Попытка совместного восстания коряков, камчадалов и чукчей и участие камчадалов в восстании коряков. — Поход поручика Кекерова против восставших коряков в 1749 г. — Расправа с руководителями восстаний 1745—1749 гг.

V. Восстание коряков в 1751—1754 гг. 115

Поход капитана Шатилова против восставших коряков в 1751 г. — Восстание аманатов в Анадырской крепости в 1751 г. — Восстание пленных коряков в Охотске в 1752 г. — Походы капитанармуса Байбородина и других против восставших коряков в 1753—1754 гг. — Расправа с участниками восстаний.

VI. Миссионерство и активная руссификация края 133

И. Козыревский и его «миссионерская деятельность». — Деятельность камчатской духовной миссии.

VII. Ясачное население Камчатки во второй половине XVIII века 150

Сведения о количестве ясачного населения и о количестве крещеных туземцев.

Б. Колониальная политика России на Чукотке в XVIII веке

I. Военные действия и политика царизма по отношению к чукчам в первые десятилетия XVIII века 155

Походы против чукчей в 1701 г. — Походы против чукчей в 1711 г. — Походы против чукчей в 1730—1731 гг. — Политика России в борьбе с чукчами и сведения о них, начала 40-х гг. XVIII в.

II. Активизация наступательной политики царизма против чукчей (40-е и 50-е гг. XVIII в.). 162

Решение Сената об окончательном истреблении «немирных чюкч». — Походы майора Павлуцкого против чукчей в 1744—1747 гг. — Походы капитана Шатилова против чукчей в 1751—1752 гг. — Начало частичного покорения чукчей.

III. Сведения о чукчах и жителях островов Берингова пролива, собранные в 50-х и 60-х годах XVIII в. 180

Материалы о чукчах и жителях «Большой Земли», представленные сибирским губернатором Чичериным Екатерине II.

IV. Частичное покорение чукчей 188

Награждение чукотских тойнов. — Ходатайство чукчей о возобновлении Анадырской крепости.

Приложения

Примечания 193

Словарь малоупотребительных слов, встречающихся в тексте 199

Указатель географических названий 200

Указатель имен 203

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
Ленинград 24, Обводный 15/17. Тел. 1-67-67 и 22-76

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Том I. Морган Л. Г. „Древнее общество", перевод под ред. М. О. Косвена. С портретом автора. Со статьей Фр. Энгельса „К доистории семьи". Предисловие Я. П. Алькора. Стр. XVI+350. Цена в переплете 11 р.

Том II. Морган Л. Г. „Дома и домашняя жизнь американских туземцев", перевод под ред. М. О. Косвена. Предисловие Я. П. Алькора. (Вкладка — четырехцветка. 56 иллюстраций). Стр. VIII+196. Цена 10 р.

Том III. Штернберг Л. Я. „Семья и род у народов Северо-Восточной Азии" С портретом автора. Со статей Фр. Энгельса „Внов открытый случай группового брака". Предисловие Я. П. Алькора. Стр. XIX + 187. Цена 7 р.

Том IV. Штернберг Л. Я. „Первобытная религия в свете этнографии" (печатается). Стр. 560 Цена 15 р.

Том V. Богораз В. Г. „Чукчи", ч. I. История и социальный строй. С портретом автора. Стр. XXX+192. Цена 10 р.

Том VI. Богораз В. Г. „Чукчи", ч. II. Религия и мифология. (печатается) Цена 10 р.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ

Том I. Сборник документов по истории народов Якутии в XVII и XVIII вв., под ред. Б. Д. Грекова. Издание совместно с Археографическим институтом Академии Наук (печатается). Стр. 360. Цена 10 р.

Том II. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, под ред. Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Со вступительной статьей С. Б. Окуня. Издание совместно с Центрархивом. Стр. 212. Цена 8 р. 70 к.

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА

Том I. Вып. 1-2—Терлецкий П. Е. „Население крайнего Севера". Стр. 64 Цена 1 р. 20 к.

Вып. 3—Крейнович Е. А. „Гиляцкие числительные". Стр. 24. (распродано)

Вып. 4-5—Косвен М. О. „Л. Г. Морган. Жизнь и учение". Стр. 72. Цена 1 р. 60 к.

Цены на невыпущенные издания указаны ориентировочно

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Блюхеровский пер. 8, КОГИЗ. Сектор партийно-комсомольской литературы.

Ленинград, Пр. 25 Октября, 29. Магазин Академии Наук.

Обводный, 15/17, Издательство Института народов Севера.

3-8